

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
МОУ ВО
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ)
УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

СУЛТАНОВА РАФОХАТ МИРЗОЕВНА

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
ТАДЖИКСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор Салимов Р.Д.

Душанбе – 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ: МЕТАФОРА И МЕТОНИМИЯ	18
I.1. Метафора.....	18
I.1.1. Аспекты исследования метафоры в зарубежной лингвистике.....	18
I.1.2. Теоретические основы исследования метафоры в таджикском языке.....	28
I.1.3. Системность метафор в таджикском языке.....	40
I.1.4. Особенности передачи таджикских метафорических единиц на русский язык.....	60
I.2. Метонимия.....	76
I.2.1. Теоретические предпосылки изучения метонимии в русской лингвистике.....	76
I.2.2. К вопросу об изучении метонимии в таджикском языке.....	86
I.2.3. Типология метонимических переносов в таджикском языке.....	95
I.2.4. Использование переводческих трансформаций при передаче таджикских метонимизированных единиц на русский язык.....	106
Выводы по первой главе.....	119
ГЛАВА II. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНЕНИЕ И ЭПИТЕТ	123
II.1. Сравнение.....	123
II.1.1. Лингвистическая природа, функции и типология сравнения.....	123
II.1.2. Теория сравнения в трудах отечественных ученых.....	132

II.1.3. Языковая репрезентация предмета и образа сравнительных конструкций в таджикском языке.....	143
II.1.3.1. Предмет сравнения компаративных конструкций.....	144
II.1.3.2. Образ сравнения компаративных конструкций.....	154
II.1.4. Типы трансформаций при передаче таджикских сравнительных конструкций на русский язык.....	168
II.2. Эпитет.....	181
II.2.1. Понятие и общая характеристика эпитета как средства выразительности лексического уровня.....	181
II.2.2. Освещение теории эпитета в таджикской филологии.....	190
II.2.3. Лингвистический анализ эпифраз таджикского языка.....	199
II.2.3.1. Морфологические и структурные типы эпитетов	199
II.2.3.2. Семантическая типология единиц, выступающих в роли компонентов эпифразы.....	209
II.2.4. Способы передачи таджикских эпифраз на русский язык.....	218
Выводы по второй главе.....	227
ГЛАВА III. ЯЗЫКОВАЯ ПРИРОДА СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ АНТИТЕЗЫ, ГИПЕРБОЛЫ И ИРОНИИ	
III.1. Антитеза.....	231
III.1.1. Антитеза: аспекты исследования.....	231
III.1.2. Теоретические основы описания антитезы в таджикском языке.....	238
III.1.3. Структурно-семантическая классификация антитезных выражений в таджикском языке.....	248
III.1.4. Специфика перевода таджикских антитез на русский язык.....	259
III.2. Гипербола.....	268
III.2.1. Гипербола и аспекты ее изучения в русской лингвистике.....	268
III.2.2. Теоретические предпосылки изучения гиперболы в	

таджикском языке.....	277
III.2.3. Лингвистический анализ гиперболических высказываний таджикского языка.....	283
III.2.4. Проблема передачи таджикских гиперболизированных единиц на русский язык.....	295
III.3. Ирония.....	302
III.3.1. Теория иронии в русской лингвистике.....	302
III.3.2. Основы теоретических исследований иронии в таджикской филологии.....	308
III.3.3. Вербальная репрезентация иронии в таджикской художественной литературе.....	311
III.3.4. Отображение таджикских иронических выражений в русском языке.....	318
Выводы по третьей главе.....	325
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	329
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	345
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	346
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	371

ВВЕДЕНИЕ

Интерес современных исследователей к вопросам языковой теории и практики, в частности к проблемам функционирования языка, наметил тенденцию всестороннего изучения зафиксированных в языке различных граней человеческого бытия. Комплекс существенных внешних факторов, выдвинувших лингвистику на одно из лидирующих мест в системе современного научного миропонимания, репрезентирован повышенным вниманием к человеку как производителю и потребителю, возрастающим интересом к отдельным культурам и языкам на фоне глобализации межнациональных связей, к исследованиям закономерностей языка и мышления, языка и общества, языка и культуры. Лингвистика последних десятилетий характеризуется антропоцентрической направленностью, ориентацией на проблему «человека в языке».

Существенным аспектом воспроизведения «человека в языке», бесспорно, является экспликация эмоциональности, оценочности и выразительности в языке. Первые попытки интерпретации средств образного построения речи, усиления ее эмоциональности и повышения ее выразительности были предприняты еще в античные времена. «Риторика» и «Поэтика» Аристотеля являются основным памятником античных теорий о совокупности приемов языковых средств для выражения тех или иных идей и мыслей. Изложенные в них основные теоретические положения не потеряли своей актуальности и в настоящее время, в частности система взглядов об эстетике языкового выражения, о красоте слова, передающейся в сочетании значения и звучания, о переносе значения слов и образности речи.

Наследию античной школы придавалось огромное значение и в средневековых школах риторики, где очень скрупулезно изучали и умело организовывали систему пользования языковыми средствами.

Вместе с тем, несмотря на многовековое конструктивное исследование образных средств языка, активные поиски способов их описания нельзя считать завершенными. Сложившиеся за это время теории и гипотезы относительно категории выразительности языка крайне разнообразны и порой противоречивы. Многие понятия и термины этой отрасли происходят из риторики и на протяжении столетий не претерпели изменений, однако достигнутый лингвистикой высокий уровень исследования делает возможным их новую, более четкую интерпретацию.

Современная наука предлагает новый подход к интерпретации выразительных средств, который построен на оппозиции между нормой и отклонениями от нормы, что подразумевает дифференциацию единиц на традиционно обозначающих и ситуативно обозначающих. Проблемы отклонений от нормы становятся насущными, поскольку стилистический эффект определяется именно ими, а сущность языка художественного текста заключается, как правило, в нарушении норм.

На современном этапе развития лингвистики при анализе языка художественных произведений исследователи оперируют такими терминами, как «стилистические средства», «стилистические приемы», «экспрессивные средства языка», «выразительные средства языка», «образные средства языка», «изобразительные средства языка», «тропы», «фигуры речи», используя их преимущественно в качестве тождественных понятий.

Функциональная классификация языковых средств, имеющая многовековую историю и сохраняющая актуальность в наши дни, предполагает выделение изобразительных и выразительных средств. При этом к изобразительным средствам языка относят различные виды образного употребления слов и словосочетаний. Изобразительные средства преимущественно принадлежат к лексическому уровню и служат для описания объектов и явлений. Выразительные средства,

будучи единицами синтаксического уровня, в отличие от изобразительных не создают образов и ассоциаций, но придают или усиливают выразительность целого высказывания и повышают его эмоциональность в зависимости от выполняемой этим средством функции и занимаемой им позиции в высказывании. Другими словами, изобразительными средствами называют все разновидности тропов, а выразительными – стилистические фигуры.

Деление стилистических языковых средств на изобразительные и выразительные, на наш взгляд, относительно, ввиду того что функциональный потенциал изобразительных средств включает и экспрессивную функцию, а выразительные средства наделены функцией создания образности, изобразительной функцией.

Современные классификации выразительных средств в качестве критерия разграничения рассматривают принцип поуровневого подхода, а также принцип парадигматической и синтагматической дифференциации.

Поуровневая классификация выразительных средств представляет собой распределение по языковым уровням, различая средства выразительности в зависимости от соответствующего уровня, а именно: 1) фонетического (звукопись, звукоподражание, звуковой символизм, аллитерация, ассонанс, звуковая эпифора, звуковая анафора), 2) лексического (синонимы, антонимы, омонимы, паронимы, тропы); 3) морфологического (коннотационный потенциал аффиксов, моделей и типов словообразования; категориальные грамматические средства, в частности, частеречные) и 4) синтаксического (стилистические фигуры).

Систематизация стилистических средств языка по принципу сходства элементов и сходства позиций состоит в разграничении средств на парадигматические и синтагматические. Парадигматические средства имеют ассоциативный характер и основаны на переносе значения, точнее, на соотношении используемого автором слова с не

представленной в тексте единицей языка, которой отдано предпочтение. Парадигматические отношения строятся на основе сходства, контраста, сопоставления, тождества, нарочитого преувеличения или преуменьшения.

Синтагматические средства основываются на расположении языковых единиц (слов, словосочетаний, предложений) в тексте, на линейном характере текста, то есть заключаются в особо построенных словесных конструкциях.

Рассматривая вопросы синонимичности таких понятий как «выразительные средства языка» и «стилистические приемы», большинство исследователей сходятся во мнении о проблематичности их четкого разграничения. Стилистический прием может быть противопоставлен выразительному средству только с позиций «сознательной литературной обработки языкового факта» [Гальперин, 2004: с.36]. Другими словами, выразительные средства языка, независимо от их уровневой принадлежности, будучи маркированными фактами языка и имея лингвистическую природу, могут выступать объектом изучения разных разделов лингвистики: лексикологии, грамматики, фонетики и стилистики. Однако в связи с их употреблением в различных стилях речи и полифункциональности, они также становятся объектом изучения стилистики и приобретают статус стилистических приемов.

Подобные суждения ставят под сомнение целесообразность дифференциации эти двух понятий, поскольку реципиенту, воспринимающему эмоционально-эстетическую художественную информацию, сложно определить, подверглась ли конкретно взятая единица сознательной литературной обработке или нет. Исходя из вышеизложенного, в настоящем исследовании данные понятия рассматриваются как тождественные.

В русском языкознании проблемы исследования средств выразительности в свое время разрабатывали М.В.Ломоносов,

Г.О.Винокур, В.В.Виноградов, А.М.Пешковский; их идеи нашли свое продолжение в области стилистики в трудах И.В.Арнольд, В.А.Кухаренко, И.Р.Гальперина, В.П.Москвина, Ю.М. Скребнева и многих других.

В отечественной лингвистике изобразительно-выразительные средства языка, в частности проблемы определения их природы, особенностей их функционирования в таджикском языке и художественной литературе и множество других проблем, связанных с функциональным потенциалом образных языковых средств, их таксономией, структурой и семантикой, до настоящего времени не становились объектом научных исследований. Научные изыскания, в той или иной мере имеющие отношение к проблемам изучения средств выразительности, носят единичный характер и затрагивают преимущественно литературоведческий аспект. В связи с этим исследование выразительных средств таджикского языка приобрело особую актуальность.

Данная диссертационная работа посвящена изучению средств выразительности в таджикском языке и выявлению особенностей их описания, типологии и функционирования в русском и таджикском языках в сопоставительном плане, а также установлению специфики передачи таджикских средств выразительности на русский язык.

Актуальность работы обусловлена не только отсутствием работ, выполненных в сопоставительном ключе и посвященных комплексному анализу образных средств языка, а также недостаточной разработанностью теории стилистических приемов в таджикском языке, но и тем, что сопоставительное изучение выразительных средств языка способствует установлению универсальных и специфических черт в лингвостилистике таджикского и русского языков. Вместе с тем актуализация выразительных средств языка в качестве лингвистических феноменов продиктована бурным развитием лингвистики, задачами

которой является исследование слова в его грамматическом, семантическом, коммуникативном и функционально-стилистическом аспектах.

Объектом исследования являются такие средства выразительности лексического и лексико-синтаксического уровней таджикского и русского языков, как метафора и метонимия, эпитет и сравнение, антитеза и ирония, гипербола и литота.

Предмет исследования – лингвистический статус стилистических средств таджикского и русского языков, их функционально-стилистические и структурно-семантические характеристики.

Цель диссертационного исследования заключается в демонстрации лингвистического статуса стилистических средств, в выявлении и систематизации средств выразительности, функционирующих в таджикском языке и художественных текстах современных таджикских писателей, с последующим осуществлением их сопоставительного анализа в лингвистическом и структурно-семантическом аспектах.

Указанная цель исследования предполагает решение **следующих задач:**

- охарактеризовать теоретические основы изучения изобразительно-выразительных средств в русской и таджикской лингвистике;
- выявить корпус таких изобразительно-выразительных средств таджикского языка, как метафора и метонимия, эпитет и сравнение, ирония и антитеза, гипербола и литота;
- представить системность метафор в таджикском языке в сравнении с русским языком;
- определить типологию метонимических переносов в таджикском языке;
- осуществить языковую репрезентацию предмета и образа сравнительных конструкций таджикского языка;

- описать морфологические и структурные типы эпитетов таджикского языка;
- представить семантическую типологию единиц, выступающих в роли компонентов э피фразы;
- провести структурно-семантическую классификацию таджикских антитезных конструкций;
- подвергнуть лингвистическому анализу гиперболические высказывания;
- выявить способы языковой репрезентации иронии в современной таджикской художественной литературе;
- сопоставить особенности функционирования средств выразительности в русском и таджикском языках;
- определить способы и особенности передачи таджикских средств выразительности на русский язык.

Материалом для исследования послужили лексические единицы, извлеченные методом сплошной выборки из «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» [ФТЗТ, 2010], «Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ» [ФТР, 2006], из текстов современной таджикской малой прозы на таджикском языке и их переводов на русский, в частности произведений таких современных таджикских писателей, как Бахманёр (переводчик Х.Хамракулова), Мехмон Бахти (переводчик Н.Рабимдухт), Урун Кухзод (переводчик А.Машин), Саодат Одиназода (переводчик Т.Эмин), Абдулхамид Самад (переводчик А. Джамал), Сорбон (переводчик С.Вершинин), Саттор Турсун (переводчики А.Орлов, Л.Кандинов), Бахром Фируз (переводчик Н.Алембекова), Ато Хамдам (переводчик Л.Чигрин). Всего в исследовании проанализировано около 500 примеров из лексикографических источников и около 3000 контекстов на таджикском и русском языках, содержащих соответствующий иллюстративный материал.

Методологическую базу исследования составили исследования средств выразительности в трудах зарубежных лингвистов в рамках изучения: стилистики – Аристотель, М.В.Ломоносов, Ш.Балли, И.А.Бодуэн де Куртенэ, И.В.Арнольд, Н.Д.Арутюнова, В.В.Виноградов, И.Р.Гальперин, И.Б.Голуб, В.П.Москвин; метафорологии – Дж.Лакофф, В.Н.Вовк, В.Г.Гак, Н.Д.Бессарабова; теории метонимии – М.В.Бондаренко, О.Э.Королева, А.Л.Новиков; теории эпитета – А.В.Павшук, Т.М.Фадеева; теории сравнения – М.В.Беззубикова, А.В.Камышова; теории антитезы – Е.С.Корюкина, Е.Б.Плаксина; теории гиперболы и литоты – Л.П.Крысин, Е.В.Поликарпова; теории иронии – Ю.В.Каменская, Ю.А.Кирюхина, Т.Н.Клименко; теории перевода – Т.А.Казакова, В.Н.Комиссаров, А.В.Паршин; в трудах отечественных литературоведов и лингвистов: Т.Зехни, Ю.Бобоева, Х.Шарифова, С.Ш.Табарова, Х.Мирзозода, Р.Ходизода, Т.Атаханова, М.Косимовой, Б.Камолиддинова, Х.Маджидова, М.Саломова и др.

Новизна исследования заключается в том, что впервые подвергается теоретическому изучению и комплексному анализу система выразительных средств таджикского языка. Определяется лингвистический статус метафоры и метонимии, эпитета и сравнения, антитезы и иронии, гиперболы и литоты, выявляются их функционально-стилистические и структурно-семантические характеристики, функциональный потенциал, особенности типологии и способы их передачи на русский язык. Новизна исследования также состоит в том, что впервые предлагается комплексное монографическое описание средств выразительности, используемых в таджикском и русском языках в сопоставительном, функционально-стилистическом и структурно-семантическом аспектах. Впервые объектом научного исследования становится современная таджикская малая проза, к переводческому анализу привлекаются тексты рассказов современных таджикских писателей (на таджикском и русском языках), выявляются

стилистические и грамматические трансформации, используемые при передаче средств выразительности таджикского языка на русский язык.

Теоретическая значимость исследования обусловлена поставленной целью и заключается в формировании новых знаний в изучении системы образных средств таджикского языка и параллельном их сопоставлении с системой образных средств русского языка. Функционально-стилистическое исследование выразительных средств таджикского языка и их переводческий анализ является необходимым для понимания национального менталитета носителей сопоставляемых языков. Структурно-семантический вектор изучения средств выразительности лексического и лексико-синтаксического уровней позволяет диаметрально изменить сложившиеся в таджикской науке мнения о средствах выразительности как о литературоведческих понятиях и способствует определению их лингвистической природы и сущности. Различные аспекты исследования средств выразительности таджикского и русского языков расширяют лингвистическое представление о метафоре и метонимии как средствах вторичной номинации, об эпитетах и сравнительных конструкциях, об антитезных и гиперболизированных выражениях, о компонентах иронического дискурса, способствуют дальнейшей разработке и обогащению теоретических аспектов стилистики сопоставляемых языков.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что сформулированные по результатам исследования выводы могут быть использованы в восполнении лакун в области стилистики таджикского языка, при создании сопоставительной стилистики как самостоятельного раздела языкознания, при создании двуязычных словарей. Представленный в работе обширный языковой материал может быть полезен в практике преподавания лекционных и практических занятий по русскому и таджикскому языкам, при разработке учебно-методической литературы, составлении учебных пособий по

лексикологии и стилистике таджикского языка, теории и практике перевода, сопоставительной типологии. Полученные результаты целесообразно использовать при изучении средств выразительности других уровней, что будет содействовать более глубокому изучению национальной языковой картины мира.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В таджикском и русском языках изобразительно-выразительные средства лексического и лексико-синтаксического уровней - метафора, метонимия, сравнение, эпитет, антитеза, гиперболы, литота, ирония, являются языковыми единицами и имеют лингвистический статус.

2. Метафора, будучи средством выразительности лексического уровня, выражается посредством надления слова переносным значением на основе сходства двух явлений. В таджикском языке различают явную и скрытую метафору, в русском - языковую и речевую. Метафорический перенос значения в сопоставляемых языках производится в пределах 5 семантических сфер, из которых общими являются переносы по модели «Предмет-Предмет», «Предмет-Физический мир», «Предмет-Психический мир», «Человек-Человек», «Предмет-Человек», «Физический мир-Психический мир».

3. Процесс метонимизации в таджикском языке, в отличие от русского языка, может развиваться не только на смежности значений, но и на основе любого признака предмета, кроме признака сходства. Из пяти известных типов связи смежных денотатов метонимический перенос в таджикском языке осуществляется преимущественно по каузативному типу. В отличие от русского, в таджикском языке метонимический перенос производится не только в пределах одной части речи, но и в рамках других частей речи.

4. В отличие от русского языка, сравнение в таджикском языке подвергается семантической дифференциации. В структурном плане, несмотря на идентичное оформление и состав компаративных

конструкций, наблюдаются различия в теоретическом истолковании. Таджикские компаративные конструкции являются четырехкомпонентными и состоят из предмета, образа, основы и показателя сравнения. Предмет сравнения в компаративных конструкциях таджикского языка преимущественно представлен номинациями объектов антропологической сферы, а образ – натурфактными объектами.

5. Превалирующая часть эпитетов в таджикском и русском языках имеют адъективное выражение. Используемые в таджикских художественных текстах эпитеты репрезентируются преимущественно адъективами, определяющими субъект, характеризующими лицо, а также указывающими на физические свойства, причем наибольшее количество субстантивов эпифраз из сферы натурфактов и антропологической сферы.

6. В отличие от большого числа таксономий антитез в русском языке, в таджикском языке антитезы дифференцируются только по одному критерию: различаются языковой, контекстуальной и тематической видами антитезы. Функционирующие в художественных текстах антитезные выражения представлены большей частью разнокорневыми узуальными антонимами, простыми, однокомпонентными коррелятами.

7. В сопоставляемых языках литота рассматривается в качестве «малой гиперболы». В противовес множеству выдвигаемых в русской лингвистике классификаций, основанных на различных критериях дифференциаций, в таджикском языке выделяют только две разновидности гиперболы – *игроқ* и *гуллув*.

8. Наиболее продуктивными репрезентантами иронии в сопоставляемых языках являются пословицы и идиомы. Ирония также может быть представлена различными стилистическими средствами.

9. Передача таджикских средств выразительности на русский язык осуществляется преимущественно точно и полно. Используемые в процессе перевода стилистические трансформации способствуют адекватной передаче исходного текста. Сохраняется оригинальность стиля таджикских авторов, выразительность стилистических приемов и смысловое содержание текстов.

Методы исследования. Решению поставленной цели в наибольшей степени отвечают методы сравнительно-сопоставительного, описательного анализа с применением приемов наблюдения, интерпретации, обобщения, классификации языкового материала. На разных этапах исследования применялись следующие методы: метод анализа научной литературы по теме исследования, изучение и сопоставление отечественного и зарубежного опыта в рамках анализируемой проблемы; метод сплошной выборки языкового материала; метод традиционного лингвостилистического анализа, который позволил выделить образные средства выразительности; при описании семантических и структурных особенностей компонентов сравнительных конструкций, эпитетов, антитезных и гиперболизированных выражений широко применялся метод компонентного и структурно-семантического анализа; при выявлении сочетаемости выразительных средств в тексте был использован метод контекстуального анализа; для обработки результатов исследования - метод количественного анализа.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования, его теоретические и практические аспекты обсуждались на заседаниях научно-теоретических семинаров кафедры русского языка (2017-2020); были представлены в докладах и опубликованы в сборниках материалов научных конференций разного уровня: ежегодных республиканских научно-практических конференциях, организованных кафедрой русского языка: «Проблемы формирования вторичной

языковой личности на занятиях в школе и вузе» (2020), «Лингвистические основы преподавания русского языка в школе и вузе» (2021); традиционных вузовских научно-практических конференциях (XXI-XXV «Славянские чтения» - 2017-2021); ежегодных международных научно-практических конференциях, организованных факультетом русской филологии, журналистики и медиатехнологий «Актуальные проблемы филологии и лингводидактики» (2016-2020); республиканских научно-практических конференциях «Наследие С.Айни в контексте современных проблем филологии» (2018); «Актуальные проблемы преподавания русского языка в современной языковой ситуации» (2017); на международных научно-практических конференциях «Роль Российско-Таджикского (Славянского) университета в становлении и развитии науки и инновационного образования в Республике Таджикистан» (2016); «Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка» (2016); «Актуальные проблемы русской филологии, сравнительной типологии и перевода» (2016); «Интеграционные процессы в науке в современных условиях» (Казань, 2016); «Русский язык в межкультурном диалоге: Проблемы функционирования и преподавания русского языка в персоязычных странах» (2016); «Русский язык и литература: современные проблемы и инновационные пути развития» (2017); «Русский язык и литература в странах СНГ: статус, проблемы и перспективы» (2017); «Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире» (Екатеринбург, 2017); «Образование и наука в современных реалиях» (Чебоксары, 2020).

По теме исследования опубликованы 2 монографии, 47 статей, 22 из них в журналах, входящих в обновленный реестр ВАК РФ, 1 – в журнале, индексируемом Web of Science, 1 учебное пособие.

Объем и структура работы. В соответствии с поставленной целью и задачами диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложений.

ГЛАВА I
ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ:
МЕТАФОРА И МЕТОНИМИЯ

I.1. Метафора

I.1.1. Аспекты исследования метафоры в зарубежной лингвистике

В последние десятилетия интерес ученых к метафоре приобрел тотальный характер. Явление метафоры стало объектом внимания философов, психологов, психолингвистов, логиков, литературоведов, стилистов, семасиологов. Основанием тому послужили преобразования, происходящие в системе современного знания о мире, проблемы вербализации научного знания. Так, отмечая возросший интерес к механизмам метафоризации и метафорогенной деятельности человека, О.Н.Лагута констатирует: «Метафору трудно ограничить рамками ментально-языковой деятельности говорящего, в сущности, метафорогенная деятельность человека — это еще одно «то», что отличает нас всех от прочих земных созданий. Сам термин «метафора» давно вышел за рамки поэтико-риторического употребления. Как метафорические рассматриваются даже элементы ландшафта, предметы дизайна, исторические и социальные события, художественные стили и средства, направления в развитии информационных технологий и т.п. Метафора — «не просто языковой и / или речевой знак, «неясный» троп, ментальный механизм, поведенческий акт, а результат сложнейшей, иерархически (причем не линейно) организованной коммуникативной деятельности человека» [Лагута, 2003: с.5].

Но, согласно точке зрения Г.Н.Скляревской, «метафора, прежде всего, языковое явление и потому должна в первую очередь получить исчерпывающую интерпретацию в лингвистике» [Скляревская, 1993: с.3].

Первоначальный интерес к метафоре был проявлен еще Аристотелем, который видел в метафоре способ номинации предмета

или явления «не принадлежащим ему именем» посредством сходного или сопоставленного элемента [Аристотель, 2010: с.68]. Другими словами, по Аристотелю, метафора – это путь достижения переосмысления семантики слова на основе сходства. Именно Аристотель впервые классифицировал метафоры: «Метафора – перенесение слова с изменением значения из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [Аристотель, 2010: с.66]. Однако, исследуя вопросы риторики и поэтики, Аристотель рассматривал метафору не как языковое явление, а как фигуру речи. Тем не менее на современном этапе развития языкознания можно констатировать, что метафора как неотъемлемая часть языка, выполняющая коммуникативные, номинативные и познавательные функции, сформировалась в глубинах античной науки. Так, Цицерон интерпретирует понятие «метафора» как образование новых, необходимых языку значений, когда перенос происходит «ввиду отсутствия в языке соответствующего понятию слова» [Античные теории, 1996: с.218]. В свою очередь Квинтилиан утверждал, что «метафора дарована нам самой природой и содействует тому, чтобы ни один предмет не остался без обозначения [Античные теории, 1996: с.218]. Таким образом, можно считать, что уже в античные времена были заложены основы лингвистической концепции метафоры.

В современной науке можно выделить множество направлений исследования языковой метафоры, например, семасиологическое, призванное изучать семную структуру метафоры, а также образующие метафорическое значение семантические процессы (В.Г.Гак, Д.Н.Шмелев, Н.Д.Арутюнова, И.А.Стернин).

Другим направлением является ономасиологическое, которое рассматривает метафору с позиции ее предметной отнесенности (В.Н.Телия, А.Ф.Журавлев), третьим – гносеологическое направление, исследующее метафору как средство членения мира и репрезентации действительности (С.С.Гусев, Г.Г.Кулиев, Л.Г.Лузина).

Можно перечислить еще ряд направлений, затрагивающих проблемы формирования, структуры, функционирования метафоры, например, лексикографическое (Л.В.Щерба, В.В.Виноградов, И.Р.Гальперин), лексикологическое (В.К.Харченко, Г.Н.Скляревская, Э.В.Васильева), лингвистико-литературоведческое (Б.А.Ларин, Р.Якобсон, Л.С.Ковтун, Н.А.Кожевникова), экспрессиологическое (В.А.Звегинцев, И.В.Арнольд, Т.А.Трипольская, Е.В.Скворецкая) и др. Существующее на сегодняшний день огромное количество практических разработок, продуктивных идей, заслуживающих внимания толкований фактического материала весьма разнородно и противоречиво. В этой связи примечательно замечание Г.Кулиева о масштабности исследования метафоры: «в самом факте постоянного обращения к данной теме заключено и признание ее неисчерпаемости» [Кулиев, 1987: с.81].

Поскольку цель настоящего исследования заключается в выявлении механизмов и особенностей функционирования метафоры в художественном тексте, описании ее лингвистических свойств, нами избрано лингво-стилистическое направление.

Как было отмечено ранее, существующие на сегодняшний день исследования относительно понятия метафоры разноречивы, что обуславливает противоречивость понимания языковой метафоры как лингвистической категории. На протяжении многовековой истории изучения метафоры как языкового явления, так и не был решен вопрос о ее двойственной природе - как языкового средства и как поэтической фигуры. Так, будучи языковым явлением, метафора интерпретируется многими исследователями как фигура речи, художественное средство, троп. Например, в словарной статье, посвященной метафоре, в Словаре лингвистических терминов О.С.Ахмановой зафиксировано: «Троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т.п.» [Ахманова, 2004: с.231-232], в энциклопедии «Русский язык» приведена следующая дефиниция: «Троп

или фигура речи, употребление слова, обозначающего некоторый класс объектов, явлений, действий или признаков для характеристики или номинации другого, сходного с данным класса объектов или индивида» [Караулов, 1997: с.221].

Попытки дифференцировать эти понятия, заключающиеся в замене литературоведческого термина «метафора» на лингвистический «метасемема», не увенчались успехом.

О разграничении литературоведческого и лингвистического понимания термина «метафора» говорит Г.Н.Скляревская, которая в своей монографии «Метафора в системе языка» отмечает: «Утвердившись в современной лингвистике в статусе языкового явления, языковая метафора тем не менее обычно объединяется с художественной (индивидуально-авторской) метафорой как единый объект. Исследователь, выдвинув постулат языкового статуса метафоры как вторичной косвенной номинации, выстраивает при этом свою концепцию на материале художественной речи, метафорический строй которой бывает весьма далек от метафорического строя общенародного языка» [Скляревская, 1993: с.12].

В настоящей работе базовым понятием языковой метафоры является вторичное косвенное наименование при безусловном соблюдении двух планов - семантики и образного компонента. Подобная интерпретация языковой метафоры одновременно интегрирует ее с тропом и дифференцирует по лингвистическим признакам.

На первичность и первожданность языковой метафоры указывает и Цицерон: «Подобно тому как одежда, сперва изобретенная для защиты от холода, впоследствии стала применяться также и для украшения тела и как знак отличия, так и метафорические выражения, введенные из-за недостатка слов, стали во множестве применяться ради услаждения» [Античные теории, 1996: с.218].

Дальнейшие исследования этого феномена были проведены путем «украшений» и «знаков отличия», то есть на основе поэтической теории метафоры Аристотеля. Только в XX веке Ш.Балли сумел противопоставить языковую метафору поэтической, показав тотальную метафоризацию языка [Балли, 2009].

В исследованиях различных лет можно встретить ряд терминов, в частности поэтическая, индивидуально-авторская, окказиональная, речевая, тропеическая метафоры, которые можно объединить одним общим традиционным термином - «художественная метафора». Ряд ученых (М.Верли, Н.Д.Арутюнова) утверждают, что художественная и языковая метафора – это два схожих понятия, рассматриваемые как единое целое. Другие (В.В.Виноградов, Р.Якобсон) отмечают достаточно различий, чтобы рассматривать их как самостоятельные понятия. Одним из таких дифференциальных признаков может выступать их лексический статус. Языковая метафора, будучи самостоятельной лексической единицей, имеет способность свободно вступать в семантические связи, реализоваться в различном лексическом окружении. Художественная метафора, в противовес языковой, не обладает лексической сочетаемостью и полностью зависит от конкретного контекста, поскольку его коннотативные признаки сосредоточиваются лишь в одном лексическом наборе.

И.Р.Гальперин, определяя метафору в качестве одного из путей образования новых значений слов и новых слов, выделяет понятия «языковая метафора» и «речевая метафора», ссылаясь при этом на то, что в отдельных исследованиях различают языковую и поэтическую метафору. В частности, он характеризует речевую метафору как «создание творческого воображения автора», которое всегда должно быть свежим и оригинальным, в то время как языковая - «выразительное средство языка, существующее в языке наряду с другими средствами выражения мысли для более эмоциональной, образной интерпретации

описываемых явлений». В отличие от других ученых, отмечающих свободное функционирование языковой метафоры независимо от контекста, И.Р.Гальперин считает необходимым условием для любого вида метафоры обязательное отношение предметно-логического и контекстуального значений [Гальперин, 2012: с.128].

Примечательно в этом аспекте высказывание Г.Н.Скляревской, согласно которой между языковой и художественной метафорой «обнаруживаются глубокие различия принципиального характера. Языковая метафора имеет системный характер, объективна (отражает коллективные предметно-логические связи), выполняет коммуникативную функцию, «анонимна», воспроизводима. Художественная метафора внесистемна, субъективна (отражает индивидуальный взгляд на мир), выполняет эстетическую функцию, сохраняет «авторство», обладает максимальной синтагматической обусловленностью, уникальна, невоспроизводима» [Скляревская, 1993: с.37].

Тем не менее, поддерживая взгляды большинства ученых, чьи работы так или иначе посвящены лингвистическому анализу метафоры, мы склонны рассматривать языковую и художественную метафору как единый объект. Теоретической аргументацией нашего подхода может послужить данное В.Н.Телией обоснование: «Факты авторского словоупотребления столь же неотъемлемое достояние живого языка, как и нормативно фиксированная сочетаемость слов» [Телия, 1981: с.12].

Среди ученых-лингвистов не сложилось единого мнения также относительно вопроса классификации видов метафоры. Если одни ученые ограничиваются лишь различением языковой и художественной (речевой, поэтической) метафоры, выделяя при этом общую для них развернутую метафору, то другие, проводя более углубленное и детальное исследование, предлагают различные классификации этого понятия.

Так, Г.Н.Скляревская, категорически отделяя языковую метафору от художественной и учитывая характер отношения первичного значения с метафорическим, выделяет следующие семантические виды языковой метафоры: мотивированная, синкретическая и ассоциативная. К мотивированным языковым метафорам ученый относит случаи зафиксированности или эксплицитного вычленения в словарях актуализованного признака, например: «Карикатура. Рисунок, изображающий что-л. в искаженном, смешном виде. *Перен.* Неудачное подражание, смешное, искаженное подобие кого-, чего-л.» [Скляревская, 1993: с.49]. Синкретическими являются языковые метафоры, образовавшиеся в результате смешения чувственных восприятий: *сладкий чай – сладкая мелодия* – акустическое ощущение заменено на вкусовое. Ассоциативная языковая метафора основана на способности сознания находить аналогии между объектами действительности. Другими словами, обнаружение не содержащегося в семантической структуре первичного значения, но «привязанного» к денотату ассоциацией признака, например: «Базар. Место для торговли; розничная торговля на таком месте. *Перен.* Говор, шум, крик» [Скляревская, 1993: с.56]. Метафорический перенос ассоциативный, поскольку основан на одном из признаков, который не является ключевым – 'на базаре шумно'.

Н.Д.Арутюнова и В.Г.Гак объединяют в пределах языковой метафоры «живую» и генетическую разновидность; в типологии Ю.И.Левина отмечены виды метафоры: языковая (общеупотребительная) и поэтическая (индивидуальная).

Наиболее подробная семантическая классификация по типу метафорического переноса предложена Г.Н.Скляревской, согласно которой в языке функционируют «регулярные» для русской картины мира типы переноса: «Предмет→Предмет», «Предмет→Человек», «Предмет→Физический мир», «Предмет→Психический мир»,

«Предмет→Абстракция», «Животное→Человек», «Человек→Человек», «Физический мир→Психический мир» [Скляревская, 1993: с.95].

Получить исчерпывающую информацию об исследуемой категории и провести ее развернутый анализ можно, опираясь на классификацию В.П.Москвина, предложенную им в монографии «Русская метафора», где данной теме посвящена целая глава. Ученым разработаны семантическая, формальная и функциональная классификации [Москвин, 2006].

Семантическая классификация подразумевает вычленение видов метафоры по: 1) вспомогательному субъекту, т.е. по его тематической принадлежности (анималистическая, антропоморфная, пространственная, ключевая); 2) основному объекту (экономическая, политическая и др.); 3) степени смысловой удаленности основного и вспомогательного субъектов (внутренняя, т.е. внутриклассовая, и внешняя); 4) вспомогательному и основному субъектам; 5) степени целостности внутренней формы (живые образы, ослабленные образы, мертвые образы); 6) степени освоенности лексической системой языка (оказиональные и узуальные).

Формальная классификация В.П.Москвина проведена с учетом следующих критериев: 1) по уровневой принадлежности: словесные, метафоризированные словосочетания, фразовые (или сентенциальные) и текстовые; 2) по частеречной принадлежности: субстантивные, адъективные и глагольные; 3) по количеству компонентов метафорической единицы: простая (одионая, одноклениая, изолированная) и развернутая; 4) по наличию ключевого слова: замкнутая и незамкнутая; 5) по степени устойчивости связей между элементами: фразеологизированные и свободные.

Функциональная классификация В.П.Москвина базируется на классификации метафорических единиц по используемой ими цели. Ученый выделяет номинативную, выражающую такие явления, которые

не имеют словесных понятий; оценочную, содержащую субъективную характеристику; декоративную, основанную на эстетическом отражении действительности; пояснительную, свойственную научной речи; педагогическую, обеспечивающую доступность сложной теории; когнитивную метафору, выявляющую свойства изучаемого объекта посредством сопоставления с общеязыковым феноменом.

В зарубежной научной литературе можно наблюдать и другие классификации метафор, например: метафоры передающие и метафоры базисные (Эрл Маккормак, 1990), метафоры структурные, ориентационные и онтологические (Дж.Лакофф, М.Джонсон, 2004), метафоры стертые, метафоры клише, общие, адаптированные, «недавние» и оригинальные (П.Ньюмарк, 2008).

В сложившейся на сегодняшний день теории метафоры существуют неоднородные, порой противоречивые гипотезы относительно выполняемых данным средством выразительности функций. Так, риторики считают, что метафора может выполнять три функции: 1) эстетическую, используемую для украшения текста и для придания ему живописности и колоритности; 2) аксиологическую, применяемую для оценочности предмета или явления, для демонстрации его с лучшей или худшей стороны; 3) номинативную, используемую для заполнения пустого места или вытеснения исконного названия.

П.Ньюмарк упоминает о двух функциях метафоры: эстетической, заключающейся в привлечении внимания и заинтересованности читателя, и коннотативной, целью которой является характеристика предмета [Newmark, 2008, с.101].

В зависимости от выполняемых функций Н.Д.Арутюнова вычленяет номинативную, образную, когнитивную и генерализирующую метафоры [Арутюнова, 1990: с.168].

В исследовании В.К.Харченко количество выделенных функций метафоры достигает пятнадцати, как-то: номинативная функция,

информативная, эвристическая, жанрообразующая, текстообразующая, стилеобразующая, мнемоническая, эмоционально-оценочная, этическая, объяснительная, аутосуггестивная, конспирирующая, кодирующая, игровая и ритуальная. Остановимся на краткой характеристике некоторых из них. Так, три из них – текстообразующую, жанрообразующую и стилеобразующую – можно объединить в одну, связанную с текстовым аспектом изучения метафоры.

1. Текстообразующая функция метафоры заключается в «ее способности быть мотивированной, развернутой, т. е. объясненной и продолженной». «Эффект текстообразования - это следствие таких особенностей метафорической информации, как панорамность образа, большая доля бессознательного в его структуре, плюрализм образных отражений», - отмечает В. К. Харченко [Харченко, 1992: с.23-25].

2. Номинативная функция подразумевает развитие в слове переносного значения при одновременной невозможности образования новых слов.

3. Информативная функция заключается в целостности и панорамности образа, передаваемого посредством метафор.

4. Мнемоническая функция метафоры способствует лучшему восприятию и запоминанию информации.

5. Эвристическая (когнитивная, концептуальная) функция объясняет саму суть метафоры, ее гносеологическую природу.

6. Эмоционально-оценочная и, как следствие, этическая функция метафоры, будучи мощнейшим средством воздействия, создает образность.

7. Объяснительная функция метафоры помогает лучшему усвоению сложной научной информации и терминологии.

8. Кодирующая и конспирирующая функции заключаются в сжатой и «упакованной» в метафоре информации-загадке с целью акцентирования внимания.

9. Игровая функция метафоры реализуется при ее использовании в качестве комического средства как формы языковой игры.

10. Ритуальная функция заключается в использовании метафор в поздравлениях, приветствиях, при выражении соболезнования и др.

Таким образом, подводя итоги сказанному, приведем высказывание В.В.Виноградова: «Вопрос о метафоре как принципе семантического преобразования чрезвычайно сложен и труден. И прежде всего он нуждается в расчленении: классификация типов метафор, объяснение их отличий с психологической и лингвистической точек зрения – неотложные задачи семантики» [Виноградов, 1978: с.427]. До сих пор ни одна лингвистическая теория не в состоянии эксплицировать феномен метафоры, особенности и закономерности ее функционирования. Метафора, несмотря на огромное количество исследований, на сегодняшний день остается нерешенной проблемой лингвистики.

Основополагающей для нашего исследования будет следующая гипотеза: базовым понятием языковой метафоры является вторичное косвенное наименование при безусловном соблюдении двух планов - семантики и образного компонента. Подобная интерпретация языковой метафоры одновременно интегрирует ее с тропом и дифференцирует по лингвистическим признакам.

I.1.2. Теоретические основы исследования метафоры

в таджикском языке

Как было отмечено ранее, в зарубежной лингвистике изучение метафоры вызывает большой интерес, который охватывает не только филологические отрасли знания, но и различные сферы, нацеленные на постижение закономерностей мышления, познания и сознания, направленные на исследование концептуальных систем и моделирование искусственного интеллекта, - такие как философия, логика, социология, психология и др. На протяжении веков изучались многие аспекты

метафоры, начиная с природы, содержания и объема данного понятия, ее стилистических возможностей, семантики и функции и заканчивая закономерностями процесса метафоризации, специфики функционирования метафор в конкретном стиле.

Однако в отечественной науке, в частности в таджикской филологии, метафора, как, впрочем, и остальные средства выразительности, не привлекает столь пристального внимания лингвистов и литературоведов. На сегодняшний день известны лишь несколько монографий и статей, в той или иной мере посвященных метафоре. Как правило, эти исследования проводятся в литературоведческом ракурсе и рассматривают метафору как категорию поэтики, как принадлежность художественной литературы. Закономерным становится тот факт, что при таком малом количестве исследований вопросы понятия и сущности метафоры, особенности ее функционирования в таджикской художественной литературе и множество других проблем, связанных с типологией, структурой и функциями данного понятия, остаются неразрешенными. В связи с этим нами предпринята попытка обобщить существующий на данный момент в таджикской филологии объем информации по вопросу о природе метафоры и ее типологии.

Прежде всего попытаемся дать определение понятию «метафора», опираясь на лексикографический материал.

Метафора, согласно трактовке, предложенной С.Ш.Табаровым, переводится на таджикский язык как «истиора, маюз, киноя, таъриз» [Табаров, 1987: с.45], согласно Русско-таджикскому словарю (РТС) – это «маюз, истиора» [РТС, 1985: с.478]. В Таджикско-русском словаре (ФТР) таджикское слово *истиора* переводится как «метафора, переносное выражение, иносказание, аллегория» [ФТР, 2006: с.254]. Толковый словарь таджикского языка (ФТЗТ) отмечает наличие двух значений у понятия «истиора»: «а. 1. *Кн.* Взятие чего-л. во временное пользование

или хранение; 2. *Лит.* Использование слова в неосновном значении для красоты и выразительности слова» [ФТЗТ1, 2010: с.585]. Как известно, слово *истиора*, будучи словом арабского происхождения, имеет два значения. Первое – основное, тогда как второе образовано по принципу переноса значения. То есть бытующий в таджикском литературоведении термин «истиора» образован на основе метафорического переноса значения «что-то взятое взаймы». Данное определение, раскрывая природу метафоры, тем не менее не выдвигается авторами словаря в качестве основной семы лексического значения. Ключевым в приведенной дефиниции является значение «для красоты и выразительности слова», т.е. не происхождение, а назначение понятия, которое заключается не только в выразительности.

Автор «Краткого словаря литературоведческих терминов» Х.Мирзозода в словарной статье «истиора» приводит следующее толкование метафоры: «Метафору можно назвать развитием сравнения или одним из его видов. <...> Таким образом, с точки зрения тождественности представление предмета описания и его названия в переносном значении является метафорой» [Мирзозода, 1992: с.47].

В лексикографии, на наш взгляд, до сих пор не сложилось единого мнения относительно этого термина. Обратимся к научной литературе.

Так, в работе Т.Зехни отмечается, что метафора, будучи одним из проявлений переносного значения, подразумевает использование одного слова вместо другого. «Метафоричность выражается посредством надления слова переносным значением на основе схожести двух явлений. То есть метафора тождественна такому стилистическому приему, как сравнение; другими словами, метафора проявляется посредством дальнейшего развития скрытого сравнения, отличительной чертой которого от метафоры является то, что сравнение называет и определяемое (монандкунанда), и определение (монандшаванда)» [Зехни, 1992: с.58].

Разделяя точку зрения Т.Зехни и Х.Мирзозода относительно этого вопроса, Ю.И.Бобоев дополняет, что метафора определяется многими учеными как «краткое» сравнение [Бобоев, 1992: с.156].

Х.Шарифов в своей монографии «Каломи бадеъ» («Поэтика») интерпретирует данный термин следующим образом: «Третий вид маджоза – особый, именуемый метафорой, заключающийся в сравнении без сравниваемого элемента. Следовательно, метафора - один из видов маджоза» [Шарифов, 1991: с.101]. Интересно в данном толковании использование понятия «маджоз», которое многими учеными причисляется к разряду средств выразительности. Так, согласно ФТЗТ, понятие «маджоз» наделено двумя значениями: «1. а. *Кн.* Неправда, против правды; 2. *Лит., лингв.* Слово или словосочетание, использованное не в своем настоящем (прямом) значении, тождественном по каким-л. признакам основному значению слова» [ФТЗТ1, 2010: с.818]. Подобного мнения придерживаются ученые И.Зехни, Ю.И.Бобоев, Р.Ходизода, Х.Мирзозода. Значит, эквивалентом данного понятия в русском языке можем считать термин «переносный» - *маънои маҷозӣ – переносное значение.*

Однако в ФТР термин «маджоз» переводится так: «*Лит., лингв.* Метафора; аллегория; иносказание» [ФТР, 2006: с.342].

Двойственную природу метафоры отмечает и автор «Англо-русско-таджикского лингвистического словаря», который в качестве эквивалентов термина «метафора» приводит следующее: «маджоз (объясняет использование слов в переносном значении), истиора» [Чоматов, 2015: с.131].

Диссертационная работа М.К.Саломова, выполненная на таджикском языке, называется «Ифодаҳои маҷозӣ дар газалиёти Ҳофизӣ Шерозӣ», автореферат данной работы представлен под названием «Метафорические выражения в газелях Хафиза Ширази». В работе ученый проводит исследование понятия «маджоз», аргументируя его

теоретические основы иллюстрацией метафорических выражений [Саломов, 2000].

В диссертационной монографии А.Абророва также наблюдается некоторое разночтение в отношении номинации этого термина, поскольку автор, исследуя вопрос о метафорических выражениях, приводит этимологическую характеристику и рассматривает теоретические предпосылки изучения именно понятия «маджоз», а не «истиора», как одного из разновидностей «маджоза»: «Терминологическое значение метафоры. Во многих персидско-таджикских словарях, в комментариях и толкованиях указано, прежде всего, на терминологическое значение слова маджоз (метафора)» [Аброров, 2017: с.7].

В данном аспекте примечательно замечание Х.Маджидова об обязательном разграничении этих двух понятий: «<...>, лексический маджоз следует отличать от различных типов переноса значения, известных как традиционные художественные средства» [Мачидов, 1998: с.10].

Продолжая рассуждение относительно вопроса о природе метафоры, Х.Шарифов приводит высказывания иранских ученых: «Данной гипотезы придерживаются многие ученые, в частности Шамси Кайс, Хусайн Воиз, которые в поисках дефиниции термина «метафора» определяют ее как «нечто взятое взаймы, на временное пользование» [Шарифов, 1991: с.101]. Ученый Родуёни, в свою очередь, характеризует это понятие, опираясь на семантику слова: «это слово можно интерпретировать как взятое нечто взаймы, в нем есть нечто реальное. <...> Когда одно слово используют вместо другого в качестве заимствования» [Шарифов, 1991: с.101].

Шамси Кайс, как было отмечено выше, считает метафору одной из разновидностей маджоза, однако не выделяет ее отличительные признаки и, следовательно, не проявляет категоричность при выделении

видов маджоза. В этом отношении весьма ценным и важным представляется данное Ш.Омили определение, который рассматривает метафору как такое сравнение, где подтверждается непреложность сравниваемого. То есть по отношению определения к определяемому понятию метафора близка к сравнению, выступая как образ или изображение сравниваемого. В связи с чем интерпретация этого термина со стороны автора «Нафоис ул-фунун» достаточно проста: «Метафора – это упоминание одного из двух элементов сравнения, когда целью выступает другой» [Шарифов, 1991: с.101].

Ш.Омили отмечает противоречивость мнений ученых по вопросу о природе метафоры, об ее отношении к лексическому или умственному маджозу. Действительно, если рассматривать метафору как сравнение, то следует отнести ее к лексическому маджозу. Если же подойти к решению этого вопроса с позиций и Родуёни, и Ватвота, в этом случае метафора, несомненно, - проявление умственного маджоза.

Современные исследователи (Т.Зехни, Р.Ходизода, Ю.Бобоев) выделяют две разновидности метафоры: явная (равшан – досл. светлая) и скрытая (пӯшида).

Явная метафора, получившая в классической литературе название «истиораи биттасрех», заключается в указании лишь на образ или понятие, которые при сравнении с исходными понятиями наделяются новым для слова переносным значением, это и есть собственно метафора. Например: *Магар қозикалон намедонист, ки гургонаш ба аробакаш тӯҳмат карда истодаанд. (С.Айни).*- Разве не знал кази, что его волки клеветают на аробакеша. В приведенном Т.Зехни примере слово *гургон* (волки) надлено переносным значением и указывает на подвластных казию злодеев и преступников, которые своей жестокостью и дикостью уподобились волкам. Раскрывая сущность явной метафоры, Т.Зехни отмечает: «если в процессе метафоризации определяемое предоставлено само себе и не упоминается, а указывается лишь определение, то такая

метафора называется явной. Суть данного понятия заключается в том, что в предложении вместо одного слова называется другое» [Зехни, 1992: с.58]. В подтверждение своих суждений ученый приводит в качестве иллюстрации бейт Низами Гянджеви:

Барафрӯхт он моҳ чун офтоб,

Фурӯ рехт бар гул зи нарғис гулоб [Зехни, 1992: с.59]. - Зажегся тот месяц подобно солнцу // Потекла на цветок из нарцисса розовая вода.

В этом бейте слова *моҳ* (месяц), *гул* (цветок), *нарғис* (нарцисс) и *гулоб* (розовая вода) использованы в переносном значении. Будучи достаточно востребованными экспрессивно-стилистическими единицами, данные слова соответственно выступают эквивалентами таких широкоупотребительных слов, как *любимая*, *лицо*, *глаза* и *слезы*. То есть, по замыслу поэта, слезы, подобные розовой воде, текут из напоминающих нарциссы глаз любимой по лицу, подобному цветку. Однако, в целях придания большей выразительности, автор избегает перечисления понятий *любимая*, *лицо*, *нарцисс* и *слезы* и останавливает свой выбор на их метафорах. Изображение прекрасного образа девушки помогло автору в более живописном и колоритном описании своей возлюбленной.

Литературовед Ю.И.Бобоев также является сторонником классификации метафорических единиц на явную и скрытую, отмечая, что в явной метафоре называется только определение. Данное положение ученый аргументирует строками из стихотворений А.Лахути:

Бути нозанинам, маҳи мехрубонам,

Чаро қаҳрӣ аз ман? Балоят ба чонам [Бобоев, 1992: с.157].- Прекрасный идол, ласковая луна, // Почему обижена на меня, да буду я жертвой твоей.

В этом бейте под *идолом* (бут) и *луной* (мах) подразумевается возлюбленная, которая и является определяемым для избранных поэтом определений.

Два типа метафоры рассматриваются и в «Словаре литературоведческих терминов», где авторы отмечают такую особенность явной метафоры: «Явную метафору легко перевести в сравнение. Так, в бейте С.Айни речь идет о врагах:

З-ин ҷумла фиристод ба гулзори советӣ

Дуздона ба ногаҳ ҳама девона сагонро» [Ходизода, 1966: с.37].- Так он отправил в советский цветник // тайком и неожиданно всех бешеных собак.

Говоря о советском цветнике, автор, безусловно, имеет в виду Родину, на которую напали фашистские захватчики, представленные поэтом как бешеные собаки. Данные метафорические сочетания без труда можно преобразовать в сравнение: Родина, подобная цветнику, и немецкие захватчики, подобные бешеным собакам.

Если в явной метафоре называется лишь определение, то скрытая метафора подразумевает указание какого-либо признака или приметы определяемого понятия в дополнение к самому определяемому. Так, придерживаясь именно такой формулировки дефиниции термина «скрытая метафора», авторы «Словаря литературоведческих терминов» в словарной статье приводят в качестве иллюстрации следующие строки С.Айни:

Мо камбагалонем, ба ҳар гуна баҳона аз дастии замона

Ҳар тири ситамро, ки ҳамегаишт равона, будем нишона [Ходизода, 1966: с.37]. - Мы – бедняки, под любым предлогом от рук времени // были целью каждой направленной пули тирании.

В данном бейте в качестве скрытых метафорических сочетаний выступают словосочетания *дасти замона* (рука времени) и *тири ситам* (пуля тирании). Время, будучи абстрактным понятием, не имеет рук, однако поэт представляет время в образе человека, взявшего в руки оружие и пули. Таким образом, и *время*, и *тирания*, участвуя в процессе метафоризации в качестве определяемого понятия в своем прямом

значении, наделяются дополнительными, не свойственными им признаками и атрибутами.

Примечательно в этой связи и высказывание Т.Зехни: «Зачастую писатель не называет определение, а присоединяет к определяемому в качестве дополнения какой-либо его признак, качество, орган или атрибут. Так, если мы скажем: *панчаи зулм* (когти насилия), мы уподобим насилие свирепому дикому зверю, а слово *когти* добавим к нему в качестве дополнения. Такой тип метафоры называют также и *дополненной метафорой* (истиораи изофй) или *иносказательной метафорой* (истиораи киноягй)» [Зехни, 1992: 61].

Для полной убедительности ученый приводит следующий пример из произведения Дж.Икрами: *Лекин дар пешонӣ, гирди лаб ва кунҷи чашмонаш дасти қаттолу бераҳми умр, андаке бошад ҳам, аз гузашташ худ осор мондааст. – Однако на лбу, вокруг губ и в уголочках глаз беспощадная и злая рука жизни, хоть и немного, но оставила свои следы.*

В данном контексте сочетание *дасти қаттолу бераҳми умр* (беспощадная и злая рука жизни) является скрытой метафорой, поскольку человеческая жизнь представлена в образе самого человека, у которого есть руки. Именно мастерство писателя позволило ему столь экспрессивно и выразительно передать факт появления морщинок у своего персонажа, именно беспощадная рука жизни была повинна в этом, а не естественный биологический процесс.

Т.Зехни рассматривает и другую особенность скрытой метафоры, когда «определение присоединяется в качестве дополнения к определяемому слову». Это утверждение ученый подкрепляет следующими строками С.Айни:

Шумо, эй булбулони боги мактаб,

Саҳаргоҳон набояд хуфт ҳар шаб [Зехни, 1992: с.61].- Вы, соловьи школьного сада, // не следует спать на рассвете дня.

«В этом бейте, в сочетании *булбулони боги мактаб* (соловьи школьного сада) слово *булбулон* выступает в качестве метафоры к слову *талабагон*, что по отношению к словосочетанию *боги мактаб* является определением. Сочетание *боги мактаб* также является дополненной метафорой, поскольку определение *бог* в качестве дополнения присоединяется к определяемому *мактаб*. Следовательно, словосочетание *боги мактаб* также является скрытой метафорой» [Зехни, 1992: с.61].

Термин «скрытая метафора» привлек также внимание автора «Краткого словаря литературоведческих терминов», который посвятил данному понятию словарную статью. В качестве дефиниции термина «истиораи пӯшида» он приводит следующее: «В скрытой метафоре указывается лишь на какой-либо признак определяемого» [Мирзозода, 1992: с.48]. В качестве иллюстрации он цитирует А.Лахути:

Душмани камбагалон боз ба пеш омадаст

Гург ин мартаба дар чомаи меш омадаст... - Враг бедняков снова выдвигается вперед // в этот раз волк пришел в овечьем обличи.

Комментируя данный пример, Х.Мирзозода отмечает: «В этих примерах скрытые метафоры *душмани камбагалон* (враг бедняков), *гург* (волк), будучи качествами басмачей, использованы вместо слова *басмач*» [Мирзозода, 1992: с.48]. Однако данное утверждение, на наш взгляд, противоречит рассмотренной ранее гипотезе, поскольку определяемое понятие *басмач* является конкретным существительным и не называется автором. Более того, к определяемому не присоединяется слово, которое бы выражало один из его признаков.

Некоторую сложность в восприятии испытывает читатель, когда в качестве иллюстрации скрытой метафоры автор учебника «Теория литературы» Ю.И.Бобоев приводит следующее предложение: *Мо дар сари кӯҳ будем, офтоб механдид. - Мы были на горе, солнышко смеялось.* Данный пример интерпретируется Ю.Бобоевым следующим образом: «В

скрытой метафоре напротив, определение не называется. <...> По обыкновению солнце не смеется, оно восходит, или, как говорят, выходит из-за гор. Восход солнца уподобляется человеческому смеху. В этом предложении определяемое слово (человек) не указано, а определение (солнце), выполняя функции обоих, сообщает о сиянии солнца» [Бобоев, 1992: с.157]. Исходя из этого толкования, можно заключить, что основным критерием реализации скрытой метафоры служит олицетворение, когда предметам или явлениям присваиваются человеческие качества.

Несколько иная типология метафоры приведена в монографии Х.Шарифова. Ссылаясь на произведение Омули и разделяя его точку зрения, ученый констатирует: «Различают несколько видов метафоры. Согласно Омули, «Если при сравнении указывается определяемое слово, то такую метафору называют явной метафорой, если же упоминается определение – иносказательная метафора. Первый вид метафоры имеет две разновидности: конкретная (исследовательская) и воображаемая. Если опущенное определение выражено нарицательным существительным, метафору называют конкретной, если воображаемым понятием – абстрактной».

Из всего сказанного можно заключить, что в таджикском языке выделяют 4 типа метафор: явная метафора конкретная, явная метафора абстрактная, явная метафора с вероятностью конкретики и абстракции и иносказательная метафора» [Шарифов, 1991: с.102].

Ю.И.Бобоев в посвященном термину «метафора» разделе учебника, раскрывая сущность этого понятия, указывает еще на одну разновидность метафоры – *истиораи вусъатнок* (развернутая метафора) и дает следующее толкование: «стихотворение, в котором тема повествования в полном объеме метафорична, называется развернутой метафорой» [Бобоев, 1992: с.157]. Таковыми, по его мнению, являются стихотворение М.Ю.Лермонтова «Чаша жизни» и поэма

В.В.Маяковского «Облако в штанах». Однако в остальных исследуемых нами источниках о такой разновидности как развернутая метафора нет информации.

Рассматривая вопрос о частеречной принадлежности метафоры, Т.Зехни отмечает, что она может быть выражена именем существительным, именем прилагательным, глаголом и деепричастием.

Таким образом, обобщая бытующие в таджикском языкознании на сегодняшний день мнения относительно термина «метафора», можно прийти к следующим выводам:

1. Метафора – это средство выразительности лексического уровня, которое заключается в наделении слова переносным значением на основе его сходства с другим.

2. Различают две разновидности метафоры – явную и скрытую. Суть явной метафоры заключается лишь в указании на образ или понятие, которое при сравнении с исходным понятием наделяется новым для слова переносным значением. Скрытая метафора подразумевает указание какого-либо признака или приметы определяемого понятия в дополнение к самому определяемому.

3. Отличительной чертой скрытой метафоры является то, что в процессе метафоризации называется определяемое слово, а не определение, как в явной метафоре.

Изучение данного лингвистического феномена предполагает использование следующего набора терминов: *Метафора – метафорическая единица – метафорическое сочетание – метафорическое словосочетание - метафорическое выражение, метафорический перенос, метафоризация, метафоризированные словосочетания, метафоричность, метафорическая лексика, метафорическая картина мира, языковая метафора, речевая метафора.*

I.1.3. Системность метафор в таджикском языке

Следующий раздел данной работы содержит анализ системности метафор в таджикском языке. Поскольку язык, реализуя и репрезентируя реальную действительность, является организованной классификацией человеческого опыта [Янов, 2006: с.19], то у каждого слова есть свое место в этой классификации.

Исходя из того, что исследование системности лексики заключается, прежде всего, в классификации по денотативному признаку, всю послужившую нам иллюстративным материалом метафорическую лексику целесообразно распределить по тематическим группам. В своей классификации мы опираемся на типологию метафорических переносов Г.Н.Скляревской, согласно которой тематические группы соответствуют понятийным полям, «поскольку членение действительности совпадает с ее понятийным членением» [Скляревская, 1993: с.66].

В предлагаемом исследовании было рассмотрено более 300 единиц, большую часть которых составляют метафоры-существительные. В процессе классификации было выделено 5 семантических полей, так или иначе включающих в себя все объекты действительности: 1) предмет; 2) человек; 3) животный мир; 4) физический мир; 5) психический мир.

К объектам действительности, участвующим в метафорическом процессе и составляющим семантическое поле «Предмет», относятся материальные объекты чувственного восприятия, обладающие формой, пространственной локализацией, способностью двигаться; объекты невидимого мира; объекты, обозначающие совокупность, вместилище и т.п.

К семантической сфере «Человек» можно отнести такие лексические единицы, характеризующие определенные свойства человека, например, такие, как его положение в обществе и в семье, образ жизни, возраст, физические особенности. В эту же группу, согласно Г.Н.Скляревской,

можно отнести названия библейских и мифологических существ и сказочных персонажей.

Семантическое поле «Животный мир» включает в себя лексемы, называющие роды животных и их детенышей, части тела и покрова, их совокупности и места обитания.

В тематической группе «Физический мир», на наш взгляд, следует разместить лексические единицы, обозначающие действия, процессы и явления реальной действительности, а также их результат.

Следующая группа – семантическая сфера «Психический мир» включает в себя наименование объектов психической деятельности человека и отвлеченные понятия, создаваемые человеком, социальные категории.

Проведенная классификация позволила выявить наиболее продуктивные типы метафорических переносов в таджикском языке. Если еще в древности Аристотель определил направление метафорических переносов как «изменение значения из рода в вид, из вида в род, из вида в вид или по аналогии» [Аристотель, 2010: с.66], а Квинтилиан утверждал, что метафора образуется перенесением признаков одушевленного предмета на неодушевленный и неодушевленного на одушевленный [Античные теории, 1996: с.219], то наше исследование позволило выявить следующие десять наиболее распространенных в таджикском языке типов метафорического переноса:

1. Предмет → Предмет:

Гули шамъдон (досл.цветок подсвечника)– герань

Гулҳои офтоб (досл.солнечные цветы)– зайчики на стене

Гарамии хучҷат – кипа документов

Даҳанаи вулқон- горловина вулкана

Забонаки қулф (досл.язычок замка) – защелка замка

Қатрае аз баҳр - капля в море

Ситораи экран – звезда экрана

Пардаҳои танбур (досл. занавес танбура) – лады танбура

Пардаҳои гармон – клапаны гармоники

Монеаҳои боҷхона – таможенны́е барьеры

Тӯдаи китоб – грудa книг

Чоҳи бетаг (досл. яма без низа) – бездонная бочка

Картошкагул (досл. цветок картофеля) – георгин

Чашмаки дар – глазок двери

Шаҳри бедарвоза (досл. город без ворот) – проходной двор

*Чӯйҳои ширу шарбат (досл. ручки молока и сока) – молочные реки
кисельные берега*

Ширешаки галла (досл. клей хлеба) – клейковина

2. Предмет ⇔ Человек

Бодгири даҳани мардум (досл. вентилятор людских уст)

– сделаться басней

Боми чаим (досл. крыша глаз) – веко

Қафаси сина – грудная клетка

Пардаи гӯш (досл. занавес уха) – барабанная перепонка

Хуни ҷигар шу́да (досл. печень, покрытая кровью) – кровью и потом

Чароги ачина (досл. огонь злого духа) – блуждающие огни

*Силсилаи образҳои бадеи (досл. ряд художественных образов) –
галерея художественных образов*

Шаҳри қахрамон – город-герой

Хонаи адибон – дом литераторов

Лонаи душман – логово врага

Сандуқи дил – грудная клетка

Как следует из приведенных примеров, метафорический перенос осуществляется в направлении от семантической сферы «предмет» к семантической сфере «человек»: лексемы *бодгир* (вентилятор), *бом* (крыша), *қафас* (клетка), *парда* (занавес), *хун* (кровь), *сандуқ* (сундук),

будучи объектами реальной действительности, сочетаются с лексемами *даҳан* (рот), *чаим* (глаз), *сина* (грудь), *гӯш* (ухо), *ҷигар* (печень), *дил* (сердце), обозначающими части тела и органы человека; лексемы *шаҳр* (город), *хона* (дом), *лона* (гнездо), в свою очередь, сочетается с лексемами *қаҳрамон* (герой), *адиб* (литератор), *душман* (враг), обозначающими род занятий человека и его положение в обществе. Однако, как показал анализ, метафорический перенос между данными группами может осуществляться и в обратном направлении «человек»→ «предмет»:

Шӯрапушти мактаб (досл.задира школы) - гроза школы

Фарзанди саҳро (досл.дитя поля)– дитя природы

Шоҳи нафт – нефтяной король

Духтари хона (досл.домашняя девушка)– красна девица

Каллакаду (досл.голова-тыква)– бестолковый

Як кала панир (досл.головка сыра)– круг сыра

Дар майна мехкӯб аст – гвоздем засела в голове

Курбонии баҳри омурзиши (досл.жертва океана прощения)

– искупительная жертва

Отсюда можно сделать вывод: нельзя утверждать, что метафорический перенос совершается в строго заданной последовательности.

Подобное явление наблюдается и в других выявленных типах переноса. Данное обстоятельство нашло отражение в демонстрируемых моделях в таком символе-показателе направления \rightleftharpoons .

3. Физический мир \rightleftharpoons Предмет

В данной группе представлены образцы метафорического переноса от семантической сферы «физический мир» к семантической сфере «предмет»: Физический мир →Предмет:

Алвонҷхӯрии раққосаки соат – качание маятника часов

Борон нақора мезад – дождь барабанил [по окнам]

Борони тир - град пуль, ливень пуль

Муқовимати масолех – сопротивление материала

Садонардаҳо (досл.голосовые занавеси)–голосовые связки

Сели мошинҳо – лавина машин

Селоби арақ – пот градом

Сели ашк (досл.сели слез) - обилие слез

Табаддулоти дарборӣ - дворцовый переворот

Талотуми баҳр - голос моря (волнение моря)

Ҳаққи қалам (досл.плата карандаша)– гонорар

К семантической группе «физический мир» можно отнести явления природы – *борон (дождь), сел (ливень), селоб (сель)*, действия – *алвончхӯрӣ (качание), муқовимат (сопротивление), табаддулот (переворот), талотум (волнение)*, тогда как «предмет» может быть представлен лексемами *раққосак (маятник), мошин (машина), арақ (пот), ашк (слеза), дарбор (дворец), баҳр (море), қалам (карандаш)*.

Более многочисленна группа предмет→физический мир:

Ашкҳои хунин – кровавые слезы

Алмоси шабнам (досл.алмазы росы)– блеск росы

Арсаи муборизаи сиесӣ – арена политической борьбы

Ашки сӯзон (досл.жгучие слезы)– горькие слезы

Боми пастак (досл.низкая крыша) – о человеке (отставной козы барабанистик)

Боми ариш (досл.крыша поднебесья)– небо

Боми фалак (досл.крыша вселенной)– небо

Боми олам (досл.крыша мира)– небо

Гвардияи сафед - белая гвардия

Гул хӯрда, гул пӯшида (досл.питаясь цветами, одеваясь в цветы)

– жить на широкую ногу

Давлати бодовард (досл.принесенное ветром богатство) – золотой дождь

Замини бикр – девственные земли

Карикатураи нешдор (досл.имеющая жало карикатура) – злая карикатура

Қогази содира – исходящая бумага

Кӯҳи урен (досл.голая гора)– лысая гора

Либоси чашимхарош (досл.режущий глаз наряд) - кричащий наряд

Луқмаи равганин (досл.масляной кусок)– лакомый кусок

Неъматҳои табиат (досл.дары природы) - дань природы

Оинаи қачнамо – кривое зеркало

Оҳакро шукуфондан (досл.заставить цвести известь)– гасить известь

Пардаи туман – завеса тумана

Пардаи дуд – дымовая завеса

Пардапӯи гуфтан – говорить завуалированно

Пули бе дарди миен (досл.деньги без боли в спине)– бешеные деньги

Пулро ба бод додан – бросать деньги на ветер

Рези нақора – барабанная дробь

Роҳи садо (досл.звуковая дорога) – голосовая щель

Ситораи дараҷаи якум - звезда первой величины

Ситораи раҳнамо – путеводная звезда

Тоҷи офтоб – солнечная корона

Туъмаи оташ – добыча огня

Чоҳи ҳаво – воздушная яма

Ҷои нозук (досл.нежное место) – больное место

Шамшери бараҳна – голый меч

Як себи дукафон (досл.треснувшее пополам яблоко) – две капли воды

4. Предмет ⇔ Психический мир

Особенность данной группы заключается в абсолютном превалировании метафорического переноса от семантической сферы «предмет» к семантической сфере «психический мир». Поскольку сфера «психический мир» репрезентирована нематериальными, лишенными чувственных признаков денотатами, то, по мнению Г.Н.Скляревской, она не может быть использована в качестве ресурса метафорического преобразования: «Эта сфера притягивает к себе метафоры из предметного мира, демонстрируя способность человеческой мысли населять духовный мир привычными, обыденными, чувственно воспринимаемыми реалиями» [Скляревская, 1993: с.73]. В этой группе сосредоточены единицы а) обозначающие: психическую деятельность - мысли (*фикрат* - размышление, *хирад* - разум), речь (*ибора* - выражение, *сухан* - слово), эмоции (*мухаббат* - любовь, *ишқ* - любовь, *бепарвой беззаботность*), отвлеченные понятия, формируемые человеком (*хақиқат* - истина, *қонун* - закон, *воқеа* - событие, *зиндағӣ* - жизнь, *сулҳ* - мир, *шармандағӣ* - позор, *ҳичрон* - разлука); б) относящиеся к науке и искусству (*донии* - знание, *назм* - проза, *маданият* - культура, *илм* - наука), и др.

Алмоси фикрат – острота мышления

Вахтаи сулҳ – вахта мира

Гирдоби воқеаҳо (ҳодисаҳо) (досл.водоворот событий)- клубок событий

Гирдоби зиндағӣ – водоворот жизни

Гирдоби ҳавою ҳавас (досл.водоворот любви и увлечения) – наваждение страстей

Доғи шармандағӣ (досл.пятно позора) – клеймо позора

Доғи ҳичрон (досл.пятно разлуки) – боль разлуки

Доираи донии – круг знаний

Доираи ҳодисаҳо – круг событий

Доираи назар (досл.круг зрения) – поле зрения

Доираи ҳукмрон (досл.правлящий круг) – правящая верхушка
Дурдонаи назм - жемчужина поэзии
Зарраи ҳақиқат (досл.частица истины) – зерно истины
Кони илму дониш, ганчинаи дониш – кладезь знаний
Кони хирад (досл.залежи мудрости) – бездна мудрости
Қаймоки барнома (досл.сливки программы) – гвоздь программы
Қасри маданият - Дворец культуры
Қуллаҳои илм – вершины науки
Мазҳакаи дупардагӣ – двухактная комедия
Манзараи табиат – картина природы
Марҳами чон – бальзам для души
Неши истеҳзо – жало насмешки
Ниқоби бепарвои – маска равнодушия
Нуқтаи назар – точка зрения
Нушобаи муҳаббат (досл.напиток любви) – приворотное зелье
Оби ҳает – живая вода
Оинаи дил (досл.зеркало сердца) – зеркало души
Оинаи ҳает – зеркало жизни
Пардаи асрор (досл.завеса тайны) – тайна
Решаи офат, неши касофат – корень зла
Сутуни дуне – пуп земли (досл.опора мира)
Теги нигоҳ – колючесть взгляда
Теги ҳаҷв (досл.острие сатиры) – жало сатиры
Тоқи нусрат – триумфальные ворота
Тоқи ифтихор (досл.корона гордости) – лавры
Ҳарфи қонун – буква закона
Шамшери адолат – меч правосудия
Шарбати ишқ – любовный напиток
Модель «психический мир → предмет» представлена лишь

единичными случаями:

Васвасаи тилло – золотая лихорадка

Фардои мамлакат - будущее страны

5. Физический мир ⇔ Психический мир

Наиболее востребованным типом метафорического переноса в таджикском языке является перенос значения по моделям «физический мир→психический мир» и «психический мир→физический мир». Семантическая сфера «физический мир» включает в себя лексические единицы, именующие происходящие в реальной действительности явления, процессы, действия, которые воспринимаются органами чувств, и их результаты: времена года и части суток – *бахор (весна)*, *субҳ (утро)*, *фасли хазон (время листопада)*; виды энергии - *шарора (искра)*, *нур (луч)*, *огонь (отаи)*; процессы - *авҷ (разгар)*, *хуруҷ (обострение)*; явления природы - *сел (ливень)*, *тӯфон (тайфун)*; физиологические состояния - *дард (боль)*, *хуфта (заснувший)*, *солимӣ (здоровье)*; физические свойства - *амиқӣ (глубина)*, *қаър (глубина)*, *қувва (сила)*, *хуику холӣ (пустой)*; действия - *мубориза (борьба)*, *азият (мучение)*, *амр (приказ)*, *касодӣ (застой)*.

Модель «Физический мир→Психический мир»:

Авҷи шӯҳрат – апогей славы

Азияти хотираҳо (досл.мучительные воспоминания) – боль воспоминаний

Амиқии фикр – глубина мысли

Амиқии ҳиссиет – глубина чувств

Амри ақл (досл.повеление разума) - голос рассудка

Баҳори умр – весна жизни

Буги кардани танқид (досл.удушение критики)– зажим критики

Гиреви ханда (досл.крик смеха) – взрыв смеха

Дарди фироқ (досл.боль разлуки)– горечь разлуки

Дар қаъри воқеот (досл.в глубине событий)– в гущи событий

*Дар сабоҳати ҳаёти нав (досл.на красоте новой жизни) - на заре
новой жизни*

Касоди корҳо – застой в делах

Қаҷравихои назариявӣ – теоретические отклонения

Қаллобии сиесӣ (досл.политическое мошенничество)

– политическая мистификация

Қувваи суҳан – сила слова

Қудрати фатҳоини ишқ – всепобеждающая сила любви

Мавқеъ дар зиндагӣ (досл.место в жизни) – жизненная позиция

Муборизаи тазоддҳо - борьба противоположностей

Нури умед – луч надежды

Равонӣ ва мавзунии шеър – гладкость и плавность стиха

Рехтани обрӯ (досл.падение репутации) – гибель репутации

Саҳм ба хазинаи илм – вклад в науку

Сели маломат (досл.сель упрёков) - град упрёков

Субҳи озодӣ – заря свободы

Таназули иқтисодиет (досл.спад экономики) – застой в экономике

Тӯфони қаҳру газаб – буря негодования

Тӯфони ҳодисаҳо – вихрь событий

Улуви фикр – высота мысли

Фасли хазони умр (досл.сезон листопада жизни) – закат жизни

Фиреби назар (досл.обман зрения) – оптическая иллюзия

Хомӯиши асроромез – загадочная тишина

Хуруҷи газаб – вспышка гнева

Хушоҳангии шеър – звучность стиха

Ҳусули мурод – исполнение желаний

Шарораи истеъдод – искра таланта

Модель «Психический мир → Физический мир»

Ба сӯҳбат кашидан – втянуть в разговор

Ба фикру хаел гӯта задан – погрузиться в размышления

Бахти хуфта (досл. спящее счастье) - горькая участь

Бо назария мусаллаҳ кардан - вооружить теорией

Ваъдаҳои хушку холи (досл. сухие и пустые обещания) – громкие обещания

Воқеиятро пардоз додан (досл.украшать реальность) – лакировать действительность

Гапфурӯи кардан (досл.заниматься продажей слов) – разводить бобы

Гапҳои пухта (досл.зрелые слова) – дельные слова

Гуфтори равон – гладкая речь

Гайрати тоза (досл.новое, свежее усердие) – заряд бодрости

Дар хотир нақи бастан – врезаться в память

Даҳшати касро карахткунанда – леденящий ужас (ужас, приводящий в оцепенение)

Зиндагии якнавохт – монотонная жизнь

Ибораи печдарпеч (досл.извилистое выражение) – вычурное выражение

Кайфияти хуш (досл.хорошее настроение) – мажорное настроение

Қисмати шум (досл.злополучная участь) – гонения судьбы

Мавзӯи забонзадашуда – заезженная тема

Мулоҳизаҳои мубҳам (досл.неясные, темные рассуждения) – метафизические рассуждения

Мулоҳизаи сатҳӣ (досл. легковесное суждение)– поверхностное суждение

Нигоҳи беҳис (досл. мертвенный взгляд) – бесчувственный взгляд

Нигоҳи парешон – блуждающий взгляд

Нигоҳи сард – ледяной взгляд

Нигоҳи тез (досл.острый взгляд) – колющий взгляд

Нутқи пурҷӯшу сурӯш (досл. бурная, волнующая речь)– пламенная речь

Нутқи оташин (досл.огненная речь) – зажигательная речь

Одатҳои ваҳишона – дикie нравы

Рӯҳи замон – дух времени

Саволборон кардан – закидать вопросами

Саволҳои нешдор (досл.имеющие жало вопросы) – колкие вопросы

Суханони нешдор (досл.имеющие жало слова) – едкие слова

Суханҳои ширин (досл.сладкие слова) – медоточивые речи

Сӯҳбати тагдор (досл.имеющая дно беседа) – двусмысленный

разговор

Табассуми мулоимхунукона (досл.назойливо любезная улыбка)

– приторная улыбка

Табассуми нарм (досл.мягкая, нежная улыбка) – ласковая улыбка

Табассуми сохта - неестественная улыбка

Табассуми хушк (досл.сухая улыбка) – холодная улыбка

Табассуми чоплусона (досл.льстивая улыбка) – масляная улыбка

Таърихи беморӣ – история болезни

Фикри бикр (досл.девственная мысль) – свежая, оригинальная мысль

Фикри солим (досл.здоровая мысль) – здравый рассудок

Хандаи гайритабиӣ (досл.неестественный смех) – искусственный

смех

Хотираҳои пурдard – болезненные воспоминания

Ҳаети тираву тор – беспросветная жизнь

Ҳақиқати талх – горькая правда

Ҳикояи беобуранг – бледный рассказ

Ҳикоя маза надорад (ҳикояи бемаза) (досл.безвкусный рассказ)-

рассказ без изюминки

Шӯхрати нек – добрая слава

Шӯхрати намирандаи асар – бессмертная слава произведения

6. Физический мир →Физический мир

Бахти беолоши (досл.незапятнанное счастье) – безоблачное счастье

Баҳсу мунозираи боҳарорат – жаркий спор
Бӯги сер (досл. сытый пар) – насыщенный пар
Бӯсаи ҳавоӣ – воздушный поцелуй
Вақти қусургирӣ (досл. время отмищения) – час искупления
Вақти пурқимат – драгоценное время
Гардиши фалак (досл. вращение вселенной) - ирония судьбы
Гашти намоишкорона (досл. демонстративная походка) – гусиный шаг
Гулдурроси чапакзанӣ - гром аплодисментов
Гурриши бод (досл. рычание ветра) – завывание ветра
Давраи яхбандӣ (досл. период оледенения) – ледниковый период
Дар огуши табиат (досл. в объятиях природы) – на лоне природы
Даромади муфт (досл. дармовой доход) – нетрудовые доходы
Замони карахтӣ (досл. время онемения) – период застоя
Кӯр-кӯрона амал кардан – действовать вслепую
Қувваҳои бунедкор (досл. созидательные силы) – созидательные силы
Қувваи ҷозиба – сила притяжения
Майдони магнитӣ – магнитное поле
Механикаи осмонӣ – небесная механика
Миқеси истеҳсолот – масштабы производства
Мулоимтабиатӣ (досл. мягкость природы) – легкость характера
Нараи ниҳонӣ (досл. конечный рев) – девятый вал
Насими форам – ласковый ветерок
Овози ҳалқунанда – решающий голос
Оғӯши торикии шаб (досл. темные объятия ночи) – объятия ночи
Оҳанги сард - ледяной тон
Падидаи нахуст (досл. первое явление) – первая ласточка
Перспективаҳои ҷозиб – манящие перспективы
Рафтори сабукфикрона – легкомысленный поступок
Санҷиши овозҳо – проба голосов

Сатҳи оинагуни кӯл (досл.зеркальная поверхность озера) – зеркальная гладь озера

Тамасхуромезии тасвир (досл.насмешливость изображения) - карикатурность изображения

Тарбияи овоз (досл.воспитание голоса)– постановка голоса

Тӯфони магнитӣ – магнитная буря

Хиромони рафтор, гашти хиромон (досл.грациозность походки)– легкость походки

Хониши мургон (досл.пение птиц) - птичьи голоса

Ҳамсадоҳои ларзанда – дрожащие согласные

Ҳаракати муқобилат – движение сопротивления

Ҳарорати бўҳронӣ – критическая температура

7. Психический мир → Психический мир

Оқизи фикр – бедность мысли

Қусури баён (досл.бедность изложения) – бедность языка

Орзу дар дил парваридан (досл.выращивать мечту в сердце) – взлелеять мечту

Як дуне хабари тоза (досл.мир свежих новостей) – воз новостей

Қонуниятҳои инкишофи табиат – закономерность развития природы

Моҷарои оилавӣ – семейная драма

Масъалаи ҳаёту мамот – вопрос жизни и смерти

Роҳномаи ҳаёт – путевка в жизнь

Воқеаи пурасрор – загадочное происшествие

Саҳви назар, галати чаши (досл.ошибка взгляда, ошибка глаз) – обман зрения

Камоли зароватгӯӣ (досл.совершенство остроумия)– изощрение в остроумии

Бози назар (досл.игра взгляда) – лукавность взгляда

Васвасаи бузургӣ, савдои калонӣ – мания величия (соблазн величия)

Як олам ташиши (досл.мир хлопот) – масса хлопот

Сеҳри сухан – магия слова

Як олам таассурот (досл.мир впечатлений) – масса впечатлений

8. Человек ⇔ Физический мир

Одами сабуксар (досл.человек с легкой головой) –ветреный человек

Одами саргарм – горячая голова

Олими аз ҳаёт дур (досл.далекий от жизни ученый) – кабинетный ученый

Бачаи хом (досл.неспелый мальчик) – безусый мальчишка

Дил дар туген аст (досл.сердце бурлит) –душа горит

Чаими дақиқ – верный глаз

Чаими зирак (досл.сметливый глаз) – опытный глаз

Чаими бад – дурной глаз

Чаимак задан – подмигивать, строить глазки

Чаимони гурусна – голодные глаза

Гӯш ба қомат меояд (досл.уши выпрямляются)– уши вянут

Дар зери фишори омма - под давлением масс

Ҳаракати тарафдорони сулҳ – движение сторонников мира

Дукарат чемпион – двукратный чемпион

Кор пухтагӣ (досл.дело созрело) – дело на мази

Камхарчи болонишин (досл.занимающая почетное место экономность) – дешево и сердито

Фарзанди замон (досл.ребенок времени) – дитя века

Оҳанги дӯстона – дружественный тон

Рӯ тури кардан (досл.делать кислое лицо) – делать кислую мину

Забони тез, нешдор (досл.острый, имеющий жало язык) - острый язык

Парастии шахс (досл.почитание личности) – культ личности

Дастии сабук – легкая рука

Рухи моҳ – лунный лик

*Карахтии қиефа (досл.онемение лица) – мертвенность,
безжизненность лица*

Рӯйи карахт (досл.онемевшее лицо) – деревянное, безжизненное лицо

Фигони дил (досл.крик сердца) – крик души

Хоби рустамона – богатырский сон

Бо имои бурут (досл.жестом усов) – одним жестом

Дар замири дил – в глубине души (сердца)

9. Человек → Психический мир

Бугикунандаи озодӣ – душитель свободы

Душмани ҷонӣ (досл.душевный враг) - кровный враг

Зодаи озодӣ – дитя свободы

Мунодии сулҳ – глашатай мира

*Побанди хаел (досл.человек, связанный воображением) – поверженный
в мысли*

Пуштибони сулҳ (досл.покровитель мира) - оплот мира

Рафиқаи ҳаёт (шутл.) – подруга жизни

Фидоии санъат (досл.преданный искусству) – жрец искусств

Ҷӯраи ҷонӣ (досл.душевный друг) – закадычный друг

10. Человек → Человек

*Асири панҷаи касе будан (досл.стать пленником чьих-то лап)–
попасть в чьи-то сети*

Армияи кормандони илм – армия работников науки

Муҳити дӯстон (досл.среда людей) – дружественная атмосфера

Одами бекалла (досл.человек без головы) – безмозглый человек

Серлабу даҳон (досл.много губ и ртов) – бойкий на язык

В ходе исследования были обнаружены и другие, непродуктивные, типы метафорического переноса, которые представлены единичными образцами. Так, например:

Модель «Физический мир –Животное»:

Борони гургакон – грибной дождь

Хизмати хирсона – медвежья услуга

Гашти хирсона - медвежья походка

Булбули хушовоз – голосистый соловей

Модель «Животное – Предмет»:

Корвони киштиҳои дарёӣ – речной караван

Модель «Животное – Человек»:

Одами сагмизоч – (человек) с собачьим нравом

Бадан мургак мезанад – мурашки бегают по спине

Мургаки бадан - гусиная кожа

Модель «Животное - Животное»

Зоги товустарош - ворона в павлиньих перьях

Таким образом, распределив всю используемую в метафорическом процессе лексику и подводя итоги анализа типологии метафорических переносов, можно заключить, что в таджикском языке существует 10 направлений, по которым происходит метафорический перенос из одного лексико-семантического поля в другое:

1. Предмет→Предмет
2. Предмет ⇔ Человек
3. Предмет ⇔ Физический мир
4. Предмет ⇔ Психический мир
5. Физический мир ⇔ Психический мир
6. Физический мир→Физический мир
7. Психический мир→Психический мир
8. Человек ⇔ Физический мир
9. Человек→Психический мир
10. Человек →Человек

Как правило, разнородный состав метафорического переноса характеризуется разнонаправленностью, то есть процесс переноса осуществляется не только по строго заданному распределению, например, от предмета к человеку, но может быть направлен по обратному курсу – от человека к предмету.

В ходе системного анализа, проведенного российскими учеными, в частности Г.Н.Скляревской, которая, в свою очередь, опиралась на типологию «метафорической картины мира» Р.Халлинга и В.Вартбурга, классификацию В.Н.Телии, Н.Д.Арутюновой, в русском языке были выявлены такие типы «регулярного» метафорического переноса, как:

1. Предмет → Предмет
2. Предмет → Человек
3. Предмет → Физический мир
4. Предмет → Психический мир
5. Предмет → Абстракция
6. Животное → Человек
7. Человек → Человек
8. Физический мир → Психический мир

Сравнительный анализ семантической системности привлеченных в метафорический процесс денотатов русского и таджикского языков показывает, что расхождения имеются как в количественном плане (в русском языке 8 типов метафорического переноса, в таджикском – 10), так и в плане одно- и разнонаправленности переноса. Так, если в русском языке процесс метафоризации совершается в жесткой последовательности в строго установленном направлении, то в таджикском языке перенос значения допускается в разных направлениях и без определенной системности и выдержанности.

Значительные расхождения наблюдаются также и в объеме количественного распределения метафорических переносов. Согласно результатам статистического анализа, приведенного в монографии

«Метафора в системе языка», в русском языке наиболее регулярным метафорическим переносом является перенос по модели «Предмет→Психический мир», продуктивность которой составляет 24 % от общего числа рассмотренных метафорических единиц. Вторыми по продуктивности являются почти равнозначные модели «Животное→Человек» - 16,5 % и «Человек→Человек» - 15,1 %. Третьим – «Предмет→Человек» - 14,4 % и последним - «Предмет→Физический мир» - 2,3 %. [Скляревская, 1993: с.96].

Несколько иная картина количественного распределения переноса значений сложилась в ходе проведенного нами статистического анализа метафорических единиц таджикского языка. Так, самым частотным типом переноса оказалась модель «Физический мир \rightleftharpoons Психический мир», в состав которой входит 27,6 % от общего числа вовлеченных в процесс метафоризации единиц таджикского языка. Вторым по регулярности оказался тип «Предмет \rightleftharpoons Физический мир», который охватывает 15,3 % единиц, третьими – равнозначно (по 13,3 %) представленные модели «Предмет \rightleftharpoons Психический мир» и «Физический мир→Физический мир». Список замыкает тип «Человек→Человек», в которой единиц насчитывается 2 %.

Результаты сравнительного статистического анализа количественного распределения типов метафорического переноса в двух языках более детально приведены в таблице № 2.

Таким образом, можно сделать вывод, что процессы метафоризации в сопоставляемых языках имеют как интегральные признаки, так и дифференциальные. Общими для обоих языков являются 5 выделенных в ходе анализа масштабных семантических сфер с размещенными в них объектами действительности: 1. Предмет. 2. Человек. 3. Животное. 4. Физический мир. 5. Психический мир. Однако не во всех перечисленных сферах проявляется сходство в репрезентации. Так, прежде всего, в таджикском языке денотаты, входящие в группу «Животное», наименее

частотны, они не представлены столь масштабно, как в русском языке, и не образуют ни одной «регулярной» модели метафорического переноса.

Следует отметить, что заявленная российскими учеными в типологии метафорической системы семантическая сфера «Абстракция» не рассматривалась нами по следующей причине.

При выделении данной группы Г.Н.Скляревская приводит следующий аргумент: «Языковые метафоры абстрактной сферы обладают минимальной степенью образности, утрачивая элементы «наглядности» и «картинности». Например, языковая метафора *горы книг* сохраняет наглядность, элемент зрительного образа и потому относится к семантической сфере «Предмет», а языковая метафора *горы дней* такой элемент утрачивает, не означает ничего, кроме «много дней» и относится к семантической сфере «Абстракция» [Скляревская, 1993: с.75].

Мы не считаем целесообразной столь детальную и скрупулезную дифференциацию денотатов типа *поток писем – поток чувств, море песка – море событий, лавина машин – лавина проблем* и поэтому не стали выделять отдельную семантическую сферу «Абстракция».

Общими для сопоставляемых языков являются выявленные в типологии метафорических переносов модели «Предмет→Предмет», «Предмет→Физический мир», «Предмет→Психический мир», «Человек→Человек», «Предмет→Человек», «Физический мир→Психический мир».

Специфической особенностью русской метафорической картины мира является наличие в ней таких регулярных метафорических переносов, как «Предмет→Абстракция» и «Животное→Человек», тогда как в таджикском языке особенность заключается в следующих выделенных типах процесса метафоризации: «Физический мир→Физический мир», «Психический мир→Психический мир», «Человек↔Физический мир», «Человек→Психический мир».

Расхождения в метафорической системе сопоставляемых языков проявляются также и в количественном распределении наиболее продуктивных типов метафорического переноса. Так, самым распространенным типом в русском языке является метафоризация в направлении от семантической сферы «Предмет» к сфере «Психический мир», а в таджикском – модель «Физический мир \rightleftharpoons Психический мир». Более того, векторность переноса значения в русском языке строго упорядочена и имеет одну направленность, а в таджикском она не систематична и разнонаправлена.

I.1.4. Особенности передачи таджикских метафорических единиц на русский язык

В данном разделе попытаемся рассмотреть практические вопросы специфики передачи художественных средств выразительности, в частности метафоры, которые основаны на сложности соблюдения стилистических требований, общих норм таджикского и русского языков, а также адекватного подбора лексических и стилистических соответствий.

Современная переводческая деятельность, будучи связанной с различными по стилю текстами исходного языка, охватывает этнографические, литературоведческие, психологические и другие стороны человеческой деятельности. Наряду с этим в процессе своей деятельности и в поисках выбора единственно правильного эквивалента переводчик учитывает стилистические особенности текста, обращаясь к стилистическому строю языка-источника.

В теории перевода проблема передачи стилистических приемов речи остается одним из наиболее интересных и недостаточно проработанных аспектов. Адекватная передача образной информации художественного произведения является основным вопросом исследования перевода образных средств. Для передачи чувств, состояния, переживаний автора

при переводе переводчику, помимо обладания большим словарным запасом, необходимо обладать навыками распознавания экспрессии в переводимом тексте.

Для перевода образного средства необходимо определить его информационное содержание, его семантическую структуру. В теории перевода важную роль играет сравнительное определение объема образной информации подлинника и перевода. Анализ образной информации следует проводить на уровне языка, определяя и сравнивая постоянно закрепленные за словом объем и содержание образной информации.

Метафора, как правило, интерпретируется как «скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту второго» [Арнольд, 2002: с.82]. При этом чем больше разрыв между соотносимыми понятиями, чем отдаленнее связь между ними, тем экспрессивнее и выразительней будет метафора. Метафора, как «обозначение нового предмета через вторичные признаки другого предмета», всегда предполагает выступление на первый план второстепенных признаков предмета.

Несомненно, для перевода задуманного автором оригинала метафорического переноса необходимо обратить особое внимание на максимальную точность перевода, поскольку переводимый текст содержит в себе образы, созданные автором как носителем языка, культурных реалий и ассоциаций.

Одной из актуальнейших задач перевода является передача стилистических единиц. Существует ряд стилистических требований, предъявляемых к переводу, или так называемые нормативные правила, согласно которым переведенный текст, прежде всего, должен отражать истинный смысл исходного текста. Другим требованием является соблюдение в тексте общих норм русского языка, то есть отсутствие

орфографических, грамматических и стилистических ошибок. Третье правило адекватного перевода заключается в лексическом и стилистическом соответствии, которое предполагает точный подбор эквивалентов слов и сочетаний, использованных как в прямом, так и переносном значении.

Для адекватной передачи экспрессивной функции использованных в оригинале выразительных средств переводчику необходимо обладать достаточными знаниями стилистики обоих языков, что поможет ему в правильном отборе стилистических фигур и тропов. Стилистическое тождество станет основным критерием правильного отбора необходимой лексики, выбора грамматической формы и структуры предложения.

При сопоставлении текстов перевода с оригиналом обращает на себя внимание тот факт, что на лексическом уровне автор перевода старается максимально точно передать средства выразительности оригинала, сумев удачно подобрать лексемы переводимого языка в той или иной мере стилистически соответствующие исходному языку. Подтверждением этому может служить следующий пример сохранения эмоционально-экспрессивной ценности авторских метафор: *Ўро биеред, ба дораи кашед, то ман бо чаимҳои худ <...> бубинам, ки чӣ тавр бод бо камончаи худ тори тани ўро навохт ромшигарӣ мекунад!* (Баҳманер, 2011: с.230). - *Приведите его и повесьте, чтобы я собственными глазами <...> увидел, как ветер своим смычком заиграет и споет на струне его тела* (<http://www.proza.ru>).

В данном случае перед нами развернутая художественная метафора, где ключевой является лексема *бод* – ветер: *бод бо камончаи худ* – ветер своим смычком, *бод навохт ва ромшигарӣ мекунад* – ветер заиграет и споет, *бод тори тани ўро навохт мекунад* - ветер заиграет на струне его тела.

«Закон сохранения метафоры», сформулированный в теории перевода, предполагает обязательное сохранение метафорического образа при переводе. При несоблюдении данного закона снижается эстетический и прагматический эффект фразы [Гальперин, 2004].

Отталкиваясь от значения слов в метафорическом сочетании оригинала, переводчик прибегает к сопоставлению лексических значений слов в исходном и переводимом языках. Исследование перевода лексических единиц и сочетаний метафорического содержания позволило выявить факт передачи некоторых языковых образов метафорических словосочетаний подлинника на эквивалентной семантической основе, тождественной по номинативной функции: *Аз тарс шояд оянд, вале бо фармони дил намеоянд!* (Баҳманер, 2011: с.231).- *Быть может, придут – из страха, но не по велению сердца!* (<http://www.proza.ru>).

В данном случае налицо абсолютно эквивалентная передача языковой метафоры, поскольку подобранный переводчиком вариант в полной мере сохраняет образность, он равноценен с точки зрения семантики и структуры и в обоих языках является штампованным сочетанием. Аналогичную адекватность можно наблюдать и в следующих примерах авторских метафорических сочетаний:

Оташаки ҳирс яке дар чаимони муғул шӯъла заду гайб (Баҳманер, 2011: с.221). - *В глазах монгола вспыхнул алчный огонек и тут же погас* (<http://www.proza.ru>).

Пеши пои муғул теппаяки қаззоб боло шуд (Баҳманер, 2011: с.221). - *У ног монгола вырос притягательный холмик* (<http://www.proza.ru>).

В приведенных образцах выразительность метафорической единицы оригинала усилена за счет уменьшительно-ласкательных суффиксов –ак- (*оташак*) и -як- (*теппаяк*). Данный коннотативный оттенок был принят во внимание переводчиком и искусно передан на русский язык посредством уменьшительно-ласкательных суффиксов –ек- (*огонек*) и –ик-

(*холмик*). Сохранена также частеречная принадлежность единиц, вовлеченных в процесс метафоризации.

Рассмотренный пример является образцом-эталонном полного перевода метафорической единицы, когда в обоих языках отмечается совпадение правил сочетаемости и традиций предоставления содержащейся в отдельно взятой метафоре эмоционально-оценочной информации.

Однако участвующая в метафорическом переносе лексема *оташак* в приведенном ниже примере при передаче на русский язык получила несколько иную образность:

- *Вай беодобӣ кард, мегӯям! – аз газаб дар чаимони писарак оташаке дурахшид* (Самад, 1997: с.119). - *Он первый начал, говорю! – от злости в глазах мальчика сверкнула искра* (Самад, 2018: с.136).

Семантическая наполняемость лексем *огонек* и *искра* в некоторой степени неодинакова, поскольку *искра*, согласно интерпретации С.И.Ожегова, «мельчайшая частичка горящего или раскаленного вещества» [ТСРЯ, 2010: с.252], тогда как *огонь* - «горящие светящиеся газы высокой температуры, пламя» [ТСРЯ, 2010: с.444], то есть искра является частью, компонентом огня. Следовательно, в данном случае не следует говорить об адекватной передаче таджикской метафоры на русский язык.

Рассмотрим следующие, довольно занимательные, вызывающие интерес примеры.

<...>*ман бошам маҷбурам асирони ӯро ниғаҳ дораму боз бо ин мӯйсафеди нимҷон, ки аз чи сабабе ҳама ҷонаширо харидан мехоҳанд, рӯзро кӯр кунам!»* (Баҳманер, 2011: с.222).- <...> *а я вынужден стеречь его пленников да еще убивать свой день на этого полудохлого старика, чью жизнь, не знаю почему, все хотят выкупить!»* (<http://www.proza.ru>).

Муғул боз тозиена бардошт, то оташи қахру газабашро паст кунад, е ин тани нимҷонро аз рӯҳи гарон озод (Баҳманер, 2011: с.223). - *Монгол*

снова взмахнул плетью, чтобы **пригасить пламя своей ярости и злобы**, или **избавить это полуживое тело от обременительного духа** (<http://www.proza.ru>).

Данные образцы отличаются богатством использованных в них метафорических единиц. Так, прилагательное *нимчон* (досл.с половиной души) является компонентом сразу двух метафорических сочетаний – *мӯйсафеди нимчон* (полудохлый старик) и *тани нимчон* (полуживое тело). Согласно ФТР рассматриваемое прилагательное переводится на русский язык прилагательным *полуживой* [ФТР, 2006: с.408]. Однако при таком переводе, на наш взгляд, теряется некая фигуральность и экспрессия данного слова. Более того, переводчик Х.Хамракулова предлагает читателю два эквивалентных варианта его передачи: *полуживой* и *полудохлый*, прибегая в данном случае к трансформации лексического значения и используя метод смыслового развития (=полудохлый, значит полуживой). Вполне оправдан выбор в качестве равнозначной единицы в переводимом языке лексемы *полудохлый*, в прямом значении использующейся только по отношению к животным. Такое решение переводчика позволило сохранить образность оригинала и передать негативное отношение персонажа к «полуживому человеку».

Следует отметить, что в таджикском языке лексема *чон* является полисемичной единицей и соотносится с 8 денотатами. Среди прочих значений этого слова в ФТЗТ приводится: «3. Ҳаёт, зиндагӣ» [ФТЗТ2, 2010: с.621], т.е. «жизнь». В связи с этим можно определить как абсолютно эквивалентный перевод передачу на русский язык следующей метафорической единицы *ҷонаширо харидан мехоҳанд* – *хотят выкупить его жизнь*.

«Сохранение аналогичного метафорического образа» как одной из стандартных процедур перевода метафор, предложенных П.Ньюмарком, можно наблюдать и в следующем примере: *оташи қаҳру газоби худро наст кардан* - *пригасить пламя своей ярости и злобы*.

Использованная в исследуемом контексте языковая метафора *рӯзро кӯр кардан* (досл.ослеплять день) – убивать день, несмотря на замену компонентного состава в достаточной мере сохраняет семантическое содержание и образность передаваемой информации. Переводчик не только использует прием генерализации, характеризующийся отношениями между гипонимами и гиперонимами (ослепить →нанести вред здоровью → убить), но и допускает замену компонентного состава зафиксированной в лексикографических источниках метафоры *убить время* → *убить день*.

Сохранение метафорического образа, а также эстетического и прагматического эффекта фразы при переводе можно проиллюстрировать следующими примерами:

Дар ҳавлие, ки чор сӯяи васеъ метофт, кор ҷӯш мезад (Бахтӣ, 2011: с.185). - *Во дворе, простершемся на все четыре стороны, кипела работа* (Бахти, 2008: с.281).

*Вай то имруз пай намебурдааст, ки тамоми умр аз ҳар кирдори бадаш бе ҳеҷ мулоҳиза чашим пушида, худро ба **доми фиреб** андохта будааст* (Турсун, 1976: с.249). - *Слепец, для чего прожил жизнь? Что хорошего сделал? Сам себя оплел **сетями лжи*** (Турсун, 1979: с.331).

*Пагоҳ **пой дароз кунад**, онҳо шояд аз паси тобуташ ҳам раванд* (Турсун, 1976: с.247). - *Завтра, если он **протянет ноги**, они пойдут за его тобутом* (Турсун, 1979: с.326).

*Аспи сиеҳмушкин дар таки пояш **бозӣ мекард*** (Турсун, 1976: с.241).- *Вороной **конь играл** под ним* (Турсун, 1979: с.328).

*Ва дар як дам тамоми Регистон **гарқи хомӯшӣ мешавад*** (Баҳманер,2011: с.218). - *И в то же мгновение весь Регистан **погружается в безмолвие*** (<http://www.proza.ru>).

Ба рухсораи тираи осмон сапеда медамид ва куҳистон хамеза мекашид (Баҳманер, 2011: с.121).- *По темному лику неба разливался свет, и горы **потягивались** после сна* (<http://www.proza.ru>).

*Мардро чунин намуд ки ин дам ҳама чиз аз ҳаракат монд, ҳама чиз дар интизориҳои гароне карахт гашит (Баҳманер, 2011: с.125). - Человеку показалось, что в этот миг все вокруг застыло, все онемело в **тягостном ожидании** (<http://www.proza.ru>).*

*Пархои аз бугӯбугӯву гилагузорӣ оғоз ефт, сипас чунон **аланга гирифт**, ки замину осмон сӯхт (Самад, 1997: с.116). - Ссора началась с ворчаній и взаимных упреков, но потом, так **разгорелась**, что **сгорело все: небо и земля** (Самад, 2018: с.134).*

*Ва то шумо ҳастед, гӯяндаҳо **сар зеби дор мекунад** (Баҳманер, 2011: с.231).- И пока есть такие, как ты, **голова певцов будут украшением виселиц...** (<http://www.proza.ru>).*

*Ҳини ханда **мижгонҳои дарозу нӯгтезаи ларзиданд**, **абрӯҳои борику усмакашидаи ӯ пайванд шуда**, **бозӣ карданд**, вале ба сари рухсораҳои **сурхӣ давид** (Самад, 1997: с.117). - Во время смеха ее длинные и остроконечные **реснички затрепетали**, и соединенные между собой **усьмой брови заиграли**, на щеках **появился румянец** (Самад, 2018: с.131).*

Приведенный выше в качестве иллюстрации полного перевода пример примечателен тем, что если первые два метафорических сочетания (мижгонҳо ларзидан – реснички затрепетали, абрӯҳо бозӣ карданд – брови заиграли) можно рассматривать в качестве коррелятивных пар, то третье – *сурхӣ давид* – *появился румянец*, хотя и воспроизводит идентичное эмоциональное отношение и равноценную стилистическую характеристику, но в нем проявляется различие по лексико-семантическому содержанию отдельного компонента: *давид* (побежал) – *появился*. Другими словами, в данном случае имеет место лексическая замена одного из компонентов метафорического сочетания. Более того, данный образец интересен тем, что в нем проявляется такое средство выразительности синтаксического уровня, как градация, когда слова или словосочетания располагаются в порядке их возрастающей семантики.

Сохранение образности и смыслового содержания при некотором структурном преобразовании наблюдается в следующем примере:

Ба кудрати сарвати хеи така мекард ва зуд ба хостаи дилаш комеб мешуд (Бахтӣ, 2011: с.187).- Его силой и опорой было его состояние, и он имел все, что его душе было угодно (Бахти, 2008: с.283).

Метафорическая фраза оригинала *опирался на силу своего состояния* при передаче на русский язык получила другое частеречное оформление - *силой и опорой было его состояние*. Подобная трансформация имеет место быть, согласно выделенным Т.А.Казаковой правилам преобразования метафор (Казакова, 2001), только при условии, если существуют различия в нормах грамматического оформления метафоры. Однако в данном случае избранная переводчиком трансформация неоправданна.

Наряду со структурными преобразованиями метафор, в теории перевода выделяются и лексические, так называемые замены, которые допустимы при ассоциативном или узуальном несоответствии между компонентами лексической системы двух контактирующих языков. Так, например, слово *харигарӣ* содержит в себе коннотативную сему 'подлость' и образует, по теории В.П.Москвина [Москвин, 2006: с.80], «импликационал» слова *хар (осел)* в его первичном значении. В свою очередь, русское слово *свинство* так же содержит в себе коннотативную сему 'подлость', но образует оно импликационал слова *свинья* в его первом значении:

*Чунон шабеҳ ки гӯе яке аз ин махлуқот нақши осмон гашта, харигарии моро таҷассуми кайҳонӣ меод (Баҳманер, 2011: с.235). - Сходство с саранчой было столь очевидно, что казалось, будто одно из этих мерзких существ, повиснув в небе, придавало **нашему свинству** вселенские масштабы (<http://www.proza.ru>).*

Прием частичной замены без потери экспрессивности используется при передаче метафорических сочетаний в следующих предложениях:

То даме ки худо маро бандаам мегуяд, давр меронам (Турсун, 1976: с.237). - Пока бог считает меня рабом своим, я буду властвовать (Турсун, 1979: с.316). - Мегуяд (говорить) – считает.

Ва чун сиеҳ мидиданд лаб фурӯ мебастанд (Баҳманер, 2011: с.224). - И, едва лишь завидев черную тень, они прикусывали языки (<http://www.proza.ru>). – Лаб фурӯ бастан (проглотить губу) – прикусывать язык.

Андаруни ин вайрона кӯрдуде печутоб мехӯрд (Баҳманер, 2011:с.226). - Внутри этих провалов клубился ядовитый дым (<http://www.proza.ru>). - Кӯрдуд печутоб мехӯрд (извивался удушливый дым) – клубился ядовитый дым.

Бо шунидани ин ниҳеби аҳриманона асирони дигари Тугай ба ҳаракат омаданд (Баҳманер, 2011: с.221). - Услышав этот дьявольский выкрик, остальные пленники Тугая беспокойно задвигались (<http://www.proza.ru>). - Ниҳеби аҳриманона (дьявольский ужас) – дьявольский выкрик.

Ба мард чунин менамуд, ки ситораҳо як-як аз сатҳи об канда шуда ба ҳаво мераванд, то ба гӯши осмон овеза шаванд (Баҳманер, 2011: с.126). - Казалось, звезды, по одной отрываясь от поверхности озера, взлетают в воздух, чтобы повиснуть на куполе неба (<http://www.proza.ru>). – Гӯши осмон (ухо неба) – купол неба.

Прием модуляции, основанный на причинно-следственных отношениях, наблюдается в следующем контексте: *Худо накунаду як руз пиёда шавам ҳам, давлатам ки даст, парво намекунам (Турсун, 1976: с.241). - Ну а если однажды, не дай бог, и сбросит меня конь, то и тогда мне бояться нечего, потому как есть у меня достояние (Турсун, 1979: с.327). - Пиёда шудан (стать пешим) – сбросит конь (Сбросил конь - значит стал пешим).*

На наш взгляд, недостаточно ярко передана живописность и колоритность метафорических сочетаний в следующих контекстах, когда автор, используя языковую метафору, распространяет ее за счет повтора.

Мард пай бурд, ки пирзол ўро фаҳмид, саропо гӯш, гӯш, гӯш шуд (Баҳманер, 2011: с.125). - *И лошади́к **весь** обратился в слух, затаив дыхание, застыв в ожидании* (<http://www.proza.ru>).

Ин манзара он қадар гуворо, он қадар дилрабо, он қадар ба рӯёе моно буд, ки мард саропо чаши́м, чаши́м, чаши́м шуд (Баҳманер, 2011: с.124). - *Это было столь притягательное, столь пленительное, столь не похожее на явь зрелище, что человек **весь** обратился в зрение* (<http://www.proza.ru>).

Сочетание *саропо гӯш шудан*, имея переносное значение, трактуется авторами ФТР как *обратиться полностью в слух* [ФТР, 2006: с.526]. Слово *саропо* (досл. с головы до ног) в таджикском языке несет в себе образность и отличается от синонимичных ему нейтральных единиц *пурра* (весь) и *бутун* (целиком). Выразительность метафорической единицы оригинала возрастает за счет использованного автором повтора, что, к сожалению, не получило отражения в конечном тексте.

Примером очень интересного и насыщенного средствами выразительности является следующее предложение, в котором автор весьма искусно использует одновременно несколько скрытых сравнений. *Боз як рӯзи тираву пурдард аз ин айеми номард доман мепечид* (Турсун, 1976: с.263). - *Еще один хмурый недужный день этого подлого времени подходил к концу* (Турсун, 1979: с.327). Первые метафоры оригинала *рӯзи тираву пурдард* и *айеми номард* переводчику удалось передать достаточно адекватно и экспрессивно словосочетаниями *хмурый недужный день* и *подлое время*. Но использованная автором метафора *рӯз доман мепечид* (досл. день прикрывался подолом) в переводе не сохранила образность и передана другим, хотя и менее образным, средством выразительности – олицетворением -*день подходил к концу*.

Адекватность перевода образных средств зависит, прежде всего, от корректной передачи семантической информации образом переводимого языка. При точной передаче семантической основы образа оригинала возможно получение адекватного языкового образа ПЯ и его

адекватного смыслового содержания, реализующего номинативную функцию образа.

Идентичность семантической основы и исходящее из нее полное тождество номинативной функции метафор исходного и переводящего текста не всегда содержат адекватно переданную экспрессивную функцию:

Не-не! Бе дарду бало нестанд онҳо. Ҳар зогеро догест (Самад, 1997: с.128). - *Нет-нет! Не зря все это. У каждой вороны свое пятно* (Самад, 2018: с.135).

ИлиБаъд боз ҷаста ба косаи сар ба маъвои азалии худ ҷо мешуданд (Баҳманер, 2011: с.226). - *И черви глаз его, наевшись досыта, водворились на свое **прежнее место*** (<http://www.proza.ru>).

Таджикское сочетание *маъвои азалии* вполне можно отнести к метафорическому, поскольку участвующие в метафоризации компоненты являются книжными словами и в данном контексте наделены ироничностью. На наш взгляд, их передача на русский язык нейтральным словосочетанием *прежнее место* нецелесообразна. Хотя в плане номинативности цель достигнута, говорить о выразительности и экспрессивности не приходится. Более уместным в данном случае было бы использование равноценного *извечная обитель*.

Анализ иллюстративного материала позволил также выявить и другой, не менее востребованный переводчиками, способ передачи подвергнутых метафоризации единиц. В теории переводоведения такой способ известен как прием «замены эквивалентной метафорой переводящего языка» (Ньюмарк, 2008). Подобная замена позволяет в случае непереводимости той или иной образной единицы подобрать в переводящем языке сочетание с идентичными переносным значением, эксплицированным иными образами. Например:

Кошки он лаҳза тезтар расида, тани абгораширо аз панҷаи дард мерабуд... (Турсун, 1976: с.233). - Скорее бы уже наступал этот миг, только бы вырваться из когтей боли (Турсун, 1979: с.325).

Ба тухми духтар кахт наомадааст гуфту монд (Турсун, 1976: с.244). - Женскому роду нет переводу, сказал он тогда себе (Турсун, 1979: с.329).

«Ин асои дароз кам касаке нест» - аз пеши худ гуфт Чоку ва маънидор ба асири худ нигарист (Баҳманер, 2011: с.223).- «Этот длинный костыль не мелкая сошка»,— сказал себе Чоку и многозначительно посмотрел на своего пленника (<http://www.proza.ru>).

Султони шаб шом хурда, ситорагони само як-як нопадид мешуданд (Баҳманер, 2011: с.124). -Ночь пошла на убыль, и звезды гасли одна за другой (<http://www.proza.ru>).

Анвар як бор ба атроф чаим давонд ва гумон кард, ки дар як лаҳза сояи гам дар ин ҳавлӣ чунон лангар партофт (Бахтӣ, 2011: с.284). - И показалось Анвару, что беда навалилась на двор (Бахти, 2008: с.181).

Мӯйсафед оҳ кашиду сар чунбонд ва ба сукут рафт (Самад, 2018: с.129). - Старик вздохнул, покачал головой и погрузился в молчание (Самад, 2018: с.136).

Хаелатон, ки ду одами тир аз мастӣ дилсиехӣ мекунад? (Самад, 1997: с.128). - Думаете, что эти два старых человека с жиру бесятся? (Самад, 2018: с.135).

Несоответствие объема экспрессивности на схожей семантической основе обусловлено различием в степени экспрессии переносных значений эквивалентных единиц: тогда видоизменение одной информации влечет за собой ослабление или усиление речевых вариантов, то есть при тождестве номинативной, эмоционально-оценочной и эстетической функций возможно изменение экспрессивности образа.

Данное положение можно проиллюстрировать фактами непередаваемости метафорического образа, когда для осуществления номинативной функции за основу берется только смысловое содержание образа. Например: *Ин қавм, ки <...> тухми одамро бо галбери парешонӣ дар олам бехт* (Баҳманер, 2011: с.234). - *Его сатанинское племя, разбросавшее (через сито рассеянности – С.Р.) человеческое семя по миру* (<http://www.proza.ru>). Развернутая метафора *бо галбери парешонӣ бехт* передана в переводящий язык нейтральным *разбросало*. В данном случае допускается замена образного средства абсолютно несоответствующей единицей, хотя и передающей логическое содержание, но явно неравнозначной в стилистическом отношении.

Или: *Аз ин рӯ шамшер ва хирадро ба ҳам оштӣ дода, оламгир шудан мехост* (Баҳманер, 2011: с.231). - *Потому-то он хотел покорить мир, действуя и мечом, и умом* (<http://www.proza.ru>). Использованный в данном контексте в качестве метафоры глагол *оштӣ додан* неоправданно трансформируется переводчиком в нейтральное *действовать*.

Подобную замену, когда передача образного выражения не может быть полноценной, поскольку налицо потеря экспрессивности, коннотативных признаков и оттенков значений, можно наблюдать и в следующих представленных в огромном количестве предложениях:

Аммо мардум наметавонистанд як умр лаббаста бошанд (Баҳманер, 2011: с.226). - *Но люди не могут молчать всю жизнь* (<http://www.proza.ru>). - *Лаббаста будан* (досл. *быть с завязанными губами*) – *молчать*.

Вай дар хона набошад, ба обу алави рӯзгор кӣ ҳамдастӣ мекунад?! (Турсун, 1976: с.256).- *Если не внук, то кто станет помогать в доме по хозяйству?!* (Турсун, 1979: с.330). - *Обу алави рӯзгор* (досл. *вода и огонь быта*) – *хозяйство*.

Соле ки Назар писараширо суннаттуй кард, бисъери мардуми деҳа ба туяш наомада, ошаш дар дегу наошаш дар дастархон ҳайрон монда буд (Турсун, 1976: с.266). - *В год, когда Назар справил праздник суннат для*

своего сына, многие жители кишлака не почтили его своим присутствием, лепешки на дастархане и плов в котле так и **остались нетронутыми** (Турсун, 1979: с.328). - Ошу нон ҳайрон монд (досл. плов и лепешки остались удивленными) – остались нетронутыми.

Намаянда сахт **пофишори мекард**, ки гайр аз масҷиди харобаву валангор ҷои дигареро мувофиқ намебинад (Бахтӣ, 2011: с.180). - Чиновник **настаивал**, что нет более подходящего места для свиней, чем полуразрушенная мечеть. (Бахти, 2008: с.278).- Пофишорӣ кардан (досл.трясти ногами) – настаивать.

Ту бошӣ, барқасд дар маркази деҳа афъюн ниғаҳ медорӣ? **Гапа гоз доданат** хуб не (Бахтӣ, 2011: с.179).- А ты нарочно посреди села мечеть сохранил. Нехорошо так **тянуть** с выполнением указаний (Бахти, 2008: с.275). - Гапа гоз додан (тянуть слово, разговор).

Ба ақли касе рост намеомад, ки рӯзе байни пиру кампир **боди сардиву носозӣ** бихезад (Самад, 1997: с.130). - Никто не мог поверить, что когда-нибудь между стариком и старушкой возникнет **разногласие** (Самад, 2018: с.134). - Боди сардиву носозӣ (досл. ветер холода и несогласия) – разногласие.

Фарзандону наберагон ҳарчанд кӯшиданд, **даъвои** пиру кампирро **соф карда** натавонистанд, (Самад, 1997: с.130).- Как ни старались дети и внуки, но **помирить** старика со старухой не смогли. (Самад, 2018: с.136). - Даъво соф кардан (очищать претензии) – помирить.

Ва аз хандаи наберагон мӯйсафед сарҳисобаиш гум, ба **гирдоби хиҷолат** афтод (Самад, 1997: с.131). - И старик, растерявшись от смеха внуков, **смутился** (Самад, 2018: с.135). - Гирдоби хиҷолат (водоворот стыда) – смутиться.

Мугул тозиена бардошту асири Тугайро паи ҳам чанд **тозиенаи обдор зад** (Баҳманер, 2011: с.223).- Монгол размахнулся плеткой и нанес подряд несколько **крепких ударов** пленнику Тугая (<http://www.proza.ru>). Тозиенаи обдор задан (досл. ударять содержащим воду кнутом) – крепкий удар.

Ў бо Воҳид каме пичир-пичир карду рафт. Вай чӣ гуфт, ба пиразан торик (Турсун, 1976: с.265). - *О чем- то пошептался во дворе с Вахидом и ушел. Что он сказал, старухе было **неведомо*** (Турсун, 1979: с.326). - *Ба пиразан торик* (досл.старухе темно) – *старухе неведомо.*

Ман як даҳан гуфтам, салоҳ бошад, қабул кунед, агар не, ихтиератон (Турсун, 1976: с.264). - *Я что думал, то и сказал вам. А вы уж как хотите, примете их, нет — воля ваша* (Турсун, 1979: с.324). - *Як даҳан гуфтан* (досл.сказать один рот, т.е. один раз) – *сказать.*

Вақтҳои ба ҳам рӯбарӯ омаданашон мекӯшид, ки ӯ, Турон, аз чунбиши он кирми дилаш ба ҳеҷ ваҷҳ пай набарад (Турсун, 1976: с.270). - *При встрече прилагал все усилия, чтобы Туран не догадался о его **чувствах*** (Турсун, 1979: с.329).- *Чунбиши кирми дилаш* (досл.движение червей в сердце) – *чувства.*

Пас аз Оҳутак мард боз як зоти дигаре тарбия намуд, ки дар бузкашӣ рақибӣ чаимрасе надошт (Баҳманер, 2011: с.124). - *Потом человек выпестовал еще одного коня, которому не было **равных** в козлодрании* (<http://www.proza.ru>). *Рақибӣ чаимрас* (досл.видимый противник) – *равный.*

- *Нонпази бемисл аст. - Кӣ? – гӯлтурсӣ кард писар* (Самад, 1997: с.127). - - *У нее отменные лепешки. - У кого?- **поинтересовался** сын* (Самад, 2018: с.136).

Ғуруби рузи моҳи хомпаз буд ва аз шохи дарахтон меваҳои ширабаставу расида ягон-ягон меафтоданд (Самад, 1997: с.115). - *Был закат **новолуния** и с веток деревьев кое-где падали зрелые, покрытые сладким соком плоды* (Самад, 2018: с.131).

Ослабление метафорической образности и даже потеря тех или иных средств выразительности неизбежны вследствие национальных особенностей стилистических систем двух участвующих в процессе перевода языков, но, как отмечает В.Н.Вовк, опущения метафор

оригинала являются «серьезными и весьма распространенными средствами искажения» авторского замысла [Вовк, 1988: с.43].

Отрадно, что в исследованном иллюстративном материале не было выявлено факта игнорирования и опущения переводчиком метафор, использованных автором исходного текста, что, безусловно, говорит о мастерстве автора перевода.

Как показал анализ рассматриваемого материала, проблематичность передачи метафоры с одного языка на другой в значительной степени основана на различиях между метафорическими системами языков. Данное обстоятельство сказывается на не всегда уместном и удачном переносе метафор из таджикского текста в русский, что делает необходимым изменение метафорического образа. Подобные замены в некоторой степени помогают сохранить уровень экспрессии оригинала и сохранить его идиоматичность.

I.2. Метонимия

I.2.1. Теоретические предпосылки изучения метонимии в русской лингвистике

Проблемы метонимического переноса значений все больше приковывают внимание зарубежных исследователей как. Актуальность данной темы бесспорна, поскольку метонимические и метафорические переносы, основываясь на универсальных семантических нормах языка, являются неотъемлемой частью языка и речи. Наряду с этим метонимия, как один из способов образования полисемии, в отличие от метафоры, будучи не столь образной и более конкретной, является логически более ясной и не предполагает интерпретации. Возможно, это обстоятельство предопределило тот факт, что метонимия в русском языке не получила достаточного теоретического исследования и практического описания.

В силу своей частой употребленности в разных языках, метонимия - это одно из важнейших лингвистических универсальных понятий.

Данный феномен обратил на себя внимание философов и мыслителей еще в древние времена. Так, Цицерон характеризовал образные слова как слова, «в которых вместо точно соответствующего предмету слова подставляется иное с тем же значением, заимствованное от предмета, находящегося с данным в тесной связи» [Античные теории, 1996: с.218]. В анонимном древнеримском сочинении «Риторика для Геренния» о переименованиях говорится следующее: «Названия эти образуются от имени их изобретателя или заимствуются от изобретенной вещи, или с орудия переносятся на господина, или с того, что делается, на то, что делает, или с того, что содержится, на содержащее, или с содержания на содержимое» [Античные теории, 1996: с.221-222].

Древние лингвистические теории не могли остаться незамеченными и не оказать влияния на развитие лингвистики и филологии в последующие эпохи. Так, первая развернутая интерпретация метонимии в русском языкознании была предложена М.В.Ломоносовым еще в 1748 году: «Метонимия есть когда вещей, некоторую принадлежность между собою имеющих, имена взаимно переносятся, что бывает, 1) когда действующее вместо страждущего полагается: читать Вергилия, то есть Вергилиевы стихи; 2) когда положено будет действие или свойство вместо действующего: убийство достойно смертной казни вместо убийца достоин; 3) когда материя приемлется вместо той вещи, из которой она сделана: серебром искупить, то есть серебряными деньгами; 4) или вещь, сделанная вместо самой материи: хлеб собирать с поля, то есть пшеницу; 5) когда вещь содержащая или место полагается вместо содержимой: восток и льдистый океан свои колени преклоняют, то есть живущие на востоке и при Ледовитом океане; 6) когда вместо вещи полагается тот, кто ею владеет: при военном шуме молчат законы, то есть судьи; 7) намерение или причина, для которой что бывает вместо действия: честь на алтарь возложить, то есть жертву для чести божией; 8) признак вместо

самой вещи: орел вместо Российской империи, седину почитать должно, то есть старых» [Ломоносов, 1952: с.247-248].

Суть метонимии русский филолог Ф.И.Буслаев видит в «перенесении слова от одного значения к другому по различным отношениям» [Буслаев, 1959: с.306].

Последующее исследование метонимии как средства выразительности было проведено в трудах А.А.Потебни, который определил метонимию как «всякое изображение или представление явления (вещи, действия и состояния, качества) в виде одного из его моментов, в том числе в виде впечатления». Рассматривая метонимию как языковое явление, А.А.Потебня выделил следующую особенность метонимии: «Если при переходе образа в значение это последнее не исключает из себя образа, но сверх этого получает новое качество – то это будет метонимия» [Потебня, 1990: с.168].

Интерес к метонимии нашел яркое отражение в исследованиях российских лингвистов XX века. Так, В.В.Виноградов в своих трудах описывает выражаемые словом «метонимические подразумевания» [Виноградов, 1941: с.62].

И.А.Бодуэн де Куртенэ называет метонимию логичной лингвистической реализацией принципа экономии, являющегося причиной языковых изменений и выражающегося в изменении значения слова [Куртенэ, 1963].

Большинство теоретических и лексикографических источников рассматривают метонимию как троп или фигуру речи, тем самым ставя под сомнение ее лингвистическую сущность. Авторы толковых словарей В.И.Даль, Д.Н.Ушаков, С.И.Ожегов, авторы «Современной энциклопедии», «Большого Энциклопедического словаря» определяют метонимию как «вид тропа», «риторический троп», «оборот речи». Как художественное средство рассматривает метонимию и автор «Словаря лингвистических терминов» О.С.Ахманова: «Троп, состоящий в том, что

вместо названия одного предмета дается название другого, находящегося с первым в отношении «ассоциация по смежности» [Ахманова, 2004: с.234].

Попытки дифференцировать литературоведческое и лингвистическое понимания термина «метонимия» были предприняты в научных исследованиях последних лет, где ученые рассматривают метонимию как лингвистическую категорию с разных точек зрения и в разнообразных аспектах, а именно: как способ номинации и средство семантической деривации различных частей речи (Г.И.Кустова, Е.В.Падучева, Р.И.Розина, Е.В.Рахилина), в качестве тропа (О.И.Усминская, Л.А.Новиков, Е.Б.Кузнецова), как инструмент создания дискурса текста (О.В.Раевская). Данное средство выразительности привлекает внимание ученых в его соотнесенности с прагматикой высказывания (А.Н.Токмаков), а также в вопросе сфер его функционирования (А.Н.Еремин, О.Э.Королева).

Е.В.Падучева рассматривает метонимию как «перемещение фокуса внимания, говорящего с одного участника на другого, тоже присутствующего в ситуации». Кроме того, она отмечает, что «интерес к метонимии - это следствие обращения лингвистов к связям между высказыванием говорящего и (воспринимаемой и осознаваемой им) действительности: связи по смежности существуют не между смыслами, а в действительности» [Падучева, 1999: с. 241].

Однако имеющаяся в настоящее время научная литература не дает многоаспектной характеристики метонимии, т.е. метонимия не рассматривается во взаимной соотнесенности семантических, словообразовательных и стилистических особенностей. Также нераскрытыми остаются проблемы лексикографической разработки метонимизированных слов.

Таким образом, несмотря на многовековую традицию изучения, на сегодняшний день не создано целостной теории метонимии. Обобщенная

интерпретация этого термина сводится к тому, что это механизм речи, который заключается в постоянном или occasionalном переносе номинации с одного объекта на другой, ассоциирующийся с первым смежностью, сопредельностью и вовлеченностью в определенную ситуацию.

В исследованиях различных лет огромное значение приобретает дифференциация метонимии в языке и речи, в связи с чем выделяются два вида метонимии. Так, И.Р.Гальперин, определяя метонимию наряду с метафорой одним из способов образования новых значений слов, различает «языковую метонимию» (*аудитория была внимательная, мы читаем Маяковского*) и «речевую метонимию» (*свинцовый полдень, ястребиная ночь, не по-маяковски*) [Гальперин, 2004: с.131]. Языковая метонимия в лингвистических исследованиях упоминается как «регулярная многозначность» (Ю.Д.Апресян, 1995), «метонимизация» (В.И.Корольков, 1967), «формульная метонимия» (Д.Н.Шмелев, 1973) и противопоставляется авторской, контекстно обусловленной или ситуативной метонимии.

Со своей стороны, О.С.Ахманова в посвященной метонимии словарной статье детерминирует понятие «языковая метонимия» как лексическая, окаменевшая, стертая.

Понятие «речевая метонимия» в статье С.А.Губанова становится «occasionalной» и характеризуется «огромными креативными возможностями, при которых признак становится центром высказывания, автор вкладывает контекстуально наполненный occasionalный смысл в высказывание» [<https://cyberleninka.ru/article/n/>]. Речевая метонимия более оригинальна и свежа, субъективна и внесистемна, в то время как языковая имеет системный характер, объективна, поскольку выражает коллективную оценку, анонимна и воспроизводима. Языковая метонимия представлена устоявшимися метонимическими конструкциями, сформировавшимися в определенное

время, вошедшими в обиход и зафиксированными в лексикографических источниках. Речевая метонимия, будучи самобытной, репрезентирована различными типами метонимических отношений и может быть, как случайной, так и художественно осмысленной.

В отношении типологии метонимии и метонимических переносов на сегодняшний день среди ученых-лингвистов не сложилось единого мнения. Существуют различные классификации, основанные на семантических или частеречных особенностях.

Первой попыткой систематизации данного средства выразительности можно считать классификацию Г.Пауля, рассматривающего метонимию в качестве переноса названия «на основании пространственных, временных или каузативных связей» [Пауль, 1960]. Однако гипотеза о временной и пространственной разновидностях метонимического переименования, поддерживаемая М.М.Покровским [Покровский, 1959], во многих случаях вызывает сомнение. Так, А.В.Калинин полагает, что временная смежность может называться как сам процесс, так и результат этого процесса, что формирует скорее причинно-следственные отношения [Калинин, 1978: с.31].

И.В.Арнольд, поддерживая точку зрения Г.Пауля, выделяет причинно-следственную связь наряду с локальным и темпоральным типами связи, одновременно выдвигая четвертую разновидность метонимических переносов – агентивную [Арнольд, 1979: с.58].

Д.Н.Шмелев к этим четырем типам добавляет синекдоху [Шмелев, 1973: с.65].

Принцип С.С.Масловой-Лашанской [Маслова-Лашанская, 2011], впоследствии используемый в работе М.В.Бондаренко [Бондаренко, 1980], основан на типологии метонимических переименований по локальному, темпоральному, каузативному и атрибутивному типам отношений.

Предложенная Л.П.Ефремовым типология является своего рода обобщением всех распространенных классификаций, поскольку включает в себя такие типы связи, как пространственный, временной, причинно-следственный, атрибутивный, материал-изделие, часть-целое и целое-часть (синекдоха) [Ефремов, 1967].

А.Г.Удинская отмечает 5 типов метонимических переносов:

1) каузативный, предполагающий метонимическое переименование на основе причинно-следственных отношений смежных объектов и состоящий из переноса названия с объекта на субъект, с инструмента на объект, с инструмента на субъект;

2) темпоральный, заключающийся в переносе названия на основе временных отношений, в частности при наименовании события по времени или при наименовании времени по событию;

3) атрибутивный, подразумевающий перенос признака на субъект или объект;

4) локальный, продиктованный пространственными отношениями, когда название места переносится на людей или товар;

5) синекдоха, обусловленная переносом наименования с целого на часть или с части на целое, к примеру, при генерализации или конкретизации значения [Удинская, 2007].

Вопросы таксономии метонимических переносов рассматривались также в работах Г.Н.Поспелова, Ю.Д.Апресяна, Е.У.Гинзбурга и др.

Поскольку все участвующие в процессе метонимизации лексемы изучаются в их соотношении с тематическими группами, в настоящей работе за основу взят традиционный тип типологии метонимических переименований, опирающийся на отношения между смежными денотатами. Согласно указанному принципу, метонимические переносы классифицируются на следующие основные типы: партитивный (синекдоха), каузативный (причинно-следственный), темпоральный (временной), локальный (пространственный) и атрибутивный.

Сложившаяся на современном этапе развития лингвистики теория метонимии и метонимических переносов располагает неоднородными, зачастую противоречивыми, суждениями относительно функционального потенциала данного средства выразительности. С точки зрения античных риториков, метонимия, как и метафора, имеет три назначения: эстетическое, номинативное и оценочное.

Развивая гипотезу античных ученых, авторы учебника «Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология» «одной из существенных функций переносно употребляемых слов» называют номинативную функцию: «мы просто называем (а не характеризуем) какие-то предметы, действия, признаки» [<http://www.bibliotekar.ru>]. Среди других важных функций метонимии они отмечают изобразительно-выразительную функцию («Летят алмазные фонтаны с веселым шумом к облакам» (П.) – вместо «струи воды, разлетающиеся фонтаном» - «фонтан») и оценочную (сумасшедший дом) [<http://www.bibliotekar.ru>].

Автор диссертационного исследования «Метонимия в русском языке» А.В.Новиков выделяет две основные функции «метонимически организованных слов: лексико-семантическая, как способ организации в языке и реализации в речи одного из важнейших типов многозначности, и стилистическая – создание образности, эстетически значимой структуры текста» [Новиков, 1996].

Традиционно основной функцией метонимической номинации называют **символизирующую функцию**, поскольку метонимия характеризуется корреляцией двух предметов или явлений. В таком случае любой факт метонимического переосмысления может служить обоснованием этой категории.

Другой, не менее важной, функцией метонимии, основанной на обработке и переосмыслении определенной информации и знаний, является познавательная, или **когнитивная функция**. Примером тому

может послужить знание человека о содержимом, вместо которого называется контейнер (*выпил два стакана*), знание о предмете, произведенного из конкретного материала (*столовое серебро*), знание о столице, как символе государства (*разговор между Москвой и Тегераном*).

Метонимия, будучи осмыслением взаимосвязей действительности, предполагает различного рода временные и пространственные соотношения, причинные и следственные связи, корреляцию части и целого. Другими словами, метонимия призвана обеспечить связность текста, делает возможным связь смысловых элементов как на уровне текста, так и на уровне метатекста, то есть метонимия наделена **связующей функцией**. Такая способность метонимии помогает писателю во избежание тавтологии в разных фрагментах текста обозначать определенные явления или предметы опосредованно, при помощи метонимического переноса. Например, в предложении: *Группа лабораторных форм обедала вместе* – ясно, что словосочетание *лабораторная форма* упоминается не впервые, и писатель ранее рассказывал о носящих лабораторную форму людях.

Кроме того, использование метонимических переносов позволяет достичь лаконичности и меткости выражения, что говорит об их **информативном** потенциале. Так, в предложении: *Он слышал в доме жизнь* повествуется о персонаже, слышавшем какие-то голоса и звуки, издающиеся из дома. На этом примере ясно видно, что писатель, во избежание полного описания конкретного явления прибегает к его обобщению.

Все исследователи солидарны во мнении, что одной из основных функций метонимии, придающей высказыванию наибольшую выразительность, образность и яркость, является ее **изобразительная функция**, которая позволяет автору более красочно и живописно изложить свой замысел, а модификация используемых им обозначений вносит в текст некоторую экспрессию.

Среди прочих функций метонимии ученые выделяют **эвфемистическую функцию**, основанную на замене конкретной информации с непосредственной номинацией на информацию с более обобщающим названием или наделенную негативной коннотацией слова на более корректное, во избежание коммуникативного дискомфорта. Например, метонимический перенос с названия места действия субъекта на название субъекта действия наблюдаем в косвенной номинации женского туалета – *дамская комната* [Никитина, 2015: с.134].

Иная функциональная потенциальность метонимии представлена А.Р.Мухтарулиной: «при всем многообразии и богатстве образов, создаваемых метафорами, метонимиями, и при том, что они выполняют в текстах функции – индивидуализирующую и характеризующую, с помощью которых содержательная информация распределяется на выделенную «фигуру» и фоновую, они, помимо этого, реализуют и когнитивную функцию – способствующую концептуализации новых знаний, предлагают новый ракурс осмысления действительности [<http://www.science-education.ru>].

Усилительную и уточняющую функцию метонимии отмечает С.А.Губанов, наблюдая повышенную эстетическую значимость эпитетов метонимического типа, обусловленную полифункциональностью входящих в их состав прилагательных [<https://cyberleninka.ru/article/n/>].

Когнитивную, прагматическую и текстообразующую функцию метонимии отмечает А.Ю.Резинкин: «Когнитивная функция заключается в переконцептуализации фрагмента действительности. Прагматическая функция представлена рядом частных функций: функцией компрессии информации, функцией псевдоидентификации и эвфемизации и манипулятивной функцией. Текстообразующая функция метонимии заключается в когезии при организации текста, где метонимия выступает в качестве метонимического перифраза, имеющего анафорическую природу» [<http://cheloveknauka.com/funktsionirovanie-metonimicheskikh>].

Таким образом, несмотря на все разнообразие и противоречивость мнений ученых-лингвистов относительно выполняемых метонимией функций, и обобщая результаты всех существующих на сегодняшний день исследований, мы с учетом выполняемых ею функций выделяем номинативную, текстообразующую, когнитивную и эмоционально-оценочную метонимию.

I.2.2. К вопросу об изучении метонимии в таджикском языке

Как было отмечено ранее, в русской лингвистике число ученых, проявляющих интерес к изучению средств выразительности, в частности к метонимии и различным аспектам метонимической теории, начиная с вопросов объема и содержания этого понятия, его семантики и функции и заканчивая проблемами процесса метонимизации, особенностей функционирования метонимических единиц, с каждым годом увеличивается. Однако в таджикском языке в силу необъяснимых причин метонимия, как, впрочем, и многие другие средства выразительности лексического и синтаксического уровней, не являлась предметом отдельных исследований. На сегодняшний день в таджикском языке не зафиксировано ни одного исследования как литературоведческого, так и лингвистического характера, которое было бы посвящено различным вопросам метонимии как одному из наиболее продуктивных средств образования полисемии, ни одной работы, в которой нашли бы отражение проблемы метонимических переносов и особенности функционирования лексем, участвующих в процессе метонимизации. В связи с этим источником для данного исследования послужили лишь те немногочисленные сведения, которые удалось почерпнуть из таджикских лексикографических источников и материалов по теории литературы на таджикском языке.

В первую очередь необходимо определить дефиницию термина «метонимия», опираясь на лексикографические источники таджикского

языка. Метонимия, согласно автору «Русско-таджикского словаря литературоведческих терминов», в таджикском языке интерпретируется как «метонимия, кӯтоҳӣ; номтағйирдиҳӣ, исмтағйирдиҳӣ; дар матни асар е нутқи персонаж ифодаи як сухан бо калимаву ибораи кӯтоҳ ва ибораҳои муродифӣ» [Табаров, 1987: с.67], то есть как «краткость, изменение названия; в художественном тексте или речи персонажа выражение слова другим словом или кратким синонимичным словосочетанием».

РТС предлагает нам следующий перевод этого понятия: «*Лит.* киноя» [РТС, 1985: с.479]. В поисках обратного перевода обращаемся к ФТР, который, в свою очередь, приводит 2 значения слова «киноя»: «1. Намек, иносказательность; 2. *Лит.* аллегория, метонимия, метафора» [ФТР, 2006: с.276]. Правомерным в этом случае становится вопрос: на основе каких интегрирующих признаков эти три средства выразительности, имеющие различные предметно-логические и контекстуальные отношения, объединены в одной словарной статье и являются эквивалентами одного и того же понятия? Тем более что тот же «Русско-таджикский словарь» представляет слово «киноя» в качестве эквивалента к термину «ирония» [РТС, 1985: с.358].

ФТЗТ трактует предложенную РТС в качестве аналога понятия «метонимия» лексему «киноя» таким образом: «*адш.* навъи санъати сухан аст, ки нависанда е гӯянда калимаву ибораеро ғайр аз маънои аслиаш ба маънои маҷозии дигари мантиқан ва ташбеҳан бо он наздик кор мефармояд» [ФТЗТ1, 2010: с.637], то есть: «*лит.* вид средства выразительности, при котором писатель или говорящий использует слово или словосочетание не в прямом, а в переносном, близком по логике или сходству значения». Исходя из такой дефиниции таджикского термина, можно предположить, что «киноя» - это любое слово, использованное в переносном смысле. В таком случае приведенные словарями данные вполне закономерны и обоснованны.

Сходную точку зрения относительно обозначения термина «метонимия» в таджикском языке имеет автор «Англо-русско-таджикского лингвистического словаря», который в качестве ее таджикских эквивалентов предлагает лексемы «метонимия» и «киноя», комментируя их следующим образом: «метония, киноя (маджоз, при котором название одного предмета используется вместо названия другого)» [Чоматов, 2015: с.132].

В «Словаре литературоведческих терминов» на таджикском языке (авторы Р.Ходизода, М.Шукуров, Т.Абдуджабборов) не зафиксировано словарных единиц, которые в той или иной мере могли бы выступать эквивалентами метонимии. Более того, в словарной статье «санъатҳои маънавӣ» (средства выразительности) среди прочих перечисленных средств не встречается коррелятивное метонимии понятие: «санъатҳои, ки ба калимаҳо тобишҳои гуногуни маънавӣ медиханд, мазмуни аънанавии шеърро чуқуртар ва рехтатар мекунанд. Ба санъатҳои маънавӣ ташбеҳ, истиора, талмех, муболиға, муқобила ва ғайра дохил мешаванд» [Ходизода, 1966: с.97] – «средства, придающие словам различные смысловые оттенки, делающие выразительным, метким смысловое содержание стихотворения. К средствам выразительности относятся сравнение, метафора, гипербола, антитеза и др.».

Нет упоминаний о метонимии и в другом «Словаре литературоведческих терминов», автором которого является А.Атаханов. Определяя «средства выразительности» как «художественные», автор интерпретирует это понятие, используя дефиницию данного термина, приведенную нами выше из словаря более раннего издания. Однако в качестве средств выразительности приводится более объемный перечень тропеических единиц. Помимо сравнения, метафоры, иронии, гиперболы, эпитета, олицетворения, описания, в словарной статье называются *иҳом*, *бозгаиш*, *нидо*, *суолу ҷавоб*, *таҷоҳули ориф* [Атаханов, 2002: с.312], которые практически

можно встретить лишь в образцах классической поэзии. Их изучение является задачей такой дисциплины, как «поэтика» [Бобоев, 1992: с.166].

В словарной статье, размещенной в другом лексикографическом источнике - «Кратком словаре литературоведческих терминов» и посвященной такому термину, как «мачози мурсал» (досл. «отправленный перенос значения»), дается следующее определение: «конструкция слов и словосочетаний, используемых в своем неосновном значении, наделенных какими-либо смысловыми отношениями помимо сходства. Этот вид переноса значения является одним из наиболее отчетливых, полных и ярко выраженных переносов. Посредством этого средства художественной выразительности говорящий, называя определенный объект, поясняет нечто другое» [Мирзозода, 1992: с.66].

Характеризуя данный художественный прием, Х.Мирзозода – автор данного словаря - останавливается на трех его разновидностях: 1. а) упоминание сосуда–обозначение содержимого, б) упоминание содержимого – обозначение сосуда; 2. а) упоминание общего – обозначение частного, б) упоминание частного – подразумевание общего; 3. а) упоминание части – обозначение целого, б) упоминание целого – обозначение части.

Исходя из приведенного определения и отмеченных разновидностей, можем полагать, что Х.Мирзозода ведет речь о метонимии, не указывая при этом о ее отнесенности к тропам или фигурам речи. В качестве обоснования выделенных видов метонимии автором приводится ряд примеров. В частности:

Чу хон хӯрда шуд, маҷлис оростанд,

Маю руду ромшигарон хостанд. (Фирдавси) – Как только был опустошен (досл. съеден) дастархан, собрали людей и потребовали вина, руд (музыкальный инструмент) и музыкантов.

В данном образце, безусловно, речь идет не о скатерти, а о выложенных на ней яствах (сосуд-содержимое).

Или в предложении *Зал бо садои баланд чапак зад» (Зал громко аплодировал)* – можно наблюдать метафорический перенос номинации с помещения на находящихся в нем людей.

Следующий приведенный автором пример служит иллюстрацией ко второй разновидности метонимического переноса: *Маҷлис қарор кард (Собрание постановило)* – общее (собрание) – частное (участвующие в собрании люди).

Приведенные строки А.Лахути рассматриваются в качестве выражения частного в значении общего, где, судя по комментариям автора, хлеб выступает продуктом жизни, «в то время как предметом жизни является не только хлеб»:

Бе захмату ранҷ нон намебояд хӯрд,

Як луқма ба ройгон намебояд хӯрд.

Ноне, ки бувад ҳосили ранҷи дигарон,

Гар ҷон биравад, аз он намебояд хӯрд. – Не следует есть хлеб без труда, // не стоит есть кусок даром. // Хлеб, который является продуктом чужого труда, // не следует есть, даже если умираете с голоду.

Модель «частное-общее» иллюстрируется автором таджикской пословицей «*Сар амон бошад, тоқӣ ефт мешавад*» (досл. будет в безопасности голова, тубетейка найдется), где, судя по приводимым объяснениям, подразумевается не только голова, а все туловище человека, т.е. сам человек [Мирзозода, 1992: с.67-68].

Несмотря на наметившееся продвижение в исследовании вопроса изученности метонимических переносов в таджикском языке, проблемы раскрытия природы и распознавания сущности метонимии, ее специфичности, отличных от других средств выразительности признаках и многих других аспектах данного понятия остаются неразрешенными.

В связи с этим считаем целесообразным обратиться к теоретической литературе по рассматриваемому вопросу.

Известный таджикский литературовед Т.Зехни в своем фундаментальном исследовании «Санъати сухан» («Искусство речи») среди прочих средств выразительности и стилистических фигур отмечает термин «мачози мурсал», упоминаемый автором «Краткого словаря литературоведческих терминов» в качестве русского эквивалента термина «метонимия». Изучив хронологию издания этих двух источников и информацию, размещенную в их предисловиях, мы пришли к заключению, что, во-первых, при составлении указанного словаря Х.Мирзозода, наряду с другими источниками, опирался на результаты исследования и положения Т.Зехни и, во-вторых, термин «мачози мурсал» впервые был введен в таджикскую литературу именно Т.Зехни, который определил его как «слово и конструкция слов, используемых не в прямом значении и наделенных одним из видов отношений, за исключением отношения сходства» [Зехни, 1992: с.38].

Т.Зехни, помимо основного эпитета «мурсал», определяет данный вид переноса как «мачози баргузида», то есть «избранный» перенос, характеризуя данное понятие как «самая выразительная, красивая группа слов с переносным значением». Указывая на арабское происхождение слова «мурсал», ученый отмечает, что, хотя основным его лексическим значением является значение «посланный», в качестве литературоведческого термина оно используется в значении «понятный, плавный, сжатый, простой». Обращаясь к вопросу типологии метонимических переносов, ученый напоминает, что в стилистике классической поэтической речи выделяли 25-30 типов метонимии. Однако, к сожалению, Т.Зехни упоминает только три из них: сосудо-содержимое, общее-частное, целое-часть [Зехни, 1992: с.38].

Следует отметить, что указанные Т.Зехни типы метонимических переносов и их характеристики были заимствованы Х.Мирзозода и приведены в «Кратком словаре литературоведческих терминов». В

качестве иллюстрации к выделенным разновидностям метонимии автор «Искусства речи» приводит следующие примеры:

«Қишлоқи бечора аз сари нав ба гиряву нола даромад. Босмачиен дар он ҷо қатли ом гузаронданд» (Р.Ҷалил) – Бедный кишлак снова начал причитать и плакать. Басмачи провели там массовую казнь.

В данном примере лексема «кишлак» - это тот самый сосуд, содержимое которого - население кишлака.

Приведем пример из бейта Хафиза Ширази:

Сабӯкашон ҳама дар бандагии баста камар,

Вале зи тарафи кулаҳ хайма бар саҳоб зада. – Пьющие из кувшина все приняли покорность, // Однако края головного убора служат им зонтом от тучи.

В данном случае в качестве сосуда имеем *кувшин*, под которым подразумевается его содержимое – *вино*.

«Мурабборо пӯшида мон, магас нашинад» - Прикрой варенье - муха сядет. Имеется в виду «прикрыть сосуд с вареньем». Перенос наименования по типу содержимое-сосуд.

Метонимический перенос по типу «общее-частное» Т.Зехни объясняет на примере следующих отношений: кушанье-плов, фрукты-виноград, зерновые-пшеница.

Следующий пример, приведенный в качестве иллюстрации метонимизации по типу «целое-часть», взят ученым из произведения Р.Джалила:

Даста ба ҳаракат омад. Вай гарду чанги кӯчаро ба осмон дакка занонда равон шуд. – Группировка пришла в движение. Подняв пыль на улице столбом, она отправилась в путь. «Выступая в качестве целого, лексема «группировка» подразумевает частное – добровольцев и красногвардейцев» [Зехни, 1992: 39-40].

Несколько иная типология метонимии приведена С.Ш.Табаровым в «Русско-таджикском словаре литературных терминов». Согласно

зафиксированным в данном словаре данным, различаются следующие виды метонимии: метонимия вещества (метонимия чизҳо, ивази калимаҳои предметӣ), метонимия времени (метонимия вақту замон, ивази калимаҳои вақту замон, ҷойивазкунии вақту замон), метонимия места (метонимия ҷою макон, ҷойивазкунии калимаҳои ифодакунандаи макон ва ҷазо), метонимия признака (метонимия аломату нишона, ивази калимаҳои тавсифиву ишоратӣ), метонимия принадлежности (метонимия мутааллиқият, тағбири калимаҳои соҳибӣ), метонимия средства (метонимия воситаю васила, ҷойивазкунии калимаҳои соҳибӣ) [Табаров, 1987: с.67].

Ввиду малочисленности исследований в таджикской филологии по рассматриваемому вопросу, для более полной его характеристики нами была предпринята попытка почерпнуть необходимую информацию из персоязычных источников. Как оказалось, проблемы теории метонимии в иранской филологии являются актуальными. Они привлекают внимание многих исследователей (Хабиб Камол Русто, Мухаммад Гулом Ризои, Мухсин Абулкосими и др.), которые едины во мнении относительно природы метонимии, интерпретируя ее, как «использование слова в неосновном (неистинном), но близком его значении, на отношениях, основанных не на его сходстве».

Если относительно дефиниции данного термина в иранской лингвистике не возникает противоречий и разногласий, то в вопросе типологии метонимических переносов наблюдаются значительные расхождения как в количественном плане, так и в плане семантики.

Среди основных типов метонимических переименований, выявленных иранскими учеными и выделяемых как в русском, так и в таджикском языкознании, можно назвать следующие типы отношений, участвующих в процессе метонимизации понятий:

1) отношение «часть-целое»: употребление слова *рақиб* (*шея*) в значении *человек, раб*; или отношение «целое-часть»: употребление слова *сар* (*голова*) в значении слова *мӯй* (*волосы*);

2) отношение «частное - общее»: употребление слова *фардо* (*завтра*) в значении «қиёмат» (судный день); или отношение «общее – частное»: использование слова *ноди* (*собрание*) для обозначения собравшихся людей;

3) отношение «материал - изготовленное из него изделие»: использование слова *оҳан* (*железо*) для обозначения слова «топор»;

4) отношение «сосуд – содержимое в этом сосуде» (называемое «связью замены»): использование слова *хунба* (*кувшин*) в значении *хун* (*вино*);

5) причинно-следственные отношения, когда для обозначения солнца используется название одного из его основных признаков – равшанӣ (свет).

Признак смежности выделяется иранскими учеными как один из наиболее непродуктивных типов отношений и интерпретируется следующим образом: «отношение смежности подразумевает упоминание одного из двух расположенных рядом предметов с целью обозначения другого, например, слово «крепость» для обозначения границы, имея в виду то, что крепости строили на границе для оборонительных целей» [بازيایی ۱۳۹۶ تاریخ، «مرسل مجاز» مقاله از برگرفته، اسلامی علوم اطلاعات مدیریت پایگاه].

Отдельно выделяются такие типы метонимических переносов, как: 1) «меньшинство-большинство», который рассматривается на примере лексемы *бачаҳо* (*дети, мальчики, ребята*), употребляемой в значении *хонавода* (*семья*); 2) «описание – описываемый», когда номинация какого-либо признака переносится на лицо, характеризующееся этим признаком: использование прилагательного *мустафо* (*избранный*) по отношению к пророку ислама; 3) уважительные отношения, когда местоимением множественного числа *шумо* (*вы*) называют лицо в

единственном числе *ту* (*ты*) или используют местоимение *эшон* вместо местоимения *ӯ*, *вай* (*он*); 4) «предмет – его последующее состояние»: использование единицы *ангур* (*виноград*) для номинации *хамр* (*вино*) и т.п. [تاریخ «مرسل مجاز» مقاله از برگرفته ،اسلامی علوم اطلاعات مدیریت پایگاه. ۱۳۹۶/۴/۱۱.]

Таким образом, обобщая выдвигаемые таджикскими и иранскими учеными мнения относительно природы метонимии, остановимся на следующей дефиниции этого термина: метонимия – это средство выразительности лексического уровня, при котором слово используется не в своем основном значении, а в значении, основанном на одном каком-либо типе отношений кроме отношения сходства. Как следует из данного определения, под метонимией подразумевается более широкий спектр ее функционирования. Если «русская» метонимия – это перенос номинации, основанный только на смежности значений, то в таджикском языке процесс метонимизации может развиваться на основе любого признака предмета, кроме признака сходства.

Освещение вопроса о теории метонимии предполагало использование следующих терминологических единиц: *метонимия* – *метонимические единицы* - *метонимизированные слова* - *метонимические конструкции*; *метонимические отношения*, *метонимическое переименование*, *метонимизация* - *метонимический перенос*.

I.2.3. Типология метонимических переносов в таджикском языке

Несмотря на разницу в проведенных классификациях, выявленные в таджикском языке типы метонимических переносов вполне можно рассматривать в аспекте представленной А.Г.Удинской типологии метонимических переносов, включающей в себя 5 основных типов связи смежных денотатов:

- 1) каузативный (причинно-следственный)
- 2) темпоральный (временной)

- 3) пространственный (локальный)
- 4) атрибутивный (определятельный)
- 5) паритивный (синекдоха) [Удинская, 2007].

В данном разделе работы нами предпринята попытка классифицировать типы метонимических переносов в таджикском языке. На наш взгляд, наиболее целесообразно метонимические переносы изучить с точки зрения трех языковых аспектов: 1) принадлежности слова к конкретной тематической группе; 2) принадлежности слова к определенной части речи; 3) принадлежности слова к определенному лексико-грамматическому разряду. При этом основное внимание необходимо уделить специфике осуществления определенного переноса в его зависимости от указанных трех лингвистических условий. Исследование метонимии именно с этих позиций особо актуально, поскольку «семантические контуры слова, внутренняя связь его значений, его смысловый объем определяются грамматическим строем языка. И семантический объем слова, и способы объединения значений различны в словах разных грамматических категорий» [Виноградов, 1978: с.19].

Исследование типологии метафорических переносов было проведено на основе опорного материала полисемичных единиц таджикского языка, почерпнутых из «Таджикско-русского словаря». Объем анализируемых лексем, участвующих в процессе метонимизации, составил более 200 единиц.

Следует отметить, что, как и в русском языке, большая часть метонимических переносов в таджикском языке приходится на имена существительные. По сути, до настоящего времени метонимия рассматривалась как явление, имеющее отношение лишь только к именам существительным. Однако единичные исследования, проводимые российскими лингвистами в последние годы, показывают, что метонимия может проявляться также у прилагательных и глаголов.

Малоизученность признаковой метонимии находит свое объяснение в бытующей в лингвистических источниках точке зрения об отсутствии у прилагательных и глаголов метонимических переносов.

Проведенный обзор лексикографической и теоретической литературы отечественных и иранских ученых по рассматриваемому вопросу, а также анализ приводимого ими в качестве иллюстрации материала позволили сделать вывод о том, что и в таджикском языке метонимический перенос совершается преимущественно на материале имен существительных.

Об этом свидетельствует приведенный ниже перечень метонимических моделей имен существительных и прилагательных в современном таджикском языке.

I. Синекдоха

A. Конкретные имена существительные

1. Растения

- 1.1. «Растение → плод этого растения»: **Себ** – 1. Яблоко; 2. Яблоня; **Нок** – груша (дерево и его плод); **Гелос** – черешня (дерево и плод).
- 1.2. «Растение → цветок этого растения»: садбарг, лола, наргис.
- 1.3. «Растение → семена этого растения»: **нахӯд** – растение семейства бобовых и его семена; **зира** – 1. Горное травянистое растение; 2. Ароматные семена горного травянистого растения, которые добавляют в пищу и используют в медицине.
- 1.4. «Растение → древесина этого растения»: **Булут** – 1. Бот.дуб; 2. Древесина дуба.
- 1.5. «Общее понятие – частное понятие»: **Гулбун** – 1. Куст розы; 2. Цветочный куст; **Гулшан** – 1. Цветник; 2. Розарий.

2. Человек и части его телар

- 1.6. «Часть тела – человек»: **Тан** – 1. Туловище; 2. Личность, человек.
- 1.7. «Орган – часть органа»: **Пой** – 1. Орган человека и животного, который является средством передвижения; 2. Нижняя часть ноги, ступня; **Гесу** – 1. Коса; 2. Локон.

- 1.8. «Внешность – компонент внешности»: **Вачанот** – 1. (мн.от вачна) кн.щеки; 2. Внешний вид.
- 1.9. «Лицо по отношению к своим родителям – лицо определенного пола по отношению к своим родителям» - **Бача** – 1. Дитя, ребенок; 2. Разг. Сын, мальчик, парень.
- 1.10. «Лицо определенного пола – лицо определенного пола по отношению к своим родителям»: **Духтар** – 1. Девочка, девушка; 2. Дочь; **Писар** – 1. Мальчик; 2. Сын.
- 1.11. «Лицо – совокупность лиц»: **Башар** – 1. Человек; 2. Род человеческий.

3. Строения, пункты, объекты

- 1.12. «Строение – внутренняя часть этого строения»: **хона** – 1. Комната, помещение; 2. Жилище, жилье; 3. Здание, дом.
- 1.13. «Нарицательное существительное – собственное существительное»: **Вахш** – 1. Проточная вода; 2. Вахш (богиня орошения и плодородия у жителей Древней Бактрии); **Бурок** – 1. Резвый, быстрый конь; 2. Бораг (имя коня, который якобы доставил пророка Мухаммада к небесам).
- 1.14. «Населенный пункт – один из объектов населенного пункта»: **Авул** – 1. Юрта; 2. Кочевье (стойбище); 3. Аул.

Б. Абстрактные имена существительные

- 1.15. «Часть отрезка времени – отрезок времени»: **Рӯз**– 1. День, дневное время; 2. День, сутки; **Аср** – 1. Век, столетие; 2. Эпоха; 3. Сумерки, вечер.
- 1.16. «Род деятельности – составляющая этой деятельности»: **Варз**– 1. Кн. земледелие; 2. Сев, посев; **Варзиш** – 1. Спорт, физкультура; 2. Физическое упражнение; 3. Тренинг, тренировка.
- 1.17. «Общественное явление – составляющая этого явления»: **Ваго** – 1. Кн. шум, крик, сумятица; 2. Война, сражение.

В. Вещественные существительные

1.18. **Гавхар** – 1. Жемчуг, перл; 2. Драгоценный камень, самоцвет.

2. Пространственная метонимия

А. Конкретные имена существительные

1. Человек и части его тела

2.1. «Часть тела – органы, там локализованные»: **Сина** – 1. Грудь, грудная клетка, 2. Грудь (женская).

2.2. «Часть тела – волосы на этой части тела» 1. **Сарсафед** – 1. С белой головой, 2. Седой.

2.3. «Часть тела – мера длины»: **Ангушт** 1. Палец; 2. Ангушт (единица измерения, равная толщине пальца); **Каф** 1. Ладонь; 2. Горсть, пригоршня.

2. Строения, пункты, объекты

2.4. «Строение – люди (животные), находящиеся в этом строении»: **Байт** – 1. Кн.дом; 2. Семья.

2.5. «Искусственные объекты – природные объекты»: **Гармоба** – 1. Баня, парильня; 2. Горячий источник.

3. Название предметов одежды и обуви

2.6. «Предмет одежды – часть тела, к которому он прилегает»: **Миен**– 1. Поясница, талия; 2. Кн.ремень, пояс.

2.7. «Предмет обуви – часть тела, к которому он прилегает»: **Пошна** – 1. Пятка, 2. Каблук.

4. Искусство

2.8. «Место, где осуществляется художественная деятельность – художественная деятельность»: **Театр** – 1. Искусство представления на сцене драматического произведения; 2. Здание, в котором демонстрируется постановка драматического произведения.

5. Предметы

2.9. «Предмет – место его нахождения»: **Ганч**– 1. Сокровище, клад; 2. Богатство; 3. Драгоценности; **Ганчина** – 1. Сокровищница; 2. Сокровище; **Бўгча** – 1. Узел с вещами; 2. Вещи, собранные в узел.

Б. Абстрактные существительные

- 2.10. «Действие – место действия»: **Базма** – 1. *Кн.* часть помещения, где устраивается пир; 2. Пир, пиршество; **Гулгашт** – 1. Гулянье, прогулка среди цветов; 2. Цветник, сад, бульвар, сквер; **Газворфурӯшӣ** – 1. Продажа ткани, торговля тканями; 2. Магазин тканей, мануфактурный магазин.
- 2.11. «Состояние – место, где локализуется это состояние»: **Карантин** – 1. Административные и медицинские мероприятия по предотвращению распространения инфекционных заболеваний и устранению их источников; 2. Временное, специально отведенное место для содержания людей или животных, прибывших из мест, охваченных эпидемией.

В. Вещественные существительные

- 2.12. «Вещество – пространство, покрытое этим веществом»: **Қумзор** – песчаное место, пески.

III. Каузативная (причинно-следственная) метонимия

А. Конкретные существительные

1. Растение

- 3.1. «Растение - изображение этого растения»: **Баргак** – 1. Листок (растения); 2. Баргак (женские налобные подвески и серьги, выполненные из серебряных и золоченых бляшек в форме листиков); **Гул** – 1. Цветок; 2. *Пер.* лучшая часть чего-л.; 3. Узор, орнамент, рисунок.

2. Человек (животное) и части его тела

- 3.2. «Часть тела – функции, выполняемые этой частью тела»: **Чашм** – 1. Глаз, око; 2. Взгляд, взор.

- 3.3. «Часть тела – нумератив при счете»: **Тан** – 1. Тело, туловище, стан, корпус; 2. Нумератив при счете людей; **Сар** – 1. Голова, 6. Голова (нумератив при счете скота).
- 3.4. «Часть тела животного – средство для игры: **Бучул** – 1. Бабка (для игры); 2. *Кн.*кость (локтевая или бедренная); **Мӯхра** – 1. Анат. Позвоночник; 2. Шарик, бусинка (в бусах); 3. Игральная кость; 4. Шахматная фигура.
- 3.5. «Уменьшительно-ласкательное название животных – игрушки в форме этих животных»: **Бузак**– 1. Козлик; 2. Бузак (марионеточная игрушка в виде деревянного козлика); **Булбулак** – 1. Соловушка; 2. Булбулак (детская глиняная свистулька).

3. *Предмет*

- 3.6. «Предмет - изображение этого предмета»: **Абр** – 1. Облако; 2. Абр (шелковая или полуселковая ткань с узором в виде облаков).

Б. Абстрактные существительные

- 3.7. «Объект действия – результат действия»: **Бадеха** – 1. Экспромт, импровизация; 2. *Лит.* стихи, сказанные экспромтом; 3. *Муз.* импровизация.
- 3.8. «Действие, направленное на создание какого-л. объекта – результат, обозначающий признак по действию»: **Гулдӯзи** – 1. Вышивание, узорное шитье, расшивание; 2. Вышитый, расшитый.
- 3.9. «Действие, направленное на создание какого-л. объекта – результат этого действия»: **Гудоз** 1. Плавление, плавка; 2. Горение; 3. Сплав (металлов); **Гачкорӣ** – 1. Лепные работы, алебастровые работы; 2. Лепка.
- 3.10. «Субъект действия – результат действия»: **Байракситон** – 1. *Кн.* отбирающий знамя у врага; 2. *Пер.* победитель, триумфатор.
- 3.11. «Действие - время действия»: **Баргрез** – 1. Осыпающий, срывающий листья (о ветре); 2. Листопад, сезон листопада, осень.

- 3.12. «Процесс действия – результат действия»: **Вахб** - 1. *Кн.*дарение, преподнесение подарка, дара; 2. Дар, подарок; **Бӯсобӯс(ӣ)** – 1. Поцелуи; 2. Целование; **Акс** – 1. Отражение, отображение (действие); 2. Изображение, фотография, фотоснимок.
- 3.13. «Действие – отвлеченный признак или состояние»: **Вазоат** – 1. *Кн.*унижение; 2. Униженность; **Вазифашиносӣ** – 1. Сознательность, исполнительность, добросовестность (в работе); 2. Сознание долга; **Бегонагӣ** – 1. Отчужденность; 2. Отдаление, отчуждение.
- 3.14. «Ремесло, профессия – вид работ»: **Гилкорӣ** – 1. Ремесло строительного рабочего (каменщика, штукатура); 2. Каменные и штукатурные работы.
- 3.15. «Признак – один из параметров этого признака»: **Васей** – 1. Ширина, широта; 2. Обширность, простор.
- 3.16. «Физическое состояние – психическое состояние»: **Вазн**– 1. *Физ.*вес; 2. *Пер.* вес, авторитет, влияние.
- 3.17. «Событие – речь при этом событии»: **Вохӯрдӣ** - 1. Приветствие (при встрече); 2. Встреча; **Видоъ** – 1. Расставание; 2. Прощание.
- 3.18. «Способность словесного изложения – результат проявления этой способности»: **Гапзанӣ** – 1. Разговор, беседа; 2. Речь; **Гап** – 1. Слово, слова, речь; 2. Беседа, разговор.
- 3.19. «Признак, характеризующий явление или состояние - отвлеченный признак или состояние»: **Бачагӣ** – 1. Детство, малолетство; 2. Ребячество, мальчишество; 3. Детский.

В. Вещественные существительные

- 3.20. «Материал – ткань из этого материала»: **Абрешим** – 1. Шелковые нити; 2. Шелк (ткань).
- 3.21. «Материал – изделие из него»: **Балорак** - 1. Короткий меч (из высокосортной индийской стали); 2. Высококачественная сталь, легированная сталь; **Абкарӣ** – 1. Абкари (сорт тонкой легкой парчи); 2. Шелковый ковер, шелковый палас.

3.22. «Материал – парфюмерное изделие из этого материала»: **амбар** – амбра, **мушк** – мускус.

3.23. «Строительный материал – продукт»: **Гачхок** – 1. Гипсопесок; 2. Гипсопесочный раствор.

IV. Атрибутивная метонимия

4.1. «Признак – место, характеризуемое этим признаком»: **Баландӣ** – 1. Высота, вышина; 2. Высота, холм, бугорок, пригорок; 3. *Геогр.* Возвышенность.

4.2. «Признак, характеризующий цвет предмета – продукт такого цвета»
Зардӣ – 1. Желтизна; 2. Желток; **Сафедӣ** – 1. Белизна; 2. Белок;
Кабудӣ – 1. Зеленъ (о цвете); 2. Зеленъ, трава.

V. Временная метонимия

5.1. «Время суток – еда, принимаемая в это время суток»: **Шом** – вечер, сумерки; 2. Ужин; 3. Вечер, встреча в вечернее время; **Наҳор** – *Кн.* день (с утра до вечера); 2. Еда (хӯроки нисфирӯзӣ).

5.2. «Часть суток → время совершения действия, выраженное творительным времени»: **Бегоҳӣ** – 1. Поздний вечер; 2. Поздно вечером; 3. Вечерний; **Пагоҳӣ** – 1. Утро; 2. Утром, поутру, наутро; 3. Утренний; **Зимистон** – 1. Зима, 2. Зимой; **Тирамоҳ** – 1. Осень, 2. Осенью.

5.3. «Время → растения, имеющие отношение к этому времени»: **Баҳорӣ** – 1. Весенний; 2. Яровой.

Имена прилагательные – имена существительные

1.1. «Признак → человек, характеризуемый этим признаком»: **Балоангез** – 1. Злополучный, злосчастный, приносящий бедствие; 2. Подстрекатель, возмутитель; **Балеғ** – 1. Четкий и выразительный, отточенный (о речи); 2. Красноречивый, превосходно говорящий или пишущий; **Бадахд** – 1. Вероломный, непостоянный; 2. Изменник, предатель.

- 1.2. «Цветок растения → признак, характеризующий его цвет»: **Гулнор** – 1. Цветок граната; 2. *Пер.* ярко-красный, алый.
- 1.3. «Признак, отвлеченный от его носителя → признак предмета»: **Гирд** – 1. Круг, окружность; 2. Круглый, шарообразный; **Газхез** – 1.газоносность; 2. Газоносный; **Бостонӣ** – 1. Древность; 2. Древний.
- 1.4. «Признак, имеющий отношение к географическому объекту → название жителей этого географического объекта»: **Британӣ** – 1. Британский; 2. Британец; **Бразилӣ** – бразильский; 2. Бразилец; **Булғорӣ** – 1. Болгарский; 2. Болгарин; **Вахонӣ** – 1. Ваханский; 2. Ваханец; **Бухорой** – 1. Бухарец, житель Бухары; 2. Бухарский.
- 1.5. «Признак, имеющий отношение к религии, партиям, течениям → последователи этих религий, партий, течений»: **Буддоия** – 1. Буддисты; 2. Буддизм; **Буддой** – 1. Буддийский; 2. Буддист; **Ваҳҳобӣ**– Ваххабит; 2. Ваххабитский.
- 1.6. «Признак, характеризующий человека → человек, характеризующийся этим признаком»: **Бузургчусса** – 1. Исполинский, огромный; 2. Исполин, великан, богатырь; **Букрӣ** – горбатый; 2. Горбун; **Вайронкунанда** – 1. Нарушающий, разрушающий; 2. Нарушитель, вредитель, разоритель; **Валинеъмат**– 1. Благодетель; 2. Щедрый, благодетельный; 3. *Пер.* покровитель, заступник; **Василкунанда** (ваколатдиҳанда) – 1. Доверяющий, делегирующий, уполномочивающий; 2. Доверитель; **Баҳраандӯз** – 1. Собирающий, накапливающий; 2. Собиратель, накопитель (чего-л.выгодного); **Бегона** – 1. Незнакомый, неизвестный, посторонний; 2. Чужой, чуждый (не состоящий в родстве) инородный; 3. Чужак, чужеземец, захожий.

Имена прилагательные

Качественные прилагательные

- 1.1. «Признак, характеризующий цвет одежды – признак, характеризующий человека в одежде такого цвета»: **Аббосй** – черный (о цвете одежды аббасидов).
- 1.2. «Признак, характеризующий цвет лица – признак, характеризующий человека с таким цветом лица»: **Бенур** – 1. Тусклый, бесцветный, блеклый; 2. Некрасивый, подурневший.
- 1.3. «Признак, характеризующий цвет предмета – признак, характеризующий животное с таким цветом кожи»: **Абраш, ало** – 1. Пятнистый, пестрый, разноцветный; 2. Пегий (масть лошади); **Адхам** – 1. Темно-красный (о цвете); 2. Гнедой масти (о лошади); 3. *Пер.* темная ночь; **Ашхаб** – 1. *Кн.* Серый, дымчатый, пепельный, мышинный (о цвете); 2. Серый (масть лошади); **Бӯр** – 1. Бурый, каштановый, 4. *Кн.* Карий (масть лошади).
- 1.4. «Признак, характеризующий шерсть животных – признак, определяющий животное с такой шерстью»: **Серпашм, пахмок(мӯй)**.
- 1.5. «Признак, относящийся к растению – признак, характеризующий его цвет»: **Гулобй** – 1. Розовый; 2. Розового цвета; **Булутй** – 1. Дубовый; 2. Каштановый (о цвете), карий (о глазах).
- 1.6. «Признак, характеризующий наличие в составе предмета того или иного вещества – признак, указывающий на материал, из которого сделан предмет»: **Гилдор** – 1. Глинистый; 2. Глиняный; **Гачй** – 1. Алебастровый; 2. Гипсовый; 3. Содержащий алебастр, гипс.
- 1.7. «Признак, характеризующий человека – признак по действию»: **Бофасоҳат** – 1. Красноречивый; 2. Красноречиво; **Боҳае** – 1. Скромный, стыдливый, застенчивый; 2. Скромно, стыдливо, застенчиво; **Бохурмат** – 1. Чтимый, уважаемый, достойный, почетный; 2. Почтительный; 3. Почтительно, с уважением; **Бочурьат** – 1. Смелый, храбрый, отважный, решительный; 2. Смело, храбро,

отважно, решительно; **Бошавк** – 1. Увлеченный, азартный, страстный, оживленный; 2. Увлеченно, азартно, страстно, оживленно; **Бошафкат** – 1. Сострадательный, заботливый, милосердный; 2. Сочувственно, заботливо; **Боэштиет** – 1. Осторожный, осмотрительный; 2. Бережливый, бережный; 3. Осторожно, осмотрительно; 4. Бережливо, бережно; **Ганда**– 1. Плохой, скверный, дурной, неприятный; 2. Плохо, скверно, дурно, гадко; **Ботахаммул** – терпеливый, выносливый, сдержанный, выдержанный; 2. Терпеливо, сдержанно; **Бачагона** – 1. По-детски, по-ребячески, по-мальчишески; 2. Детский; 3. Ребяческий, мальчишеский.

Проведенный семантический анализ фактического материала, почерпнутого из двуязычных словарей, позволяет сделать следующие выводы:

- Во-первых, участвующие в процессе метонимизации единицы в своем большинстве – 66 % (140 единиц) относятся к именам существительным.

- Во-вторых, в таджикском языке метонимический перенос может осуществляться не только в пределах одной части речи (преимущественно имени существительного), но и в рамках других частей речи, к примеру, от прилагательного к существительному (выявлено около 25 единиц, т.е. 17% от общего числа). Такая особенность таджикских лексем, на наш взгляд, продиктована грамматическим строем таджикского языка.

1.2.4. Использование переводческих трансформаций при передаче таджикских метонимизированных единиц на русский язык

Вторичная номинация, как и все виды семантической деривации, включая метонимию, представляет собой активный процесс в вербально-лингвокреативной деятельности человека, поскольку происходит

постоянное увеличение числа новых объектов действительности, требующих скорого и соответствующего именованя и расширение их спектра. Данное лексическое явление получило широкое распространение в среде художников слова при использовании различных типов метонимических переносов для придания образности, яркости и выразительности языку художественных произведений.

Вследствие активизации межкультурных коммуникаций, проблемы адекватной передачи вербальных средств выразительности в процессе перевода художественных текстов становятся все более актуальными, представляющими существенный интерес. Однако в современной лингвистике не отмечено специального исследования, объединяющего в себе и типологию метонимических переносов, и анализ основных способов передачи авторских номинативных средств при переводе художественных произведений.

В теории перевода выдвигается ряд требований, согласно которым основной стратегией переводчика выступает отражение истинного смысла исходного текста; соблюдение в тексте общих норм русского языка в области орфографии, грамматики и стилистики; лексическое и стилистическое соответствие нормам обоих языков, которое предполагает точный подбор эквивалентов слов и сочетаний, использованных как в прямом, так и переносном смысле.

Настоящий раздел посвящен выявлению практических особенностей передачи метонимических переносов, использованных в художественных произведениях, в частности в таджикской малой прозе.

Проведенный анализ способов передачи лексических единиц, участвующих в процессе метонимизации, и обзор исследований, содержащих практическое рассмотрение процесса передачи средств выразительности, показали, что большая часть метонимических переносов универсальны, построены на одинаковых моделях и потому не вызывают затруднений при переводе. Иначе говоря, степень

универсальности метонимии сказывается на ее переводимости, ее буквальном переводе.

Так, метонимический перенос по модели **«часть-целое»** является самым продуктивным и наиболее идентифицируемым как в русском, так и в таджикском языке.

Так, например, в предложении *Аз ҳамон баландиҳои дур **чашимонам чароги** хирасӯзи кулбаи модарро мечустан, зеро он ҷо **қалбе** барои рафтани ман хун мегирист* (Одиназода, 2016: с.58). - *Даже с этих дальних высот мои глаза искали тусклый свет* маминой лачуги, ведь там чье-то сердце горько обливалось слезами из-за моего отъезда (Одиназода, 2016: с.104). - можем наблюдать одновременно три случая метонимизации лексем: *чашимонам* (мои глаза) для обозначения субъекта – *ман* (я); *чароги кулба* (свет в лачуге) вместо самого объекта *кулба* (лачуга); *қалб* (сердце) для обозначения субъекта. В этом примере исходные метонимические переносы фактически не представляют сложности для перевода, так как в плане структуры и содержания способы их выражения идентичны в таджикском и русском языках. Однако следует отметить, что исходная метонимия *чароги кулба* является продуктом вторичного метонимического переноса – первый перенос осуществлен по каузативному типу «предмет-его назначение», поскольку лексема *чарог* в своем основном значении трактуется как *лампа, светильник*, второе его значение, основанное на метонимическом переносе, - *освещение, свет*.

Случай буквальной передачи метонимии отмечается и в следующем примере, когда перенос значения осуществляется по типу «орган человека – человек»:

Чаими ҳарису дастони дарози тамаъкороне пайдо шудаанд, ки берӯю рие «аввал ҳақи мо» гӯен, ҳаракати маводро фурсате боз медоранд (Бахтӣ, 2011: с.190). - *Появились новые глаза завидующие и руки загребующие, которые бесстыдно и нагло заявляют, мол, плати нам нашу долю, а нет - задерживают товар* (Бахти, 2008: с.286).

Следующее предложение также насыщено примерами метонимического переноса:

Инак ман хӯҷаини қалби у ҳастам ва ҳамон гуна, ки тақдирамро зери дандонҳои гурги гурусна гузошта буд, шиқашро дар коми модагурги ваҳиӣ менавиштам (Одиназода, 2016: с.65). - Теперь я повелитель его сердца, и так же, как он прописал мою судьбу у волчьих клыков, я приписывала его любовь в пасти гневной волчицы (Одиназода, 2016: с.108).

Прежде всего следует отметить, что в данном примере экспрессивность достигается не только за счет использования собственно метонимии как средства привлечения внимания к указанным характеристикам, но и за счет развернутых метафор, придающих колорит и живописность этим характеристикам.

На первый взгляд, наблюдается буквальная передача метонимизированных единиц: *қалб* – сердце, *дандон* – клык, *ком* – пасть. Но при более детальном анализе становится ясно, что семантическая наполняемость рассматриваемых лексем неодинакова. Таджикская языковая картина мира допускает сочетание лексемы *гург* с лексемой *дандон*, более того, такое сочетание является единственно нормированным сочетанием. На наш взгляд, появление лексемы *клык* (вместо *зуб*) в переведенном тексте вполне оправданно, поскольку, согласно сложившимся представлениям о мире носителями русского языка, у волка как хищного животного есть клыки – т.е. «дикие зубы», и сочетание *клыки волка* более закономерно, чем сочетание *зубы волка*. В то же время использование в таджикском языке слова *клык* – *дандони ашк* в сочетании с лексемой *волк* не соответствует нормам лексической сочетаемости таджикского языка. В данном случае мы имеем дело не с буквальным переводом, а с известным в теории переводоведения приемом конкретизации.

Противоположный указанному приему метод генерализации наблюдается в передаче метонимической единицы *ком* лексемой *насть*, так как согласно ФТР слово *ком* переводится как *небо* [ФТР, 2006: с.279].

Ноомади корро бинед, ки чӣ асуре насибаиш гаит як асои наҳифу дароз ва як халта риш! (Баҳманер, 2013: с.223). - До чего же не везет ему: достался пленник, **тощий** и **длинный**, ну прямо **костыль** да **охапка** **бороды!** **Боз ду чаши!** – ду чаши асп! **Да еще глазица!** — два лошадиных глаза! (<http://www.proza.ru>).

Даме, ки пайкарам дар огуши баҳр таслим шуд, гӯе гург бо дандонҳои тезаи аз доманам дошта маро ба сӯи соҳил баровард (Одиназода, 2016: с.57). - Когда мое **тело** упало в объятия моря, волк словно вцепился **когтями** в **подол** платья и вытащил меня на берег (Одиназода, 2016: с.103).

Қадамҳо маро оҳиста-оҳиста аз гурги ошно дур мекарданд (Одиназода, 2016: с.55). - **Ноги** медленно отдаляли меня от моего друга – волка (Одиназода, 2016: с.101).

В приведенных выше образцах метонимического переноса, осуществленных по типу «целое-часть», наблюдается незначительное изменение компонентного состава: *асо* (*трость, посох*) – *костыль*, *халта риш* (*мешок* *бороды*) – *охапка* *бороды*, *ду чаши* (*два глаза*) – *глазица*; *пайкар* – *тело*, *дандонҳо* (*зубы, клыки*) – *когти*, *доман* – *подол*; *қадамҳо* – *ноги*. Тем не менее, независимо от допущенных структурных преобразований, данные отрывки можно вполне считать эквивалентными, так как здесь отмечается сохранение их образности и смыслового содержания.

Несмотря на универсальность этого типа переноса и его идентифицируемость, небольшая его часть, как показывает анализ, передается на русский язык неадекватно, например:

Чудо мекард сари бастаро лаби кушода. (досл. *Раскрытые губы отделяли связанную голову*) (Баҳманер, 2013: с.227). - Да и как не

прикусить, если из-за длинного языка тело укорачивалось на целую голову!
(<http://www.proza.ru>).

Несоответствие конечного текста с исходным в данном случае продиктовано, прежде всего, заменой компонентного состава метонимии – *лаби кушода* (досл.раскрытые губы, уста) – *длинный язык*. Возможно, данная переводческая трансформация является вынужденной мерой, обусловленной ассоциативными или узуальными расхождениями между компонентами лексической системы двух контактирующих языков. Другой причиной неадекватной передачи анализируемого контекста является потеря образности и неточность в передаче содержания оригинала.

Приведем еще несколько примеров нарушения адекватности при передаче метонимических переносов:

Ҳамин вақт панҷаи сарде ба рӯям сахт зад, ин дастони дурушит бароям оино буд (Одиназода, 2016: с.58). - В это время по моему лицу дала пощечину чья-то до боли знакомая рука (Одиназода, 2016: с.104).

Он рӯз аммо Доро даст аз домани Мехрубон намекашид, пас аз нишастани мавҷи ханда мавзӯи пурсучӯро ба дигарсӯ кашид (Юсуфӣ, 2018: с.92). - Но в тот день Доро не хотел **оставлять** Мехрубона в покое. Когда все успокоились, Доро начал расспрашивать его по другой теме. (Юсуфи, 2019: с.90). - *даст аз домон нақандан* (досл.не отрывать рук от подола) – не оставлять;

Фарзандону пайвандонаш рӯ ба еру дӯстонаш оварданд, лек онҳое ки дар майхонаҳо ҳамзонуву ҳамбозуяш буданд<...> (Юсуфӣ, 2018: с.93). - Его жена и дети решили обратиться за помощью к его друзьям, но те которые постоянно **выпивали с ним** в барах <...> (Юсуфи, 2019: с.91). – *рӯ овардан* (досл.приносить лицо) – обратиться; *ҳамзонуву ҳамбозу* (*ҳам-* - приставка со-, *зону* – колено, *бозу* – предплечье) – *выпивали с ним*;

- *Модарам мегӯянд мусибате ки имрӯз ба сари Доро омад, фардо метонад ба сари мо биеяд* (Юсуфӣ, 2018: с.92). - Мама говорит: «Беда,

Доро, может завтра постучать в наш дом» (Юсуфи, 2019: с.93). - сар (голова) – дом.

Дар ин муддат Мехрубон ҳар рӯз, пас аз фурӯхтани ишиаҳо ба болини вай меомад ва пеш аз бархестану рафтан лаби кӯрпаи беморро мебардошт, як каф танга он ҷо мегузошт (Юсуфӣ, 2018: с.95). - Все это время Мехрубон каждый день, после продажи бутылок, приходил к постели Доро и оставлял там полученные от продажи монеты (Юсуфи, 2019: с.95). Передача лексемы болин, получившей в процессе метонимизации значение «изголовье», словом постель, на наш взгляд, неуместна, прежде всего, с позиции стилистической сочетаемости (ср.приходить к постели – сидеть у постели). Более того, другой случай метонимии як каф танга, образованный по модели «орган человека – мера измерения», остался без внимания переводчика.

В двух последующих примерах переводчик неоправданно применил прием опущения целого отрезка контекста, содержащего так называемую метафорическую метонимию – развернутую метафору с элементами метонимии:

Аммо боре, як рӯзи замистон, ки ҳаво кушода буду офтоб ба дарахтону парандагону одамони сармохӯрда гармӣ ҳадя менамуд ва танашон аз нерӯи зиндаву зоянда пур мешуду осоишу оромии ба рағу решаҳои қисму қонашон раҳ мебурд <...> (Юсуфӣ, 2018: с.92). - Но однажды, в один зимний день, когда небо было ясным, солнышко придавало жизнь замерзшим деревьям, птичкам и людям <...> (Юсуфи, 2019: с.95).

Ва ногаҳ садое аз гайб ба гӯиши дилам гуфт, ки Мехрубон ин ҳама солҳо бо ин табассум ба нодони мо, ки дар доми фиреби дунеафтада будем, ишора мекарду намефаҳмидем (Юсуфӣ, 2018: с.93). - И тогда вдруг мне показалось, что кто-то сказал, что все эти годы Мехрубон этой улыбкой смеялся над нами, грешными, смеялся над нашей глупостью, над тем, что мы так привязаны к этому миру (Юсуфи, 2019: с.94).

Неадекватным является перевод и следующих метонимизированных единиц: *Баданҳо роҳат мекарданд, устухонҳо сабуки мегирифтанд* (Кӯҳзод, 1987: с.253). - *Люди отдыхали молча* (Кухзод, 1991: с.349).

Саттор нушт ба шах монда нишаст (Кӯҳзод, 1987: с.253). - *Саттор присел на обломок скалы* (Кухзод, 1991: с.349).

Метонимический перенос по модели «общее-частное» является вторым по продуктивности как в русском, так и в таджикском языке. Анализ фактического материала показал, что значительная часть метонимий, образованных по данному типу, передается на русский язык буквально, не теряя при этом образности и сохраняя смысловое содержание контекста. Так, в предложении *Иван Федорович, ки тамоми шаб мунтазири баромадани садои пулемет меистод, эскадронро дафъатан ба ҳуҷум бурд* (Кӯҳзод, 1987: с.254). - *Иван Федорович, услышав пулеметную очередь, которую ждал всю ночь, немедленно поднял эскадрон и повел в атаку* (Кухзод, 1991: с.349) лексема *эскадрон* выступает в качестве общего понятия, указывая при этом на частное - людей, служащих в этом эскадроне.

Или, *Курбошӣ ду ҳуҷумро гардонид ва ҳатто як бор худаи ба ҳуҷум гузаист* (Кӯҳзод, 1987: с.239). - *Две атаки курбаши отбил и даже пробовал контратаковать, сукин сын* (Кухзод, 1991: с.349).

В данном случае метонимический перенос осуществлен по обратной модели «частное-общее», где частное – *курбаши* использовано для обозначения общего - людей, входящих в возглавляемую им группировку. В рассматриваемых предложениях передача метонимического переноса не составляет трудностей ввиду того, что участвующие в процессе метафоризации слова являются заимствованными: *эскадрон* – единица французского происхождения, заимствована двумя языками, *курбаши* – реалия таджикского языка, заимствованная и передаваемая на русский приемом транскрибирования.

Приведенные ниже образцы передачи метонимических переносов также можно считать буквальными, поскольку при полном сохранении смыслового содержания и компонентного состава не было отмечено использования каких-либо переводческих трансформаций:

Амру хоҳиши Ҳукумати Советӣ барои ҷамаи мо фарз аст, раис! (Бахтӣ, 2011: с.180). - *Указания Советской власти, председатель, для всех нас закон!* (Бахти, 2008: с.278).

Давлат ба оилаи мо замин дод (Сайфуллоев, 2018: с.53). - *Государство нашей семье предоставило землю* (Сайфуллоев, 2018: с.91).

Боз одамон оҳ кашиданд, деҳаҳо оҳ кашид, шахрҳо оҳ кашид, мамлакат оҳ кашид. Ҳамон лаҳзае, ки мамлакат оҳи бадард кашида, аз оқибати кори мулк дар ҳарос автод, замин хабари нав расонид (Кӯҳзод, 1971: 139). - *И вздыхали и плакали люди, и плакали города и села — вся страна. Но в ту самую минуту, когда в слезах горестно вздохнула потрясенная Колумбия, в ту самую минуту, когда люди скорбно склонили головы, земля известила их о новом событии* (Кухзод, 1991: 336).

Олам гайр аз некӣ аз ӯ чизе надидааст! (Баҳманер, 2013: 222). - *Мир не видел от него ничего, кроме добра!»* (<http://www.proza.ru>).

Ҳукумат дар малакат мотами серӯза эълон кард; дар саҳифаи якуми ҳама рӯзномаҳои Америкаи Лотинӣ сурати духтарчаи матин, сурати Омайра чоп шуд, ки шаст соат боз бо табиат муборизаи тан ба тан мебурд (Кӯҳзод, 1971: 139). - *Правительство объявило в стране трехдневный траур; на первых полосах всех латиноамериканских газет была напечатана фотография девочки, которая уже шестьдесят часов мужественно противостояла беспощадной стихии* (Кухзод, 1991: 336).

Магар худ хӯрдан ва ба мардумон нон додан, худ ошомидану ниези дигаронро ҳам баровардан ҳам талош дар роҳи ҳақиқату адолат нест? (Сайфуллоев, 2013: 334). - *Ведь кормить хлебом себя, семью и других нуждающихся – это тоже борьба во имя справедливости* (Сайфуллоев, 2018: с.89).

Исследуемый тип метонимических переносов включает в себя также модель «растение – его плод или семена», широко представленную в таджикском языке и довольно часто используемую в художественной литературе.

- *Об ефта натавонистанд барои пахта, – талх гуфт падар, – аммо зардолузorro барқарор ҳам накарданд (Сайфуллоев, 2013: с.53).– Для хлопка не смогли найти воду, а абрикосовый сад заново не восстановили, – ответил отец (Сайфуллоев, 2018: с.92).*

Помидор, бодиринг ва пиез ҳам харидорони бисер доранд. Гармхонаҳо сохта лимӯ, помидору бодиринги зимистона ҳам сабзонданамон лозим меояд (Сайфуллоев, 2013: с.54).- У помидоров, огурцов и лука много покупателей. Построим теплицы и посадим лимоны, зимние помидоры и огурцы (Сайфуллоев, 2018: с.91).

Аз мирсанчалию маҳтобӣ гирифта, то бобой ҳазору як хел зардолу дастархони мардумро зебо оро меодаанд (Сайфуллоев, 2013: с.57). -Здесь выращивали разные сорта абрикоса, и они украшали стол людей (Сайфуллоев, 2018: с.92).

Метонимия *зардолу (абрикос)* в последнем предложении является не единственной метонимизированной единицей данного контекста. Внимание привлекает использованное автором оригинала слово *дастархон*, которое в своем основном значении интерпретируется как «ткань, предназначенная для размещения на ней пищи во время еды». Во втором значении, основанном на метонимическом переносе, данная лексема обозначает «скатерть с угощением». Целесообразна в этой связи передача этой лексемы русской единицей *стол*, одним из значений которой является «питание, пища».

Несмотря на универсальность данного типа метонимического переноса, в его передаче переводчики испытывают определенные трудности или нарочито используют переводческие трансформации, заключающиеся либо в опущении, либо в замене лексических средств,

которые впоследствии приводят к значительному ослаблению экспрессивности и искажению замысла автора оригинала. Например:

*Бо як туфанг роҳи як **армияро** доштан мумкин (Кӯҳзод, 1987: с.239). - Даже с одной винтовкой здесь можно сковать **большие атакующие силы** (Кухзод, 1991: с.349).*

*Моҳи марти соли 1920 ҳуҷуми қатъӣ ба **мири Мастчоҳ** оғоз ефт (Кӯҳзод, 1987: с.241). - Основная подготовка к наступлению развернулась в Пенджикентской волости в марте 1920 года (Кухзод, 1991: с.351).*

*Ба қавле он «ӯф» гуфта бошад, ки ин **колхоз** дар қатори гову гӯспанд, минбаъд хук **парвариши мекунад** (Бахтӣ, 2011: с.181). - Приехавший из центра чиновник сказал, что **в колхозе** наряду с коровами и овцами **следует разводить** свиней (Бахти, 2008: с.274).*

*«**Деҳа бадном мешавад**», мегуфтанд онҳо,.. (Бахтӣ, 2011: с.179). - «Ох, запятнаем мы **репутацию** нашего колхоза!» (Бахти, 2008: с.275).*

К рассматриваемому типу вторичной номинации можно отнести модель «предмет, объект - его название», выражающуюся переносом имени собственного на нарицательное. Эта модель также оказалась востребованной в художественной литературе, причем преимущественно в речи персонажей. Примером тому могут послужить случаи использования в предложениях названий марок автомобилей:

*Нисор Шариф, ки марди миенақади рехта ба чашим мерасид, аз ҷой бархоста, чанд фармоиши дигар дод ва чолок ба **мошини «Мерседес»** нишаст (Бахтӣ, 2011: с.186). - Нисор Шариф, коренастый мужик, вскочив с места, дал еще несколько указаний и, устремившись к **«Мерседесу»**, юркнул в него (Бахти, 2008: с.286).*

*«**Мерседес**» ҳанӯз аз роҳи камбар ба хиебони шаҳри азим набаромада, телефони дастӣ садо дод (Бахтӣ, 2011: с.186). - Не успела **машина** свернуть с узкой улочки на проспект, как зазвонил его телефон (Бахтӣ, 2008: с.286).*

Мошини хокистарранги «Некси», ки дар он додарзода ва ҳимоятгари ӯ менишастанд, аз ду мошини сабукрав гузашта, дар ақби мерседес ҳозир шуд (Бахтӣ, 2011: с.191). – Серая «Нексия», в которой сидели его племянник и телохранитель, обогнав две машины, следовала за «Мерседесом» (Бахти, 2008: с.286).

Другие переносы по этой модели выполнены на основе названий географических объектов, как например:

Ва дар як дам тамоми Регистон гарқи хомӯшӣ мешавад (Баҳманер, 2013: с.226).- И в то же мгновение весь Регистан погружается в безмолвие (<http://www.proza.ru>).

Ўрметан бо як «ура» фатҳ шуд – дастаи мирӣ, мазмун, аспҳояшон зин кардагӣ будааст, ки гурехтанд (Кӯҳзод, 1987: с.239). - Урметан был взят под одно «ура», басмачи, словно держали наготове коней, сели и уехали (Кухзод, 1991: с.349).

В приведенных примерах названия населенных пунктов *Регистан* и *Урметан* в данных контекстах являются результатом вторичного метонимического переноса: первый перенос осуществлен по модели «жители населенного пункта – сам объект», второй – «объект – его название». Во втором случае примечательно использование междометия *ура*, которое употребляется во время атаки противника. В данном контексте под *одно ура* подразумевается «одной атакой», следовательно, метонимия образована по каузативному (причинно-следственному) типу переноса значения. Исходный текст содержит еще один факт метонимизации, оставшийся вне поля зрения переводчика: лексема *даста*, выступающая в качестве общего понятия и обозначающая частное – людей, из которых состоит эта группа.

Перечисленные типы метонимической номинации являются наиболее востребованными в современной таджикской малой прозе. Другие типы представлены единичными образцами и являются непродуктивными.

Например, использование метонимического переноса по типу «**материал-изделие из него**» в следующем предложении: <...> *вай инак аз пагоҳ то бегоҳ дар партовҷоҳоя хокрӯбаҳо мегашт, шиша ҷамъ мекард, шаб дар обшанги хонашон мешуст, субҳ дар занбил меандохту ба дӯкони шиша мебурд* (Юсуфӣ, 2018: с.93). – <...> *с утра до вечера он ходил по мусорным бакам, собирал пустые бутылки, вечером промывал их, а утром собирал в плетеную корзину и отвозил в лавку* (Юсуфи, 2019: с.94). Слово *шиша* в исходном фрагменте текста содержит вторичную номинацию, поскольку согласно ФТЗТ, имеет прямое основное значение - «прозрачное хрупкое вещество, получаемое путем плавления кварцевого песка» [ФТЗТ2, 2010: с.679], и второе - переносное, основанное на метонимизации «стеклянная посуда для жидкости». В данном случае передача метонимии не представляется возможной ввиду различий в языковой культуре и особенностей вторичной номинации контактирующих языков. Наиболее приемлемым вариантом перевода является семантическое преобразование исходной метонимии.

Таким образом, проведенный анализ позволил нам выявить несколько способов передачи метонимических единиц:

1. Буквальный перевод, подразумевающий общность языковых традиций экспликации индивидуальных особенностей контактирующих языков.
2. Структурные преобразования, предполагающие изменение компонентного состава метонимической единицы.
3. Лексические трансформации, заключающиеся в опущении или замене метонимизированных лексем.

Наиболее востребованными в современной таджикской малой прозе являются метонимические переносы значения, реализованные по типу синекдохи, основанной на моделях «целое-часть», «общее-частное».

Выводы по первой главе

Мнения таджикских и иранских ученых относительно природы метафоры как языкового феномена не противоречат сложившейся в русской лингвистике точке зрения. Обобщив их высказывания, термин «метафора» можно интерпретировать посредством следующей дефиниции: Метафора – это средство выразительности лексического уровня, которое заключается в наделении слова переносным значением на основе его сходства с другим словом.

В таджикском языке, в отличие от русского, различают две разновидности метафоры – явную и скрытую. Суть явной метафоры заключается лишь в указании на образ или понятие, которое при сравнении с исходным понятием наделяется новым для слова переносным значением. Скрытая метафора подразумевает указание какого-либо признака или приметы определяемого понятия в дополнение к самому определяемому слову.

Отличительной чертой скрытой метафоры является то, что в процессе метафоризации называется определяемое слово, а не определение, как в явной метафоре.

Общими для сопоставляемых языков являются выявленные в типологии метафорических переносов модели «Предмет→Предмет», «Предмет→Физический мир», «Предмет→Психический мир», «Человек→Человек», «Предмет→Человек», «Физический мир→Психический мир».

Специфической особенностью русской метафорической картины мира является наличие в ней таких регулярных метафорических переносов, как «Предмет→Абстракция» и «Животное→Человек», тогда как в таджикском языке особенность заключается в следующих выделенных типах процесса метафоризации: «Физический мир→Физический», «Психический мир→Психический мир», «Человек↔Физический мир», «Человек→Психический мир».

Расхождения в метафорической системе сопоставляемых языков проявляются и в количественном распределении наиболее продуктивных типов метафорического переноса. Так, самым распространенным типом в русском языке является метафоризация в направлении от семантической сферы «Предмет» к сфере «Психический мир», а в таджикском – модель «Физический мир \rightleftharpoons Психический мир». Более того, векторность переноса значения в русском языке строго упорядочена и имеет одну направленность, а в таджикском – не систематична и разнонаправлена.

Как показал анализ исследуемого материала, проблематичность передачи метафоры с одного языка на другой в значительной степени объясняется существующими различиями между метафорическими системами языков. Данное обстоятельство сказывается на недопустимости простой передачи метафор из таджикского текста в русский, что предполагает необходимость изменения метафорического образа. Подобные замены в некоторой степени помогают сохранить уровень экспрессии оригинала и сохранить его идиоматичность.

Обзор теоретической литературы позволил сделать вывод о том, что таджикские и иранские ученые имеют схожую точку зрения относительно природы метонимии, которая сводится к следующей дефиниции этого термина: Метонимия – это средство выразительности лексического уровня, при котором слово используется не в своем основном значении, а в значении, основанном на одном каком-либо типе отношений кроме отношения сходства. Данное определение метонимии подразумевает более широкий спектр ее функционирования. Если «русская» метонимия – это перенос номинации, основанный только на смежности значений, то в таджикском языке процесс метонимизации может развиваться на основе любого признака предмета, кроме признака сходства.

Однако, несмотря на разницу проведенных классификаций, выявленные в таджикском языке типы метонимических переносов вполне можно рассматривать в аспекте распространенной в русской лингвистике типологии метонимических переносов, включающей в себя 5 основных типов связи смежных денотатов: каузативный (причинно-следственный); темпоральный (временной); пространственный (локальный); атрибутивный (определятельный); партитивный (синекдоха).

Проведенный семантический анализ фактического материала, почерпнутого из лексикографических источников, позволил заключить следующее:

- Во-первых, участвующие в процессе метонимизации единицы в своем большинстве относятся к именам существительным. Количественный анализ показал, что 100 единиц из 150 являются существительными, т.е. около 66 %, 25 – прилагательными (16%).

- Во-вторых, в отличие от русского языка, в таджикском языке метафорический перенос может осуществляться не только в пределах одной части речи (преимущественно имени существительного), но и от одной части речи к другой, например, от прилагательного к существительному (выявлено около 25 единиц, что составляет 17 % от общего числа исследованных лексем). Такая особенность таджикских лексем, на наш взгляд, объясняется грамматическим строем таджикского языка.

- В-третьих, анализ выделенных в процессе исследования типов метонимического переноса, регулярно используемых в таджикском языке, и их сопоставление с функционирующими в русском языке типами позволили обнаружить наряду с 5 типами связи смежных денотатов, выступающих в качестве интегрирующих особенностей, также дифференциальные признаки, поскольку культурные и языковые традиции разных языков создают в лексических системах языка свой свод правил и норм и формируют свойственные только им особенности.

Так, в классификации метонимических переносов таджикского языка были выявлены следующие модели переноса значения, отсутствующие в русском:

1. Признак, характеризующий человека, и признак по действию;
2. Признак, характеризующий человека и человек, характеризующийся этим признаком;
3. Признак, имеющий отношение к географическому объекту, и название жителей этого географического объекта;
4. Часть суток и время совершение действия, выраженное творительным времени;
5. Признак, характеризующий цвет предмета, и продукт такого цвета.

Анализ собранного из художественных оригинальных и переводных текстов материала позволил выявить следующие наиболее востребованные переводчиками способы передачи метонимических единиц: способ буквального перевода, способ структурных преобразований, способ лексических трансформаций, в частности замена и опущение.

Наиболее востребованными в современной таджикской малой прозе являются метонимические переносы значения, реализованные по типу синекдохи, основанной на моделях «целое-часть», «общее-частное».

ГЛАВА II

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНЕНИЕ И ЭПИТЕТ

II.1. Сравнение

II.1.1. Лингвистическая природа, функции и типология сравнения

На современном этапе развития лингвистики интерес зарубежных ученых к образным средствам языка продолжает развиваться, наиболее исследованными стилистическими средствами являются такие средства выразительности, как метафора и метонимия. Сравнение, в силу своей амбивалентности и многоаспектности также привлекает внимание ученых, поскольку вызывает интерес не только как древнейшая форма вербальной наглядности. Сравнение как сопоставление явлений и понятий объект исследования многих областей научного знания, необходимый компонент процесса познания человеком окружающего мира.

Известно, что любая корреляция двух объектов на основе их интегрирующих признаков есть сравнение. Согласно М.В.Сторчак, сравнение понятий и явлений одной сферы следует называть научным сравнением, тогда как «процесс сопоставления, направленный на слияние и углубление двух явлений из разных сфер, считается эстетическим, образным и относится непосредственно к области стилистики» [Сторчак, 2018: с.18].

Будучи универсальным лингвистическим понятием, сравнение обратило на себя внимание мыслителей еще в древние времена. Изучение данного феномена, согласно точке зрения О.В.Уаровой, затрагивало три аспекта: риторико-поэтологический, литературоведческий и лингвостилистический [Уарова, 2006].

Риторико-поэтологический аспект сравнения рассматривался Аристотелем, Цицероном, Квинтилианом, которые обозначали это

понятие различными терминами и допускали различные его толкования [Античные теории, 1996: с.242].

Литературоведческое направление изучения сравнения связано с именем М.В.Ломоносова, внимание которого привлекало развернутое сравнение.

А.А.Потебня в работе «Теоретическая поэтика», характеризуя сравнение как тропеическое средство выразительности, проводит дифференциацию его форм и видов, вслед за Аристотелем признает сходство сравнения и метафоры [Потебня, 1990: с.287].

В настоящее время в литературоведении вопрос о природе сравнения является довольно дискуссионным в силу того, что сравнение основано на прямом значении и его причисление к тропеическим средствам выразительности, в основе которых лежит переносное значение, неправомерно. Сравнение рассматривается преимущественно как стилистическая категория: «стилистический прием, основанный на образной трансформации грамматически оформленного сопоставления» [РЯ, 1997: с.534]; «образное словесное выражение, в котором изображаемое явление уподобляется другому по общему для них признаку с целью выявить в объекте сравнения новые, важные свойства» [ЛЭС, 1987: с.418], «вид тропа, основанный на уподоблении соотносимых явлений» [ЛЭТС, 2001: с.1022].

С точки зрения лингвистики сравнение рассматривал М.В.Ломоносов, изучавший это средство образности не только как понятие риторики, но и как явление грамматики.

В «Исторической грамматике русского языка» Ф.И.Буслаев оставляет комментарии относительно грамматических форм выражения сравнения и отмечает, что «творительный сравнения есть переход от языческого суеверия к поэтическому украшению» [Буслаев, 1959: с.108-110].

XX век ознаменован появлением большого количества направлений в изучении сравнения, наиболее важными из которых являются лингвоструктурный и функционально-стилистический. Лингвоструктурная направленность исследования данного феномена состоит в выявлении и анализе языковых средств, репрезентирующих сравнение в отдельно взятом контексте. Функционально-стилистический подход, в свою очередь, заключается в изучении сравнения в качестве образного средства, влияющего на выразительность и экспрессивность текста.

Поскольку задачи настоящего исследования заключаются не только в выявлении природы и степени изученности вербальных средств выразительности в таджикском и русском языках, но и в определении механизмов и особенностей их функционирования в художественном тексте, нами избрано лингвостилистическое направление, которое сделает возможным описание лингвистических свойств лексических средств выразительности, в частности сравнения, в художественном тексте.

Общеизвестным является тот факт, что сравнение как вербальное средство выразительности используется в самых различных стилях речи как в разговорной, так и письменной речи, как в научном и публицистическом стилях, так и в художественной литературе. В литературном произведении существует ряд элементов его композиции, которые предусмотрены для использования сравнений, например, при портретной характеристике персонажей, изображении их психологического или физического состояний, при пейзажных зарисовках.

Но, несмотря на свою распространенность, сравнение не вызывает такого повышенного интереса у исследователей, как метафора или метонимия. Более того, дискуссионным остается вопрос о целесообразности причисления данного стилистического средства к

средствам языковой выразительности. Причиной такого рода спора является то обстоятельство, что в отличие от известных средств выразительности сравнение основано на прямом значении слова.

Проблематичной представляется также исходящая от Аристотеля традиция рассмотрения сравнения в качестве разновидности метафоры. Так, российские исследователи И.В.Арнольд [2002] и Б.В.Томашевский [1999] определяют метафору как скрытое или сжатое сравнение, в котором отсутствуют (но подразумеваются) такие служебные слова, как «будто», «словно», «как» и др.

Диаметрально противоположных точек зрения придерживаются И.Р.Гальперин [1977] и Н.Д.Арутюнова [1999], высказывающиеся в пользу разграничения понятий «метафора» и «сравнение» и утверждающие, что «вместе с основанием сравнения метафора отказывается и от всех модификаторов. Метафора образна, но она не описывает частностей. Она семантически насыщена, но не эксплицитна» [Арутюнова, 1999: с.355].

В свете наметившихся в научных кругах разногласий и противоречий по рассматриваемому вопросу необходимо сначала выявить природу лингвистического понятия «сравнение», определив дефиницию данного термина. Так, согласно О.С.Ахмановой - автору «Словаря лингвистических терминов», сравнение - это «понятия равенства-неравенства, большей или меньшей степени качества, находящие выражение как в грамматической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, так и в лексике и фразеологии» [Ахманова, 2004: с.449].

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» приводится следующая дефиниция термина «сравнение»: «троп, состоящий в уподоблении одного предмета другому на основании общего у них признака» [Розенталь, Теленкова, 1985: с.458].

В «Толковом словаре Ушакова» в словарной статье зафиксировано следующее определение понятия «сравнение»: «Фигура образной речи – уподобление одного предмета другому» [Ушаков, 2005: с.].

В своем исследовании М.В.Сторчак считает наиболее обстоятельным определение, зафиксированное в «Словаре терминов по стилистике английского языка»: «сравнение – это образное сопоставление двух непохожих объектов, принадлежащих к двум разным классам, на основании сходства какого-либо их свойства» [Сторчак, 2018: с.22].

Однако, на наш взгляд, в наибольшей степени исчерпывающим, взятым нами за основу в настоящем исследовании является определение, данное А.В.Трегубчак: «Сравнение — это лингвистическая единица, представляющая собой сопоставление двух предметов, предполагающих наличие общего признака, с целью выяснения их сходства или различия, а также устанавливающая изменение интенсивности признака предмета и степени этого изменения, выражаемая средствами различных уровней языка (словообразовательным, лексическим, морфологическим, синтаксическим, фразеологическим)» [Трегубчак, 2008: с.9].

Функции сравнения в художественном тексте предопределены его композиционным расположением. Так, согласно И.Г.Пятаевой, в качестве четырех основных функций, определенных изобразительной особенностью этого средства, можно назвать следующие:

1) оценочно-характеристическая, предполагающая проявление в сравнении авторской позиции;

2) субъектно-познавательная, учитывающая отражение субъективного отношения персонажа;

3) описательно-изобразительная, подразумевающая создание картин природы или других зарисовок;

4) функция конкретизации, которая заключается в разъяснении и описании состояния, движений, жестов персонажей [Пятаева, 1994: с.6].

Перечисленные функции сравнения являются постоянными, выполняемыми им вне зависимости от задач определенного художественного произведения и идиостиля писателя. Однако индивидуальная писательская манера может наделить сравнение и другими, особенными функциями.

Как любой лингвистической единице, сравнению свойственны особые, отличные от иных феноменов языка, признаки структурного или семантического плана. Так, специфическая черта сравнения как образного средства заключается в трехкомпонентной ее структуре, состоящей из, во-первых, предмета или явления, подвергающегося сравнению, так называемого субъекта; во-вторых, предмета или явления, с которым сравнивается первый предмет, другими словами – объекта; в-третьих, общего для двух сравниваемых признака – базиса.

Следует отметить, что в номинации составляющих трехкомпонентной структуры среди зарубежных лингвистов нет единого мнения - существует несколько разновидностей терминов для их определения. Например, в английском языке компоненты сравнения рассматриваются как *the tenor* и *the vehicle*, то есть как общее содержание и средство выражения.

О.П.Разумова выделяет следующие структурные компоненты сравнения: «субъект (тот/то, кто/что сравнивают) и объект (тот/то, с кем/чем сравнивают)». Кроме указанных составляющих, ученый указывает на наличие признака-основания, который является «ключевым элементом сравнения и лежит в основе различных типов образных сравнений» [Разумова, 1998: с.95].

Литературный энциклопедический словарь оперирует двумя терминами – «объект сравнения» и «средство сравнения» [ЛЭС, 1987: с.418], И.В.Арнольд использует термины «обозначаемое», «обозначающее» и «основание сравнения» [Арнольд, 2002: с.]; Г.Л.Денисова обозначила триаду сравнительной конструкции

следующим образом: «*темой* называется представление о сравниваемом, *модулем* - представление о признаке, являющимся основанием сравнения, *эталоном* - представление о том, с чем сравнивают» [Денисова, 2009: с.5]; Х.К.Драйсави в свою очередь предлагает совершенно иные термины, такие как «модель», «прототип», «основание» или «предмет сравнения», «образ сравнения», «основание сравнения» [Драйсави, 2014: с.26]; М.В.Беззубикова использует обозначения «референт», «агент», «основание» [Беззубикова, 2013: с.10].

В нашей работе для обозначения компаративных единиц будут использованы термины «предмет», «образ» и «основание».

Предметом сравнения может выступать любой предмет или явление, любое действие или состояние, оказавшиеся в поле зрения человека и оцениваемые им.

Образом сравнения является определенный предмет или явление, действие или состояние, которые выступают в качестве эталона и с которым сопоставляется субъект. Как правило, объект участвует в создании образа описываемого и представляет собой наиболее оригинальную и творческую составляющую в сравнительной конструкции.

Основание сравнения репрезентируется интегрирующим признаком сопоставляемых предметов и явлений, то есть представлен тем общим, что свойственно обоим участвующим в процессе сравнения предметам. Базис сравнения имеет индивидуальный характер и является наиболее субъективным компонентом сравнительной конструкции, поскольку любой автор в поисках подобия исходит из своего видения картины мира.

Различные лингвистические исследования, отмечая трехкомпонентную структуру сравнительных конструкций, указывают на способы их языкового выражения, включающего «формальные признаки, сигнализирующие о наличии у данного отрезка сравнительной

семантики» [Кыржинакова, 2010: с.5]. Эти способы именуются различными терминами – «показатели сравнения» и «показатели сравнительных отношений». Показатели сравнений, будучи инструментами языкового выражения сравнительных конструкций, могут быть представлены грамматическими и лексическими средствами.

Лексические средства выражения компаративных отношений представлены единицами разных частей речи, семантика которых содержит сравнение и указывает на сходство сравниваемых предметов. Вследствие своей компаративной семантики такие лексемы имеют способность передавать сравнение независимо от той или иной синтаксической конструкции. Это такие слова, как *похожий, подобный, напоминает, сопоставить, в сравнении с, образец, модель* и др. По мнению А.В.Трегубчак, к лексическим средствам следует отнести «также цветовые лексемы, характеризующие цвет одного предмета относительно другого (лимонное платье – платье цветом, как лимон), демонстрирующие явления цветовой переходности (сине-зеленый цвет – цвет, расположенный между синим и зеленым)» [Трегубчак, 2008: с.8].

Среди грамматических средств передачи компаративных отношений выделяются средства словообразовательного, морфологического и синтаксического уровня.

Словообразовательные ресурсы компаративных конструкций представлены, прежде всего, в суффиксах, несущих в себе дополнительную коннотацию превосходства или уменьшительности, например *-ин-, -ищ-, -ек-, -оньк-, -еньк-, -оват-, -еват-* и др.

Востребованным средством образования компаративных единиц являются аффиксоиды: *-образный, -видный, -подобный, полу-*. Менее продуктивна префиксация, представленная в приставках *наи-, пре-, при-, бес-, рас-, сверх-* и др.

Относительно средств морфологического уровня в научной литературе наблюдаются некоторые расхождения. Ряд ученых к

морфологическим средствам относит единицы всех частей речи, например, глаголы, содержащие в себе семантику сравнения: *не уступит, побледнела, одеревенела*, которые целесообразно было бы отнести к лексическим ресурсам.

Другие исследователи к средствам морфологии относят и такие служебные части речи, как предлоги и союзы, отмечая их востребованность в образовании компаративных конструкций.

Третьи сходятся во мнении, что средства морфологического уровня представлены только формами степеней сравнений имен прилагательных и наречий.

Обобщив все имеющиеся по данному вопросу мнения, остановимся на том, что морфологический уровень представлен:

1) существительными в творительном падеже: *Соловьём залетным юность пролетела;*

2) формой сравнительной степени прилагательного или наречия: *Эти глаза зеленее моря и кипарисов наших темнее;*

3) частицей *не* со значением отрицания, служащей средством сопоставления двух предметов, а их противопоставления: *То не конский топ, не людская молвь.* Такой тип языковой конструкции в научной литературе именуется *отрицательным сравнением*.

Синтаксические ресурсы выражения компаративных отношений представлены преимущественно предлогами (*подобно, свыше, вроде, относительно, прежде, после, согласно с* и др.); оборотами со сравнительными союзами (*как, словно, как будто, равно как, так же, как и, не только...но и, как...таки*); а также сравнительными оборотами и сложноподчиненными предложениями. Сравнительный оборот представлен словосочетанием, введенным в предложение сравнительным союзом. Сложноподчиненные предложения по своей структуре помимо нескольких связанных между собой отношениями предложений содержат союзы и союзные слова, служащие для экспликации этих отношений.

Таким образом сравнение, будучи одним из способов человеческого мышления, является ярким и довольно востребованным средством выразительности, обогащающим язык новыми единицами и конструкциями. В художественном тексте сравнение выполняет самые разнообразные функции: описательно-изобразительную, субъективно-познавательную, оценочно-характеристическую функции, а также функцию конкретизации. В отличие от других вербальных средств образности, сравнение представлено компаративной конструкцией с трехкомпонентной структурой, состоящей из предмета, образа и основания сравнения. При экспликации компаративных отношений немаловажна функция показателя сравнения, представленного на лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровнях.

II.1.2. Теория сравнения в трудах отечественных ученых

Сравнение привлекает внимание исследователей различных отраслей, таких как философия, логика, психология, литературоведение и лингвистика. Многочисленные лингвистические исследования российских ученых раскрывают феномен сравнения как в лингвокогнитивном и функциональном аспектах, так и в структурно-семантическом плане.

Настоящий раздел исследования посвящен комплексному теоретическому описанию сравнения в качестве средства выразительности в таджикском языке. Необходимо отметить, что сравнение является довольно востребованным в таджикской художественной литературе. Художники слова в своих произведениях отдают предпочтение данному средству, используя его в качестве стилистического приема для более экспрессивной передачи своих мыслей. Сравнение привлекает внимание не только таджикских писателей, но и филологов, в частности литературоведов. Изучение

данного феномена в таджикском языке затрагивает лишь литературоведческий аспект.

Среди вербальных средств выразительности сравнение является одним из наиболее изученных в отечественном литературоведении. Вопросы его разработки и исследования рассматриваются в таких работах таджикских литературоведов, как «Каломи бадеъ» («Поэтика») Худои Шарифова, «Санъати сухан» (Искусство речи) Т.Зехни. Подробная интерпретация и дефиниция термина «сравнение» приводятся в таджикских лексикографических источниках, точнее, в словарях литературоведческих терминов Х.Мирзозода, Р.Ходизода и М.Шукурова, С.Ш.Табарова, в учебных пособиях по теории литературоведения и др.

Однако сравнение как грамматическое явление в тот период не стало объектом специального исследования таджикских ученых. В связи с этим целесообразно изучение сравнения как лингвистического феномена, в частности его структурно-семантической природы. Безусловно, подспорьем для такого исследования могут служить имеющиеся на сегодняшний день изыскания таджикских литературоведов и лексикографов.

Писатель для более красочной и выразительной характеристики предмета или явления обращается к сопоставлению одного из его параметров или данных с параметрами других предметов или явлений. Для этого необходимым условием является наличие сходства признака, качества или характера уподобляемого и уподобляющего. Сравнение необходимо для более экспрессивного, точного и колоритного выражения мыслей объекта речи.

В таджикском языке данное средство выразительности именуется словом арабского происхождения «ташбеҳ». Относительно истолкования природы сравнения среди отечественных исследователей не отмечается разногласия: в вопросе дефиниции термина «сравнение» они пришли к

единому мнению. Так, авторы «Словаря литературоведческих терминов» 1966 года издания определяют сравнение следующим образом: «Ташбех, будучи средством выразительности, является одним из основных условий художественного стиля речи. Для более сильного воздействия на читателя и более чеканного и отчетливого изложения своих мыслей писатель уподобляет описываемый объект какому-либо реальному событию или явлению действительности, в результате чего одним лаконичным выражением передает богатое содержание мысли» [Ходизода, 1966: с.118].

В качестве иллюстрации приведенного суждения исследователи цитируют поэта-классика Салмони Соваджи:

Анвори акси рӯят дар дидаву дили ман

Чун май дар обгина пайдо бувад ҳамеша [Там же]. – Отражение твоего лица, как вино в сосуде, всегда присутствует в моем взоре и сердце.

Х.Мирзозода, автор «Краткого словаря литературоведческих терминов», раскрывает смысл понятия «сравнение» таким образом: «Сравнение – одно из средств выразительности, подразумевающее уподобление одного другому. <...> Подобно другим средствам, сравнение используется для ясности мысли, образности и художественности изображения. При помощи сравнения писатель может в одном слове или словосочетании вместить множество значений» [Мирзозода, 1992: с.146].

Относительно рассматриваемого понятия автор «Теории литературоведения» приводит следующие сведения: «Лексическим значением «ташбех» является сравнение. Сравнение представляет собой средство художественного изображения, посредством которого писатель достигает выразительности высказывания. Между уподобляемым и уподобляющим всегда существует тождество их общих или частных качеств» [Бобоев, 1987: с.151].

Довольно подробный анализ сравнения как стилистического приема провел другой таджикский литературовед - Т.Зехни, который интерпретирует данное понятие следующим образом: «Ташбех» - это уподобление. Писатель для более красочного изображения предмета или явления уподобляет один из его признаков свойствам другого предмета или явления. Однако между уподобляемым и уподобляющим необходимо наличие одного вида сходства, будь то качество, свойство или поведение. Сравнение служит для более выразительного, четкого и красочного изображения какого-либо художественного эпизода» [Зехни, 1992: с.42].

Весьма содержательное исследование сравнения как стилистического приема приводит в своей монографии Х.Шарифов [Шарифов, 91: с.84-99], который прежде чем сформулировать определенную дефиницию этого термина сделал обзор научной литературы, посвященной данному вопросу. Представляют интерес приводимые им высказывания ученых Востока, в частности Рашиди Ватвота, автора «Тарчумон ул-балоғат» («Выразитель совершенной речи»): «Это такое искусство, когда наставник или поэт сравнивает что-то с чем-то по признаку, присущему этим словам <...>». Или определение, сформулированное Шамси Кайсом: «Сравнение - это уподобление одного другому, и в этом отношении нет других средств, нежели общий признак между сравниваемым и сравнивающим. При совпадении нескольких значений, подающихся уподоблению, сравнение становится более ценным и совершенным».

Х.Шарифов, отмечая многоаспектность сравнения, выделяет научное сравнение, называемое им «қиесоти мантиқӣ», и, ссылаясь на терминологию предшественников, - художественное, точнее, поэтическое сравнение - «қиеси шеърӣ», или «ташбех». При обозначении любого другого сравнения ученый использует единицы общеупотребительной лексики - «қиес», «муқоиса», которые во многих терминосистемах

таджикского языка обрели статус терминологических единиц. Ученый отмечает, что если научное сравнение подразумевает прохождение всех процессов обсуждения, включая тезис, антитезис и синтез, то в качестве языкового явления сравнение имеет цель только уподобления, тогда как достижение результата всецело зависит от интеллекта и интереса читателя. По его мнению, «уподобление в сравнении не имеет бесспорного объективного доказательства, его восприятие зависит от качества и количества. Оно обосновывает соответствие, недостаточность или избыток качества, его негативные и позитивные признаки, что, безусловно, основано на интеллектуальном и эстетическом воспитании человека» [Х.Шарифов, 1991: 85].

Продолжая рассуждать относительно дифференциальных признаков художественного и других видов сравнения, Х.Шарифов утверждает, что, хотя «любое сравнение является фактом реального мира, восприятие научного сравнения имеет рациональный, точнее, теоретический результат, а художественного – эмоционально-экспрессивный результат. <...>. Мы не можем отождествлять предметы и явления по своему усмотрению. Например, невозможно прекрасный девичий лик уподобить белой стене, поскольку белизна, будучи, с одной стороны, частью красивого лица, не имеет отношения к красоте в целом. С другой стороны, белизна стены, будучи признаком ее красоты, не может пробудить наш интерес к ней. Таким образом, вопросы обоснованности сравнения весьма спорны, поскольку они зависят от традиций и обычаев того или иного народа, его языковой картины мира, идиостиля писателя и конкретных требований того или иного контекста» [Х.Шарифов, 1991: с.85-86].

Попытка изучения в таджикском языке сравнения как языкового явления в сопоставительном аспекте была предпринята М.А.Сидиковой в диссертационной работе «Функционально-семантическое поле сравнения в таджикском и английском языках». Вследствие того, что

автор не счел целесообразным обратиться к уже существующим (хотя и малочисленным), исследованиям таджикских филологов, она пришла к выводу, что в таджикском языке проблема исследования средств и способов выражения компаративности «получила очень ограниченную интерпретацию: в изучении степеней сравнения прилагательных и придаточного предложения сравнения» [Сидикова, 2018: с.40]. В своей работе в качестве базовой дефиниции термина «сравнение» М.А.Сидикова использовала следующее определение: «В лингвистическом ракурсе под сравнением следует понимать средства и способы выражения тождества и различий в качествах, признаках и свойствах предметов, действий и явлений» [Сидикова, 2018: с.40].

Таким образом, обзор таджикской теоретической литературы о природе сравнения показал, что большинство ученых придерживаются единого мнения относительно номинации термина «сравнение» и определения его дефиниции.

Как было отмечено выше, сравнение, как любая лингвистическая единица, характеризуется отличительными свойствами, которые заключаются в трехкомпонентной структуре, состоящей из предмета, образа и основания. Однако, отмечая трехкомпонентную структуру сравнительных конструкций, российские ученые отдельно указывают на способы их языкового выражения, именуемые различными терминами, такими как «показатели сравнения», «показатели сравнительных отношений», и представленные как грамматическими, так и лексическими средствами. В противовес этой сложившейся в русском языкознании традиции репрезентации структуры сравнения, в таджикском языкознании существует несколько иная точка зрения. Отечественные ученые, в той или иной мере обращавшиеся к изучению сравнительных конструкций, высказывают единое мнение о структуре сравнений, выделяя в них четыре компонента: уподобляемое, уподобляющее, основание сравнения и его средство.

Так, например, Ю.И.Бобоев считает, что: «Ташбех состоит из четырех элементов: сравниваемое (ташбехшаванда), сравнение (ташбехкунанда), средства сравнения (адоти ташбех) и основание сравнения (вачҳи, сабаби ташбех)» [Бобоев, 1987: с.151]. На такой же структурный состав указывают Т.Зехни и Х.Шарифов. Незначительные различия отмечаются лишь в номинации этих терминов: *монандшаванда*, *монандкунанда*, *ёридиҳандаи монандӣ*, *сабаби монандӣ* [Зехни, 1992: с.42]; *монанду монанда*, *адоти ташбех*, *вачҳи ташбех* [Х.Шарифов, 1991: с.88].

Подробно останавливаясь на изучении вопроса о средствах сравнения, Х.Шарифов ссылается на высказывание А.Дехлави, который «в качестве средств сравнения выделяет следующие лексемы: *чунин*, *монанд*, *вор*, *насақ*, *тариқ*, *шакл*, *шева*, *гӯй*, *пиндорӣ*, *сабил*, *минвор*, *сон*, *осо*, *мисл*, *чун* и др.». Данное утверждение ученый иллюстрирует бейтом Хафиза Ширази:

Ман, ки аз оташи дил чун хуми май дар ҷӯшам,

*Мӯҳр бар лаб зада, хун мехӯраму хомӯшам. – Я тот, кто от
сердечного огня подобно большому кувшину вина в кипении // Запечатал
губы, пью кровь и безмолвен.*

«С точки зрения грамматики, - продолжает Х.Шарифов, - сравнительные конструкции и слова весьма разнообразны. Например, к ним можно отнести дополнительные сочетания *ба сонӣ*, *ба монандӣ*, *ба кирдорӣ*; союзы - *чун*, *чунонки*, *моно ки*; существительные и прилагательные - *мисл*, *монанд*, *ранг*, *шабех*; междометия и сочетания - *гӯё*, *мисли ин ки*, *пиндорӣ*; глагол *монад* и др. Одним словом, каждая лексема, содержащая доказательство сравнения и тождественности, может быть использована в этом значении» [Х.Шарифов, 1991: с.89].

Практически такой же перечень лексических средств сравнительных конструкций предлагает и Т.Зехни: «В таджикском языке вспомогательными средствами сравнения являются следующие единицы: *чун*, *хамчун*, *мисли*, *монанди*, *монанди он ки*, *чунон ки*, *гӯйё*, *гӯй*, *пиндорӣ*,

глаголы *мондан, шабоҳат доштан, гуфтӣ, моно* и суффиксы *-осо, -сон, -ваш, -вор*, барин и др.» [Зехни, 1992: с.43].

Соглашаясь с изложенными выше мнениями относительно данного вопроса, Ю.И.Бобоев, в свою очередь, приводит аналогичный список средств сравнения: «Функции вспомогательных средств сравнения выполняют единицы *чун, чу, ҳамчун, гӯё, гӯйё, барин, мисли, монанди, пиндорӣ, моно*; послелогои *-ваш, -осо, -сон, -вор* и др.» [Бобоев, 1987: с.151].

М.А.Сидикова, рассматривая вопрос о структуре компаративных конструкций в таджикском языке, опирается преимущественно на работы российских ученых и выявляет вспомогательные средства сравнения на разных уровнях языка. Так, синтаксический уровень, по ее мнению ученого, представлен придаточными предложениями, образующимися «при помощи подчинительных союзов *кӣ, гӯё ки, монанди он ки, мисли он ки, гӯё ин ки* и иногда союзами типа *чи тавре ки, чунон ки, ба тарзе ки, ба тавре ки, чи хеле ки, чи гунае ки, хамчунон ки и т.д.*» [Сидикова, 2018: с.83]. Говоря о показателях лексического уровня, М.А.Сидикова отмечает: «В таджикском языке функционируют также суффиксы «-гун», «-вор», «-сор», «-осо», «-ваш», «-фам», «-сон», которые, употребляясь с отдельными существительными, образуют прилагательные, указывающие на схожесть одного предмета с другим, выражаемым корневым существительным, с какой-то стороны [Сидикова, 2018: с.47].

Обобщив высказывания и утверждения таджикских ученых относительно вопроса о вспомогательных средствах сравнительных конструкций, можно констатировать, что на лексическом уровне в качестве модификаторов могут выступать единицы, имеющие сравнительную семантику, например: *монанд (кардан), ба монанди, ба сони, шабеҳ, мушобеҳ, ранг, мисл, ба ёд овардан, муқоиса кардан, пиндорӣ, насақ, тариқ* и др. На словообразовательном уровне данную функцию могут выполнять суффиксы: *-осо, -сон, -ваш, -вор, -гун*. На

морфологическом уровне – сравнительная и превосходная степени прилагательных и наречий, образуемые при помощи суффиксов –*тар* и –*тарин*. На синтаксическом уровне в качестве вспомогательного средства компаративной конструкции могут быть представлены союзы и предлоги: *чун, ҳамчун, барин, чунонки, моно ки, гӯйё, гӯйё ки* и др.

В источниках, послуживших методологической базой данного исследования, много места уделяется вопросам типологии сравнения в таджикском языке. Так, например, Х.Шарифов отмечает: «Отношение основных элементов находит свое выражение при помощи средств и основания сравнения. В связи с этим разнообразие типов сравнения, по сути, его классификация напрямую зависит от того, как представлены эти составляющие. Вследствие этого выделяют семь основных типов сравнения: *ташбеҳи мутлақ* (абсолютное сравнение), *ташбеҳи маирут* (условное сравнение), *ташбеҳи киноят* (иносказательное сравнение), *ташбеҳи тасвит* (равное сравнение), *ташбеҳи акс* (отраженное сравнение), *ташбеҳи измор* (скрытое сравнение), *ташбеҳи тафзил* (возвращенное сравнение)» [Х.Шарифов, 1991: с.94-95].

Несколько иную классификацию сравнений предлагает Т.Зехни, который выделяет следующие типы: *ташбеҳи равшан* (явное сравнение), *ташбеҳи пӯшида* (скрытое сравнение), *ташбеҳи таркиби* (составное сравнение), *ташбеҳи мураккаб* (сложное сравнение), *ташбеҳи баргашта* (возвращенное сравнение), *тафзили* (возвращенное сравнение), *ташбеҳи шартӣ* (условное сравнение), *ташбеҳи акс* (отраженное сравнение), *ташбеҳи баробар, тасвия* (равное сравнение) [Зехни, 1992: с.44].

Как следует из приведенной классификации, автор выделяет такие дополнительные типы сравнения, как составные и сложные.

Все перечисленные типы сравнения преимущественно используются в таджикско-персидской классической литературе и лишь иногда в современной поэзии.

Для получения более полного представления о функционировании в таджикском языке сравнения в качестве стилистического приема представим краткую характеристику его выше перечисленных типов:

1. Явное или абсолютное сравнение подразумевает обязательное наличие, помимо двух основных элементов – уподобляемого и уподобляющего, вспомогательного средства сравнения. В качестве иллюстрации данного типа Т.Зехни приводит строки С.Айни и Низами Гянджеви [Зехни, 1992: с.43-44]:

Инқилоб офтобро монад,

Е ки тӯфони обро монад. – Революция напоминает солнце, // Или напоминает шторм моря.

Даҳони танги ту мим аст гӯӣ,

Шиканчи зулфи ту чим аст гӯӣ. – Твой маленький рот подобен миму, // Твой завиток волос подобен джиму (мим и джим – буквы арабского алфавита).

2. Условное сравнение предполагает сопоставление, реализуемое при определенных условиях посредством условного союза *гар*, как, например, в бейте А.Бухорои, приведенном в качестве образца Х.Шарифовым [Х.Шарифов, 1991: с.94-95]:

Агар мӯре сухан гӯяд ва гар мӯе равон дорад,

Ман он мӯри сухангӯям, ман он мӯям, ки ҷон дорад. - Если муравей скажет слово и если волос имеет душу, // Я тот говорящий муравей, я тот одушевленный волос.

3. Возвращенное сравнение представляет собой такое сравнение, когда уподобляемое сравнивается с тем, что впоследствии оказывается недостойным его, находясь в значительном преимуществе. Такой вид сравнения можно найти в «Словаре литературоведческих терминов» в словарной статье, посвященной *ташбеҳи тафзилӣ* [Ходизода, 1966: с.119]:

Сарвро монӣ, валекин сарвро рафтор нест,

Моҳро монӣ, валекин моҳро гуфтор нест. – Ты подобна кипарису, однако у кипариса нет такой поступи, // Ты подобна луне, однако она не такая сладкоречивая.

4. Скрытое сравнение заключается в том, что между основными компонентами сравнения – уподобляемым и уподобляющим – нет вспомогательных элементов. Пример такого типа сравнения, использованного в бейте Низами Гянджеви, приводит Ю.И.Бобоев [Бобоев, 1987: с.153]:

Забонаш барги гул, аммо ба гуфтор

Ҳазорон савти булбул карда изҳор. – Ее язык – лепесток розы, однако в сладкоречии // заливается трелью тысячи соловьев.

В данном бейте сочетания *ее язык - лепесток розы* подразумевает, что *ее язык подобен лепестку розы*, а сочетание *в сладкоречии – заливаются трелью тысяч соловьев* следует понимать, что *ее сладкоречивость подобна трели тысячи соловьев*.

5. Отраженное сравнение – это такое явление, когда «писатель сопоставляет два предмета посредством обратного изображения:

Пушти замин чу рӯи фалак гашта салоҳ

Рӯи фалак чу пушти замин гашта аз губор» [Зехни, 1992: с.53].– Поверхность земли стала благой подобно небосводу, // небосвод стал злым подобно поверхности земли.

6. Равное сравнение – «это такое сравнение, при котором писатель описывает качество, присущее и возлюбленному, и любимой. Этот прием также называют *муздавач*, что означает парный.

Приведем пример из творчества Мантики:

Даҳони танги ту омӯхт тангӣ аз дили ман,

Вучуди ман зи миёни ту логарӣ омӯхт» [Зехни, 1992: с.53].– Тонкие губы твои научились узости у моего сердца, // Мое тело научилось худобе у твоей талии.

Таким образом, все вышесказанное дает нам основание утверждать, что в таджикском языке, в отличие от русского, сравнение как средство выразительности подвергается семантической дифференциации. В структурном плане, несмотря на одинаковое оформление и состав компаративных конструкций в рассматриваемых языках, также наблюдаются различия в теоретическом истолковании, то есть признание российскими учеными трехкомпонентной структуры сравнения, а таджикскими – четырехкомпонентной.

Терминологический аппарат настоящего раздела составляют такие научные понятия, как *компаративная конструкция – сравнительная конструкция – сравнение; сравнение – образ сравнительной конструкции – объект сравнения; сравниваемое – предмет сравнительной конструкции – субъект сравнения; основание сравнения – базис сравнения; средство сравнения – показатели сравнения.*

II.1.3. Языковая репрезентация предмета и образа сравнительных конструкций в таджикском языке

Несмотря на повышенный интерес таджикских филологов к проблемам функционирования сравнения в качестве стилистической фигуры, вопрос языковой репрезентации основных элементов компаративной конструкции остался без внимания со стороны таджикских ученых. В связи с этим считаем целесообразным посвятить один из пунктов исследования изучению данной проблемы.

Как было отмечено ранее, основными элементами сравнения, взятыми в данном исследовании за основу, являются предмет, образ и основа сравнения. Под *предметом сравнения* следует понимать предмет, сравниваемый с чем-то другим, «это объект реальной или ирреальной действительности, подвергаемый логической операции сравнения» [Драйсави, 2014: с.39]. Под *образом сравнения* подразумевается образ, с

которым сравнивается предмет. Основа сравнения - общий для сравниваемых признаков.

Обозначение предмета и образа осуществляется посредством лексем, называющих различные экстралингвистические феномены и относящихся к определенным частям речи. Функция обозначения предмета сравнения в анализируемом материале выполняется именами существительными и местоимениями.

Как показал анализ иллюстративного материала, предметом и образом сравнения в творчестве современных таджикских писателей выступают экстралингвистические понятия, представленные в следующих концептуальных сферах: 1) антропологической, 2) натурфактной, 3) артефактной и 4) абстрактной.

II.1.3.1. Предмет сравнения компаративных конструкций

Предмет сравнения – человек

По результатам проведенного исследования предметом сравнения в художественных компаративных конструкциях современной таджикской прозы выступает человек. Как показал лексико-семантический анализ, в позиции предмета сравнения единицы, относящиеся к антропологической сфере, значительно преобладают над остальными и являются более востребованными таджикскими писателями: общее число выявленных примеров антропонимов достигает 87 лексем, или 43,5% от общего числа рассмотренных образцов сравнительных конструкций.

Дальнейшая классификация данных единиц позволила выделить в рамках антропологической сферы несколько неравнозначных в количественном плане тематических групп. Так, наиболее крупной из них, включающей 30 единиц, можно назвать группу, в которой объединены соматизмы. В данном случае предмет сравнения компаративных конструкций референциально соотносится со следующими денотатами: *забон* (язык), *дандон* (зуб), *гардан* (шея), *рӯй*

(лицо), чехра (лиц), чаимон (глаза), панчаҳо (пятерня), пӯст (кожа), рағҳо (жилы), банди пой (щиколотка), оринҷ (локоть), даст (рука), дил (сердце), бадан (туловище), сар (голова), лабу даҳон (губы и рот), қошу чаим (бровь и глаз):

- **Забон** не, захри қотил... (Самад, 2002: с.113).- Ох, не язык у него, а жало ядовитое! (Самад, 2018: с.180).

Бибиаш, **дандонҳои** нимшикаставу мисли сари чӯби сӯхта сиёҳтобааш намоён, аз таки фукаш бо мехр ба писарак нигариста, пиқ-пиқ хандиду<...> (Самад, 2002: с.99). - Бабушка, оголив **зубы**, черные, как концы обожженных палок, глядя исподлобья на мальчика, с любовью, тихо хихикнув, сказала: <...> (Самад, 2018: с.135).

Наиболее частотными из перечисленных предметов сравнения (по 4-5 случаев употребления) являются лексемы **рӯй** (в том числе и его синоним **чехра**) и **чаим**:

Рӯи муйсафед пахтаи кӯҳнаро мемонд, ҳеч вақт мисли имрӯза бенур набуд (Самад, 2002: с.108). - **Лицо** старика было цвета старой ваты (Самад, 2018: с.163).

Аз башараи муғулонааш – ду **чаим** дар косаи сар чун ду кирми абрешими бебаргмонда, ба атроф бемаъно менигаристанд – осори чизеро хондан душвор буд (Баҳманер, 2013: с.223). - Трудно было что-либо прочесть на его лице — **глаза** в узких прорезях, напоминающие двух изголодавшихся шелковичных червей, бессмысленно взирали на окружающих (<http://www.proza.ru>).

Другие выявленные тематические группы представлены в значительно меньшем количестве. Предмет сравнения в следующих, равных по количеству и состоящих из 12 примеров, объединениях инициирован номинациями объектов с общим значением «родственные отношения» (*надару модар - родители, апа - сестра, мома - бабушка, зану кудакон – жена и дети*) и «возраст человека» (*чавон - юноша, пирамард - старик, мӯйсафед - старик, пиразан - старуха, писарак - мальчишка, бача - мальчик*):

*Ман бол шавам, **падарам** парвоз мекунад, баланди баланд мисли уқоб парвоз мекунад. Баъд ман ҳама ҷоро мебинам (Самад, 2002: с.98). - Если я буду крыльями, **отец** будет летать (высоко-высоко подобно орлу – С.Р.). И тогда я увижу все (Самад, 2018: с.134).*

*Доим гул барин мепарваридӣ **момама**... (Самад, 2002: с.150). - Вечно ухаживал за **бабушкой**, как за цветком... (Самад, 2018: с.141).*

— *Кошки раги ҳамин **бача** ба шумо барин падар намекашид, — гуфту сархам роҳи хонаширо пеш гирифт... (Турсун, 1976: с.246).- Дай бог, чтоб этот **парень** не походил на вас! (Турсун, 1979: с.321).*

Далее, в порядке убывания количественных показателей, следуют тематические группы:

- «род занятий человека» – 10 случаев употребления: *ходим (служащий), ҷондор (телохранитель), нозир (наблюдатель), амир (эмир):*

*Ҳамеша ҳамин тавр буд, ин **амир**, ки аҳром сохтанро чун фиръавнҳои Миср дӯст медошт (Баҳманер, 2013: с.224). - Всегда он был таким этот **эмир**, любивший, как и фараоны Древнего Египта, строить пирамиды (<http://www.proza.ru>);*

- «номинации человека» - 6 случаев употребления: *мард (человек, мужчина), кас (человек), одам (человек), нафар (лицо, персона):*

*Ва чаро мо ҳама аз як **нафар** мисли худ метарсем? (Кӯҳзод, 1987: с.141). - И почему мы все боимся **одного**, подобного нам? (Кухзод, 1991: с.322);*

- «совокупность людей» - 6 случаев: *издиҳом (толпа), қавм (племя), мардум (народ):*

***Издиҳоме** мешавад, ки – ё тавба! – маҳшиарро ба хотир меорад (Баҳманер, 2013: с.228). - Собирается **толпа**, которая – о, Аллах! – напоминает о конце света (<http://www.proza.ru>).*

Единичными примерами представлены следующие тематические группы:

- «межличностные отношения»: *дугона (подруга), соҳиб (хозяин)*;
- «физические особенности человека»: *олуфта (франт), кар (глухой)*;
- «мифические персонажи»: *аҳриман (дьявол)*;
- «национальность»: *мугул (монгол)*.

Дугонаҳояи магар аз овози гиряолуди ӯ меҳаросанд, ки мисли селани гунҷишакан шавққунон пои мехӯранд (Самад, 2002: с.134). - Девочки, возможно, испугавшись ее плаксивого голоса, как шумная воробьиная стая рассеивались в разные стороны (Самад, 2018: с.127).

Вай бо худ дигар чизе надошт, магар ҷону тан, ки он ҳам аз ӯ набуд, як аҳримани дигаре чун ин мугул соҳиб буд (Баҳманер, 2013: с.222). - У него не было больше ничего, кроме жизни, которая к тому же принадлежала не ему: ее владельцем был другой монгол — такой же злодей, как этот (<http://www.proza.ru>).

Мугул қаноатманд тозиёна ба эзорчармаи мезаду чун тутӣ такрор мекард:<...> (Баҳманер, 2013: с.223). - Монгол удовлетворенно похлопывал плетью по кожаным штанам и, как попугай, повторял <...> (<http://www.proza.ru>).

Результаты проведенного анализа показывают, что самой представительной в позиции предмета сравнения является антропологическая сфера, которая включает в себя 87 случаев употребления. Дальнейшая классификация в рамках данной сферы позволила выделить несколько несоотносимых в количественном плане тематических групп, а именно: «соматизмы» (30), «возраст человека» (12), «родственные отношения» (12), «род занятий человека» (10), «номинация человека» (6), «совокупность людей» (6), «межличностные отношения» (4), «физические особенности человека» (4), «мифологические персонажи» (2) и «национальность» (1). Из приведенных результатов следует, что антропологический образ компаративных конструкций представляет собой довольно

распространенное явление в современной таджикской прозе, поскольку на сегодняшний день остаются нерешенными и вызывают большой интерес проблемы фиксирования в единицах языка знаний, полученных человеком вследствие осознания его опыта взаимодействия с окружающей действительностью.

Предмет сравнения – натурфакты

Результаты исследования показали, что в репрезентации предмета сравнения за антропологической сферой с большим отрывом следует сфера естественных объектов: количество составляющих ее единиц достигает 47 или 23,5% от общего числа рассмотренных сравнительных конструкций.

Дальнейшее исследование позволило выделить в составе данной сферы несколько тематических групп:

1. Наиболее востребованными в качестве предмета сравнения – 15 случаев употребления - являются представители животного мира, репрезентированные в следующих номинациях: *булбул (соловей), асп (конь), чонвар (животное), малах (саранча), махлуқот (живое творение), мокиен (курица), Қулангхоҷа (кличка), хурӯс (петух), мӯрча (муравей)*:

«Ин мӯрча, Ходими калон барин, маккор будааст», - барқ зад фикраке дар сари Чавони паҳлавон (Кӯҳзод, 1987: с.221). - «Этот муравей коварнее старшего Служителя»,— мелькнуло в голове (Кухзод, 1991: с.224).

Ман аспи нуқрамоно дидам, сап-сафед, мисли нури офтоб, дурахши танаши чун дурахши офтоб, ҷилои ёлу думаши ба сони ҷилои шаҳоб (Баҳманер, 2013: с.96). - Я увидел коня – серебристо-белого, как свет луны; тело его сверкало, как сияние солнца; грива и хвост искрились, как пылающая комета (<http://www.proza.ru>).

Кулангхоҷа чун баъзе мансабпарастон дастро ба пушт чилик карда, шикамчаи худро дамонда, рӯи ҳавлӣ ё дар пуштаи назди ҳавлӣ такаббур

намуда менаштанду **мокиёнҳо** дар гирдашон мисли парвона буданд (Баҳманер, 2013: с.239). - Напоминая иных чиновников, **Кулангходжа**, скрестив руки за спиной, выпятив самодовольно животик, важно прохаживался по двору или холму за двором, а **куры**, подобно мотылькам, кружили около него (<http://www.proza.ru>).

2. В качестве предмета сравнения компаративных конструкций довольно востребованы номинации объектов природного ландшафта, природы и ее явлений (12 употреблений), в частности: *табиат* (природа), *манзара* (пейзаж), *рӯд* (река), *кӯл* (озеро), *об* (вода), *жзола* (град), *куҳ* (гора):

*Мо ҳеҷ гоҳ **жзоларо** ба ин бузургӣ надида будем, ҳар як донаи он гирдаконтро мемонд* (Баҳманер, 2013: с.235). - Мы никогда не видели такого крупного **града**: каждая градина была величиной с грецкий орех (<http://www.proza.ru>).

3. Далее, в порядке убывания количественных показателей, следуют такие тематические группы, как:

- «промежутки времени» (8 употреблений): *рӯз* (день), *баъди чошт* (после полудня), *шаб* (ночь):

*Вай, Чавони паҳлавон, **шаби гузаишта**, ба монанди ҳама шабҳои дарозу ноорони се моҳи охир, дар дил азм кард, ки дигар аз Ходими калон наматарсад* (Кӯҳзод, 1987: с.139). - **Прошлой ночью**, как и в другие долгие и беспокойные ночи последних трех месяцев, он твердо решил, что больше не будет бояться старшего Служителя (Кухзод, 1991: с.325).

- «космические объекты» (7 примеров): *моҳ* (луна), *офтоб* (солнце), *ситора* (звезда):

*Моҳи нопурра, **ситораҳои** тобон мисли гулҳои тозаи баҳорӣ қилва мекунанд* (Сорбон, 1981: с.24). - Месяц и яркие звезды блестят, словно роса на цветах, воздух ароматен и свеж (Сорбон, 1984: с.207).

- «растительный мир» (5 примеров): *гул* (цветок), *барг* (лист):

- *Чунки гулу булбул азизи ҳамдигаранд, аз якдигар ҷудой надоранд – мисли шумо, - мегӯяд бибиаш (Самад, 2002: с.100). - Потому что цветок и соловей любят друг друга и никогда не разлучаются – как вы,- отвечает бабушка (Самад, 2018: с.137).*

Таким образом, из проведенного исследования стало ясно, что степень интереса таджикских писателей к различным природным объектам и явлениям неодинакова. Наиболее востребованным в качестве предмета сравнения являются представители животного мира – 15 случаев употребления. Далее, в порядке убывания количественных показателей, следуют тематические группы: объекты природного ландшафта (12 примеров), промежутки времени (8), космические объекты (7), растительный мир (5). Высокая или низкая частотность употребления лексики, репрезентирующей сферу естественных явлений и объектов в позиции предмета сравнения, свидетельствует о проявляемом творческом интересе писателей к художественному восприятию номинируемых ими объектов.

Предмет сравнения – артефакты

Результаты лексико-семантического анализа показали, что в репрезентации предмета сравнения третьей по продуктивности выступает сфера искусственных объектов: количество составляющих ее единиц достигает 40 единиц или 20% от общего числа рассмотренных сравнительных конструкций. В ходе исследования данных единиц была проведена их классификация по отдельным тематическим группам. Так, было выявлено несколько наиболее крупных объединений единиц, номинирующих объекты искусства и литературы, строения и их части, оборудование и приспособления, звуки.

Большая часть лексем (13 употреблений) является наименованием строений и их частей: *кабристон (кладбище), хона (дом), аҳром (пирамида), гушаболор (угловая балка), болор (перекладина), вассаҳо*

(деталь перекрытия), бино (здание), оҳанманора (металлическая башня), симчӯб (столб для проводов):

Омайра оби арасот, мавҷи гилолуду хокистаролуду равганолуд, биноҳои валувайрон, оҳанманораҳои пачақу маҷақ ва симчӯбҳоеро дид, ки об чун донаи гӯгирд мебарад (Кӯҳзод, 1987: с.236). - Она увидела kloкочущую воду, глинистые, покрытые пеплом и масляными пятнами волны, увидела развалины зданий, горы сплющенного, покорезженного металла, сломанные, словно спички, деревья и столбы в путанице порванных проводов... (Кухзод, 1991: с.333).

Значимыми для художественного мира таджикских писателей являются и объекты литературы и искусства, представленные следующими наименованиями: оҳанг (музыка), наво (мелодия), сухан (слово), савол (вопрос), ҳикоят (рассказ):

Ин суханони модарам ба гӯши мани нимбедор чун мусиқии фораи мерасад (Сорбон, 1981: с.27). - Слова матери звучат сквозь сон далекой, нереальной музыкой (Сорбон, 1984: с.209).

Далее по частотности следует группа «звуки» (8 употреблений), репрезентированная такими номинациями, как садо (звук), овоз (голос), хиррос (хрип), галогула (шум), акси садо (эхо):

*Муғул ак лаҳза ҳарфе ба забон оварда натавонист, баъд аз гулӯяи хирросе, ба «аҳа» монанд, берун част ва ҳанӯз хаскаш ба чизе сарфаҳм нарафта, шамшерро кашиду бо як зарба сари пирамардро аз тан ҷудо кард (Баҳманер, 2013: с.223). - Целое мгновение монгол не мог вымолвить ни слова, потом из его горла вырвался **хрип**, напоминающий «ага!», и не успел соломущик что-либо понять, как тот выхватил меч и одним ударом отделил голову пленника от его тела (<http://www.proza.ru>).*

В художественных произведениях таджикских писателей в качестве предмета сравнения могут выступать единицы, обозначающие оборудование и приспособления (5 единиц): абзор (принадлежность, инструмент), чангак (крючок), каланд (мотыга); социальные

объединения (3 единицы): *аморат* (*эмират*), *колхоз*; одежду (3 единицы): *курта* (*платье, рубашка*), *салла* (*чалма*).

Чавонмард аспро бо зеботарин абзорҳо оро дод ва дар яккамехи байни ҳавлӣ баст (Самад, 2002: с.198). - *Молодой мужчина обрядил скакуна во все лучшее и привязал к приколу в центре двора* (Самад, 2018: с.117).

Имруз колхозҳо ҳам одамон барин дигар шудаанд, - фикр мекард вай (Турсун, 1976, с.242). – *В наше время колхозы изменились подобно людям, - думал он* (Турсун, 1979, с.320).

Из сказанного выше следует, что сфера искусственных объектов, выступая в позиции предмета сравнения компаративных конструкций, менее частотна (40 примеров) и может быть представлена номинациями денотатов, входящих в следующие тематические группы: «строения и их части» - 13, «объекты литературы и искусства» - 8, «звуки» - 8, «оборудование и приспособления» - 5, «социальные объединения» - 3, «одежда» - 3.

Предмет сравнения – абстрактное понятие

В современной таджикской литературе абстрактные понятия в качестве предмета компаративных конструкций используются крайне редко. В ходе исследования было выявлено, что данная когнитивная сфера, в отличие от других, характеризуется более низкой степенью репрезентации в позиции предмета сравнения – всего 26 случаев употребления, или 13% от общего числа рассмотренных сравнительных конструкций. Были обнаружены немногочисленные случаи использования абстрактных понятий, относящихся к различным сферам:

- эмоциональной: *алам* (*горе*), *андӯҳ* (*печаль*);
- деятельной: *шину хез кардан* (*садиться и вставать*), *болзанӣ* (*взмахи крыльями*), *роҳравӣ* (*хождение*), *тохтан* (*бег*);
- физической: *торикӣ* (*тьма*), *дурахш* (*блеск*), *чило* (*сверкание*);
- физиологической: *умр* (*жизнь*), *зиндагӣ* (*жизнь*), *нафас* (*дыхание*);

- интеллектуальной: *фаҳмишу биниши* (понимание и прозорливость), *фёълуху* (характер и поступки);
- социальной: *расму одат* (обычаи и традиции).

Иллюстрацией к сказанному могут послужить следующие примеры:

Бори аламу андӯҳи ӯ гаронтар гаит (Самад, 2002: с.99). - Его обида стала расти больше (Самад, 2018: с.136).

Асп дар чаими мардум сол ба сол нозанинтар, нерӯву шукӯҳаи дучандон, роҳравиву тохтанаи бемислу монанд мешуд (Самад, 2002: с.193). - День ото дня жеребец становился красивее, мужал на глазах (Самад, 2018: с.113).

Торикӣ гӯе мори сиехе шуда, ноаен ба гарданаи печ мехурд ва торафт роҳи нафасашро танг мекард (Турсун, 1976, с.242).- Сумерки постепенно обволакивали комнату, словно серая змея потихоньку обвивалась вокруг его шеи (Турсун, 1979, с.319).

Умри инсон ҳам чун дарахт сабзишу заволро аз сар мегузаронад (Самад, 2002: с.107). - Жизнь человека, словно дерево, переживает цветение и засыхание (Самад, 2018: с.164).

Фаҳмишу биниши онҳо ба монанди ҷойгиршавии иморати деҳ пастубаланд, зина ба зина буд, албатта (Кӯҳзод, 1987: с.124). - В этом они походили на свои расположенные уступами жилища (Кухзод, 1991: с.359).

Таким образом, в результате рассмотрения вопроса о репрезентации предмета сравнения в сравнительных конструкциях, используемых современными таджикскими писателями, можно сказать, что первостепенным объектом их творческого интереса является человек, его социальный статус, внешние качества, эмоциональное состояние. Менее значительный интерес писателей вызывают естественные и искусственные объекты. Менее релевантны в позиции предмета сравнения абстрактные понятия.

II.1.3.2. Образ сравнения компаративных конструкций

Если функция обозначения предмета сравнения в анализируемом материале ограничивается лишь именами существительными и местоимениями, то обозначение образа сравнения происходит не только за счет имен существительных и местоимений, представляющих разновидность «образ-предмет», но и с помощью имен прилагательных и причастий, составляющих разновидность «образ-признак»; глаголов, служащих основой разновидности «образ-ситуация».

Ввиду ограниченных рамок настоящего исследования не представляется возможным остановиться на всех частеречных функциях обозначения образа сравнения. В этой связи считаем необходимым в данном разделе детально проанализировать только материал, касающийся единиц - обозначений образа сравнения, выраженных именами существительными и местоимениями.

Образ сравнения – натурфакт

В результате лексико-семантического анализа было выявлено, что относящийся к сфере естественных объектов и явлений образ сравнения по количественным параметрам занимает ведущее место - 79 единиц, или 39,5 % от общего числа рассмотренных сравнительных конструкций. Лексемы, репрезентирующие данную сферу, преимущественно использованы в номинации представителей **животного мира**, в частности, названия птиц – *парранда (птица), уқоб (орел), кабутар (голубь), зог (ворон), булбул (соловей), тўтй (попугай), гоз (гусь), мург (курица)*; домашних и диких животных – *оҳў (газель), пишак (кошка), мор (змея), хар (осел), харгўш (кролик), бабр (леопард), моҳй (рыба)*; насекомых – *ору (оса), кирми бирешим (шелковичный червь), гаҳвораҷунбонак (богомол), муру малах (муравьи и саранча)*:

Пирамард тиндоиш, ки ӯ ҳам мисли ҳамон зог дар теннаи ин дарахт нишастааст (Сорбон, 1981: с.29). - «Я как сухое дерево или вон та ворона на верхушке чинары», – с горечью думает он (Сорбон, 1984: с.215).

Мард нарму беозор по ба риқоб мениҳоду сабук, шабеҳӣ кабутари хушбол ба хонаи зин (Самад, 2002: с.195). - ...хозяин мягко и легко вдевал ногу в стремя, словно птица, садился в седло и ласково похлопывал коня по шее (Самад, 2018: с.115).

Чандин бор аз рама чудо шуда гурехт, вале ӯ ҳамчунон метохт, ки харгӯи пешаш ҳеҷ буд (Баҳманер, 2013: с.228).- Но сам он бегал так быстро, что зайцу было далеко до него (<http://www.proza.ru>).

Лексемы, объединенные значением «животный мир», являются в современной таджикской прозе довольно востребованными при создании образа сравнения. Писатели ассоциируют явления и объекты действительности с присущими животным характерными чертами, что, безусловно, свидетельствует об их хорошем знании особенностей представителей фауны.

Следует отметить, что среди образов, инициированных фаунистическими объектами, не было выявлено единиц наиболее востребованных в художественных произведениях, то есть перечисленные номинации представителей животного мира использовались довольно редко.

Образы сравнения сферы естественных объектов широко представлены номинациями растительного мира (20 единиц), в частности названиями растений, деревьев и их частей - *барги бед* (лист ивы), *гул* (цветок), *чӯб* (древесина, палка), *дарахт* (дерево), *барги хазон* (опавший лист), *рустании худрӯй* (дикорастущее растение); овощей, фруктов и плодов – *харбуза* (дыня), *ангур* (виноград), *лимӯ* (лимон), *себ* (яблоко), *лаблабу* (свекла), *бодом* *думагз* (миндаль с двумя ядрышками), *писта* (фисташки), *чормагз* (орех), *гирдакон* (грецкий орех):

*Чашимони пистамонанди Тугай бошанд аз ҳайрат шакли чормағзро гирифтанд. Се ҳамен зар! (Баҳманер, 2013: с.220). - Узкие, как **фисташки**, глаза Тугая приняли форму грецкого ореха. Три мошны золота! (<http://www.proza.ru>).*

*Ҳарчанд ки як ҳақиқатро ба хубӣ доништа буд: ҳар қадар аз тани ин қавм аҳром насозад, <...> боз вай **чун рустании худрӯй** месабзад (Баҳманер, 2013: с.224). - Хотя он уже прекрасно усвоил одну истину: сколько бы пирамид из их тел ни сооружал, <...> народ этот снова и снова возвращается к жизни подобно тому, как **степная трава** оживает с весной (<http://www.proza.ru>).*

Излюбленным флористическим образом таджикских писателей является образ цветка (гул), ассоциирующийся с красотой и нежностью, весной и яркостью, ароматом и благовонием.

*Ва чун ӯ наздаш мерафт, асти ором ҷони тоза мегирфт, **мисли гул** мешукуфт... (Самад, 2002: с.192).- Увидев его издали, конь оживал, расцветал,.. (Самад, 2018: с.112).*

*Моҳи нопурра, ситораҳои тобон **мисли гулҳои** тоза баҳорӣ ҷилва мекунад (Сорбон, 1981: с.25). - Месяц и яркие звезды блестят, **словно роса на цветах**, воздух ароматен и свеж (Сорбон, 1984: с.208).*

*Чӣ нигоҳе, чӣ осори хирадест, ки дар симои падари ман падид меояд, **ҳамчун гули** зери буттаҳо бӯй мебарораду рух нишон намедиҳад (Сорбон, 1981: с.26). - Благородство великого терпения и скрытая мудрость отца для меня **словно запах** целебных **трав**... (Сорбон, 1984: с.209).*

*Ҳар дуятон, ҷони ширини мома, ҳам гул ҳастеду ҳам булбул (Самад, 2002: с.98). - Вы оба, моя радость - **и цветок**, и соловей (Самад, 2018: с.133).*

Наряду с указанными натурфактами объектом творческого интереса современных писателей являются образы, инициированные темпоральными номинациями. Лексемы с общим значением «промежуток времени» составляют третью в количественном плане

группу, имеющую отношение к сфере естественных объектов и явлений. Так, образами компаративных конструкций являются такие единицы, как *лаҳза* (мгновение), *айём* (пора), *ҷавонӣ* (молодость), *кӯдакӣ* (детство), *дақиқа* (минута), *имрӯз* (сегодня), *рӯз* (день), *шаб* (ночь):

Одам чун кӯдак нозук, монанди айёми ҷавони сабуку иззатталаб мешавад дар пирӣ (Самад, 2002: с.149). - В старости человек становится капризным, как ребенок, требовательным и честолюбивым, как в молодости (Самад, 2018: с.141).

Ин се рӯз чун се рӯзи наҷот, чун се рӯзи эҳеи қавми мо дар саҳфаи таърих сабт гаист (Баҳманер, 2013: с.223). - Эти три дня вошли в историю как **три дня спасения, три дня возрождения нашего народа** (<http://www.proza.ru>).

Ачабо! Умри одамизод чун дақиқаҳои байни офтобишину шом кӯтоҳ будааст (Турсун, 1976: с.242). - Странно! Человеческая жизнь оказалась такая короткая, **короче промежутка времени** между закатом солнца и наступлением темноты (Турсун, 1979: с.329).

Агар ҷонвар на мисли лаҳзаи хору мол нарму шӯхиомез, балки аз газаб сари шона ё банди дасташро сахт бигазад, боке нест (Самад, 2002: с.199). - И пусть при этом конь укусит его, не ласково и с любовью, **как раньше**, а с ненавистью, сильно, за плечо или руку (Самад, 2018: с.118).

В современной таджикской прозе нередки случаи использования в качестве образа сравнения наименований космических объектов, таких как *ситора* (звезда), *офтоб* (солнце), *моҳтоб* (луна), *шаҳоб* (метеор). Несмотря на малочисленность этой группы, особенность данных номинаций заключается в наиболее частотном их употреблении (8 случаев), то есть они используются в функции образа сравнения чаще других, например:

Ба вай чунин намуд, ки аз як чихат зиндагии муйсафед ба дурахши назарфиреби ситораи корвонкуш шабоҳате дошт (Турсун, 1976, с.269). -

Жизнь старика чем-то была схожа с обманчивым сиянием этой звезды (Турсун, 1979: с.332).

Аз баданаиш қатраҳои об шорида ба замин меафтоданд, қатра не, балки ситораҳои фурӯзон аз осмон бар осон мерехтанд (Баҳманер, 2013: с.223). - Капли воды стекали по его телу и падали в траву, не капли – горящие звезды падали с небес на землю... (<http://www.proza.ru>).

Паҳлӯи модиеи вай аспии симгунае дид сап-сафед мисли нури моҳтоб, дурахши танаиш чун дурахши офтоб, ҷилои ёлу думаиш ба сони ҷилои шаҳоб буд (Баҳманер, 2013: с.97). - Рядом с кобылицей он увидел коня – серебристо-белого, как свет луны; тело его светилось, как сияние солнца; хвост и грива искрились, подобно пылающей комете (<http://www.proza.ru>).

Следующая группа лексем, относящихся к сфере естественных объектов и явлений, объединена общим значением «объекты природного ландшафта». Данная группа представлена менее подробно, чем предыдущие, и включает в себя следующие единицы: *кӯҳ (гора), баҳр (море), ях (ях), дарёи Сир (Сырдарья)*:

Ягона кӯле ки монои баҳр мавҷ мезад (Баҳманер, 2013: с.91). – Единственное озеро, волнующееся подобно морю (<http://www.proza.ru>).

Наименее малочисленной является группа, объединяющая лексемы с общим значением «полезные ископаемые и минералы», к которой следует отнести следующие единицы: *мармар (мрамор), нуқра (серебро), тилло (золото), кулӯх (комоч глины)*:

Сағ аз бедор шудани ман шерак шуда, ба пеш тохт, аммо аспии нуқрамоно худро ба кӯл андохт (Баҳманер, 2013: с.98).- Заметив, что я проснулся, пес осмелел и побежал вперед, а серебряный конь бросился в озеро (<http://www.proza.ru>).

Таким образом, можно сделать вывод, что степень интереса таджикских писателей к различным природным объектам и явлениям весьма различна. Так, наиболее востребованными в качестве образа сравнения являются представители животного мира – 28 случаев

употребления. Далее, в порядке убывания количественных показателей, следуют обозначения: растительного мира (20), промежутка времени (13), космических объектов (8), объектов природного ландшафта (6), полезных ископаемых и минералов (4).

Образ сравнения – человек

Исследование показало, что вторым по продуктивности является антропологический образ сравнения - 62 примера, или 31% от общего числа рассмотренных сравнительных конструкций. Обозначающие антропонимы лексические единицы являются довольно востребованными языковыми репрезентантами образа сравнения в компаративных конструкциях.

В качестве образа сравнения, выражающего антропонимы, представлены собственные и нарицательные имена существительные. Собственные имена существительные - антропонимы называют имена известных личностей или персонажей произведений (9 примеров): Фирдавсӣ, Мавлавӣ, Хусайнӣ, Назар, Чоку, Катанӣ:

Шерафкан чанд сол муқаддам орзуи худро ба Дилбар изҳор дошта буд, ки мисли капитан Катани дар ҷодаи адолат мубориза бурда, <...> (Сайфуллоев, 2013: с.55).- Несколько лет назад, Шерафкан рассказывал своей жене о том, как он хотел бороться с несправедливостью и как капитан Катани работать на благо людям (Сайфуллоев, 2018: с.91).

Нарицательные существительные служат для обозначения образа сравнения следующих тематических групп: к первой, наиболее представительной в количественном плане, группе относятся обозначения, называющие **род занятий человека** (11 примеров): тракторчӣ (тракторист), капитан, байтор (ветеринар), даллол (маклер), харидор (покупатель), фирорӣ (беженец), ходими калон (старший служащий), дарбориён (придворные), фиръавн (фараон),

душизаҳои ҳаводори футбол (поклонницы футбола), шоҳи футбол (король футбола):

*Аз ин рӯ вай пеш аз он ки ду қоғази ба қавли худаи «тоҷихурӯсиро» бароварда ба соҳиби қуланг диҳад, хурӯсро **чун байтору чун даллолу чун харидор** хуб аз назар гузаронид (Баҳманер, 2013: с.238). - Поэтому-то, прежде чем вынуть и отдать парочку, как он сам выразился, «красноперых петушков», он изучил петуха и как ветеринар, и как комиссионер, и как покупатель (<http://www.proza.ru>).*

*Мокиёнҳо ба Кулангхоҷа бо як ҳисси эҳтиром ва садоқат менигаристанд, **чунон ки душизаҳои ҳаводори футбол ба шоҳи футбол** (Баҳманер, 2013: с.239). - Куры смотрели на господина Голенастого с беспредельным обожанием и преданностью, подобно тому, как смотрят болельщицы футбола на футбольного короля (<http://www.proza.ru>).*

В эту же группу можно отнести находящиеся в позиции образа сравнения лексемы *дузд* (вор), *маст* (пьяный), которые характеризуют род занятий, связанный с асоциальным поведением.

*Олуфта боз харосон, **дуздвор** ба чор тараф назар афканд ва ин карат пичиррос зад <...> (Самад, 2002: с.100). - Франт опять, испуганно, **воровато** оглядываясь вокруг, прошептал <...> (Самад, 2018: с.136).*

Следующей по количественным параметрам выступает группа лексем-обозначений, называющих межличностные отношения человека (9 единиц): *бегона* (чужой), *ошно* (знакомый), *ёру ҳамроз* (друг и наперсник), *рафиқ* (товарищ), *ҳамсоя* (сосед):

*Охир ҷонвар **ёру ҳамрози** беҳтаринаиш буд (Самад, 2002: с.196). - Конь стал ему лучшим **другом**, дороже жизни (Самад, 2018: с.115).*

*На бадаширо зикр мекарду на некаширо; гӯё ҳарду зери як кулба бо сари худ **бегонавор** мезистанд (Самад, 2002: с.113). - Жили, как чужие, под одной крышей, как будто не существовала она для него (Самад, 2018: с.179).*

Наряду с указанными антропологическими образами интерес современных таджикских писателей вызывают образы, инициированные обозначениями, выраженными соматизмами, родственными отношениями и номинациями человека. Следует отметить, что перечисленные группы лексем отличаются одинаковой количественной репрезентацией: было выявлено по 7 случаев их использования. Так, в состав образов компаративных конструкций, выраженных соматизмами, можно отнести следующие лексемы: *сарӣ мурехта* (облысевшая голова), *устухонҳои луч* (голые кости), *чаими пурҳасрат* (печальные глаза):

Пас аз онҳо замин сарӣ мӯрехтаро мемонду дарахтон устухонҳои лучи гӯристонро ба ёд меоварданд (Баҳманер, 2013: с.235). - После саранчи земля становилась **похожа на лысый череп**, а деревья **напоминали обглоданные кости** (<http://www.proza.ru>).

Среди единиц, номинирующих родственные отношения, можно назвать такие лексемы, как *бародар* (брат), *хоҳар* (сестра), *хеи* (родственник), *падар* (отец):

Не писарак апа ҳам дорад, апаш аз вай хеле калон аст (Самад, 2002: с.98).- Нет, есть и сестра у мальчика, **старше** его намного (Самад, 2018: с.133).

Среди единиц, номинирующих человека, следующие лексемы: *мард* (мужчина), *инсон* (человек), *одам* (человек), *шахс* (личность):

Чизе зеботар аз табиат нест магар ки инсон, валекин инсон бо табиат зебост ва табиат бо инсон (Баҳманер, 2013: с.230). - Нет ничего **прекраснее природы**, кроме человека, но человек красив благодаря природе, а природа — **благодаря человеку** (<http://www.proza.ru>).

Менее всего (по 4 случая употребления) в сфере антропологических образов представлены лексемы с общим значением «возраст человека», «физические особенности человека» и «мифологические персонажи».

К лексемам, номинирующим человека по его возрасту можно отнести: *кӯдак* (ребенок), *тифл* (младенец), *пирамард* (старик):

Ў мисли тифл лабонаширо нимво сохту комак зад ва ҳис кард, ки моеи ширгарм ба ҳалқаи рафт (Самад, 2002: с.106). - Он словно младенец приоткрыл рот и почувствовал, как теплая вода потекла по его горлу (Самад, 2018: с.162).

Лексемы, характеризующие физические особенности человека: *кар (глухой), девона (безумный), марди зур (сильный человек):*

- Зиндагӣ як марди зӯрест, ки ҳама бозичаи дасти зиндагием (Самад, 2002: с.150). - Жизнь такая сложная штука, что любого перехитрит. Да, все мы игрушки в ее руках (Самад, 2018: с.141).

Мифологические персонажи представлены следующими образами - *Яъҷуҷ, Маъҷуҷ, шайтон:*

Ин қавм, ки чун Яъҷуҷу Маъҷуҷ бар сари онҳо рехт, <...> сазовори бовар набуд (Баҳманер, 2013: с.230). - Его сатанинское племя, свалившееся на их головы, <...> не внушало им доверия (<http://www.proza.ru>).

Отличительной особенностью рассматриваемой сферы образов компаративных конструкций является характерное только антропонимическим образам свойство замены существительных другими частями речи, так называемыми субстантивированными существительными (например, *мусибатзада – испытавший горе, рангпарида - побледневший*), личными местоимениями, такими как *ӯ (он, она), ту (ты), онҳо (они), худ (сам)*.

Ў ҳақиру зору лоилоҷ чун мусибатзада менишаст ва ба ожангҳои зери чашимонаш ашки сӯзон надомату пушаймонӣ метаровид (Самад, 2002: с.199). - И теперь он сидел, жалкий, ничтожный, беспомощный, убитый горем (Самад, 2018: с.118).

Ба ту баринҳо зинда бошам, ҳамин зиндагӣ асло ба ман лозим не,— гуфт Назар, якбора ба ту-ту гузашта (Турсун, 1976: с.249). — Чем жить с такими, как ты, лучше уж помереть, — ответил Назар, вдруг переходя на «ты» (Турсун, 1979: с.328).

Мондагиашон худаиш барин пир шудаанд (Турсун, 1976: с.242). - А те, кто остался, постарели, как и он (Турсун, 1979: с.315).

Результаты исследования показывают, что наиболее частотным в позиции образа сравнения антропологической сферы являются собственные имена существительные (9 единиц), лексемы с общим значением «род занятий человека» – 11 случаев употребления. Далее, в порядке убывания количественных показателей, следуют такие тематические группы: «межличностные отношения» (9), «соматизмы» (7), «родственные отношения» (7), «номинации человека» (7), «возраст человека» (4), «физические особенности человека» (4) и мифологические персонажи (4).

Образ сравнения – артефакт

Результаты лексико-семантического анализа показывают, что относящийся к сфере искусственных объектов образ сравнения востребован менее других и по количественным параметрам занимает третье место, поскольку их число составляет всего 38 единиц, или 19 % от общего числа рассмотренных сравнительных конструкций. Лексемы, репрезентирующие данную сферу, более всего представлены в номинации объектов литературы и искусства: *мусиқӣ (музыка), гижжак (гиджак – музыкальный инструмент), оҳанги мавҷ (мелодия волн), афсона (сказка), «Шоҳнома» («Шахнаме»), «Маснавӣ» («Месневи)* - всего 9 случаев употребления:

Вай аз дарзмол, аз чароги электр, аз паровозу киштӣ, аз автомобилу мошини чопи китоб, бо ваҷд ҳикояҳо мекард ва ҳикояти ӯ ба гӯиши сомеон монанди афсона, мисли хобу хаёли ширин мерасид (Кӯҳзод, 1987: с.127). - Напрасно учитель в надежде отвести подозрение, горячо начинал говорить об электрическом свете, автомобилях, о паровозах, кораблях, печатных машинах <...> все это казалось сельчанам волшебной сказкой или невероятным чудесным сном (Кухзод, 1991: с.362).

<...>ки метавонад фақат як нишонани комил созад, эҷод кунад, пайдо намояд ва аз худ ба ёдгор гузорад, чунончи Фирдавсӣ – «**Шоҳнома**», Мавлавӣ – «**Маснавӣ**», Мирзо Бобаки Хусайнӣ – ангури ҳусайнӣ (Баҳманер, 2013: с.94). - <...> что он может наметить себе лишь одну благородную цель и, достигнув ее, оставить память о себе, подобно тому, как Фирдоуси оставил бессмертные строки своего «**Шахнаме**», Джалаладдин Руми – книгу притч «**Месневи**», Мирзо Бобак Хусайни – сорт винограда «хусайни» (<http://www.proza.ru>).

Две тематические группы лексем, имеющих отношение к сфере искусственных объектов, представлены в равном количестве – по 6 примеров и объединены общими значениями «продукция из натуральных волокон и материалов» и «строения и их части».

Языковыми репрезентантами, выступающими в позиции образа сравнения искусственных объектов, обозначающих строения и их части, являются следующие лексемы: *заминкан* (землянка), *тоқча* (полка), *минбар* (трибуна), *аҳроми Исфаҳон* (пирамида Исфахана), *санги осиеб* (мельничный жернов):

Мехост бархезаду сари ин кӯрнамакони себча барин бигирад ва аҳроме бузургар аз аҳроми Исфаҳон бисозад (Баҳманер, 2013: с.226). - *Ему хотелось вскочить с места и всем этим неблагодарным людям отсечь головы, подобно тому, как яблоко отсекают от ветки, и возвести из их голов пирамиду — еще более грандиозную, чем в Исфахане* (<http://www.proza.ru>).

Зеро ҳар руз, баъди гуруби офтоб, то даме ки ягон кас чароғро дарнагиронад, хона ба назараи мисли заминкани тангу тор тофта, дили заъфзадаи фишурда мешуд (Турсун, 1976: с.242). - *Потому что каждый день после захода солнца, пока кто-нибудь не включал свет, комната казалась ему тесной темной ямой* (Турсун, 1979: с.242).

Тематическую группу «продукция из натуральных волокон и материалов» представляют такие единицы, как *пахта* (хлопок, вата),

абрешиш /бирешиш (шелк), пашиш (шерсть), чарм (кожа выделанная), ришта (нитка):

*Асп мастана ёлу думи дарозу бирешишворашро афшондаву алвонҷ дода <...> (Самад, 2002: с.198). - Он начинал играть густой, **шелковистой** гривой, которая волнилась на атласной коже <...> (Самад, 2018: с.118).*

Другая пара тематических групп лексем, имеющих отношение к сфере искусственных объектов, также представлена в равном количестве – по 5 случаев употребления, эти единицы объединены такими общими значениями, как «оборудование и приспособления»: *симтур (сетка из проволоки), нештар (скальпель), мех (гвоздь), панҷшоха (вилы) и «звук»:* *оҳ, гирев (крик), шиҳа (ржание), хиширос (шелест).*

*Чунон зӯр буд, ки бо тела додани ходими калон барин як одами боқувват аз ҷо наҷунбид. **Мех барин** устувор истод (Кӯҳзод, 1987: с.139). – Юноша был сильным, настолько сильным, что даже от руки дюжего Служителя не сдвинулся с места. Стоял, как **врытый**, но испугался (Кухзод, 1991: с.326).*

*Овози заифаиш ба монанди хишироси баргҳои хазонгардидаи чормағзи наси тиреза (Турсун, 1976: с.242). - Голос его был слаб, как **шелест** увядших листьев орешника за окном (Турсун, 1979: с.327).*

Относительно меньшим числом лексем представлены следующие выявленные в ходе лексико-семантического анализа тематические группы: «Оружие» - 4 примера: *камон (ружье), дор (виселица), Зулфиқор (меч пророка Али);* и «Продукты питания» - 3 примера: *асал (мед), тухм (яйцо).*

*Кулли аморат, кулли дунё ҳамин тавр бемӯно менамуд **чун дор** (Баҳманер, 2013: с.231). - Весь эмират, весь мир казались ему сейчас такой же нелепостью, как эта **виселица** (<http://www.proza.ru>).*

*Вале дар дами пирӣ байнашон гурбаи сиёҳ гузаит ё ба зиндагии **чун асал** ширинашон чашии бад расид, ки боз мисли айёми арӯсиву домодӣ нонашонро талх гардонд (Самад, 2002: с.150). - Но в старости, то ли*

между ними пробежала черная кошка, то ли кто-то сглазил их сладкую, словно мед жизнь, но они поссорились, как новобрачные в медовый месяц (Самад, 2018: с.142).

Примечательно использование в рассматриваемой сфере искусственных объектов собственных имен существительных – речь идет о лексеме Зулфиқор, которая согласно данным ФТЗТ является арабизмом и имеет следующее толкование: «*а. асом. Номи шамшери Алӣ (р), ки Муҳаммад (с) ба ӯ бахшида будааст*» [ФТЗТ1, 2010: с.551].

Ва он ду асп ҳамвор бо виқор, чун Зулфиқор ба он чок фурӯ рафтанд (Баҳманер, 2013: с.97). - И два коня плавно, точно волшебный меч Али, опустились в открывшуюся бездну (<http://www.proza.ru>).

Из всего сказанного следует, что сфера искусственных объектов, выступая в позиции образа сравнения компаративных конструкций, менее частотна (38 примеров) и может быть репрезентирована номинациями денотатов, входящих в следующие тематические группы: «объекты литературы и искусства» - 9, «продукция из натуральных волокон и материалов» - 6, «строения и их части» - 6, «оборудование и приспособления» - 5, «звуки» - 5, «оружие» - 4, «продукты питания» - 3.

Образ сравнения – абстрактное понятие

Лексико-семантический анализ фактического материала показал, что в современной таджикской прозе данная когнитивная сфера, в отличие от других, характеризуется более низкой степенью репрезентации в позиции образа сравнения. Были обнаружены немногочисленные случаи использования абстрактных понятий, относящихся к эмоциональной сфере: *тарс (страх), азоб (мучение)*; физической: *қувва (сила), хомушӣ (тишина), иштиҳо (аппетит), нафас (дыхание)*; интеллектуальной: *кунҷковӣ (любопытство)*; социальной: *тӯй (свадьба)*; мифической: *қисмат (участь), тақдир (судьба)*:

*<...> ҳар гапе ба забон омад, гуфт, ба таъбири худаи тӯй дод, **чунон тӯй**, ки писар, келин ва набераҳо аз тарс санг гаитанд (Самад, 2002: с.116). - <...>стал кричать благим матом все, что ему на язык попало. Такой **пир** устроил, что сын его и внуки остолбенели (Самад, 2018: с.181).*

*Баъд аз байни лабони ба ҳам ҷафсаи як садои насти хазин берун омад, ки он на ба **нафас монанд** буд ва на ба оҳ (Турсун, 1976: с.269). Затем сквозь сжатые губы издал тихий печальный звук, который не был **похож ни на вздох, ни на стон, и затих** (Турсун, 1979: с.331).*

Как показало исследование, абстрактные понятия в качестве образов сравнения менее частотны, что свидетельствует об их нерелевантности для художественной картины мира современных писателей; что специфика компаративных систем художественных произведений современных таджикских писателей проявляется в выборе предмета и образа сравнения и способах их лексической репрезентации. Как правило, предметом и образом сравнения выступают экстралингвистические понятия, имеющие отношение к четырем концептуальным сферам: антропологической, натурфактной, артефактной и абстрактной. В качестве предмета сравнения современные таджикские писатели выбирают одушевленные существительные-антропонимы, в то время как в позиции образа сравнения предпочтение отдается неодушевленному существительному, номинирующим природные объекты. Данные факты подтверждены статистическим анализом, согласно результатам которого предмет сравнения в современной таджикской прозе репрезентирован преимущественно номинациями объектов антропологической сферы и составляет 43,5 %, тогда как образ сравнения – натурфактными объектами и составляет более 39,5 %. (Таблицы 3, 4).

Самой непродуктивной сферой, как в позиции предмета сравнения, так и в качестве образа сравнения, является сфера абстрактных понятий, которая представлена соответственно 13% и 10,5%.

II.1.4. Типы трансформаций при передаче таджикских сравнительных конструкций на русский язык

Как известно, главной функцией художественного текста является эстетическое воздействие на читателей, вследствие чего использование писателями средств выразительности способствует более красочному и образному изложению содержания их произведений. Средства выразительности помогают художникам слова описывать внутренний мир героев, их поступки и эмоции, позволяют вызвать у читателя соответствующие описываемым картинам ассоциации, чувства, способствуют созданию у читателя соответствующих мысленных картин из книги, тем самым приобщая его к действию и развитию сюжета.

И сегодня сравнение привлекает внимание ученых-лингвистов не только как один из способов достижения экспрессивности и красочности художественной речи. Вследствие активизации межкультурной коммуникации актуальным становится вопрос о том, насколько сравнение способно передать образную информацию оригинала в переводе.

Для передачи образного средства важно выявить его информационное содержание и семантическую структуру, определить объем образной информации подлинника и перевода. При этом анализ образной информации необходимо проводить посредством определения постоянно закрепленного за словом объема и содержания образной информации.

В современном переводоведении выделяются несколько групп переводческих трансформаций:

- лексические (транслитерация, переводческое транскрибирование, калькирование);
- лексико-семантические (конкретизация, генерализация и модуляция);

- грамматические (членение предложения, объединение предложений, грамматические замены формы слова, части речи или члена предложения, компрессия и декомпрессия);
- комплексные (антонимический перевод, экспликация, компенсация) [Казакова, 2001: с.124].

При сопоставлении текстов перевода с оригиналом обращает на себя внимание тот факт, что на лексическом уровне автор перевода старается максимально передать средства выразительности оригинала, сумев удачно подобрать лексемы языка-реципиента, в той или иной мере стилистически соответствующие исходному языку. Подтверждением этому может служить следующий пример сохранения эмоционально-экспрессивной ценности сравнительной конструкции *Писарак мисли он ки бори гароне аз китфаиш афтада бошад, нафаси сабук кашид* (Самад, 2002: с.99). - *Мальчик вздохнул легко, будто скинул с плеч тяжелую ношу* (Самад, 2018: с.137).

В данном случае имеем дело с абсолютно эквивалентной передачей сравнительной конструкции, поскольку подобранный переводчиком вариант в полной мере сохраняет образность, равноценен с точки зрения семантики и структуры и в обоих языках является штампованным сочетанием: *бори гарон – тяжелая ноша*.

Сравнение как средство выразительности вызывает большой интерес таджикских ученых. Но, как показал обзор теоретического материала, сравнение рассматривалось в основном как объект поэтики преимущественно с литературоведческой точки зрения. Вопросы дефиниции термина «сравнение», его структурные и семантические особенности, его типология рассматривались такими ведущими таджикскими учеными, как Т.Зехни, Х.Шарифов, Х.Мирзозода, Ю.И.Бобоев, Р.Ходизода. Однако как лингвистический и переводческий феномен, как языковое явление сравнение не выступало объектом

исследования таджикских ученых, что и объясняет актуальность исследования данной проблемы.

Проанализировав и обобщив высказывания и утверждения таджикских ученых относительно вопроса о вспомогательных средствах сравнительных конструкций, можно констатировать, что на лексическом уровне в качестве модификаторов могут выступать единицы, имеющие сравнительную семантику, например: *монанд (кардан) – похожий, походитъ; ба монанди – подобно; ба сони – словно; шабеҳ – подобный; таишбеҳ - подобие, сходство; мушобеҳ – подобный, схожий; ранг – подобно, наподобие; мисл – подобие, подобный; ба ёд овардан – припоминать; муқоиса кардан - сравнивать, пиндорӣ - предположение, насақ – по образу, тариқ – так, способом и др.*

На словообразовательном уровне данную функцию могут выполнять суффиксы: *-осо, -сон, -ваиш, -вор, -гун*, несущие в себе семантику 'похожий'; на морфологическом уровне – сравнительная и превосходная степени прилагательных и наречий, образуемые при помощи суффиксов *–тар* и *–тарин*; на синтаксическом уровне в качестве вспомогательного средства компаративной конструкции могут быть представлены союзы и предлоги: *чун - как, ҳамчун - подобно, барин будто, чунонки - как, моно ки - словно, гӯйё, гӯйё ки – как будто* и др.

Анализ иллюстративного материала позволил выявить степень адекватности передачи на русский язык использованных в современной таджикской малой прозе компаративных конструкций, основанных на лексических средствах, содержащих сравнительную семантику. Например, в предложении *Чехраи қоҳида ва хушидаву қаҳраборанги пирамард низ барги зебои хазонро ёд меовард...* (Самад, 2002: с.108). - *Истощенное, высохшее, янтарное лицо старика теперь **напоминало** дивный опавший осенний лист...* (Самад, 2018: с.164) показатель сравнения глагол *ед меовард* передан эквивалентным *напоминало*. Эквивалентна также передача основных элементов компаративного сочетания: уподобляемое → *чехраи*

пирамард– *лицо старика*, уподобляющее → *барги зебои хазон* – *дивный опавший лист*, основанием сравнения служит признак болезненности и цвета лица.

В приведенных далее образцах также в качестве показателя сравнения выступают лексические единицы, содержащие семантику сравнения, и их передача на русский язык вполне адекватна, поскольку сохранена не только структура сравнительной конструкции, но и образность выражения:

*Ин дафъа нигоҳаш саги гуруснаро **намемонд**, балки шагодро **мемонд**, ки аз дур бабри сайд гирифтаро назора мекунад* (Баҳманер, 2013: с.222). - *На этот раз его взгляд **напоминал** не голодного пса, а паршивого шакала, который издали следит за рвуцим добычу барсом* (<http://www.proza.ru>).

*Ваҳ, чи қудрате дорад ин бараҳна, ки дорро ба гул **ташбех** мекунад ва ин қадр бебок менавозаду менавозад* (Баҳманер, 2013: с.230).- *Ах, какой силой наделен этот голодренец, который **уподобляет** виселицу цветку и так бесстрашно играет и играет* (<http://www.proza.ru>).

*Кӣ қоида бароварда аст, ки чаҳор кас як нафареро, ки **мисли** онҳо модар зоидааст ва ба монанди онҳо рӯзи таваллуду рӯзи вафот дорад, сари китф бардошта гарданд?* (Кӯҳзод, 1987: с.136). - *Кто выдумал правило, по которому четверо носят на плечах одного, рожденного, как и все мы, матью, и у которого, как и у всех, есть даты рождения и смерти?..* (Кухзод, 1991: с.317).

При передаче сравнительных конструкций в вышеприведенных предложениях переводчиком использован метод калькирования.

Нередки случаи использования перечисленных лексем-модификаторов в составе сложных слов, передача которых происходит способом калькирования каждой его части, например:

*Ман аз муҳити пурфиреби **рӯбоҳмонандҳо** ба додгоҳи гург шикоят мебардам* (Одиназода, 2016: с.61). - *Я шла в волчье логовище с жалобой на обман моего лисье**подобного** окружения* (Одиназода, 2016: с102).

Однако не всегда показатели сравнения передаются на русский язык эквивалентными единицами, зачастую они опускаются.

Вай дируз бо як азоб аз чогаҳаи хеста, ҳамин халтачаро аз суроҳии тоқчамонанди гӯшаболори анбор овард (Турсун, 1976: с.262).– Вчера, с большим трудом поднявшись с постели, он достал этот мешочек из потайной ниши за угловой балкой амбара (Турсун, 1979: с.328).

При сопоставлении исходного и конечного текстов налицо не только потеря образности оригинала, но и его искажение - сочетание *аз суроҳии тоқчамонанд*, дословно переводимое на русский язык как *из похожего на полку отверстия*, заменено в конечном тексте на *из потайной ниши*. В данном случае можно говорить о таком виде переводческой лексико-синтаксической трансформации, как компрессия (сжатие) - *похожее на полку отверстие есть ниша*, с элементами лексического добавления: прилагательное *потайной* вносит в конечный текст отсутствующую в оригинале информацию.

Словообразовательные средства оформления сравнительных конструкций в современной таджикской прозе не столь продуктивны, как в классической поэзии, но имеют место быть, например суффиксы: *-осо, -сон, -ваш, -вор, -гун*.

Вай падарро чомапеч рӯи дастон сабуку беозор бардошта ба ҳамомаки худсохтаи бурда, дар хонаяки гарму нарма кӯдаквор даруни тағораи обаи ширгарм ниҳода <...> (Самад, 2002: с.107). - Младший сын, закутав отца в чапан, на руках носит его в построенную им самим баню, в теплой ванне купает, словно маленького дитя, очищает его кожу <...> (Самад, 2018: с.163).

Ҳангоми бузқашӣ бол мебаровард ҷонвар ва бо нерӯе азим, морсон печу тоб хӯрда аз байни тӯда соҳибаширо берун оварда, пирӯзу шодком месохт (Самад, 2002: с.196). - Во время козлодрания у жеребца, казалось, выросли крылья, извиваясь словно змея, и с триумфом он выводил своего хозяина вперед, к победе (Самад, 2018: с.114).

*Гоҳ Шангул гирди кӯл чоргома мерафту, симгуна ба дунбол, гоҳ асти об пеш-пеш сум мезаду, Шангул аз нас (Баҳманер, 2013: с.97). - То Шангул бежала, словно стлалась вокруг озера, а **сереброконь** – следом за ней, то водяной конь вышагивал впереди, а Шангул тянулась за ним (<http://www.proza.ru>).*

Сопоставительный анализ данных предложений позволил выявить различия в грамматическом строе таджикского и русского языков. Поскольку содержащие сравнительную семантику суффиксы не имеют аналогов в русском языке, единственно правильным способом их передачи является синтаксическая декомпрессия, т.е. расширение структуры слова до уровня словосочетания или предложно-падежного сочетания при помощи сравнительной конструкции, например, *кӯдаквор – словно дитя, морсон – словно змея, барқосо – подобно молнии, париваши – подобно перу.*

Однако замена лексемы *симгуна* (досл.подобный серебру) чуждой для русского языка единицей *сереброконь* (в оригинальном тексте речь идет о коне серебристого цвета), по крайней мере, является нововведением или, другими словами, окказиональной единицей, использованной переводчиком. Справедливости ради, следует отметить, что такой выбор ни в коей мере не искажает смысла выражения, а, напротив, помогает сохранить выразительность исходного описания.

При построении компаративных конструкций большой популярностью среди современных писателей пользуются средства морфологического уровня – сравнительная и превосходная степени прилагательных и наречий, образуемые при помощи суффиксов *-тар* и *-тарин*. Как правило, передача подобных единиц на русский язык не вызывает затруднений у переводчиков. В качестве аргументации можно привести следующие примеры:

Ба диданаи меомадану ангушти ҳайрат мегазиданд ва мегуфтанд, ки соҳиби чунин асп хушбахттарин одами дунё бояд бошад (Самад, 2002: с.193).- Являлись полюбоваться – и надивиться не могли и говорили, что

владельца такой лошади, должно быть, **счастливейший** человек на свете (Самад, 2018: с.114).

Аз шодии ботинӣ майли хоб надошт. **Тезтар** субҳ дамад, мегуфт вай (Кӯҳзод, 1987: с.218). - Спать уже не хотелось. Хоть бы **побыстрее** рассвело, подумал он (Кухзод, 1991: с.326).

Ин дафъа дар чаимони мугул оташаки ҳирс **пояндатар** монд (Баҳманер, 2013: с.223). - На этот раз алчный огонек в глазах монгола горел **дольше** (<http://www.proza.ru>).

Кӯдакон аз паи **рангинтарин** барғҳо шоду масрур метохтанд (Самад, 2002: с.109). - Дети радостно бегали за **самыми разноцветными** листьями (Самад, 2018: с.165).

Овозае ки баъд паҳн шуд, ҳатто **часуртарин** мардумонро ба даҳшат овард (Баҳманер, 2013: с.231). - Как-то прошел слух, который посеял ужас в душах даже **самых мужественных** людей (<http://www.proza.ru>).

Сравнительные конструкции таджикского языка, выраженные формой сравнительной и превосходной степени прилагательного, передаются посредством эквивалентных им синтетических и аналитических форм русского языка: суффиксы -тар → -ее, -ей, более/менее; -тарин → -ейш-, -айш-, самый.

Однако в редких случаях при передаче этих конструкций переводчики предпочитают использовать иные приемы переводческих трансформаций.

Например, в предложении *Ҳар қадаре ки сапедаи осмон зиёдтар мегашту атроф зиндатар, ин овоз баландтар шуда, гиреви саворонро ҳини бузкашӣ ба хотир меовард* (Баҳманер, 2013: с.98). - По мере того, как светлело небо, и оживали окрестности, гул нарастал и все больше **напоминал** крики наездников, бьющихся за тушу козла (<http://www.proza.ru>), передача трех прилагательных в форме сравнительной степени осуществляется посредством сложной синтаксической конструкции с определяемым *по мере того, как...* Более того, сравнение в исходном

тексте осложнено средствами выразительности синтаксического и фонетического уровней, а точнее, нарастающей градацией и аллитерацией на *д,т,р*, что придало ему *большую* экспрессивность.

В некоторых случаях передача сравнительных конструкций затрудняется ввиду полисемии единиц и их различной лексической сочетаемости в рассматриваемых языках. Например, лексема *девона* в таджикском языке, согласно ФТР имеет несколько значений: «1. Душевнобольной, сумасшедший, безумный; 2. Глупец, дурак; 3. Бешеный» (ФТР, 2006: с.156). В приведенном ниже фрагменте текста данное слово использовано в своем третьем, переносном значении: *девона шудан – взбеситься*:

Мард девона шуд, аз девона ҳам бадтар (Самад, 2002: с.115). (досл. Мужчина стал бешеным, даже хуже бешеного). - Сафол разозлился. Хуже (Самад, 2002: с.181).

Приведенный в качестве коррелята вариант не в полной мере передает содержание и экспрессивность исходного текста, более того, он не соответствует нормам лексической сочетаемости языка-реципиента: *разозлиться хуже*.

Безусловно, наиболее востребованным средством выражения сравнительных конструкций являются средства синтаксического уровня, в качестве вспомогательных средств которых выступают союзы и предлоги: *чун, ҳамчун, барин, чунонки, моно ки, гӯйё, гӯйё ки* и др.

Гӯё ҳазор сояи як кирм, на, хато кардам, як аждаҳо буданд онҳо (Баҳманер, 2013: с.226). – Словно тысяча теней одного червя... нет, ошибаюсь, одного чудовищного змея (<http://www.proza.ru>).

Сарбаланд меояд Гӯянда, чизе замзама мекунад Кӯҳистонӣ, гӯё ба сӯи дор не, ба сӯи минбар мебурда бошанд (Баҳманер, 2013: с.226). - Высоко держа голову, идет Сказитель, что-то тихо напевает Кухистани, словно не на виселицу ведут их, а к трибуне (<http://www.proza.ru>).

*Ин манзара он қадар гуворо, он қадар дилрабо, он қадар ба рӯёё моно, ки мард саропо чаим, чаим, чаим шуд (Баҳманер, 2013: с.96). - Это было столь притягательное, столь пленительное, столь не **похожее** на явь зрелище, что человек весь обратился в зрение (<http://www.proza.ru>).*

*Сарам ҳам вазнин, аъзои баданам карахт. Ба китфам санги осие бор шудагӣ **барин** (Турсун, 1976: с.254). - Голова какая-то тяжелая, да и во всем теле тяжесть. **Будто** мельничный жернов на плечах (Турсун, 1979: с.329).*

*Панҷаҳояи **чун** панҷшоха метобанд; нӯстаи чарм **барин**; рағҳо **мисли** риштаи кабудфом аз таки нӯсти захирананге намудоранд (Самад, 2002: с.107). - Пальцы **кажутся** ему вилами, кожа - шершавой, грубой, вены еле выделяются, **словно** нить из-под пожелтевшей кожи (Самад, 2018: с.163).*

В приведенных образцах отмечается вполне адекватная передача компаративных конструкций таджикского языка как в плане структуры и семантики, так и с точки зрения эстетического воздействия на читателя.

В следующем примере при передаче сравнительной конструкции использован прием экспликации, заключающийся в объяснении, или интерпретации реалий. *Ва он ду асп ҳамвор бо виқор, **чун** зулфиқор ба он чок фурӯ рафтанд (Баҳманер, 2013: с.97). - И два коня плавно, **точно** волшебный меч Али, опустились в открывшуюся бездну (<http://www.proza.ru>).*

Прием экспликации, на наш взгляд, использован и при передаче следующего фрагмента текста, когда в качестве эквивалента сравнительной конструкции *мисли гаҳвораҷунбак (досл. подобно богомолу)* переводчик приводит развернутое описание и характеризует богомола согласно устоявшейся в таджикской языковой картине мира интерпретации его образа как труженика.

*Касе аниқ намедонист, ки ӯ дар ягон хусус меандешад ё не, **мисли** гаҳвораҷунбонак мечунбиду мечунбид (Самад, 2002: с.116). - Никто не*

знал, думает она о чем-нибудь или нет, **только и видели ее в постоянной суете по дому, в заботах!** (Самад, 2018: с.181).

В ходе сопоставительного анализа оригинальных и переводных текстов были выявлены случаи неоправданного использования различного рода лексико-синтаксических трансформаций, которые в той или иной мере искажали замысел автора.

Так, в приведенном ниже контексте можно наблюдать необоснованную лексическую замену образа сравнительной конструкции:

Ходимону чоңдорону нозирон моку барин рафту омад доштанд <...> (Кӯҳзод, 1987: с.137). - *Придворные сновали взад-вперед, словно муравьи,* <...> (Кухзод, 1991: с.349). - *Моку (челнок) → муравей.*

Ба лаби ҷавонмард ханда давид, не чизе шабеҳи ханда, лек ранги рӯяш парид (Самад, 2002: с.197). *Мужчина криво улыбнулся. Нет, это была не улыбка, а нервный тик* (Самад, 2018: с.118). - *Ханда (улыбка) → нервный тик.*

Безосновательна также, на наш взгляд, замена сравнительной конструкции жаргонизмом в следующем предложении: *Дар назари мард шикваи ӯ ба писараи мисли кӯҳ вазнин намуд, зӯраш омад* (Самад, 2002: с.116). - *Видно, нотация отца **напрягла** его* (Самад, 2018: с.181).

Не всегда переводчику удается передать образность лексем, формирующих сравнительные отношения, как, например, в предложении *Онҳо оҳангро намефаҳмиданд, чунонки хар наботро, чунонки кар салотро* (Баҳманер, 2013: с.230). - *Они не понимали песню подобно тому, как осел не поймет толк в прекрасном жемчуге* (<http://www.proza.ru>). Сравнения *чунонки хар наботро, чунонки кар салотро* в подлиннике осложнены фонетическим средством выразительности - аллитерацией, а также синтаксическим параллелизмом. Однако эти стилистические приемы не нашли своего отражения в конечном тексте. Более того, второй сравнительный оборот вообще остался вне поля зрения переводчика. В

подобных случаях говорят о таком виде переводческой трансформации, как лексическое опущение, или нулевой перевод.

Образцом нулевого перевода может послужить следующий пример, где остались без внимания использованные в исходном тексте сравнительные конструкции *чун одат, мисли ашки чаимони падари ман*.

Писарак шод шуд, дав-давои наздаи рафт ва чун одат бо мехру саволомез ба ӯ нигарист (Самад, 2002: с.100). - Мальчик обрадовался, бегом приблизившись к нему, ласково и вопросительно посмотрел на него (Самад, 2018: с.163).

...Ситораҳо мисли ашки чаимони падари ман пинҳон мешаванд (Сорбон, 1981: с.27). - ...Лучи звезд гаснут в свете нового дня (Сорбон, 1984: с.209).

Использованные современными таджикскими писателями компаративные конструкции заметно усилили эмоциональный фон повествования, придали специфический характер диалогам действующих лиц. Широкий спектр примененных ими сравнительных оборотов способствовал непосредственному восприятию действий, поступков и образа мыслей персонажей.

В этой связи следует отметить, что в анализируемых текстах было выявлено использование сравнительных конструкций в составе устойчивых сочетаний *чун себи дукафон (ду тақсим), чун муру малах, панҷ панҷааш барин*, для передачи которых переводчики использовали различные приемы перевода.

Так, в предложении *Раҳу рӯи ин кӯҳҳоро панҷ панҷааш барин медонад (Кӯҳзод, 1987: с.241).* - Местность, все дороги знает как свои пять пальцев (Кухзод, 1991: с.342). При передаче фразеологизма *панҷ панҷаи худ барин доништан* использован абсолютный фразеологический перевод, который предполагает подбор совершенно равнозначного эквивалента, то есть *знать как свои пять пальцев*, поскольку наблюдается полное соответствие компонентного состава как в семантическом, так и в

грамматическом плане, а также смыслового содержания и стилистической отнесенности.

Передачу таджикской устойчивой единицы *чун мӯру малах* русской как *саранча* следует отнести к относительному фразеологическому переводу, который характеризуется наличием отличительных черт коррелятов по какому-либо из показателей. В данном случае налицо факт передачи языковых образов подлинника на эквивалентной семантической основе, тождественной по номинативной функции, и сохранение структуры компаративной конструкции. Согласно «Фразеологическому словарю таджикского языка» фразеологизм *чун мӯру малах* является многозначным и интерпретируется, как: «1. Слишком много; 2. Жадно, алчно» [Фазылов, 1964: с.416]. В свою очередь, выражение *как саранча* в русском языке имеет следующее толкование: «С жадностью (поедать, все опустошая, набрасываясь большой массой)» [Федоров, 2008: с.325]. Различие наблюдается в компонентном составе: если в исходном сочетании два образа – мур (муравьи) и малах (саранча), то в конечном один образ – образ саранчи. *Ун офат расиду мо фаҳмидем, ки ибораи чун мӯру малах чӣ маъно доштааст (Баҳманер, 2013: с.234). - Пришла беда — и мы поняли, что означает выражение «как саранча» (<http://www.proza.ru>).*

Фразеологическая единица таджикского языка *чун себи дукафон* передана приемом калькирования – *как две половинки яблока*, что, на наш взгляд, не вполне уместно. Целесообразным является передача рассматриваемой единицы фразеологическим аналогом, который позволяет в случае отсутствия фразеологического эквивалента подобрать в переводимом языке фразеологизм с идентичным переносным значением, эксплицированным иными образами. В данном случае таким аналогом может послужить фразеологизм *как две капли воды*.

Охир, дар куҷо воқеъ шудааст, ки як гурӯҳи калони одамон, чун як себи ду тақсим, ба якдигар монанд бошанд? (Кӯҳзод, 1987: с.124). - Да и где

можно увидеть двух человек, похожих друг на друга, как две половинки яблока? (Кухзод, 1991: с.359).

Сопоставительный анализ позволил сделать вывод о том, что преобладающая часть образцов сравнительных конструкций передана достаточно адекватно. Чаще всего передача сравнений совершается калькированием, реже – при словообразовательном их оформлении, за счет синтаксической декомпрессии; случаи использования экспликации единичны.

Следует отметить, что в некоторых переведенных текстах таджикских авторов оригинальность стиля несколько снизилась, стилистические приемы нейтрализовались, сравнительные конструкции либо потеряли образность, либо остались без внимания. Примером может послужить приведенный ниже контекст, содержащий развернутые эпитетные и сравнительные конструкции:

*(Асп) гардани баланд ва **шабеҳи** мармари рангаву хушчилояширо камонсон кач сохта, ба тарзе ҳамвор, хиромидаву рақсида-рақсида ва хушоҳанг пеш мерафт, ки дар хаёли одамон об дар шиками соҳибаи намечунбид (Самад, 2002: с.193). - (Конь) склонял чуть набок мощную мраморную шею, гарцевал особой поступью, плавно и мягко неся своего хозяина (Самад, 2018: с.117).*

Таким образом, без учета стилистического аспекта перевода невозможно достичь адекватности и красочности перевода. От умения и навыков переводчика в передаче смысла стилистических единиц зависит качество перевода, поскольку именно экспрессия делает выразительным исходный текст.

II.2. Эпитет

II.2.1. Понятие и общая характеристика эпитета как средства выразительности лексического уровня

Настоящая глава исследования посвящается вопросу, до настоящего времени не нашедшего однозначного решения как в лингвистике, так и в литературоведении, - изучению эпитета как средства выразительности лексического уровня.

Обзор теоретической литературы по вынесенному на обсуждение вопросу показал, что, несмотря на возрастающий интерес к данному феномену, вслед за И.Б.Голуб следует признать: «До сих пор наука не располагает разработанной теорией эпитета, нет единой терминологии, необходимой для характеристики различных видов эпитетов» [Голуб, 1997: с.139]. Подобной точки зрения придерживаются и авторы «Словаря эпитетов современного русского литературного языка», которые считают, что «законченной и общепринятой теории эпитета пока не существует» [Горбачевич, Хабло, 1979: с.3].

Эпитет, будучи заимствованным словом греческого происхождения (epitheton - приложение, прибавление), является одним из древнейших терминов филологии. Научные изыскания относительно роли, значения и места эпитета в ряду стилистических приемов, источников его образования и особенностей функционирования проводились еще античными мыслителями и философами - Аристотелем, Гермогеном, Квинтилианом и многими другими. Так, например, Аристотель определял эпитет относительно понятия стиля и показывал связь этого художественного средства с другими изобразительно-выразительными средствами поэтического языка.

Исследователь истории изучения эпитета А.П.Лободанов в научной статье «К истории теории эпитета (античность и средневековье)», систематизируя высказывания древних философов и рассматривая эпитет с позиции атрибута поэтической речи, констатирует, что «первоначально

термин «эпитет» означал прилагаемое к какому-либо имени другое имя, употребленное в одной из своих акциденций. Акциденция, т.е. свойство, которое специфицирует имя, есть качество» [Лободанов, 1984: с.216]. Античные теоретики считали, что центральным в речи должно быть имя, вследствие чего эпитет на протяжении многих столетий рассматривался в качестве второго имени, приложенного к первому и дополнительно его характеризующий.

В русской филологической науке первое упоминание об эпитетах встречается у М.В.Ломоносова в «Кратком руководстве к красноречию» (1748г.), где автор характеризует эпитет как средство стилистического украшения. Эпитет рассматривается ученым в тесной связи с его учением «о трех штилях», где эпитет представлен одним из значимых составляющих «высокого штиля» [Ломоносов, 1952: с.294].

Ф.И.Буслаев дифференцирует понятия «эпитет» и «обыкновенное определение» и обозначает первое как «украшающий эпитет»: «Эпитет отличается от обыкновенного прилагательного тем, что служит украшением речи и, по большей части, не придает нового оттенка названному предмету, поэтому называется украшающим эпитетом» [Буслаев, 1992: с.47]. Ему же принадлежит происхождение термина «постоянный эпитет»: «Эпитет, который постоянно сопровождается названием какого-либо предмета, называется постоянным, например, в народном языке: темный лес, зелена трава, красное солнце» [Буслаев, 1992, с.48].

Немаловажное значение в определении дефиниции эпитета имеют теоретические положения А.А.Потебни, согласно которым: «Эпитет есть форма общая по отношению к отдельным тропам, то есть фигура, а не троп» [Потебня, 1990: с.210]. Ученый рассматривал эпитет прежде всего как образное определение и выделял эпитеты прозаические и поэтические.

А.Н.Веселовский, разделяя взгляды Ф.И.Буслаева и А.А.Потебни относительно вопросов возникновения эпитетов и выполняемых ими функций, определяет это понятие следующим образом: «Эпитет – одностороннее определение слов, либо подновляющее его нарицательное значение, либо усиливающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета [Веселовский, 1989: с.59].

В современной лингвистике достаточно дефиниций эпитета, но каждая из них характеризует ту или иную сторону данного понятия: либо выразительность, либо образность, либо зависимость от художественного контекста и др.

Задача данного раздела исследования заключается в систематизации уже существующих определений рассматриваемого понятия и формулировании более точной, с точки зрения целей и задач нашего исследования, дефиниции эпитета.

Так, обзор лексикографических источников показал наличие следующих точек зрения на дефиницию эпитета. Согласно МАС, эпитет - «определение, прибавленное к названию предмета с целью подчеркнуть характерное свойство предмета, придать ему художественную выразительность, поэтическую яркость» [МАС, 1961: с.1048].

Большая энциклопедия определяет эпитет так: эпитет - это «простейшая форма поэтического тропа, представляющая собой определение, которое характеризует какое-либо свойство, особенность предмета, понятия, явления» [БЭС, 1997: с.1899].

Широкое толкование эпитета дает И.Р.Гальперин, который утверждает, что эпитет - это «слово, сочетание слов, предложение в атрибутивном употреблении, которое выражает субъективно-оценочное отношение говорящего к предмету мысли» [Гальперин, 1974: с.21].

На наш взгляд, заслуживает внимания дефиниция, предложенная И.В.Арнольдом: эпитет - это «экспрессивная, оценочная характеристика

какого-либо лица, явления, предмета, но необязательно образная» [Арнольд, 1981: с.22].

Более развернутым является определение А.В.Павшук: «Эпитет – художественное определение (определение в эстетической функции) предмета, лица, явления, процесса, ситуации, выделяющее, подчеркивающее, усиливающее существенный, с точки зрения автора, признак, который может повторять или подновлять значение определяемого слова, быть типичным и неотъемлемым для целого класса предметов, индивидуальным признаком конкретного предмета, создавать микро- или макрообраз, придавая ему живописность, содержать скрытые смыслы и оценку, создавать эмоциональный настрой произведения, усиливать впечатление на реципиента, обращаясь к его интеллектуальному, эмоциональному и эстетическому восприятию» [Павшук, 2007: с.20].

Изучив все бытующие в современной лингвистике определения эпитета, исходя из целей и задач настоящего исследования, считаем целесообразным выбрать в качестве основополагающей следующую дефиницию С.А.Губанова: «Эпитет – это экспрессивно-образное, оценочное определение объекта действительности, функционирующее в рамках художественного дискурса» [Губанов, 2009: с.39].

На современном этапе развития лингвистики остается актуальной проблема выявления дифференциальных признаков понятий «эпитет» и «определение», остается неразрешенным вопрос: каждое ли определение в художественном тексте может выступать в роли эпитета?

Так, С.А.Губанов предлагает разграничивать данные понятия, на основании трех аспектов: «1. С точки зрения познавательной, определение добавляет к содержанию понятия признак, который ограничивает его объем. Эпитет же выделяет, усиливает типичный признак. 2. С точки зрения коммуникативной, определение отрешено от всех сторон личности. Эпитет обычно выявляет целостное отношение

субъекта, осуществляет ценностную квалификацию объекта. 3. С точки зрения лингвистической, определение и определяемое – двухсловное обозначение, относящееся к научной терминологии. Эпитет и характеризуемое представляет собой свободное словосочетание, отличающееся оригинальностью» [Губанов, 2009: с.28].

На наш взгляд, эпитет является частной разновидностью определения, характеризующейся субъективностью. В отличие от определения, более свойственного научной и деловой речи, эпитет является элементом эстетически маркированного, художественного текста. Определение в противовес эпитету не всегда обладает экспрессивностью и образностью.

Особый интерес ученых на разных этапах развития лингвистики вызывал вопрос о выполняемых эпитетом функциях в художественном дискурсе. Так, А.Н.Веселовский среди основных функций эпитетов выделял **эмоционально-экспрессивную**, которая заключается в экспликации настроения персонажа и в создании определенной эмоциональной атмосферы. По мнению ученого, «личные настроения могут выразиться в эпитете, выводе из целого ряда уравнений, временная зависимость которых не всегда ясна, а ощущается как нечто искомое, неуловимое, настраивающее на известный лад» [Веселовский, 1989: с.74].

Не менее важными функциями эпитетов, по мнению А.В.Павшук, являются изобразительная и познавательная функции [Павшук, 2007: с.12]. **Изобразительная** функция эпитетов подразумевает соотношение с пятью чувствами человека (осязанием, зрением, вкусом, обонянием и слухом) и выражается главным образом единицами, номинирующими конкретные физические качества. Поскольку эпитет представляет собой один из способов восприятия действительности, ему присуща **познавательная** функция, предполагающая обобщение на уровне познания или обозначения. Такую функцию преимущественно выполняют категориальные эпитеты.

В теории эпитета немаловажное значение приобретают проблемы его типологии. На сегодняшний день в лингвистике существуют различные, порой противоречивые гипотезы относительно классификации эпитетов. Данное обстоятельство обусловлено разнообразием подходов к изучению этого языкового явления. Так, ряд ученых (Ахманова, 1969; Арнольд, 1996; Томашевский, 1996) придерживается семантического аспекта изучения эпитета, тогда как другие исследователи (Потебня, 1980; Веселовский, 1989) рассматривают эпитет с точки зрения культурологии, третьих (Гальперин, 1964) привлекает его синтаксическая сторона. Не остаются без внимания и стилистическая сторона (Тырыгина, 2000), и когнитивная (Голубина, 1998; Одинцова, 2000).

Обзор основных существующих в филологической науке таксономий и их дальнейшая систематизация позволили выявить два наиболее распространенных типа эпитетов - постоянный и переносный.

Постоянный эпитет «законсервирован» временем, его употребление обуславливается традицией. «Постоянный эпитет функционирует как эталонный, «простой и неизменный» [ЛЭС, 1977: с.513].

Широкое понимание постоянных эпитетов предлагает И.В.Арнольд, отмечая их неоднородность и выделяя среди них такие типы, как тавтологический (мягкая подушка), оценочный (хороший мальчик) и описательный (бумажная салфетка).

Переносный эпитет основан на метафорическом или метонимическом переносе значения. А.Н.Веселовский определяет данный тип как синкретический, аргументируя свою позицию тем обстоятельством, что такие эпитеты «вызываются ассоциациями наших чувственных восприятий, которые первобытный человек выражал одними и теми же лингвистическими показателями» [Веселовский, 1989: с.62].

Б.В.Томашевский выделяет не переносные, а метафорические эпитеты, семантика которых отличается наличием элемента сопоставления: жемчужные зубы – зубы, как жемчужины [Томашевский 1996: с.57].

Со своей стороны, О.С.Ахманова различает украшающий, перенесенный и тавтологический эпитеты. При этом украшающий эпитет рассматривается ею как «разновидность определения, отличающаяся от обычного экспрессивностью, переносным, тропеическим характером (шелковые кудри)» Перенесенный эпитет, в свою очередь, выражается эналлагой – синтаксическим переносом определения на управляющее слово (*голубей крепкокрылая стая* вместо *голубей крепкокрылых стая*) Тавтологический эпитет О.С.Ахманова характеризует как «эпитет, возвращающий слову утраченную им экспрессивную образность (зеленый лес) [Ахманова, 1969: с.527].

К.С.Горбачевич и Е.П.Хабло классифицируют эпитеты с точки зрения присутствия/отсутствия в их значении новизны, выделяя вместе с тем народно-поэтические и индивидуально-авторские эпитеты.

Согласно предложенной А.В.Павшук типологии, эпитеты подразделяются на «констатирующие и оценочные; среди констатирующих выделяются физические и категориальные эпитеты, а среди оценочных – этические, эстетические и эмоциональные» [Павшук, 2007, с.19].

Ограниченность рамок настоящего исследования не дает возможности детально изложить содержание существующих в современной научной литературе классификаций эпитета. В связи с этим целесообразно привести наиболее приемлемую для настоящего исследования типологию эпитетов, предложенную В.П.Москвиным, в которой учитывается весь комплекс показателей, начиная с номинации и семантики и заканчивая количественными и структурными показателями.

Так, по характеру номинации, В.П.Москвин выделяет 3 типа эпитетов: с прямым значением (зеленый лес), метафорические (золотой луч) и метонимические (зеленый шум).

С точки зрения семантики: оценочные (золотой век) и цветовые (лазурное небо).

С учетом структурного аспекта: простые (дремучий лес) и сложные (пшенично-желтые усы).

По степени освоенности языком: общезыковые (лазурное море) и индивидуально-авторские (нецензурная погода).

С точки зрения устойчивости в языке: свободные (синие глаза), постоянные (светлое будущее) и фольклорные (горе горькое).

По стилистической окраске: разговорные (цветастая радуга), газетные (прогнивший режим) и книжные, поэтические (мятежная душа).

С учетом количественных показателей: одиночные (легкокрылые мечты), двойные, или вилки (золотистые ароматные сосны) и тройные (игольчатый льдистый мелкий снег).

По сочетанию с фигурами повтора: тавтологические (горе горькое) и сквозные (застенчивый укор застенчивых лугов) [Москвин, 2001].

Как было отмечено, вопрос о семантической сущности эпитета в лингвистике не нашел своего разрешения и до настоящего времени остается дискуссионным. Как показал обзор теоретического материала по данному вопросу, относительно грамматической природы рассматриваемого языкового явления в науке также не сложилось единой точки зрения. В связи с этим представляется актуальным выявление формальных особенностей эпитетов, то есть изучение их морфологических и структурных типов.

Вопрос о частеречной принадлежности эпитета интересовал многих российских ученых, и на сегодняшний день в науке существует широкое и узкое понимание морфологической его сущности.

Сторонниками широкого понимания эпитета являются А.А.Потебня, Г.Н.Поспелов, Ю.М.Скребнев, которые полагают, что эпитеты могут быть выражены именами прилагательными, причастиями, деепричастиями, наречиями, существительными-приложениями. В соответствии с этим их синтаксическая роль не ограничивается только определением: они могут выступать в роли обстоятельства, дополнения, сказуемого и подлежащего.

Более широкое понимание эпитета предлагает А.В.Павшук, которая в своем исследовании подвергает анализу следующие его типы: «имя прилагательное, причастие, имя существительное, наречие, герундий, придаточное определительное предложение», а также рассматривает «эпитет в роли согласованного и несогласованного определения, в том числе приложения, обстоятельства образа действия, сказуемого и придаточного определительного предложения» [Павшук, 2007: с.19].

Анализируя язык «Древних российских стихотворений», Ф.И.Буслаев выделил четыре группы эпитетов, выраженных «а) именами прилагательными (столы дубовые); б) именами существительными в одинаковом падеже со словом, при коем они эпитетом (добрый молодец); в) именами существительными с прилагательными (в именительном падеже), не согласующимися с определяемым словом (около чебота зелен сафьян); г) родительным определением (кровать слоновых костей)» [Буслаев, 1992: с.286].

Е.М.Галкина-Федорук отмечает по этому поводу следующее: «До сих пор среди филологов существуют разногласия по вопросу о том, какими частями речи может быть выражен эпитет. Нам кажется, что в качестве эпитета могут выступать те части речи, которые обозначают признаки и свойства предметов: прилагательное, причастие, иногда существительное (эпитет-приложение). Не может быть никогда эпитетом наречие, так как оно определяет глагол, а сочетаясь с прилагательными, оно становится частью сложного слова» [Галкина-Федорук, 1952: с.39].

В свою очередь, Б.В.Томашевский характеризует эпитет как «называемый признак, сопутствующий какому-нибудь слову», и отмечает, что «по существу, слово «эпитет» значит определение, при этом определение грамматическое, т.е. в простейшей форме это прилагательное при существительном [Томашевский, 1983: с.200].

Такого узкого понимания грамматической природы эпитета, а именно определения эпитета как прилагательного в синтаксической роли определения, придерживаются также автор «Толкового словаря русского языка» Д.Н.Ушаков (2005) и автор «Словаря лингвистических терминов» О.С.Ахманова (2004).

Систематизируя бытующие в лингвистике взгляды относительно частеречной выраженности эпитетов, С.А.Губанов приходит к выводу, что «типичными выразителями эпитета признаются прилагательные и наречия. Вторую (ближнюю периферийную) группу составляют существительное-аппозитив, причастие, местоимение-прилагательное; третья (дальняя периферийная) группа слов представлена местоимением, деепричастием и инфинитивом, выражающими при определенном семантическом или синтаксическом окружении атрибутивное значение» [Губанов, 2009: с.74].

На наш взгляд, исходя из намеченных целей и поставленных задач, более приемлемым для нашего исследования является положение, согласно которому основные репрезентанты эпитета - это имена прилагательные и причастия, в редких случаях - существительные-приложения.

II.2.2. Освещение теории эпитета в таджикской филологии

Настоящий раздел исследования посвящен рассмотрению и систематизации бытующих в таджикской филологии гипотез и точек зрения на эпитет, его природу и типологию, особенности

функционирования, семантическую характеристику и структурное оформление.

Эпитет, будучи художественным определением при слове и средством выразительности лексического уровня, образно и эмоционально характеризующим описываемое явление, человека, предмет, событие, является востребованным стилистическим приемом как в персидско-таджикской классической литературе, так и в современной таджикской малой прозе. Однако интерес таджикских ученых-филологов к данному феномену намного уступает популярности и распространенности эпитета среди поэтов и писателей.

Немногочисленные исследования, в той или иной мере посвященные эпитету, выполнены преимущественно в литературоведческом направлении [труды известных таджикских литературоведов Т.Зехни (1992), Х.Шарифова (1991), Ю.И.Бобоева (1992), Н.Саркорова (1999) и др.] и рассматривают эпитет как художественное понятие, как троп, фигуру речи.

Отсутствие в таджикском языкознании исследований по вопросу изучения эпитета в качестве лингвистического феномена делает необходимым заняться разработкой этой чрезвычайно важной для развития языкознания темы.

В первую очередь необходимо познать природу данного явления, определить его дефиницию.

В поисках таджикского эквивалента термина «эпитет» обратимся к толковым и двуязычным словарям. В качестве эквивалента данного термина РТС приводит следующее: «*Лит.* тавсиф, ташбех» [РТС, 1985: с.345]. Напомним, что термин «ташбех» является таджикским коррелятом термина «сравнение». Отсутствие ясности отмечается и в приведенных ФТР эквивалентах термина «тавсиф»: «1. Описание, характеристика; 2. Похвала, хвала» [ФТР, 2006: с.435]. Другими словами, авторы ФТР не рассматривают данную лексему в качестве научного

понятия. Как общеупотребительную лексическую единицу слово «тавсиф» рассматривает и ФТЗТ, где оно интерпретируется следующим образом: «1. Васф кардан, таъриф намудан, ситоиш, таъриф; 2. Баен, шарх» [ФТЗТ2, 2010: с.576], т.е. «1. Восхвалять, описывать, восхваление, характеристика; 2. Изложение, объяснение».

Обзор отраслевых лексикографических источников, в частности «Русско-таджикского словаря литературоведческих терминов» [Табаров, 1987, с.67], «Словаря литературоведческих терминов» [Ходизода, Шукуров, 1966, с.106], «Краткого словаря литературоведческих терминов» [Мирзозода, 1992, с.132], «Словаря литературоведческих терминов» [Атаханов, 2002, с.98], позволил выявить, что в таджикском языке рассматриваемое средство выразительности называется словом арабского происхождения «тавсиф», которое в переводе означает «описание, перечисление признаков чего-л.».

В качестве дефиниции эпитета в «Словаре литературоведческих терминов» приводится следующее: «Тавсиф - слово, выражающее самое важное свойство чего-либо. Тавсиф является художественным определением, которое раскрывает основную особенность явления. Например, *бозуи қавӣ, осмони кабуд, тобистони гарм*» [Ходизода, Шукуров, 1966, с.106].

«Краткий словарь литературоведческих терминов» трактует эпитет следующим образом: «Тавсиф – описание и упоминание признаков предмета, слово, в котором отражаются свойства предмета, человека и явлений. В грамматике эпитет выступает в роли определения, в художественной литературе известен как средство выразительности и художественное определение» [Мирзозода, 1992, с.132].

Как же характеризуется эпитет в научной литературе?

Т.Зехни, обращаясь к проблеме выявления сущности эпитета, отмечает: «Для изображения какого-либо явления, лица или предмета писатель приводит такое прилагательное (сифат), которое показывает

одну из наиболее важных его особенностей. Такое художественное определение, подчеркивающее существенный признак определяемого слова, называется эпитетом» [Зехни, 1992: с.68]. Иллюстрируя свое утверждение бейтами Хилали, ученый поясняет, что использованные прилагательные подчеркивают основные черты описываемого предмета:

Эй модари мехрубон, чӣ кардӣ?

Бо ошиқи нотавон чӣ кардӣ...

Дар оташи қонғудозам имрӯз,

*Е раб, чи кунам, чӣ созам имрӯз? – О ласковая мать, что ты сделала? /
Что ты сделала с беспомощным влюбленным... / Сегодня я в раздирающем
душу огне, / О Боже, что сегодня мне сделать и создать?*

Следует отметить, что в таджикском языке лексема *сифат*, согласно ФТР, имеет два значения: «1. качество, свойство; 2. грам. прилагательное» [ФТР, 2006: с.214]. В связи с этим в вышеприведенном переводе цитаты Т.Зехни, на наш взгляд, целесообразно использовать данную лексему именно во втором значении, в качестве лингвистического термина.

Ю.И.Бобоев приводит следующее толкование эпитета: «Тавсиф происходит от слова *васф*, которое обозначает «описание». Для изображения определенного образа людей, событий и картин природы писатель приводит свойственные им признаки. Такой способ изображения называется тавсифом» [Бобоев, 1992: с.147]. В качестве примера функционирования эпитетов в таджикском языке ученый приводит следующий отрывок из стихотворения Озоды Аминовой:

Чехраҳои сурхи отаишбор, қалби беқарор,

Хушадаб, маҳкамирода, мехрубону хоксор,

Софдил, озодфикру ҳам ба аҳдаи устувор,

*Комсомол! Идат муборак! Бо ту дорем ифтихор... - Румяные,
сверкающие огнем лица, беспокойное сердце, / благовоспитанный, с твердой*

волей, ласковый, скромный, / искренний, свободомыслящий, верный своему слову, / Комсомол! С праздником! Мы гордимся тобой...

Х.Шарифов, признавая эпитет основой всех образов и изображений в персидско-таджикских стихотворениях, поэтических жанрах фольклора и народных сказках, характеризует данное средство выразительности, как «ибтидои бадеият» - источник художественности, первооснова произведений литературы и искусства. Ученый отмечает, что в таджикской художественной литературе и фольклоре таджикского народа эпитет занимает достойное место, а к его использованию предъявляются определенные требования. Х.Шарифов предлагает ввести термин «тавсиф» в качестве «синонима русского эпитета», при этом воздерживается от формулировки дефиниции эпитета, ссылаясь на интерпретацию данного термина Л.И.Тимофеевым и С.В.Тураевым, авторами «Словаря литературоведческих терминов»: «Эпитет – определение, придающее выражению образность и эмоциональность, подчеркивающее один из признаков предмета или одно из впечатлений о предмете» [Шарифов, 1991: с.82].

Таким образом, обобщая высказывания таджикских литературоведов и лексикографов, можно сформулировать следующее определение эпитета: «Тавсиф – художественное определение-атрибут, подчеркивающее основное свойство, особенность предмета, понятия, явления». Такая интерпретация эпитета носит более обобщенный характер, нежели взятая в настоящем исследовании в качестве основополагающей дефиниция, предложенная С.А.Губановым: «Эпитет – это экспрессивно-образное, оценочное определение объекта действительности, функционирующее в рамках художественного дискурса» [Губанов, 2009: с.39].

Рассмотрим другие научные понятия, составляющие терминологический пласт и относящиеся к исследуемому вопросу. Так, о понятии «постоянный эпитет» вскользь упоминает Х.Мирзозода:

«Существуют предметы, чьи названия имеют при себе постоянные прилагательные, например: *рӯи зебо, дасти тавоно, шӯхрати баланд, гули хандон* (прекрасное лицо, могучая рука, громкая слава, досл. смеющийся цветок – С.Р.)» [Мирзозода, 1992, с.132].

Более подробную характеристику данному термину дает Т.Зехни: «В таджикском языке есть много слов, которые имеют устойчивое сочетание с одним или несколькими определенными прилагательными, и, как следствие, эти слова чаще всего используются в сочетании именно с этими прилагательными. Например, *шери жаен, тили дамон, сарви равон, фарзанди азиз, модари мушфиқ* (разъяренный лев, разъяренный слон, досл. идущий кипарис – возлюбленная, любимый ребенок, нежная мать – С.Р.). Подобные слова, выступающие в роли постоянных прилагательных при каком-либо существительном, также следует отнести к эпитетам» [Зехни, 1992: с.68].

Большой интерес таджикских ученых вызывают так называемые «двойные» и «тройные эпитеты», «эпитеты-вилки» (по В.П.Москвину) или «цепочки эпитетов» (по С.А.Губанову).

Именно многокомпонентные конструкции эпитетов, по мнению Х.Шарифова, представляют художественную ценность: «Отечественные ученые прошлых столетий не воспринимали одиночный *тавсиф* элементом искусства. Они считали, что только «тансиқи сифот» - повторяющееся описание одного предмета, является искусством и может придать красочность и выразительность изложению» [Шарифов, 1991: с.83]. Данное положение ученый аргументирует комментариями Родуени, который считает, что эпитет может быть средством выразительности только в том случае, если поэт описывает объект в одном бейте на один лад в нескольких значениях, как это можно наблюдать у Унсури:

Шоҳи гетӣ, Хусрави лашкаркаши лашкаршикан,

Соџи яздон, шаҳи кишвардеҳи кишварситон. – Царь вселенной, Хусрав, возглавляющий армию и побеждающий армию, / Тень Бога, царь, завоевывавший и покоряющий страны.

В качестве дополнительной аргументации к изложенной точке зрения Х.Шарифов приводит высказывание Ватвота: «Тансиқи сифот - это такое мастерство поэта, когда он продолжительно упоминает один объект несколькими именами (существительными) или прилагательными» » [Шарифов, 1991: с.83-84].

Особое внимание многокомпонентным конструкциям эпитетов уделяет Т.Зехни, обозначая это понятие термином «сифатчинӣ». Ученый отмечает: «Иногда при описании или изображении кого- или чего-либо в целях особого возвеличивания или порицания нанизываются несколько соответствующих для одного субстантива описаний, что придает особую выразительность и экспрессию высказыванию. Такое искусство в риторике называется «тансиқи сифот» или «сифатчинӣ». Примером подобного рода эпитета может послужить бейт Низами Гянджеви:

Шакархандае рост чун найшакар

Латифу хушу сабзу ширину тар» [Зехни, 1992: с.68]. - Приятная улыбка пряма подобно сахарному тростнику / нежна, хороша, свежа, сладка и сочна.

В словарной статье «Краткого терминологического словаря литературоведческих терминов», посвященной эпитету, также приводится информация о явлении *сифатчинӣ*: «Нанизывание описаний, предназначенное для возвеличивания или порицания описываемого, называется *тавсифи чида* (собранные или однородные эпитеты – С.Р.), или *сифатчинӣ*. Как, например:

Ширинлабе, шакардаҳане, сарвқомате,

Кӯтаҳ кунам ҳадис – ба хубӣ қиемате» [Мирзозода, 1992: с.133].- Сладкоустая, сладкоречивая, со станом кипариса, / одним словом – мое смятение.

С позиции одно- и многокомпонентности, то есть с учетом количественных показателей, эпитет рассматривает Ю.И.Бобоев, Поддерживая взгляды исследователей персидско-таджикской классической литературы, не признававших одиночные эпитеты средствами художественной выразительности, ученый называет такие эпитеты неполными.

«Эпитет бывает полным и неполным. Неполный эпитет указывает на какую-либо отличительную особенность предмета. Например, в следующих бейтах Х.Юсуфи прилагательными *дилрабо*, *дилкушо* выражается неполное описание природы:

Дар ин баҳори дилрабо шукуфтаанд гунчаҳо,

Бунавшаҳо, шукуфаҳо ба боғу сабзорҳо,

Чи хуш насими дилкушо расида бар машими мо,

Зи накҳати бунавшаҳо гирифта дар канорҳо» [Бобоев, 1992: с.147]. –

Этой очаровательной весной расцвели бутоны, / фиалки, цветы в садах и на зеленых лугах, / как приятен вдыхаемый нами радующий сердце ветерок, / принесший с собой аромат фиалок.

В противовес неполному эпитету ученый характеризует полный как вид описания, при котором «свойства предмета представлены всесторонне за счет их нанизывания». В качестве иллюстративного материала ученый приводит рубаи Хафиза Ширази:

Бибурд аз ман қарору тоқати хуш

Бути сангдилу симинбаногӯи,

Нигоре, чобуке, шӯхе, париваи,

Ҳарифе, маҳваше, турке, кабопӯш. – Лишила меня покоя и терпения, / жестокая, белотелая красавица, / прекрасная, бойкая, озорная, похожая на пери, / соперница, лунолика, турчанка, облаченная в кабо.

Приведенное Ю.И.Бобоевым в качестве примера рубаи Хафиза Ширази является ярким образцом многокомпонентной эпифразы,

поскольку атрибутизация объекта (в данном случае «бут» - красавицы) происходит за счет актуализации 10 признаков.

Среди работ, имеющих отношение к рассматриваемой в данном исследовании теме, можно назвать диссертационную работу таджикского ученого Н.Саркорова «Эпитеты в «Шах-наме» Фирдоуси: образ и характер человека», методологическую базу которой составляют «общетеоретические труды, ставшие классическим наследием российского и зарубежного литературоведения и языкознания в области эпитетов». Основополагающим в его исследовании является определение эпитета, предложенное Б.В.Томашевским: «Эпитет – называемый признак, сопутствующий какому-нибудь слову. Обыкновенно эпитет принимает форму определения, и, по существу, слово «эпитет» - значит определение, при этом определение грамматическое, т.е. в простейшей форме это прилагательное при существительном» [Саркоров, 1999: с.4]. Свое исследование автор относит к числу конкретных историко-литературоведческих исследований таджикско-персидского классического поэтического наследия.

Таким образом, обзор научных источников, так или иначе касающихся темы изучения эпитета в таджикском языке, позволил систематизировать существующие на сегодняшний день гипотезы таджикских ученых о природе эпитета, сформулировать его определение, изучить эпитет с точки зрения его количественного состава. Относительно его частеречной принадлежности можно заметить, что эпитет может быть выражен той частью речи, которая выполняла бы в предложении синтаксическую роль определения; в первую очередь, это имена прилагательные, причастия и существительные с определительным значением.

Следует отметить, что существует еще достаточное количество вопросов, разрешение которых позволило бы провести полноценное исследование лингвостилистической направленности. В частности,

открытым остается вопрос о структурной оформленности эпитетов в таджикском языке, об их классификации и степени освоенности, о выполняемых ими функциях и особенностях их функционирования в художественном тексте.

Ответы на эти и другие вопросы можно получить, подвергнув исследованию иллюстративный материал, почерпнутый из рассказов современных таджикских писателей. В ходе исследования считаем целесообразным оперировать следующим набором терминов: *эпитет – адъектив - определение – художественное определение; субстантив – определяемое слово; эпитетная конструкция – эпифраза – определение +определяемое слово, эпитет+субстантив; распространенный эпитет, составной эпитет, цепочечный эпитет - двух-, трехкомпонентный эпитет.*

II.2.3. Лингвистический анализ эпифраз таджикского языка

II.2.3.1. Морфологические и структурные типы эпитетов

Выявление морфологических типов подразумевает дифференциацию художественных определений по их частеречной принадлежности. Как было отмечено ранее, в таджикском языке эпитеты имеют адъективное выражение и представлены прежде всего именами прилагательными, ближнюю к ним периферийную группу составляют причастия, дальнюю – существительные-аппозитивы.

Морфологический анализ показал, что основной корпус эпитетов (в объеме 300 единиц), извлеченных из текстов рассказов современных таджикских писателей, репрезентирован именами прилагательными вследствие признаковой семантики этой части речи.

Превалирующая часть эпитетов (198 случаев употребления) выражена качественными прилагательными в силу того, что они несут в себе информацию о чувственно воспринимаемом признаке:

Валекин ҳоло пеши назараи дашти сабз, гулҳои ҳарранг. Аспони маст, курраҳои шӯхро медид... (Баҳманер, 2013: с.229).- Однако сейчас он видел раскинувшуюся перед его взором лазоревую степь, радужные цветы, резвых скакунов, озорных жеребят... (<http://www.proza.ru>).

Главным образом, преобладают качественные прилагательные в положительной степени (162 единицы, т.е. 54% от общего числа эпитетов):

Вақте ки ўро ба тахти равон савор карда сӯи қаср мебурданд, нурҳои падрудии хуршед ба рангҳои манораҳои мулавван бархӯрда, ҷилои ҳафтранга мекӯшонид (Баҳманер, 2013: с.225).- Когда паланкин с эмиром приближался к дворцу, лучи заходящего солнца, скользнув по мозаичным стенам минаретов, засверкали всеми цветами радуги (<http://www.proza.ru>).

Форма сравнительной степени качественных прилагательных также весьма востребована в художественных текстах (27 единиц, т.е. 9 % от общего числа эпитетов):

Ҳар қадар сабзаҳо баландтару серширатару дилработар шаванд, шавқи онҳо ҳамон қадар зиёдтару бозиҳояшон ҳамон қадар нуришӯртару тӯлонитар мешуд (Кӯҳзод, 1987: с.229). - По мере того, как зеленые побеги росли, наливались соком, страсть птиц разгоралась все ярче, игры их стали более продолжительными и азартными (Кухзод, 1991: с.228).

Менее продуктивны качественные прилагательные в форме превосходной степени, были отмечены лишь единичные случаи их употребления:

Шамшер чигилтарин чигилҳоро мекушояд, шамшер оқилтарин сарҳоро ба як зарба аз тан ҷудо мекунад, шамшер ҳама саволҳоро ҷавоб аст (Баҳманер, 2013: с.224). - Меч развязывал запутаннейшие узлы, меч одним ударом отделял от тела мудрейшие головы, меч был ответом на все вопросы (<http://www.proza.ru>).

Анализ корпуса качественных прилагательных, выполняющих в современной таджикской прозе функцию эпитета, позволил выявить, что

наряду с их узуальной, устойчивой семантикой обнаруживается установление новых ассоциативных отношений между значениями объекта и адъектива. Например:

Боз як рӯзи тираву пурдари аз ин айёми номард доман мепечид. (Баҳманер, 2013: с.219). - Еще один хмурый недужный день этого подлого времени подходил к концу (<http://www.proza.ru>).

В конструкции *айёми номард* (*подлое время*) эпитет *номард* взят из сопредельной концептуальной сферы «человек», поскольку только по отношению к человеку можно использовать это слово.

Случаи использования в качестве эпитетов относительных прилагательных, наделенных в контексте качественной семантикой, носят единичный характер:

Шангул аспе буд сумаи рӯин, мӯяи симин, гарданаи очин, чаишаи қиргин, ёлу думаи абрешимин (Баҳманер, 2013: с.93). - У Шангул были копыта бронзовые, шерсть серебряная, шея – слоновая кость, глаза смоляные, грива и хвост шелковые (<http://www.proza.ru>).

Прилагательные-эпитеты *рӯин, симин, очин, қиргин, абрешимин*, будучи названиями денотатов, обозначающие материал, в данном контексте выступают в качестве лексем, характеризующих качества и признаки животного, в данном случае коня: копыта крепкие, как бронза, шерсть переливается подобно серебру, шея цвета слоновой кости, глаза цвета смолы, грива и хвост мягкие и нежные, как шелк.

Наибольшей экспрессивности писатели достигают при усложнении или распространении эпифраз другими средствами выразительности лексического уровня, например, антитезой:

Он шаб зеботарин шабе буд, ки ман ба канори гарми модар расидам ва зимистони сардро бишикастам (Одиназода, 2016: с.58). – Это была самая прекрасная ночь, ибо я, лежа в горячих маминых объятиях, разбила зимнюю стужу (Одиназода, 2016: с.105).

<...> хӯчаини онҳо мардҳое ҳастанд, ки шиорашон «зан мӯйдарози

ақлқӯтоҳ аст, бояд бе иҷозати шавҳар аз хона берун набарояд» (Одиназода, 2016: с.57). - <...>*их хозяевами считаются мужья, чей девиз «жена – это длинноволосое, недалновидное существо, оно не должно выходить из дому без разрешения супруга»* (Одиназода, 2016: с.106).

Зеро чанд сол пеи мири кишвар каллаи азими худро рӯи дастони кӯтаҳаи гузошта, ба андеша фуру рафт (Баҳманер, 2013: с.234).- *Несколько лет тому назад наш государь, опершись великой головой на свои коротенькие руки, крепко задумался* (<http://www.proza.ru>).

В приведенных образцах антитеза достигается за счет контрарных коррелятов-антонимов *гарм-сард*, *дароз-кӯтоҳ*. В последнем случае антитеза построена на контекстуальных антонимах *азим-кӯтаҳ*.

Большее эмоциональное воздействие оказывают эпитеты, распространенные лексическими и звуковыми повторами – анафорой и эпифорой, как, например, в следующем предложении:

Барои насл вай омода буд, ки то ба ун дуне равад, агар он ҷо аспи асиле, аспи хушгиле, аспи зӯрpile мавҷуд бошад. (Баҳманер, 2013: с.96). - *Чтобы получить хорошее потомство, он готов был отправиться даже на тот свет, если только там есть настоящий конь, породистый конь, крепконогий конь* (<http://www.proza.ru>).

Излюбленным объектом творческого интереса современных таджикских писателей, выступающим в качестве адъектива-эпитета, являются прилагательные *сард* - *холодный* (более 15 случаев употребления в сочетаниях *хоки сард* – *холодная земля*, *шаҳри сард* – *холодный город*, *хлебонҳои сард* – *холодные проспекты*, *сарватҳои сард* – *холодные богатства*, *чанголҳои сарди гург* – *холодные волчьи когти*, *панҷаи сарди аҷал* – *холодная лапа смерти*, *ангуштони сард* – *холодные пальцы*, *хуни сард* – *холодная кровь*, *сукунати сард* – *холодное спокойствие*, *нигоҳи сард* – *холодный взгляд*), *гарм* - *теплый* (11 случаев употребления в сочетаниях *дидори гарм* – *теплая встреча*, *муомилаи гарм* – *теплое общение*, *канори гарми модар* – *теплые материнские объятия*, *дили гарм* –

*теплое сердце, кафҳои гармакак – тепленькие ладони, нигоҳи гарм – теплый взгляд, саломи гарм – теплое приветствие, огуши гарм – теплые объятия) и **ширин - сладкий** (10 случаев употребления в сочетаниях *орзуи ширин – сладкие мечты, забони ширин – сладкая речь, сухани ширин – сладкая речь, гапи ширин – сладкая речь, ҷони ширин - обращение, зиндагии ширин – сладкая жизнь, оби ширин – сладкая, вкусная вода*).*

Особой образностью и экспрессией наполнены эпитеты, выраженные причастиями. Однако, как было отмечено ранее, и как показала инвентаризация всех участвующих в исследовании эпитетов, причастия, выполняющие функцию эпитета, менее продуктивны в рассказах современных таджикских писателей. Всего было выявлено более 90 единиц, что составляет 30 % от общего числа эпитетов.

*Аввалин бор дар лабони нозукам табасуми **сохта** ҳувайдо гаит ва барои гуфтани дурӯғ забон кушода, аз хушбахтиҳои **набудаву** ҷомҳои **ночашида** ҳарф задам (Одиназода, 2016: с.57). – В первый раз на моих нежных губах появилась **фальшивая** (досл.строенная – С.Р.) улыбка, и я принялась рассказывать о **небывалом** счастье и **неизведанных** мечтах (Одиназода, 2016: с.103).*

*Чеҳраи **коҳида** ва хушидаву қаҳраборанги пирамард низ барги зебои хазонро ёд меовард... (Самад, 2002: с.105). - **Истоценное, высохшее, янтарное** лицо старика теперь напоминало дивный опавший осенний лист... (Самад, 2018: с.164).*

В ходе морфологического анализа фактического материала не было обнаружено не единого примера эпитета, выраженного существительным-аппозитивом, в качестве которого, как правило, выступает существительное-приложение.

Структурная типология эпитетов подразумевает дифференциацию эпитетов на простые, сложные и составные.

Простые в структурном плане эпитеты составляют преобладающую часть всех образных определений - 195 единиц, что составляет 65 % от общего числа всех эпитетов.

*Сипас зимистон ҷомаи **чандааширо** гундошта ба ҷоҳои дуре, ба он лаби дуне рафт ва ба ҷои он баҳор омада **қабои рангини** худро дар дашт паҳн кард (Кӯҳзод, 1987: с.228). - Зима, собрав свои **пестрые лохмотья**, переселилась на другой берег мира, а место ее постепенно занимала весна, расстилая и развешивая свой **праздничный** наряд в полях, садах и на горных склонах (Кухзод, 1991: с.224).*

Сложные слова-эпитеты, которые, несмотря на то, что воспроизводят единое понятие, образованы сложением двух основ и имеют слитное написание. Сложные адъективы составляют почти треть – 110 случаев употребления - от общего числа эпитетов. Например, в приведенном ниже фрагменте текста лексема *ришхандомез* является сложным по структуре эпитетом, поскольку образовано сложением двух основ *ришханд* и *омез*, в свою очередь слово *ришханд* с точки зрения его этимологии также является сложным словом, образованным от основ *риш* (борода) + *ханд* (хандидан – смеяться).

*Нигоҳҳои норозиёнаи онҳоро дид, имову ишораҳои **ришхандаомези** онҳоро ҳис кард, вале гуруснагӣ ба иззатхоҳӣ голиб омад (Кӯҳзод, 1987: с.228). - Он увидел косые взгляды, угрожающие движения, брезгливые и насмешливые кивки в его сторону, но голод оказался сильнее (Кухзод, 1991: с.221).*

В следующем предложении автором использовано несколько сложных эпитетов *роҳбалади чандапӯш ва китфафтидаи фақираҳвол, эҳтироми нозеҳиолуд*:

*Вай ба роҳбалади **хурду хароб**, сари синааш танг, **чандапӯш** ва **китфафтидаи фақираҳволаш**, ки фурӯтаниро ба ниҳояташ расонида буд ва он фурӯтанӣ дар дили кас ҳам ҳисси як эҳтироми **нозеҳиолуд** ва ҳам раҳму шафқатро бедор мекард (Кӯҳзод, 1987: с.126). - Он смотрел на этого узкогрудого тщедушного человечка в **потрепанной одежде**, идущего*

уныло, покорно, с *опущенными плечами*, и вид его, смирение и кротость вызывали одновременно жалость и сострадание (Кухзод, 1991: с.357).

Следует отметить, что в сложных эпитетах соединение основ происходит за счет подчинительных отношений, в частности распространенного в таджикском языке изафетного типа подчинительной связи: *соҳибқирон* - *победоносный* (*соҳиби қирон*), *қоматбаланд* - *высокий* (*қомати баланд*), *ишкамовезон* - *пузатый* (*ишками овезон*), *шабранг* - *темный* (*ранги шаб*), *шумхабар* - *приносящий плохие вести* (*хабари шум*), *чонкоҳ* - *горестный* (*коҳидани чон*), а также примыкания к глаголу имени существительного: *зарқӯб* - *инкрустирующий золотом* (*зар+қӯбидан*), *дастнорас* - *недосягаемый* (*даст+нарасидан*), *барқнош* - *осыпающий молниями* (*барқ+пошидан*), *ҳаловатбахш* - *доставляющий удовольствие* (*ҳаловат+бахшидан*), *рафънопазир* - *непреодолимый* (*рафъ+нопазируфтан*), *тазйқовар* - *оказывающий давление* (*тазйқ овардан*), *дилрабо* - *пленительный* (*дил+рабудан*); примыкания местоимений и числительных к существительным: *ҳарранг* - *разноцветный* (*ҳар+ранг*); *ҳафтранг* - *семицветный* (*ҳафт+ранг*). Как показали результаты количественного анализа, наиболее частотным типом подчинительной связи является примыкание – глагол+существительное - 64 единиц, 58%. Вторым по частотности представлен изафетный тип - 37 единиц, 33%.

При выборке эпитетов из использованных в работе текстов современных таджикских писателей были выявлены также случаи употребления сложных эпитетов с дефисным написанием, в составе которых присутствует повтор звуковых элементов (*дағар-буғур*) и корневого элемента (*сап-сафед*, *сип-сиех*).

<...> *ба ин сабаб дашт ба нӯсти ошнадодаи дағар-буғур монанд аст талу тепаҳо ба почаҳои қоқи он* (Кӯҳзод, 1987: с.229). - <...> *и теперь долина походила на морщинистую недубленную кожу какого-то*

животного, а холмы и горные склоны—на голые его костлявые ноги... (Кухзод, 1991: с.374).

Составные эпитеты выражены словосочетаниями и могут быть репрезентированы различными частями речи, как самостоятельными, так и служебными.

Сипас шонаҳояш резу-реза ларзиданд ва ашки шаши қатори шуру талх ба риши мошубиринчаши шорид (Самад, 2002: с.199). - Затем у него мелко-мелко затряслись плечи, и горькие слезы ручьем потекли на поседевшую вмиг бороду (Самад, 2018: с.119).

<...>ҳоло ба назараи воқеоти ким-кайҳо ба вуқӯънайваста, бисъёр дур ва орзӯи ширин менамуд (Кӯҳзод, 1987: с.124). - <...>то время казалось ему сейчас далеким, давним-давним, почти нереальным, как будто он вычитал это в какой-то книге или увидел во сне (Кухзод, 1991: с.363).

Исследование вопроса о таксономии составных эпитетов всецело зависит от классификации эпитетов с точки зрения их количественных показателей. В данном аспекте эпитеты, как было отмечено ранее, делятся на одиночные и составные эпитеты, другими словами – эпитеты-цепочки.

Превалирующую часть исследуемых в работе эпитетов составляют одиночные эпитеты - около 60% от общего числа рассматриваемых единиц, которые исчисляются 178 единицами.

Составные эпитеты представляют собой цепочку образных определений, «дополняющих друг друга» [Веселовский, 1989: с.69] и дающих «разностороннюю характеристику объекта» [Гальперин, 1977: с.161]. Рассматриваемый тип эпитета именуется также распространенным эпитетом, или эпитетным комплексом.

С.А.Губанов так характеризует составные эпитеты: «своеобразный сгусток прилагательных в функции эпитета, называющий сложную конфигурацию свойств явления, личности через нестойкие сложно-ситуативные образования адъективного типа» [Губанов, 2009: с.102].

Составные эпитеты могут включать в себя два (двойной эпитет) или три и более компонента (цепочечный эпитет) и характеризовать субстант в двух и более аспектах, то есть подчеркивают в описываемом предмете или явлении несколько свойств и качеств, одинаково важных и актуальных.

Двойные эпитеты, именуемые также вилкой, имеют широкое распространение в современной таджикской прозе, их было выявлено 82 единицы, что составляет 27% от общего числа эпитетов. Например:

*Баъди ношишта азми сафар кардам, ин навбат сафарам ба дуриҳои дур, ба **шахри сарду ноошино** буд (Одиназода, 2016: с.56). – После завтрака я опять собралась в путь, в этот раз далеко, в **холодный чужой город** (Одиназода, 2016: с102).*

*Он **рӯзҳои серташвиши бобаракат**, ки вай дар ба дар гашта бачаҳоро ба мактаб ҷалб мекард, <...>орзӯи ширин менамуд (Кӯҳзод, 1987: с.126). - Те **хлопотные, но благословенные дни**, когда он ходил из двери в дверь, собирал своих учеников, казались ему почти нереальными<...> (Кухзод, 1991: с.362).*

Среди двойных эпитетов выделяют парные эпитеты, которые графически изображаются при помощи союзов *ва* или *-у*, например:

*Чоку намедонист, **танҳо ҳис мекард, ки кадом як қувваи дастнорас ва номавҳуме** дар ниҳоди ин мардум паноҳ аст (Баҳманер, 2013: с.223). - Чоку не знал, что именно, только чувствовал, что в природе этих людей скрыта какая-то неуловимая и непонятная сила (<http://www.proza.ru>).*

*«О, ин гаргин, **мулоимхунуку бефармон** менамояд-ку!» (Баҳманер, 2013: с.244). - «Да этот паршивец, видно, хитрая бестия!» (<http://www.proza.ru>).*

Не менее востребованы и эпитетные конструкции, состоящие из трех адъективов, они представлены 37 единицами, что составляет 12% от общего числа рассматриваемых эпитетов.

«Хурӯсаи монанди худаи пакару гарангу чулхундӣ-е!» (Баҳманер, 2013: с.243). «Надо же, у него и петух, как он сам, – такой же жалкий, пришибленный лохмотник!» (<http://www.proza.ru>).

Рассматривая многокомпонентные эпитеты, выполняемые ими функции и их роль в художественном тексте, целесообразно отметить такой художественный прием, как градация. Будучи средством выразительности синтаксического уровня, градация подразумевает такое расположение слов и выражений, при котором происходит «последовательное нагнетание или, наоборот, ослабление силы однородных выразительных средств художественной речи» (СТС, <http://www.classes.ru>).

Як қадам дур аз манзили одамон шахрест хомӯшу пурсукут ва роздор: он ҷо касе ба касе ҷанҷолу пархои намечӯяд, кина намеварзад, ҳасад намебарад, даст ба дӯздиву горат намезанад, - ҳамагон нафсишкаста, якдилу осуда... (Самад, 2002: с.140). - Безмолвный и тихий город недалеко от людских жилищ: там никто не спорит между собой и не ругается, не враждует, не завидует - все сыты, спокойны и дружелюбны... (Самад, 2018: с.148).

Мард мардумро мепурсид, мард ба мардум танг медавид, ки кӣ дидааст он ҳайвони фалакиву самакиву галатино, кӣ?! (Баҳманер, 2013: с.94). - Он расспрашивал людей, он не давал покоя людям: кто же, в конце концов, видел то небесное, да сказочное, да удивительное создание, кто? (<http://www.proza.ru>).

Были выявлены случаи использования таджикскими писателями и более распространенных эпитетных комплексов, например, как в приведенном ниже примере, эпитетная цепочка состоит из четырех звеньев:

Нигоҳи рост, равшан, андуҳгин ва барқноши ин асир Чокуро алагда мекард (Баҳманер, 2013: с.223). - Прямой и ясный, светящийся печалью, взгляд пленника раздражал его (<http://www.proza.ru>).

Таким образом, обзор теоретического материала позволил сделать вывод о том, что в таджикском языке эпитеты имеют адъективное выражение. Морфологический анализ собранного в качестве иллюстративного материала показал, что основной состав эпитетов представлен большей частью именами прилагательными и причастиями в силу их признаковой семантики. Свойство выступающих в роли определения прилагательных и причастий переходить в эпитет мотивировано коннотацией и продиктовано расширением его семантики за счет экспрессивных оттенков значения, контекстного окружения.

Превалирующая часть исследованных эпитетов представлена в одиночном варианте, однако широкое употребление имеют и противопоставленные им эпитетные комплексы, состоящие из двух, трех и более компонентов.

II.2.3.2. Семантическая типология единиц, выступающих в роли компонентов эпифразы

Настоящий раздел посвящен выявлению и дальнейшей дифференциации основных типов эпитетов, определению их лексических значений, описанию их субстантивов.

Как было отмечено ранее, в исследовании были задействованы более 300 примеров эпитетов, почерпнутых из рассказов современных таджикских ученых.

Семантическая классификация эпитетов подразумевает объединение лексики в семантические группы на основе выявления общего основного компонента значения, общей категориально-лексической семы.

В ходе лексико-семантического анализа зафиксированные в текстах современных таджикских писателей эпитеты, выраженные прилагательными и причастиями, были объединены в три семантические группы: 1) лексические единицы, характеризующие лицо; 2) лексемы-обозначения физических свойств; 3) лексемы, выражающие оценку субстантива. Следует отметить, что дифференциация лексем в некоторой

степени условна, так как между предполагаемыми объединениями нет четких границ.

Рассмотрим данные семантические группы эпитетов.

1. **Группа лексем, характеризующих лицо.** В данную группу были отнесены адъективы, определяющие субъекта, в качестве которого может выступать человек и любое живое существо. По количеству употреблений эпитетов и по составу лексем рассматриваемая группа наиболее представительна и охватывает около 170 единиц. Внутри этой многочисленной группы уместно выделить еще ряд семантических подгрупп, а именно (в скобках указывается количество словоупотреблений):

- 1.1. Лексем, обозначающие эмоционально-психологическое состояние субъекта (13) – *мотамгирифта* (находящийся в трауре), *гамзада* (убитый горем), *гаранг* (растерянный), *пакар* (грустный), *хушхол* (веселый), *газаболуд* (сердитый).
- 1.2. Лексем, характеризующие внешний вид человека (или животного) (69), в частности а) фигуру человека (10) – *қоматбаланд* (высокий), *ишкамовез* (пузатый), *наҳиф* (тощий), *тануманд* (дородный), *чорпахлӯ* (плечистый), *пусту устухон* (кожа да кости); б) глаза (21) – *ваҳшатзада* (охваченные ужасом), *хунгирифта* (досл.наполненные кровью – бешеные), *шахло* (большие и блестящие), *нимрог* (прикрытые), *хаставу обрав* (уставшие и слезящиеся), *махзун* (грустные); в) цвет лица (9) – *сабзина* (смуглый), *сиёҳтоб* (темный), *гандумгун* (загорелый), *сиёҳчехра* (темнолицый); волосяной покров (17) – *мошубиринч* (с проседью), *серриш* (с густой бородой), *бемӯ* (безволосый), *усмакашида* (накрашенные усьмой), *парешон* (спутанные), *абрешимин* (шелковые); кожа (5) – *шахиӯл* (шершавая), *дагар-бугур* (шероховатый), *ожангдор* (морщинистый); губы (4) – *бехун* (бескровные), *хандон* (смеющиеся), *овезон* (досл.обвислые);

зубы (3) – *бедандон* (беззубый), *садафдандон* (с белыми словно жемчуг зубами) и др.

- 1.3. Лексемы, характеризующие физическое состояние субъекта (12) – *бардаму бақувват* (здоровый и полный сил), *фартут* (дряхлый), *коҳида* (осунувшийся), *хушикида* (высохший), *ларзон* (трясущийся).
- 1.4. Лексемы, обозначающие характер субъекта (19) – *тундмиқоз* (вспыльчивый), *хашигин* (сердитый), *маккор* (хитрый), *балло* (ловкий), *магрур* (гордый), *беҳае* (бессовестный).
- 1.5. Лексемы, указывающие на социальное положение человека (18) – *доро* (обеспеченный), *пулмаст* (досл.опьяненный деньгами), *тавоно* (могучий), *муқтадир* (могущественный), *гариб* (чужеземец), *соҳибқирон* (победоносный).
- 1.6. Лексемы, обозначающие межличностные отношения (14) – *якдил* (единодушный), *дилрабо* (привлекательный), *ошиқона* (влюбленный), *шайдо* (страстно влюбленный), *нозанину ҷонӣ* (милый и дорогой), *дилозор* (наносящий обиду).
- 1.7. Лексемы, характеризующие субъекта как производителя действия (13) – *рақибкуш* (устраняющий соперника), *бефармон* (непокорный), *рамида* (испугавшийся), *пушаймон* (раскаивающийся), *одамхӯр* (кровожадный), *нафсишикаста* (сытый).
- 1.8. Лексемы, обозначающие интеллектуальные способности субъекта (10) – *ақли расо* (зрелый ум), *пурфиреб* (обманчивый), *пурасрор* (таинственный), *хаёлангез* (будящий воображение), *зирақ* (смышленный), *доншиманд* (мудрый).

2. **Группа лексем, указывающих на физические свойства.** Эпитеты, относящиеся к данной группе, называют эмпирическими эпитетами, согласно термину, введенному А.И.Шраммом, который распределил качественные прилагательные на рациональные и эмпиричные, обозначающие «собственные признаки конкретных предметов, т.е. признаки, воспринимаемые органами чувств и осознаваемые человеком в

результате одноступенчатой мыслительной операции сопоставления с эталоном» [Шрамм, 1979: с.21]. Эта группа менее репрезентативна по количественному составу и состоит из 102 словоупотреблений. Рассматриваемые эпитеты можно разбить на подгруппы обозначений в зависимости от того, с помощью каких органов чувств воспринимается субъектом окружающий мир.

Наиболее частотными в количественном отношении являются лексемы со значением зрительного восприятия. Это прежде всего единицы цветообозначения (41) – *лочвард (лазурный)*, *заъфаронӣ (цвета шафрана)*, *рангин (цветной)*, *рангоранг (разноцветный)*, *шабранг (темный)*, *дудранг (дымчатый)*, *серранг (насыщенный цвет)*, *тиллоӣ (золотистый)*, *нилгун (небесно-голубой)*, *ранги пахоли кӯҳна (цвета старой соломы)*, *тобон (свтящийся)*, *хуиҷилло (блестящий)*.

Вторыми по продуктивности являются слова со значением осязательного восприятия (21) – *сард (холодный)*, *гарм (теплый)*, *доғу сӯзон (горячий)*, *пуртабу тоб (с высокой температурой)*, *намнок (влажный)*, *хушк (сухой)*.

Далее в порядке убывания расположены следующие семантические подгруппы эпитетов:

- единицы со значением слухового восприятия (18) – (оҳанги) *пурсӯз, дилхарош, ҷонхарош (мучительная, душераздирающая, берущая за душу мелодия)*, *наҳиф, хаста (слабый, уставший о голосе)*, *пурсукут (безмолвный)*, *хомӯш (тихий)*;

- единицы со значением величины и формы, воспринимаемые разными рецепторами (13) - *бузург (большой)*, *хурд (маленький)*, *азим (великий)*, *качукилеб (кривой)*, *пахновар (обширный)*, *нимдоира (полукруглый)*;

- единицы со значением вкусового восприятия (9) – *талх (горький)*, *ширин (сладкий)*, *шӯр (солёный)*, *болаззат (внусный)*.

3. Группа лексем, служащих для оценки предмета или явления. В третью, самую малочисленную, группу вошли слова-эпитеты, дающие общую характеристику объекта (22) - *боҳашамат* (величественный), *пуришукӯҳ* (торжественный), *олиҷаноб* (превосходный), *хушсурат* (привлекательный), *гуворо* (приятный), *зебо* (красивый), *галатӣ* (удивительный), *фалакӣ* (небесный), и адъективы с семантикой сравнения (12) – *беҳамто* (несравненный), *рӯбоҳмонанд* (лисьеподобный), *бодвор* (подобный ветру), *бирешимвор* (подобный шелку), *ба рӯе моно* (похожий на сон).

Проведенная с точки зрения семантики классификация эпитетов по тематическим группам является констатацией факта использования тех или иных единиц в функции художественного определения, в связи с чем, в целях аргументации их эпитетного статуса, целесообразно рассмотрение вопроса сочетаемости данных лексем с определяемыми словами.

Состав субстантивов анализируемых эпитетов таджикского языка весьма разнообразен, что предполагает их распределение по 4 денотативным сферам: 1) антропологическая сфера; 2) сфера артефактов; 3) сфера натурфактов; 4) абстрактная сфера.

Примечательны результаты количественного анализа, согласно которым три из рассматриваемых сфер представлены почти в равном количестве, с небольшой разницей, что говорит о многосторонних творческих интересах авторов исследуемых текстов.

Наиболее обширной группой субстантивов, представленной 88 словоупотреблениями, оказалась **сфера натурфактов**. Природные объекты в своем большинстве репрезентированы в номинациях животных (22) и частей их тела (19).

Большой популярностью в художественных текстах пользуются такие представители фауны, как *асп* - конь (7) и *хурӯс* - петух (3), единичные случаи употребления зафиксированы за следующими

названиями животных: *саг* (собака), *гурба* (кошка), *рубоҳ* (лиса), *гург* (волк), *оҳӯ* (газель), *зог* (ворон), *булбул* (соловей). Широко употребительны общие названия данного класса природных объектов: *хайвон* – зверь (3), *ҷонвар* – животное (2).

Среди номинаций частей тела животных в текстах наиболее частотны *чаши* – глаз (4), *дум* – хвост (3), *гардан* – шея (3). Выявлены единичные употребления других соматизмов, таких как *сар* (голова), *минқор* (клюв), *нӯл* (клюв), *ел* (грива), *чангол* (когти), *шикамча* (брюшко), *бол* (крыло).

Сфера природных объектов представлена также и другими номинациями, приведенными далее в порядке убывания количественных показателей:

- элементы естественного ландшафта (9) – *дашт* (степь) (3), *ена* (склон), *адиру тал* (холм и возвышение), *водӣ* (равнина), *манзара* (пейзаж);

- растительный мир (9) – *гул* (цветок) (3), *чанор* (чинара) (3), *барг* (лист), *сабза* (зелень);

- водная стихия (6) – *мавҷ* (волна) (3), *чаши* (родник), *об* (вода), *даре* (река);

- почва (6) – *хок* (песок) (3), *чанг* (пыль), *замин* (земля), *губор* (мгла);

- промежутки времени (5) – *айём* (пора), *рӯз* (день), *шаб* (ночь);

- космические объекты (5) – *офтоб* (солнце), *осмон* (небо), *ситора* (звезда);

- атмосферная влажность (3) – *абр* (туча), *барф* (снег), *шабнам* (роса);

- воздух и его движение (3) – *фазо* (атмосфера), *бод* (ветер), *гардбод* (ветер с пылью).

Второй по количественным показателям денотативной сферой субстантивов представлена **сфера абстрактных понятий**, которая

охватывает 82 словоупотребления. Систематизация объединенных в данную сферу лексем позволила выделить среди них несколько тематических групп абстрактных понятий, относящихся к следующим блокам:

- физический (28) – *дард* (боль) (2), *қувва* (сила) (2), *ҳол* (состояние), *ҷило* (блеск), *нур* (луч), *ранг* (цвет), *воқеот* (событие), *тапиш* (трепет); в том числе обозначение звука или его отсутствия – *оҳанг* (2) (мелодия), *овоз* (звук) (2), *садо* (звук) (2), *уллос* (вой), *шиҳа* (ржание), *нула* (завывание), *наъра* (рев), *оҳ* (ах), *сукунат* (молчание);

- интеллектуальный (24) – *нигоҳ* (взгляд) (8), *ақл* (разум), *сухан* (речь), *гап* (слово), *хоҳиш* (желание), *муомила* (общение), *дидор* (встреча), *имову ишора* (жестикуляция), *ситоиш* (восхваление);

- социальный (15) – *зиндагӣ* (жизнь) (3), *умр* (жизнь), *рӯзгор* (быт), *талотум* (суматоха), *бозӣ* (игра), *мӯҳит* (среда), *хурӯсчанг* (петушиный бой), *ҷаноза* (отпевание), *ид* (праздник);

- эмоциональный (15) – *орзу* (мечта) (3), *хушбахтӣ* (счастье), *анбӯҳ* (печаль), *шодиву сурур* (радость и веселье), *ниҳеб* (боязнь), *даҳшат* (ужас), *умед* (надежда).

Следующей по продуктивности денотативной сферой определяемых слов является **антропологическая сфера**, содержащая в себе 79 словоупотреблений. В рамках данной сферы наиболее представительна в количественном плане группа соматизмов, состоящая из 46 словоупотреблений, среди которых следующие номинации: *чаши* (глаз) (7), *тан* (туловище) (3), *ҷисм* (тело) (2), *пайкар* (стан) (2), *қалб* (сердце) (2), *китф* (плечо) (2), *даст* (рука) (2), *ангушт* (палец) (2), *панҷа* (пятерня) (2), *лаб* (губа) (2), *андом* (телосложение), *сар* (голова), *кала* (голова), *рӯй* (лицо), *чеҳра* (лик), *ком* (небо), *риш* (борода), *абрӯ* (бровь), *оринҷ* (локоть), *дил* (сердце), *каф* (ладонь).

Данная тематическая сфера представлена и другими группами лексем, выступающих в роли субстантива эпитета, а именно:

- межличностные отношения людей (10) – *ошиқ* (влюбленный) (2), *ҳамроҳ* (спутник), *дӯст* (друг), *шаҳриен* (горожанин), *соҳиб* (хозяин), *гофил* (беспечный);

- род занятий человека (7) – *сармоядор* (капиталист), *роҳбалад* (проводник), *гӯянда* (сказитель), *тамағҷӯ* (вымогатель), *сардор* (начальник);

- общее название человека (5) – *мард* (человек, мужчина) (4), *шаҳс* (персона);

- пол и возраст человека (4) – *пирамард* (старик), *ҷавон* (юноша), *зан* (женщина), *ҷинс* (пол);

- социальное происхождение (2) – *малика* (королева), *амир* (эмир).

Меньшее число лексем 47 словоупотреблений было отнесено к **сфере искусственных объектов**. Определяемые слова данной сферы соотносимы преимущественно с понятиями, имеющими общее значение «строения и их части» (17) - *иморат* (строение) (3), *бино* (здание) (3), *шаҳр* (город) (2), *хиебон* (проспект), *хона* (дом), *манора* (минарет), *гунбад* (купол); а также с денотативами с общим значением «приборы и предметы» (14) – *оина* (зеркало), *чарог* (лампа), *панҷара* (решетка), *тахт* (трон), *устуруллоб* (телескоп), *мавод* (материал), *тозиёна* (плеть), *ҳалқача* (кольцо). Менее частотны случаи употребления единиц с общим значением «драгоценности» (6) – *ганҷ* (сокровище), *сарват* (богатство), *танга* (монета), *ангуштарин* (кольцо), *бозубанд* (браслет); «одежда и белье» (6) – *ҷома* (чапан), *кабо* (кабо - вид ткани), *пироҳан* (платье, рубашка), *бистар* (постель) (2), *кафи* (обувь); «продукты питания» (3) – *нон* (хлеб) (2), *чой* (чай).

Таким образом, можно сделать следующий вывод: вербализация эпифраз в рассказах таджикских писателей отличается разнообразием определяемых слов, которые представлены самыми различными сферами бытия, причем большое внимание уделяется природным объектам и

абстрактным понятиям. Творческий интерес писателей проявляется также по отношению к миру человека и миру вещей, в котором он живет.

Относительно типологии таджикских эпитетных конструкций с точки зрения их устойчивости в языке, следует отметить, что основную часть эпифраз составляют свободные словосочетания, такие как *иморатҳои боҳашамат* (величественные здания), *хоки одамхӯр* (досл.питающаяся людьми земля), *шаҳри хомӯшу пурсукут* (тихий безмолвный город), *кифти муқтадир* (сильное плечо), *нигоҳи ошиқона* (влюбленный взгляд), *ситоиши беинтиҳо* (бесконечное восхваление), *пирамарди магрур* (гордый старик), *сармоядори наврӯид* (навоявленный капиталист), *гурги дуно* (двуногий волк).

В меньшем составе представлены постоянные, зафиксированные в словарях и более востребованные не только в художественной литературе, но и в общеупотребительной лексике, эпитетные конструкции, например: *марди тавоно* (могучий человек), *дарди сӯзон* (жгучая боль), *чашимони шаҳло* (большие и красивые глаза), *забони нешдор* (колкий язык), *умри ширин* (сладкая жизнь), *дили гарм* (теплое сердце), *хандаи бегаш* (искренний смех), *нигоҳи гарм* (теплый взгляд), *сухани ширин* (сладкая речь), *орзӯи ширин* (сладкая мечта), *чинси латиф* (слабый пол).

Единичны случаи употребления фольклорных эпитетов, таких как *офтоби тобон* (яркое солнце), *оҳуи рамида* (вспугнутая газель), *булбули ширинзабон* (сладкоречивый соловей), *ҳайвони фалакиву, самакиву, галатӣ* (неземное, удивительное, сказочное животное), *ошиқи печон* (исстрадавшийся влюбленный), *рӯбоҳи маккор* (хитрая лиса).

Таким образом, семантический анализ эпитетов позволил выявить три семантические группы: 1) лексические единицы, характеризующие лицо; 2) лексемы-обозначения физических свойств; 3) лексемы, выражающие оценку субстантива. Входящие в перечисленные группы

лексемы приобрели статус эпитетов в силу приобретенной ими в художественном тексте особой коммуникативно-эстетической функции.

Классификация субстантивов, проводившаяся по 4 смысловым сферам, показала неоднородность состава определяемых слов по денотативному типу. В результате был обозначен широкий тематический спектр лексем, участвующих в образовании эпифраз и представляющих собой огромный потенциал образности и выразительности.

II.2.4. Способы передачи таджикских эпифраз на русский язык

Настоящий раздел работы посвящен вопросам переводимости/непереводимости эпитета как средства выразительности лексического уровня, особенностям передачи таджикских эпитетных конструкций на русский язык, выявлению способов их адекватной передачи.

Проблемы передачи художественных средств выразительности, в частности эпитета, до сих пор не были предметом исследований таджикских ученых, в то время как они постоянно находятся в поле зрения зарубежных исследователей. Так, известные российские теоретики перевода А.В.Федоров, А.Д.Швейцер, Т.А.Казакова, В.Н.Комиссаров, Я.И.Рецкер отмечают необходимость учета экспрессивно-стилистической стороны тропа при передаче с одного языка на другой. А.В.Федоров, например, считает залогом полноценного адекватного перевода сохранение стилистической функции тропа [Федоров, 2002: с.91]. Я.И.Рецкер, в свою очередь, утверждает, что адекватная передача любого образного средства невозможна без учета его экспрессивно-стилистической нагрузки: «Анализируя стилистическую и экспрессивную характеристику отдельных звеньев языковой ткани и соотнося их с общим идейно-художественным замыслом автора, переводчик устанавливает экспрессивно-стилистическую тональность подлинника» [Рецкер, 2007: с.131].

Стилистическое соответствие не является единственным требованием адекватной передачи текста оригинала. Необходимым условием является также сохранение и передача семантической информации, содержащейся в выразительном средстве. На основании данного положения Л.В.Бреева и А.А.Бутенко выделяют четыре критерия адекватной передачи образных средств:

1. «Параметр адекватности передачи семантической информации.
2. Параметр адекватности передачи эмоционально-оценочной информации.
3. Параметр адекватности передачи экспрессивной информации.
4. Параметр адекватности передачи эстетической информации» [Бреева, Бутенко, 1999: с.68].

Одна из специфических черт эпитета, как одного из наиболее распространенных в художественной литературе средств выразительности лексического уровня, заключается в том, что авторы используют не только привычные для читателя клише, но и создают новые, как с точки зрения семантики, так и структурного оформления, эмоционально-оценочные единицы. Посредством данного стилистического приема писатели наделяют различными коннотациями тексты произведения, способствуя при этом повышению их выразительности.

Однако недостаточное изучение данного языкового феномена и выполняемых им функций передача эпитета с одного языка на другой вызывает определенные сложности. Так, на сегодняшний день отсутствуют четко сформулированные требования, универсальные приемы и стратегии перевода эпитетов.

Как было отмечено ранее, основным назначением эпитета является вычленение признака описываемого объекта, но, в отличие от определения-прилагательного, эпитет наделен эмоциональной окраской. Его главной характеристикой является субъективность. Будучи

выразителем различных коннотаций, эпитет служит для создания эстетической реальности, в которую должен быть вовлечен читатель по замыслу автора.

Определение специфики передачи таджикских эпитетов на русский язык в силу нескольких объективных причин целесообразно осуществлять на основе их структурной классификации: во-первых, возникающие при переводе эпитетов сложности обусловлены различными расхождениями в грамматическом строе рассматриваемых языков; во-вторых, определение и дальнейшее применение наиболее точного способа передачи смысла зависит от структурно-семантических особенностей эпитета.

Превалирующая часть участвующих в исследовании эпитетов по своей структуре являются простыми. Сопоставительный анализ оригинальных текстов и текстов перевода свидетельствует о том, что в большинстве случаев передача простых эпитетов не вызывает трудностей. Так, словосочетания *тани фартут*, *овози наҳиф*, *хандаи бегаиш*, *нигоҳи гарм*, *олами фиребой*, *чинси латиф* переданы на русский язык как *дряхлый организм*, *слабый голос*, *искренний смех*, *теплый взгляд*, *обманчивый мир*, *нежный пол*.

Несмотря на то, что в таджикском языке эпитет находится в постпозиции к определяемому слову, отношения внутри словосочетания построены на изафетном типе подчинительной связи (а не на согласовании, как в русском языке), приведенные примеры можно расценивать как образцы перевода максимально близкого по содержанию к оригиналу. В данном случае при совпадении морфологических характеристик происходит синтаксическая перекомпоновка: $N_{+и} + Adj \rightarrow Adj + N$.

Однако, как показал анализ, передача простых эпитетов не всегда носит адекватный характер, поскольку наблюдаются случаи лексических трансформаций, в частности лексических замен.

Так, употребленный в следующем контексте эпитет, на наш взгляд, подвергся нарочитой лексической замене, так как поиск его эквивалента в русском языке не составил труда: *ҳоли гариб* (досл.несчастное положение) – *жалкий, несчастный вид* или *в жутком, беспомощном состоянии*.

Хурӯсаки нарпо Пӯнак дар ҳақиқат як ҳоли гарيبة дошт <...> (Баҳманер, 2013: с.241). - Мохноногий петушок Помпон и вправду имел неприглядный вид <...> (<http://www.proza.ru>).

При передаче эпифразы в следующем эпизоде текста переводчик использовал трансформацию лексического опущения, в данном случае – опущение эпитета, что значительно снизило экспрессивность текста – *сарватҳои сард* (досл.холодное богатство) → *богатство*:

Сад дарег, ки дигар тани пурдарди модар ба дармон ва ба ин сарватҳои сард ниезе надошт, *чуз дидори гарми фарзанд* (Одиназода, 2016: с.61). – *Но, увы, болезненное тело матери больше не нуждалось ни в богатстве, ни в исцелении, кроме горячей встречи с дочерью* (Одиназода, 2016: с.106).

Использование приема лексического опущения простых эпитетов, значительно искажающего замысел автора, можно наблюдать и в следующих контекстах:

<...> ҳиси кинаву қудурат дар қалби сиёҳи бадхоҳони аспу ҷавонмард мечӯшид (Самад, 2002: с.193). - *<...>зажигая в сердцах злопыхателей и недругов ненависть, зависть и желание выместить на скакуне и его хозяине всю свою злобу* (Самад, 2018: с.112).

Пирамард як оҳи тӯлонӣ мекашад *у сари ларзон бо ангуштони сиёҳтобу шахшӯли худ медорад ва ҳасратомез такрор мекунад* (Самад, 2002: с.112).- *Старик подпирает трясущуюся голову почерневшими шероховатыми пальцами и сокрушенно повторяет* (Самад, 2018: с.178).

Лексическая замена и опущение простых эпитетов *нигоҳи ошиқона* (досл.влюбленный взгляд) и *ситоиши беинтиҳо* (досл.бесконечное восхваление) допущены и в следующем контексте:

Асп магар нигоҳи ошиқона ва ситоиши беинтиҳои одамонро эҳсос мекард, <...> (Самад, 2002: с.194).- Словно чувствуя и лоя на себе эти восхищенные, иногда завистливые взгляды, слыша комплименты<...> (Самад, 2018: с.112).

В приведенных ниже контекстах также наблюдается неадекватная передача простых эпитетов:

Одамонаш муомилаи гарму нарм ва ҳиммати баланд доштанд (Кӯҳзод, 1987: с.125). - Подстать месту были жители кишлака, щедрые, обходительные, с душой нараспаишу (Кухзод, 1991: с.363).

<...> ки беадолатӣ рӯй додааст, зеро боақлтару ботадбиртар аз худаш касе нест (Кӯҳзод, 1987: с.126). - <...> что его недооценивают, а он-то и есть самый сообразительный, рачительный и домовитый во всем кишлаке (Кухзод, 1991: с.362).

<...>дарди сӯзон то фарқи сараи давид ва ӯ монанди он ки дар чанги уқоб афтода бошад, андому пайкараширо дарҳам кашид (Самад, 2002: с.108). - Он почувствовал боль, пронзившую всю голову, сжался, словно попал в когти орла (Самад, 2018: с.148).

Допущенные лексические трансформации эпитетных конструкций, на наш взгляд, неоправданны и в некоторой степени искажают семантическую информацию и эмоциональный фон оригинала.

Если передача простых эпитетов вызывает незначительные трудности, то перевод сложных эпитетов довольно проблематичен в силу более низкого уровня эквивалентности. Для выработки определенных закономерностей их передачи с одного языка на другой необходимо выяснить: во-первых, как функционирует конкретный сложный эпитет в языковой системе контактирующих языков; во-вторых, допускают ли языковые нормы и лексический состав языка-реципиента его передачу

аналогичной структурой; в-третьих, насколько сохранится его стилистическая функция и будет ли достигнуто желаемое восприятие адресатом.

В ходе исследования была выявлена небольшая группа сложных таджикских эпитетов, переданных на русский язык с сохранением их структуры и эмоционально-оценочной нагрузки, например: *оҳанги дилхарош* → *душераздирающая мелодия*, *чаимони худхоҳ* – *самовлюбленные глаза*, *олами пурранг* – *многоцветный мир*.

Большая часть сложных эпитетов передается на русский язык словосочетаниями, при этом сохраняя компонентный состав, т.е. в этом случае имеет место такой вид переводческой трансформации, как синтаксическая декомпрессия (знаковое расширение переводного материала), например: *бо чаимони хунгирифта* – *наполненными кровью глазами*, *ниҳоди пурсарори ӯ* – *полная тайн его природа*, *устуруллобҳои чангзеркарда* – *покрытые пылью телескопы*, *чаими пурҳасрат* – *полный печали взор*, *марқаде ҳузнангез* – *наводящая грусть ограда*.

Зачастую сложные эпитеты при передаче подвергаются грамматическим трансформациям и заменяются простыми прилагательными. Такой вид трансформации – образование экономных синтаксических конструкций - называют компрессией, сжатием (В.В.Виноградов, 2006) или стяжением (Т.А.Казакова, 2001). Например, в приведенном ниже предложении образованный способом сложения двух основ эпитет *пулмаст*, будучи узуальной единицей таджикского языка, согласно ФТР эквивалентен русской лексеме *богатый* [ФТР, 2006: с.311]. Однако замена образной лексемы *пулмаст* (досл.опьяненный деньгами) на нейтральную единицу *богатый* значительно снижает экспрессивность данного контекста:

- *Кӣ бошад соҳиби ин қаср?* - *Марди тавоно... пулмаст...* (Самад, 2002: с.139). - - *Кто же хозяин этого дворца?* - *Состоятельный человек...богатый...* (Самад, 2018: с.147).

Подобной неравнозначной замене подвергается сложный эпитет и в следующих примерах:

Ҷонвар саргарми частухези девонавор, галогулаи шабеҳи шиҳа, балки наъраи осмонкаф кашид (Самад, 2002: с.191). - Скакун в порыве неистовства захрапел, взвился на дыбы и с грозным ржанием повернул голову (Самад, 2018: с.118). - *Наъраи осмонкаф* (досл.разрывающий небо) →*грозное ржание*.

- *Маликаи дилозор* – очат, - падар зери лаб хандид (Самад, 2002: с.150). -*У жестокой принцессы* – у мамы твоей, - усмехнулся отец (Самад, 2018: с.141).–*Маликаи дилозор* (дил озор додан – причинять боль сердцу) →*жестокая принцесса*.

Мард ба асти хушсурате савор пайроҳаи кӯҳиро боло мешуд (Баҳманер, 2013: с.92). - *Верхом на прекрасной лошади человек поднимался вверх по горной тропе* (<http://www.proza.ru>). – *Асти хушсурат* (досл. приятный внешний вид) →*прекрасная лошадь*.

Он ҷо (дар қабристон) касе ба касе ҷанҷолу пархои намечӯяд, <...> - ҳамагон нафсишакста, якдилу осуда... (Самад, 2002: с.139).- *Там (на кладбище) никто не спорит между собой и не ругается <...> - все сыты, спокойны и дружелюбны...*(Самад, 2018: с.148). - *Ҳамагон нафсишакста* (нафс шикастан – досл. сломать желание) → *все сыты*; *ҳамагон якдил* (досл. с одним сердцем) → *все дружелюбны*.

Сопоставительный анализ оригинальных и переводных текстов показал, что относительно передачи составных эпитетов с одного языка на другой не выработано единой парадигмы действий, единого комплекса требований и условий. Вследствие этого рассмотренные в ходе исследования составные эпитеты показали разную степень эквивалентности. Так, были выявлены случаи максимально близкого по содержанию и образности к оригиналу перевода: *ҳайвони фалакиву самакиву галатӣ* – *небесное, да сказочное, да удивительное создание*. В данном случае адекватность перевода достигнута не только за счет

полной передачи семантической информации оригинала. Сохранение экспрессивности данного эпизода стало возможным за счет замены звуковой эпифоры (повторение конечных сочетаний) оригинала на полисиндетон (многосоюзию, или повторение союзов) в переводном тексте.

В приведенных ниже эпитетных комплексах наблюдается максимально адекватная их передача: **ба хурӯсчанги дар умри сараш надидаву нашунда** менигарист, - наблюдавший за столь **невиданным доселе и неслыханным** петушиным боем.

Зиндагӣ ба назараи аҷаб галативу осон метофт (Баҳманер, 2013: с.230). - *Жизнь казалась удивительно прекрасной и легкой* (<http://www.proza.ru>).

<...> саги зарди барзангии гӯшу думаи бурида чорхезкунон ба мадад омад (Кӯҳзод, 1987: с.228). - *<...> громадная желтая собака с обрубленными ушами и хвостом бросилась на выручку ягненку* (Кухзод, 1991: с.375).

- *Кӣ гул асту кӣ булбул? – аз бибияи мепурсад писарак ва ангуштони сард, пушту устухони ӯро байни кафҳои хурдакак, нармакаку гармакакаи медорад.* - - *Кто цветок и кто соловей? – спрашивал он у бабушки, держа ее холодные пальцы - кожу да кости, в своих маленьких, тепленьких и мягоньких ладонях .*

Мисли паррандаи болу паршикастае рӯи хоки сард нишафт ва аз шарм ба пеши пояи нигарист.- *Словно птица, у которой подрезали крылья, он сел на холодную землю, опустив бессильно и виновато голову.*

Однако во многих примерах об адекватности перевода эпитетов не может быть и речи. В распространенной эпитетной конструкции оригинала **ангуштарини пурнақшу нигори тилогин** приводится информация о расписном золотом кольце. Переводчик в качестве коррелята предлагает эпифразу с иной семантической информацией, с

иными образами и, как следствие, абсолютно иной эмоциональной нагрузкой – *усыпанное драгоценными камнями золотое кольцо*.

Неадекватная передача составного эпитета представлена и в следующем примере: *Ҳоло ба назараи воқеоти ким-кайҳо ба вуқӯънайваста, бисьер дур ва орзӯи ширин менамуд* (Кӯҳзод, 1987: с.125). (досл.Теперь казалось ему давным-давно произошедшим событием, очень далеким и сладкой мечтой) - то время казалось ему сейчас **далеким, давним-давним, почти нереальным**, как будто он вычитал это в какой-то книге или увидел во сне (Кухзод, 1991: с.361).

При передаче эпитетов на русский язык возможен нулевой перевод или известный в теории переводоведения трансформационный прием лексического опущения, когда эпитет по какой-либо причине игнорируется переводчиком.

Например, использованные в следующем контексте оригинала эпифразы *маводи марговару фалокатбор* и *сармоядори наврӯид* отсутствуют в конечном тексте:

Бале, ҳама медонанд, аммо чӣ илоҷ, имрӯз савдои ин маводи марговару фалокатбор дар доираи чаҳон мояи «ифтихор»-и як зумра сармоядори навруид ба ҳисоб меравад (Бахтӣ, 2011: с.102). - Да, догадываются. А что делать? Те, кто разжился на этом товаре, нынче ощущают себя сильными мира (Бахти, 2008: с.285). – *Маводи марговару фалокатбор* (досл.смертоносный губительный материал) → товар; *сармоядори наврӯид* (досл. новоявленный капиталист) → сильные мира.

Кошкӣ бом равзан меошт ва шаб аз он осмони софу лочувардӣ, моху ситораҳо, рӯз офтоби тобонро медид (Самад, 2002: с.105). - Была бы форточка на крышу, можно было бы ночью смотреть на **ясное небо**, луну, звезды, а днем - на **яркое солнце** (Самад, 2018: с.160).– *Осмони софу лочувардӣ* (досл.ясное лазурное небо) →ясное небо.

Сопоставительный анализ оригинальных и переводных текстов позволил выявить, что передача эпифраз происходит преимущественно

сохранением семантических отношений ее компонентов и использованием аналогичных структур. В случаях, когда воспроизведение той или иной структуры не представляется возможным в силу несоответствий норм лексической сочетаемости языка-реципиента, переводчики прибегают к преобразованиям, так называемым лексико-синтаксическим трансформациям, которых в ходе исследования было выявлено несколько типов.

В первую очередь, в силу различий в грамматическом строе рассматриваемых языков при передаче таджикских эпитаз на русский язык отмечается трансформация, основанная на совпадении морфологических характеристик при синтаксической перекомпоновке: $N_{+и} + Adj \rightarrow Adj + N$. Более всего при передаче эпитетов были востребованы такие трансформации, как лексическая замена или опущение (нулевой перевод). Передача сложных эпитетов сопровождалась, как правило, компрессией и синтаксической декомпрессией.

Выводы по второй главе

Анализ точек зрения русских и таджикских литературоведов и лингвистов относительно природы таких средств выразительности лексического уровня, как сравнение и эпитет, позволил выявить многочисленные и многообразные определения, рассматривающие эти языковые явления с различных позиций.

Как показал теоретический анализ литературы, изучение лексических средств выразительности, в частности сравнения и эпитета, в русской лингвистике вызывает большой интерес исследователей. В русском языке исследование данных стилистических средств как амбивалентных и многоаспектных явлений и древнейших форм вербальной наглядности затрагивало три аспекта: риторико-поэтологический, литературоведческий и лингвостилистический.

Однако в отечественном языкознании сравнение и эпитет до настоящего времени не стали объектом серьезных исследований, лишь в нескольких научных работах данные средства выразительности рассмотрены в качестве литературоведческих понятий.

Отталкиваясь от исходных положений российских лингвистов, опираясь на мнение и доводы таджикских филологов и систематизируя данные таджикских лексикографических источников, было проведено теоретическое и практическое описание сравнения и эпитета, их структурно-семантического своеобразия, позволяющее установить их различие от других лексических средств выразительности.

В ходе исследования были проанализированы наиболее значимые терминологические определения сравнения и эпитета, на основе которых предложены варианты дефиниции этих терминов. Так, сравнение – это лингвистическая единица, представляющая собой сопоставление двух предметов, предполагающих наличие общего признака, с целью выяснения их сходства или различия. Эпитет – это экспрессивно-образное, оценочное определение объекта действительности, функционирующее в рамках художественного дискурса.

Сопоставительный анализ теоретического материала, по изучению сравнения, позволил выявить, что в русском языкознании уделяется большое внимание выполняемым сравнением функциям, тогда как таджикские исследователи при изучении данного средства проявляют интерес лишь к его типологии, в частности семантической классификации, выделяя такие его виды, как абсолютное, условное, иносказательное, равное, отраженное, скрытое, возвращенное сравнения.

Относительно вопроса структурной оформленности сравнения, несмотря на тождественный в обоих языках состав компаративных конструкций, также существуют различные точки зрения. Различие мнений заключается в том, что российские ученые выделяют в структуре сравнений три компонента – предмет, образ, основание, а таджикские –

четыре, номинируя предложенные выше элементы как уподобляемое, уподобляющее, основание сравнения и добавляя при этом четвертый элемент - средство сравнения.

Характерной чертой сравнительных конструкций, почерпнутых из таджикских художественных произведений, является лексическая репрезентация предмета и образа сравнения. В качестве предмета сравнения современные таджикские писатели выбирают одушевленные существительные-антропонимы, в то время как в позиции образа сравнения предпочтение отдают неодушевленным существительным, номинирующим природные объекты.

Всесторонний анализ различных аспектов теоретического описания эпитета в сопоставляемых языках дал возможность сделать вывод, что особый интерес российских ученых привлекают вопросы функционального назначения эпитета и его семантической таксономии. Относительно частеречной принадлежности существуют гипотезы о том, что выразителями эпитета могут быть как прилагательные и наречия, составляющие «ближнюю периферийную» группу, так и существительные, причастия, местоимения, деепричастия и инфинитив. Следует отметить, что мнения таджикских ученых относительно этого вопроса довольно малочислены и ограничиваются лишь указанием на синтаксическую роль эпитета, на его адъективное выражение.

Высказываются мнения относительно количественных показателей эпифраз, среди которых выделяются одиночные, двойные и тройные эпитеты. Это деление эпитетов является одним из основных вопросов обсуждения таджикских ученых, которые характеризуют одиночные эпитеты как «неполные» и не представляющие художественную ценность. В классической и современной таджикской литературе большой популярностью пользуются именно распространенные, цепочечные эпитеты, так называемое «нанизывание» эпитетов, именуемое термином «сифатчинӣ».

Проведенное исследование показало, что вполне допустимой для рассматриваемых языков является дифференциация эпитетов по степени их устойчивости в языке: выделяются свободные и постоянные эпитеты; с точки зрения их структуры различаются простые, сложные и составные эпитеты.

Анализ почерпнутого из художественных текстов материала позволил заключить, что преобладающая часть эпитетов имеет адъективное выражение и представлена в одиночном варианте, по структуре две трети из них являются простыми. Кроме того, было доказано, что адъективы, определяющие субъект, более всего репрезентированы группой лексем, характеризующих лицо и указывающих на физические свойства лица или предмета. В свою очередь, субстантивы в основной части представлены лексемами, номинирующими природные объекты и абстрактные понятия.

Передача рассматриваемых средств выразительности с таджикского языка на русский в большинстве случаев достаточно адекватна, то есть сохраняется образность и семантическая наполняемость конструкций. Сравнения чаще всего передаются калькированием, реже - синтаксической декомпрессией или экспликацией. Эпитеты преимущественно передаются с сохранением семантических отношений ее компонентов и использованием аналогичных структур.

В силу различий в грамматическом строе контактирующих языков, при передаче эпитетов с одного языка на другой отмечаются трансформации, основанные на совпадении морфологических характеристик при синтаксической перекомпоновке. Довольно востребованы такие лексико-синтаксические трансформации, как лексическая замена и опущение.

ГЛАВА III

ЯЗЫКОВАЯ ПРИРОДА СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ АНТИТЕЗЫ, ГИПЕРБОЛЫ И ИРОНИИ

III.1. Антитеза

III.1.1. Антитеза: аспекты исследования

Антитеза как демонстративно выраженный контраст была объектом многочисленных исследований в области философии, психологии, логики, риторики, стилистики и литературоведения еще с античных времен. Такой многогранный, охватывающий разные стороны интерес к этому феномену является свидетельством его сложной природы и, как результат, влечет за собой появление большого числа его разноречивых интерпретаций.

Будучи средством выразительности, антитеза возникла еще в глубокой древности и пользовалась большой популярностью среди древних риторов, поскольку рассматривалась как важный и продуктивный прием воздействия на слушателя.

Если в древности антитеза помогала ораторам выражать как доказательность, так и опровержение аргумента, убеждать аудиторию в реалистичности приводимых доводов путем использования внутренних противоречий рассматриваемого явления, то на современном этапе к данному средству выразительности обращаются в иных целях – при подборе заголовка рассказа, создании портретных характеристик героев, пейзажных зарисовок, при передаче авторского отношения к персонажам произведения, изображении их внутреннего состояния, при описании характеров и взаимоотношений.

В «Словаре лингвистических терминов» антитеза интерпретируется как «стилистическая фигура, служащая для усиления выразительности речи путем резкого противопоставления понятий, мыслей, образов. Антитеза часто строится на антонимах» [Розенталь, Теленкова, 2005: с.36].

Д.Н.Ушаков характеризует данное средство выразительности как литературоведческий термин и дает ему следующее определение: «1. Противоположение, противоположность // Сопоставление двух противоположных мыслей или образов для большей силы и яркости выражения» [Ушаков, 2005: с.37].

В современных лексикографических источниках зафиксированы и другие толкования данного языкового явления. Антитеза интерпретируется как «стилистическая фигура контраста, заключающаяся в резком противопоставлении понятий, положений, образов, мыслей или понятий для усиления выразительности в художественной речи» [Квятковский, 1966: 40]; «фигура речи, состоящая в антонимировании сочетаемых слов» [Ахманова, 2004: 49]; «одна из фигур речи, а именно стилистический прием усиления выразительности за счет резкого противопоставления, контраста понятий или образов» [Матвеева, 2003: 18].

Основным, в чем проявляется общность этих определений, является противопоставленность обозначений одного и того же явления, свойства, состояния, процесса и конкретизация их различия, которая выступает семантическим центром антитезной конструкции.

Большинство современных исследователей основываются на дефиниции термина, предложенной И.Р.Гальпериным, который рассматривал антитезу как «стилистический прием противопоставления контрастных по своему характеру словесных образов, раскрывающих противоречивую сущность обозначаемого или несовместимость различных предметов, явлений» [Гальперин, 1981].

Прием антитезы традиционно трактуется как стилистический прием синтаксического уровня. Между тем еще античными риториками (Теофраст, Аристотель, Анаксимен, Цицерон) и в русской традиции огромное внимание уделялось семантическим особенностям и структурному оформлению антитезы. В современном языкознании

типология антитезы также основывается на ее содержании и структурном построении, а стилистическая значимость антитезных высказываний достигается лексическими или синтаксическими способами. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что антитеза является лексико-синтаксическим средством выразительности, поскольку совмещает в себе свойства стилистических приемов как лексического, так и синтаксического уровня.

Бесспорно, что функциональные особенности антитезы в художественном тексте значительны и разнообразны, однако современная лингвистика располагает неоднородными, порой разноречивыми, суждениями относительно функционального потенциала данного стилистического приема.

Исследователи высказывают единую точку зрения относительно основных функций, выполняемых антитезой, среди которых особо выделяют эмоциональную и оценочную.

Специфические стилистические функции антитезы рассматривает Т.И.Филиппова, утверждающая, что определенным моделям антитез соответствуют соответствующие функции парадокса, обобщения, контраста, сниженности оценки. Парадоксальная функция антитезы реализуется при неожиданном, непривычном сочетании противоположностей, одновременном существовании взаимоисключающих понятий. Осуществление функции обобщения происходит при соединении в одно целое противоположностей, подчеркивающих степень признака. Функция контраста придает убедительность и точность описанию и рассуждению. Функция сниженности оценки выполняется при отрицании противоположных сторон и утверждением нейтрального промежуточного звена [Филиппова, 1986: с.11-12].

Более подробную типологию функционального потенциала предлагает Р.Ш.Агамурдова, по мнению которой основными

функциями антитезы являются: 1) функция «психологического осмысления объективной и субъективной действительности», которая включает в себя функцию философского осмысления, эмоционально-оценочную функцию, психологическую функцию, функцию ироничного сравнения, и 2) характерологическая функция, подразумевающая характеристику предмета, ситуации, речевую характеристику.

Учение об антитезе как о средстве выразительности, построенное на исследовании ее лексических компонентов и грамматической структуры, обусловило создание ряда классификаций и разработку моделей антитез, построенных на семантике их компонентов и структуры.

Одним из лингвистических факторов антитезы является специфика ее функционирования в качестве самостоятельного средства выразительности или в совокупности с другими стилистическими явлениями. На основе данного критерия выделяется два вида антитезы – простой и осложненный. Простая антитеза репрезентируется конструкцией, созданной языковыми или речевыми антонимами, представленными в своем большинстве одной и той же частью речи и однородными членами предложения. Осложненный вид представляет собой сочетание антитезы с другими стилистическими приемами, например метафорой, метонимией, сравнением. Подобная комбинация образует антитезное высказывание, в рамках которого происходит семантическая реализация его составляющих.

Наряду с дифференциацией антитезы на простую и осложненную, в лингвистике известны и другие классификации данного стилистического приема, среди которых можно перечислить следующие:

1. По количеству сопоставляемых объектов различают простую, двойную, сложную и многочленную антитезу. Простая антитеза предполагает участие двух объектов сопоставления (схема: п - п). В двойной антитезе, помимо двух сопоставляемых объектов, содержится дополнительное сравнение по какому-либо признаку (схема: п п – п п).

Сложная антитеза подразумевает сопоставление одного объекта одновременно с двумя или тремя по схеме: п – п, п. Многочленной антитезе свойственно сопоставление нескольких объектов параллельно, что в структурном плане выглядит как п – п, п – п, п – п.

2. По узуальности/окказиональности объектов сопоставления выделяют узуальную и контекстуальную антитезу. При узуальной антитезе противопоставление происходит за счет контрарных и контрадикторных антонимов, при участии существующих в системе языка узуальных антонимических пар. В противовес узуальной антитезе в контекстуальной (речевой, окказиональной) сопоставление строится на единицах, противопоставляемых лишь в определенном авторском контексте. В данном случае нередки случаи использования в качестве объектов сопоставления синонимичных единиц (например не ценные, а дорогие воспоминания) и, более того, противопоставление строится при помощи слов-компонентов разных частей речи.

3. По лексическому / синтаксическому критерию в качестве компонентов антитезной конструкции могут противопоставляться слова и словосочетания, простые предложения в составе сложного, компоненты сложного синтаксического целого.

4. На основании грамматического / неграмматического противопоставления компонентов. В этом случае выделяют грамматическую антитезу, в которой компонентами выступают словоформы одной лексемы, противопоставленные по своим грамматическим значениям (например лицо, время, падеж – *Бывало так меня чужие жены ждали, теперь я жду жены своей* – бывало – теперь, ждали – жду, меня – я) [Гаврилова, 2013: с.142].

5. По степени семантической противоположности составных компонентов различают явный, размытый и потенциальный виды антитезы. В построении явной антитезы используются антонимы, имеющие интегрирующие семы и противопоставленные

дифференциальными семами значения слов. Размытая антитеза устанавливается на основе контраста лексем, «для которых характерно противопоставление дифференциальных сем одного компонента потенциальным семам другого компонента» [Лиао Лее-Йуех, 1999: с.9]. В свою очередь, потенциальная антитеза построена на противопоставлении потенциальных, «ассоциативных сем» двух компонентов.

6. На основе соотнесенности компонентов антитезы с понятиями «сила» и «сложность». Такую дифференциацию предлагает Н.В.Павлович при характеристике фигур контраста: «Сила» противопоставления обозначает вероятность, с которой составные противоположные компоненты вне контекста будут восприниматься носителем языка, как противопоставление. «Сложность» ближе всего к понятиям «неопределенность» и «нестандартность» [Павлович, 1981: с.233-235]. Согласно данной гипотезе, антитеза будет считаться сильной при выполнении следующих требований: а) сопоставляемые объекты представлены языковыми антонимами; б) антитеза построена на параллельной синтаксической конструкции; в) противопоставляемые слова-компоненты принадлежат одной части речи.

7. По степени устойчивости компонентов антитезы выделяются устойчивые (фразеологические) и свободные. Под устойчивой (фразеологической) антитезой подразумевается «противопоставление слов, словосочетаний, предложений противоположного смысла, неразложимое по лексическому составу и синтаксическому оформлению, закрепленное узусом и употребляющееся в речи в готовом виде» [Филиппова, 1986: с.7]. Свободная антитеза построена на противопоставлении антонимичных единиц, функционирующих в речи в различных лексических сочетаниях и синтаксических конструкциях.

8. На основании семантического деления. Следует отметить, что данная классификация вызывает споры в научной среде. На сегодняшний

день не сложилось единого мнения относительно правомерности семантической дифференциации фигур контраста. Ряд научных исследований (Е.С.Гаврилова, 2013; О.С.Кожевникова, 2016) и терминологических источников (Б.П.Иванюк, 2007; М.И.Фомина, 1978; Т.Г.Хазагеров, 2009) в качестве видов антитезы рассматривают такие фигуры, сформированные словами-антонимами, как диатеза, акротеза, амфитеза, альтернеза. Примеры перечисленных лингвистических явлений приводятся как образцы антитезы в многочисленных научных работах (Е.Б.Плаксина, 2007; Т.И.Филиппова, 1986)

Так, например, в статье Е.С.Гавриловой, со ссылкой на Т.Г.Хазагерова, Л.С.Ширину и А.В.Щербакова, приводится: «Классификация [антитез] на основании семантического деления:

- 1) акротеза - сопоставление путем выделения с целью нагляднее представить один из признаков;
- 2) амфитеза - сопоставление с целью характеристики каждого компонента как крайнего проявления целого множества явлений для более ясного представления всего множества;
- 3) диатеза - сопоставление с целью более четкого изображения промежуточных звеньев множества;
- 4) парадиастола - сопоставление компонентов, связанных синонимическими отношениями;
- 5) аллойоза - сопоставление несхожих компонентов, определенных предварительно, как схожие;
- 6) антитеза - сопоставление компонентов с переносным значением» [Гаврилова, 2013: с.142].

Таким образом, проведенный обзор научной и лексикографической литературы позволяет сделать следующие выводы:

Будучи фигурой контраста, антитеза рассматривается как средство выразительности лексико-синтаксического уровня. В узком понимании данный термин используется для обозначения риторического приема,

основанного на противопоставлении компонентов, выраженных антонимами. Более широкая его интерпретация сводится к тому, что участвующие в формировании антитезного выражения антонимы могут содержать в себе семантику не только противопоставления, но и отождествления, целостности, различия, чередования, сравнения и альтернативы. Основными функциями антитезы являются экспрессивная и оценочная. Рассмотренная таксономия антитез базируется на их структурно-семантических особенностях и может быть использована при лингвостилистическом анализе данного стилистического приема.

III.1.2. Теоретические основы описания антитезы

в таджикском языке

Будучи объектом многочисленных зарубежных исследований в области философии, психологии, логики, риторики, стилистики и литературоведения, антитеза, как и другие фигуры контраста, не вызывает большого интереса таджикских ученых. На современном этапе отечественная наука не располагает исследованиями, так или иначе имеющими отношение к данному феномену. Отдельные упоминания об антитезе есть в лексикографических источниках и учебных пособиях по литературоведению, а также в немногочисленных исследованиях таджикских филологов, имеющих литературоведческую направленность.

В настоящем разделе предпринята попытка провести обзор теоретической литературы на таджикском языке и обобщить существующий в таджикской филологии объем информации по вопросам понятия и сущности антитезы, особенностям ее функционирования в таджикском языке и художественной литературе и множеству других проблем, связанных с типологией, структурой и семантикой данного языкового явления.

Прежде всего представляет интерес дефиниция термина «антитеза». В поисках определения данного понятия необходимо обратиться к

лексикографическим источникам таджикского языка. Таджикским эквивалентом термина «антитеза» выступает термин «санъати тазодд» [РТС, 1985: с.35] (досл.культура противопоставления), который, в свою очередь, передается на русский как «Лит. антитеза, противопоставление» [ФТР, 2006: с.543]. В ФТЗТ2 приводится следующее толкование рассматриваемого термина: «2. Лит. противопоставление двух явлений в художественном произведении, например *прибыль и убыток, добро и зло, близкий и далекий, день и ночь*» [ФТЗТ2, 2010: с.294].

В словарях литературоведческих терминов таджикского языка относительно данного термина приводится разноречивая информация. Так, автор «Русско-таджикского словаря литературоведческих терминов» не приводит таджикский эквивалент термина «антитеза», а заимствует его, снабжая разъяснениями: «антитеза, использование семантически противоположных слов для красочности и выразительности мысли и образов» [Табаров, 1988: с.7].

Согласно Х.Мирзозода, «*тазод* – одна из фигур речи, в которой для более яркого обозначения предмета противопоставляются его признаки и свойства. Например, *белый – черный, мягкий – твердый, теплый – холодный, насилие – справедливость, угнетение – милосердие, смех – плач* и др.» [Мирзозода, 1992: с.135]. В качестве иллюстрации к данному определению ученый цитирует Низами Гянджеви:

Чун шамъ ба ханда дар ҷамезист,

Ширин хандиду талх бигирист.

Чунон зӣ, к-аз он зистан солиен

Туро суду касро набошад зиен. – Когда свеча горела с улыбкой, / сладко смеялась и горько плакала. / Живи так, чтоб от твоего существования годами / тебе была прибыль, а другим не было убытка.

В данном контексте антитезный план строится одновременно на основе трех языковых и одной пары контекстуальных антонимов: *ширин – талх, хандидан – гиристан, суд – зиен, ту – кас.*

В продолжении словарной статьи упоминается еще об одной разновидности контраста: «*Тазод* отличается от *муқобалы*, которая преимущественно показывает состояние предмета» [Мирзозода, 1992: с.135].

Понятие «муқобала» в ФТР интерпретируется как «1. Противостояние; 2. Сравнение, противопоставление; 3. Противоречие» [ФТР, 2006: с.363]. ФТЗТ не рассматривает данную лексему в качестве литературоведческого термина и трактует ее как общеупотребительную единицу: «1. Становиться друг против друга, встреча; 2. Сопоставление» [ФТЗТ1, 2010: с.831].

Однако Х.Мирзозода, автор «Краткого словаря литературоведческих терминов», посвящает данному понятию целую словарную статью, где, в частности, отмечается следующее: «*Муқобала* – одно из средств выразительности, при котором писатель, сопоставляя события и образы, демонстрирует положительные и отрицательные их качества. Этот прием можно называть *тазодом*» [Мирзозода, 1992: с.82].

В высказываниях ученого наблюдаются некоторые противоречия; несмотря на то, что *тазод* и *муқобала* основываются на противопоставлении, в словарной статье о *тазоде* он указывает на то, что «*тазод* отличается от *муқобалы*», а при толковании «муқобалы» отмечает - «*муқобалу* иначе можно называть *тазодом*». Более того, по мнению Х.Мирзозода, *тазод* является фигурой речи, а *муқобала* – средством выразительности.

На тождественность терминов «тазод» и «муқобала» указывают и другие исследователи. Так, например, в «Словаре литературоведческих терминов» зафиксировано: «*Муқобила* – один из художественных приемов, в котором поэт, сочетая противоположные образы и события, изображает их положительные или негативные качества более отчетливо и выразительно. Этот прием называют также *тазодом*» [Ходизода, 1966: с.64].

Т.Атаханов, автор более позднего издания «Словаря литературоведческих терминов» в качестве обозначения рассматриваемого художественного приема также использует термины «тазод» и «муқобила»: «*Тазод* – одно из средств выразительности, употребляется в литературе и разговорной речи для сопоставления качеств двух объектов или двух явлений; будучи одним из самых эффективных средств художественного изображения играет огромную роль в более яркой и выразительной демонстрации положительных или негативных сторон образа. Его иногда называют *муқобилой*» [Атаханов, 2002: с.344].

Аналогичной точки зрения на природу антитезы и тождественность понятий «тазод» и «муқобала» придерживается Т.Зехни: «Одним из самых выразительных средств художественного изображения является противопоставление друг другу двух понятий, или, другими словами, сравнение противоположных качеств двух людей или предметов, которое называется «санъати тазод» или «муқобила (мутобика)» [Зехни, 1992: с.70]. В качестве иллюстрации автор приводит строки из Низами Гянджеви и Фирдоуси и снабжает их подробными комментариями:

Аз качӣ афтӣ ба каму костӣ,

Аз ҳама гам растӣ, агар ростӣ. – От криводушия упадешь при малейшем изъяне, / Освободишься от всех бед, если будешь правдив.

«В этом бейте противопоставляются *качӣ* и *ростӣ*, *афтодан* и *растан*. Поэт противопоставляет два противоположных качества и их результаты, которые также создают контраст. Подобное упоминание событий, которые противоположны друг другу, называют антитезой» [Зехни, 1992: с.71].

Чунин аст расми сарои дурушт:

Гаҳе пушти зину гаҳе зин ба пушт. – Таковы принципы жестокого мира: / порой ты в седле, а порой - под седлом.

Чунин аст расми сарои фиреб,

Гахе бар фарозу гахе бар нишеб. – Таковы обычаи обманчивого мира, / порой на подъеме, а порой на склоне.

Чунин аст кирдори гардонсипеҳр:

Гахе чангу захр асту гахе нӯшу меҳр. – Таковы деяния вращающегося небосвода: / Иногда война и яд, иногда наслаждения и любовь.

«Во вторых строках этих бейтов Фирдоуси противопоставляются два события. В первом бейте: мир устроен таким образом, что порой человек находится в седле, но порой приходится ему нести седло на себе; во втором бейте контраст строится на антонимах *баландӣ* и *пастӣ*, в третьем – *чангу захр* и *нӯшу меҳр*» [Зехни, 1992: с.71].

В приведенных примерах антитезный план строится при помощи антонимичных средств, но если в первых двух случаях использованы языковые антонимы, то в последнем – контекстуальные: *чанг (война)* – *нӯш (наслаждение)*, *захр (яд)* – *меҳр (любовь)*.

Дискуссионность вопроса о тождественности понятий «тазод» и «муқобила» находится в центре внимания Х.Шарифова, который использует в своем исследовании еще и третье терминологическое обозначение данного понятия – раздел, посвященный антитезе, ученым называется следующим образом: «Тазоду муқобила (мутобика)» (ср. у Т.Зехни: «Тазод ва муқобила (мутобика). Х.Шарифов утверждает, что *тазод* предполагает противопоставление слов с противоположной семантикой, в то время как *мутобика* - их соответствие: «*тазод* по семантике слова есть нечто противоположное, термином «мутобика» обозначают соотношение противоположных явлений. Поэтому, когда речь идет о тазоде, объект рассматривается с одной позиции, а в случае с мутобикой – с другой» [Шарифов, 1991: с.114-115].

Согласно Х.Шарифову, этот художественный прием раньше называли «мутобика», или «мутазад». В частности, Родуенӣ интерпретирует эти два понятия следующим образом: «Мутобикой называют слова, приводимые в начале бейта и рифмующиеся со словами

в конце бейта», тогда как «мутозодом называют действие, при котором поэты используют слово в окружении его антонимов, как, например *день и ночь, открытый и закрытый*» [Шарифов, 1991: с.114]. Подобной точки зрения придерживается Ватвот.

Иное мнение относительно этого вопроса у Шамси Кайла и Хусайна Воиза, которые определяют *мутобикуну* как «противопоставление противоположных предметов и явлений».

К такому выводу приходит и ученый Атоулло, который раскрывает смысл термина «мутобика», как «использование противоположных друг другу слов» [Шарифов, 1991: с.114] и приводит в качестве иллюстрации бейт Рудаки:

Ба навбахорон биситой абри **гиренро**,

Ки аз гиристанни *ӯст ин замин хандон* – *Восхвали ранней весной плачущую тучу, / поскольку от ее слез смеется земля.*

Относительно появившегося нового термина «мутобика», используемого Т.Зехни в качестве коррелята понятию «мукобила», а Х.Шарифовым в качестве обозначения нового понятия, основанного на соединении или соотнесенности противоположных по значению слов, в «Кратком словаре литературоведческих терминов» помещена отдельная словарная статья. «Мутобака», согласно Х.Мирзозода, «один из поэтических приемов, используемых в классической и современной литературе. Поэт для более четкого, действенного и экспрессивного изображения сочетает похожие, логически связанные и равнозначные образы и явления. Следует различать понятия «мутобака» и «мукобила», поскольку в первом случае между явлениями и образами складывается равенство, а не сопоставление» [Мирзозода, 1992: с.80]. В качестве образца демонстрируются бейты Лахути:

Чуз шиқ чаҳон ҳунар надорад

Е дил ҳунари дигар надорад

Е мавсими сабри ман хазон шуд

Е нахли умед бар надорад. – Кроме любви у мира нет иного искусства / или у сердца нет другого таланта, / или увяла пора моего терпения, / или у пальмы моей мечты нет плодов.

Несколько иное обозначение термина «антитеза» предлагает автор «Англо-русско-таджикского лингвистического словаря»: «антитеза, муқобилгузорӣ (форма речи, состоящая в противопоставлении соединяемых слов)» [Чоматов, 2015: с.37].

Особую позицию в вопросе определения природы *тазода* занимает автор учебника «Теория литературы» Ю.И.Бобоев. Ученый характеризует данное понятие в качестве таджикского эквивалента термина «антоним» и рассматривает его наряду с синонимами и омонимами как «средство выражения» (*воситаи баен*), а не как «средства художественного изображения» (*воситаҳои тасвири бадеӣ*), к которым он относит эпитет, сравнение, метафору, олицетворение, гиперболу, литоту, иронию и сарказм. В частности, он отмечает: «Лексическим значением слова *тазод* является 'противопоставление друг другу'. Как, например, *вода и огонь, день и ночь, больной и здоровый, низкий и высокий, печаль и радость*. Писатель имеет возможность при помощи *тазода* (антонимов) создать объемное изображение предметов и событий – качественных понятий, положения и деятельности человека, его душевного состояния и настроения, времени и пространства. *Тазод* (антоним) использовался в персидско-таджикской классической литературе и фольклоре как художественный прием» [Бобоев, 1987: с.141].

Примечательно, что в качестве аргументации своего утверждения Ю.И.Бобоев приводит те же примеры бейтов Фирдоуси и Хилали, на которые ссылается Т.Зехни в качестве иллюстрации антитезы.

В отличие от многочисленных зарубежных научных трудов, посвященных проблемам типологии и функционирования антитезы, единичные исследования отечественных ученых не содержат достаточной

информации о классификации антитезных выражений, их структурном оформлении и роли в художественном тексте.

Заслуживает внимания классификация антитезы, предложенная авторами «Словаря литературоведческих терминов», которые отмечают, что существует несколько видов *муқобилы*, наиболее распространенные из них три: «Один из них – это семантическая (смысловая) антитеза, которая предполагает сопоставление противоположных по значению слов в одной строке, бейте или нескольких бейтах». В данном случае подразумевается противопоставление контекстуальных (речевых) антонимов. В качестве иллюстрации рассматриваются бейты Салвони Соваджи и М.Турсунзода:

Бахти шӯридаи ман хуфтатар аз гамзаи туст,

Зулфи ошуфтаи ту бастатар аз кори ман аст. – Взволнованное мое счастье усилено твоим кокетством, / растрепанные твои локоны связаны из-за моих поступков → шӯридан – хуфтан, ошуфта – баста.

Чаро ман зафарманду ман сарбаланд?

Чаро ту ҳақиру чаро мустаманд?

Чаро аз рухи ман саодат надид?

Чаро ту дар умеди рӯзи саид?

Чаро ман чу парранда озодбол?

Чаро бенасибӣ ту аз ин камол? - Почему я победоносный и горделивый? / Почему ты ничтожный и несчастный? / Почему на моем лице очевидно счастье? / Почему ты в надежде на счастливый день? / Почему я свободно, как птица, летаю? / Почему ты обделен этим совершенством?

Приведенный контекст изобилует контрастами, антитезные конструкции построены преимущественно на контекстуальных антонимах.

Другой вид антитезы характеризуется учеными как «сопоставление событий и явлений, которые, в сущности, являются противоположными»

[Ходизода, 1966: с.65]. Здесь имеется в виду использование узуальных (языковых) антонимов.

Ин ҷо ҳуҷум бар сари дорову шайху шох,

Мустамликию мансабу миллатчию дин.

Он ҷо ҳуҷум бар сари меҳнаткашу фақир,

Дехқону фаъла, беваю бечораю ҳазин.

Ин дар умеди роҳату осоиши башар,

Он дар хаели шӯру шару интиқому кин. (Пайрав) – Здесь наступление на имущих, шейхов и шаха, / колонизаторов, должностей, местничества, религии. / Там наступление на трудящихся и бедных, / Дехкан и рабочих, вдов, беспомощных и унылых. / Этот мечтает о покое и мире человечества, / Тот думает о бедствии и вреде, мести и вражде.

Третий вид антитезы получил название тематической (муқобилаи мавзӯъ) и характеризуется следующим образом: «Поэт изображает диаметрально противоположные темы, тем самым подчеркивает важность описываемых событий. Ярким примером тому может послужить стихотворение М.Турсунзода «Две дороги», в котором поэт противопоставляет счастливый путь страны социализма пути капиталистического и колониального мира» [Ходизода, 1966: с.65].

Х.Мирзозода и Т.Атаханов разделяют точку зрения авторов «Словаря литературоведческих терминов» и отмечают, что *муқобала* имеет несколько разновидностей. Среди видов антитезы ученые перечисляют те же три наиболее распространенных ее вида: контекстуальную, языковую и тематическую.

Обзор теоретического материала, накопленного в таджикском языке по рассматриваемой проблеме, позволяет сделать вывод, что большинство исследователей, так или иначе затрагивающих данный вопрос, едины во мнении о том, что широко используемое в художественной литературе средство выразительности, построенное на

сопоставлении противоположных по значению слов, обозначается термином «тазод».

Таким образом, обобщая выдвинутые российскими и таджикскими учеными гипотезы относительно природы антитезы, можно утверждать, что антитеза (тазод) – это средство выразительности лексико-синтаксического уровня, основанное на контрасте и противопоставлении понятий и образов.

Ряд исследователей в качестве тождественного «тазоду» понятия используют термин «муқобила» или «мутобика». Другие рассматривают данные понятия, как «соотнесенность» противоположных по значению слов. Подобного рода противоречия наблюдаются и в русской лингвистике, когда основанную на соединении семантически контрастных слов амфитезу причисляют к антитезе и воспринимают как разновидность антитезы или относят ее к самостоятельному художественному приему.

В отличие от существующих в русской лингвистике многочисленных классификаций антитезы, в отечественной науке отсутствует исчерпывающе полная классификация антитез. Таджикские исследователи придерживаются одной классификации, основанной на семантических особенностях противопоставляемых слов, согласно которой выделяют языковую, контекстуальную и тематическую виды антитезы.

Исследование антитезы в качестве лингвистического явления сопровождалось использованием таких терминологических единиц, как *антитезные конструкции - антитезные выражения - антитезные высказывания, антитезный план, антитезное содержание, языковые и контекстуальные антонимы.*

III.1.3. Структурно-семантическая классификация антитезных выражений в таджикском языке

В данном разделе предпринята попытка классифицировать типы антитезных конструкций в таджикском языке. В качестве языкового материала использованы образцы предложений (в объеме более 300 единиц), построенные на контрасте противоположных лексем и почерпнутые из рассказов современных таджикских писателей. Несмотря на то, что антитезное содержание текста и изобилие его фигурами контраста способствует лучшему раскрытию внутренней сути произведения, в современной таджикской малой прозе антитеза как художественный прием значительно уступает по своей частотности другим средствам выразительности, таким как метафора, эпитет и сравнение.

Ранее было отмечено, что отечественными исследователями рассматривается только одна типология антитез, основанная на семантике противопоставляемых единиц. Для более детального и развернутого анализа антитезных конструкций таджикского языка необходимо было изучить их с точки зрения 6 языковых аспектов: 1) по специфике функционирования антитезы: в качестве самостоятельного средства выразительности или в совокупности с другими стилистическими явлениями; 2) по узуальности / окказиональности объектов; 3) по степени устойчивости компонентов; 4) по количеству сопоставляемых объектов; 5) по лексическому / синтаксическому критерию; 6) на основании грамматического / неграмматического противопоставления компонентов.

Антитезный план большей части рассмотренных образцов построен на узуальных (языковых) антонимах: выраженных существительными *шоҳу гадо (царь и нищий)*, *хоҷаву гулом (господин и слуга)*, *марду зан (мужчина и женщина)*, *пиру барно (стар и млад)*, *дӯсту душман (друг и враг)*, *шаҳру деҳа (город и село)*, *огозу анҷом (начало и конец)*, *сабзишу*

завол (цветение и увядание), обу оташ (вода и огонь), расту дурӯз (правда и ложь), гаму шодӣ (горе и радость), хурсандию хафагӣ (веселье и грусть), хобу бедорӣ (сон и бодрствование), тифливу пирӣ (младенчество и старость), дорулфаною дорулбақо (бранный и загробный мир); прилагательными – неку бад (хороший и плохой), хурду бузург (маленький и большой), ободу вайрон (благоустроенный и разрушенный), пасту баланд (низкий и высокий), чапу рост (левый и правый), бузургу кӯчак (великий и малый), сиёху сафед (черный и белый), ҳарому ҳалол (запретный и дозволенный), фарбеҳу ҳароб (толстый и худой), аввалу охир (первый и последний), наву кӯҳна (новый и молодой), дарозу кӯтоҳ (длинный и короткий), зиндаву мурда (живой и мертвый); глаголами – рафтан-омадан (уходить-приходить), овардан-бурдан (приносить-уносить); наречиями – имрӯзу фардо (сегодня и завтра), чаппаву роста (прямо и наоборот), саҳару бегоҳ (утром и вечером), шабу рӯз (ночью и днем), болову поён (вверх и вниз), местоимениями – ину он (этот и тот), ину вай (этот и тот). Антонимичные корреляты, выступающие в качестве компонентов антитезы, репрезентированы единицами почти всех частей речи, что является ярким свидетельством широкого использования антонимии в художественных текстах. Диапазон антонимии, применяемой преимущественно в речи персонажей, охватывает антонимы как абстрактного значения, так и антонимичные единицы конкретного значения.

В результате исследования были выделены следующие распространенные группы антонимов, употребляемые в художественной речи: антонимы, выражающие качества и чувства, пространственные и временные отношения, явления, связанные с общественной деятельностью.

*Охирин умедам, соҳиби сарам, даргоҳи умедам аз **дорулфано** ба **дорулбақо** рахти сафар баст* (Ҳамдам, 2003: с.13). – Отправилась в

дорогу из тленного в загробный мир моя последняя надежда, обитель моей мечты, повелительница моей судьбы (Хамдам, 2012: с.407).

Имрӯз ё фардо деҳаро аҷаб не, батамом тарк намоям (Хамдам, 2003: с.13). – С кишлаком меня больше ничто не связывает (Хамдам, 2012: с.407).

Продолжая раскрывать тему семантической классификации антитез, предполагающую их узуальную и окказиональную характеристику, наряду с упомянутыми языковыми антонимами, участвующими в создании антитез, необходимо отметить и контекстуальные (или смысловые, окказиональные).

Контекстуальные антонимы обеспечивают контекстуальное противопоставление семантически не противоположных единиц, но выступающих в качестве вариантов для достижения контраста в том или ином эпизоде текста. Иначе говоря, они образуют фигуру контраста не за счет антонимичности компонентов. В них противопоставляются слова, на первый взгляд никоим образом не взаимодействующие друг с другом, принадлежащие к разным областям человеческой жизни.

Необходимо подчеркнуть, что антитезные конструкции, построенные на контекстуальных антонимичных компонентах, являются исключительно проявлением таланта художника слова и довольно часто востребованы современными таджикскими писателями.

Например, Баҳром Фирӯз образует такую антонимическую окказиональную пару, как *Солеҳа Каримовна ↔ муаллими сахтгир*, поскольку из предыдущего контекста известно, что Солеҳа Каримовна была учительницей в школе и отличалась особой строгостью: *Зиндагӣ, чонам, Солеҳа Каримовна не, - гуфт Гулсифат дар поени сухан. – Зиндагӣ муаллими сахтгир аст (Фирӯз, 1981: с.74). – Жизнь, дорогой мой, не Солеҳа Каримовна, жизнь – самый строгий, самый требовательный учитель; она не спрашивает, чей ты сын (Фируз, 1990: с.386).*

Ато Хамдам, в свою очередь, в целях акцентирования внимания читателей на эмоциональном состоянии персонажа, который был сильно рассержен равнодушием и пренебрежением своего племянника, противопоставляет его ангелу смерти:

*«Ба неши Азроил мераваму ба неши **вай** не» (Хамдам, 1982: с.165). – «Лучше встретиться с ангелом смерти Азраилом, чем с ним» (Хамдам, 2012: с.417).*

Бахманер создает антитезный план на понятиях, не сопоставимых в языковой картине мира: камни ↔ человеческие тела:

*Танҳо фарқ дар он буд, ки **фиръавнҳои Миср аз сангу ин амир аз тани одамон** аҳром месохт (Баҳманер, 2013: с.228). - Разница была лишь в том, что египетские фараоны сооружали пирамиды из камня, а этот эмир возводил их из человеческих тел (<http://www.proza.ru>).*

К разным областям человеческой жизни относятся компоненты антитезной конструкции, противопоставляемые в произведениях А.Самада – *қабристон* ↔ *шаҳр*:

***Қабристон** домон паҳн мекунад, гӯё бо **шаҳр** баҳсу талош дорад: кӣ замини беитарро соҳиб мешавад? (Самад, 2002: с.140). - Кладбище расширяет свои владения, словно спорит и тягается с городом: кто больше захватит земли? (Самад, 2018: с.148).*

Как было отмечено выше, особенности функционирования антитезы в качестве самостоятельного средства выразительности или в совокупности с другими стилистическими явлениями предполагают ее дифференциацию на простой вид и осложненный. В ходе анализа языкового материала было установлено, что в таджикской прозе используется преимущественно простая антитеза, которая репрезентирована конструкциями, созданными языковыми или речевыми антонимами, представленными в своем большинстве одной и той же частью речи в предложениях с однородными членами предложения.

Случаи использования осложненного вида, заключающегося в сочетании антитезы с другими стилистическими приемами, единичны. Например, «*Ха-а, имрӯз ҳаво мулоим, хеле мулоим, равгани зард барин... Дирӯз захраш ганда буд*» (Турсун, 1976, с.244). - «*Да-а, сегодня погода мягкая, как сливочное масло... А вчера еще зло кололась*» (Турсун, 1979, с.181). В данном контексте противопоставляются метафоризированные сочетания *ҳаво мулоим* (досл.мягкая погода) и *захраш (-и ҳаво) ганда* (досл.яд (погоды) плохой).

Дар чаҳони имрӯз қудратҳои инсонҳоро пояҳои коҳи хушбахтиашонро бар вайронаҳои инсонҳои заиф ва мазлум бино мекунанд (Одиназода, 2016: с.58). – *В современном мире человеческое могущество возводит стены дворцов своего счастья на руинах слабых и угнетенных людей* (Одиназода, 2016: с.105). В данном случае антитезный план строится на развернутых метафоризированных выражениях *пояҳои коҳи хушбахтӣ* и *вайронаҳои инсонҳои заиф ва мазлум*.

В качестве антонимичных коррелятов выступают также и эпифразы: *Сад дарег, ки дигар тани пурдарди модар ба дармон ва ба ин сарватҳои сард ниёзе надошт, чуз дидори гарми фарзанд* (Одиназода, 2016: с.60). – *Но, увы, болезненное тело матери больше не нуждалось ни в богатстве, ни в исцелении, кроме горячей встречи с дочерью* (Одиназода, 2016: с.105).

Следует отметить, что в современной таджикской прозе широкий спектр распространения получили свободные антитезные конструкции, созданные на основе противопоставления антонимичных единиц, функционирующих в речи в различных лексических сочетаниях и синтаксических конструкциях. Однако и устойчивые (фразеологические) антитезы востребованы таджикскими писателями, хотя и уступают им по частотности употребления. В художественных текстах широко представлены такие устойчивые сочетания, закрепленные узусом и употребляющиеся в речи в готовом виде, как *бурду бохт, буду набуд*,

хурду калон, тиру барно, тиру чавон, пастию баландӣ, чапаю роста, чору ночор, мӯйдарози ақлкӯтоҳ.

Ҳама бурду бохтам дар ёқути чашмони ӯ тилисм шуда буд ва касе аз одамиён қудрати шикастани ин тилисмро надишт (Одиназода, 2016: с.66). – Все мои победы и поражения были заколдованы в рубинах его глаз, и никто из людей был не в силах их расколдовать (Одиназода, 2016: с.109).

Не менее продуктивны в художественной литературе и устойчивые единицы, содержащие противопоставление компонентов и составляющие паремиологический фонд таджикского языка: **хок гиред, зар шавад; пеши табиб нарав, пеши корафтода рав; ман дидам, шумо надидед; сагира ба чое мерасад, сагирабон не; дуне ба умед, шайтон ноумед; ман тут гӯям, ин бед мегӯяд; фалак дар чӣ хаелу ман дар чӣ хаел** и многие другие.

Вале худро ба даст гирифта «дунё ба умед, шайтон ноумед» гӯён таскин меёфт (Ҳамдам, 1982: с.161).- И тогда старик утешал сея народной присказкой: «Мир не без надежды. Одному дьяволу надеяться не на что» (Ҳамдам, 2012: с.413).

Се бор молидам, ту дидӣ, ман надидам, чароҳат нест шуду рафт (Фирӯз, 1981: с.224). – Лишь трижды помазал, а болячки как ни бывало! (Фирӯз, 1990: с.402).

Как известно, синонимия является неотъемлемой частью художественной речи, что, безусловно, сказывается на образовании антонимами синонимических рядов. В лингвистике выделяются несколько видов синонимии антонимов. Данное обстоятельство также предполагает таксономию антитез по видам отмеченной в ней синонимии антонимов. Примечательно в этой связи, что исследуемый языковой материал антитез представлен образцами радиальной синонимии антонимов, при котором один компонент антонимичного ряда является постоянным и сочетается с некоторым количеством слов противоположного значения. Например, в приведенном ниже контексте устойчивое сочетание *абрӯ хам нахурдан*, согласно М.Фазылову,

интерпретируется, как «ба ташвиш наафтидан; парво надоштан, аз чизе боке надоштан, парвои чизе накардан» [Фозилов, 1963: с.2] - не беспокоиться, быть беспечным. Данный фразеологизм сопоставляется с описаниями полного сил и довольного жизнью человека.

*<...>ва худро чунон меангоиш, ки аз марги зан **абрӯяш хам нахӯрдааст**: баръаке **қоматаш рост, чашмонаш равшан, табъааш хуш** <...> (Самад, 2002: с.117). - <...>появлялся, гордо шагая без трости, в людных местах, всем своим видом показывая, что смерть жены ему ни о чем, напротив: спину выпрямил, в глазах - блеск, дух - бодрый! (Самад, 2018: с.181).*

*Ў аз зиндагӣ **наменолад**, **шиква** аз нодорӣ **намекунад**, балки зебои инсону табиатро **ситоиш мекунад** (Баҳманер, 2013: с.228). - В мелодии нет жалобы на жизнь, на ее нищету, наоборот, в ней прославляется красота человека и природы (<http://www.proza.ru>).*

В данном контексте синонимы *нанолидан* (не стенать, не рыдать), *шиква накардан* (не жаловаться, не сетовать) противопоставляются глаголу *ситоиш кардан* (восхвалять, воспевать).

Другим критерием классификации антитез является их дифференциация по количеству сопоставляемых объектов, согласно которой различают простую, двойную, сложную и многочленную антитезу. Большая часть рассматриваемых образцов относится к простому типу антитезы, которая предполагает участие двух объектов сопоставления по схеме: п – п:

*- Дуруст мегӯӣ, шахр **қишлоқи ту** таваллуд шудагӣ, лекин мо ба **қишлоқи ман** таваллуд шудагӣ меравем (Хамдам, 2003: с.9). – Верно говоришь: кишлак, в котором ты родился, находится в городе, а мы едем в тот кишлак, в котором родился я сам (Хамдам, 2012: с.401) – ту ↔ ман.*

В процессе исследования были выявлены единичные случаи применения двойной антитезы, в которой помимо двух сопоставляемых объектов содержится дополнительное сравнение по какому-либо признаку:

Зиндағй қошуқи банавбат аст. Имрӯз дар дасти шумо бошад, пагоҳ дар дасти каси дигар»,— гуфта, шояд ҳамин рӯзи Назарро дар назар дошта буд? (Турсун, 1976, с.244). - Если сегодня ложка в ваших руках, то завтра она будет в руках других». Может, он имел в виду сегодняшний день Назара? (Турсун, 1979, с.319) – имрӯз ↔ пагоҳ; дасти шумо ↔ дасти дигар - схема: п п – п п.

Единичными образцами представлены и многочленные антитезы, которым свойственно сопоставление нескольких объектов параллельно, *Бузголачаҳо ба вай бағоят маъқул афтоданд: яке сиёҳаки пурмагал, дигаре алояки хаппак (Фирӯз, 1981: с.208). – Козлята ему очень понравились: один черненький и резвый, другой пестрый и тихоня (Фируз, 1990: с.372) – яке ↔ дигаре; сиёҳак ↔ алояк; пурмагал ↔ хаппак - схема п – п, п – п, п – п.*

Малопродуктивна и сложная антитеза, подразумевающая сопоставление одного объекта одновременно с двумя или тремя объектами:

«Ман таслим шуданро ҳаргиз таълим нахоҳам дод, чунки ту барои зистан омадаӣ, на барои таҳқир шудан ва тавқи гуломиро ба гардан андохтан!» (Одиназода, 2016: с.58). - «Я никогда не стану учить тебя сдаваться» (Одиназода, 2016: с.101) – зистан ↔ таҳқир шудан, тавқи гуломиро ба гардан андохтан - схема: п – п, п.

В отношении лексического и синтаксического критерия таксономии антитез, который основан на противопоставлении слов и словосочетаний или простых предложений, следует отметить, что преобладающая часть антитезных конструкций, подвергшихся структурно-семантическому анализу, представлена однословными компонентами.

- *Хайр, рав, тезтар бину биё! Чӣ гати зарур дорӣ? – нурсид Дехқон бепарво (Фирӯз, 1981: с.226). – Ну и хорошо! Иди к нему, поздоровайся и быстро назад, - нетерпеливо сказал Дехкон (Фируз, 1990: с.366).*

Редки случаи построения антитезного плана за счет сопоставления слова со словосочетанием:

*«Зиндагӣ не ин, азоби гӯр. Дар ин хел хона одам силмарг мешавад» (Самад, 2002: с.197). - «Это разве жизнь?! Мучения да и только! Ад земной! В таком доме умрешь с тоски!» (Самад, 2018: с.179). В данном контексте противопоставление достигается при помощи контекстуальных антонимичных пар, один из коррелятов в которой представлен словом *зиндагӣ*, а второй - словосочетанием *азоби гӯр*.*

Ходими калон дур бошад, наметарсид, ва агар ӯро болои сараш бинад, аз гайраташ ному нишоне намемонд (Кӯҳзод, 1987: с.140).- Странная это была черта характера,— если он не видел перед собой старшего Служителя, не знал перед ним и страха, но каждый раз, чувствуя надсмотрщика над своей головой, вновь лишался присутствия духа (Кухзод, 1991: с.322). Двойная контекстуальная антитеза создается при помощи слова с одной стороны, и словосочетания – с другой: *дур ↔ болои сараш; наметарсид ↔ аз гайраташ ному нишоне намемонд*.

Интересны с точки зрения семантики используемые таджикскими писателями контекстуальные антитезные конструкции, в которых женским образам противопоставляются абстрактные и конкретные понятия, имеющие коннотацию пренебрежения:

Ту зан не, як балои муаллақ (Турсун, 1976, с.242). - Женищина, которая не заботится о муже, не женищина, а висячая беда (Турсун, 1979, с.182).

Зане ки чуну чаро гуфта, гинг-гинг мекунад, зан не, балки вабо, офати таппа-тайер» (Турсун, 1976, с.243). - Женищина, которая спрашивает что да почему, не жена, а холера, настоящее горе» (Турсун, 1979, с.182).

Ба болои он ҳама андозу пардозӣ гӯшношунид боз «агар аз дуним ҳазор кам биёред, тӯйро мехобонем, мо мол не, духтари ба ҷону дил баробарамонро бароварда истодаем» гуфтанд (Ҳамдам, 1982: с.152). – «Иначе, - заявили они, - ни о какой свадьбе не может быть и речи. Мы отдаем вам свою дочь, которая нам дороже жизни» (Ҳамдам, 2012: с.413).

Коррелятами антитезы могут выступать и компоненты сложного синтаксического целого:

Мард аз фаросат ва рамузгирии асп мамнун, аз қоши нақрақӯи ӯ дошта, нарму беозор по ба риқоб мениҳоду сабук, шабеҳӣ кафтари хушбол ба хонаи зин менишаст.<...> Аммо ҳоло савора беҳуду сармаст барин гардану сағрии аспро зери тозиена гирифт (Самад, 2002: с.199). - Довольный и счастливый сметливостью и догадливостью своего питомца, хозяин мягко и легко вдевал ногу в стремя, словно птица, садился в седло и ласково похлопывал коня по шее. <...> Но сейчас всадник неистово и жестоко и больно хлестал скакуна по шее, крупу и бокам (Самад, 2018: с.116).

Относительно упомянутой в первом разделе грамматической антитезы, в качестве компонентов которой выступают словоформы одной лексемы, противопоставленные по своим грамматическим значениям, необходимо отметить, что анализируемый языковой материал представлен несколькими единицами такого типа антитезы, а именно:

*Фақат он бабр бо як тараҳҳуме менигарад. Гӯе на **муғул варо**, балки **вай муғулро** асир гирифта бошад! (Баҳманер, 2013: с.218). - Только у барса был какой-то покорный взгляд, этот же смотрит с жалостью, будто не монгол его, а он монгола взял в плен! (<http://www.proza.ru/>) – муғул – муғулро; варо – вай.*

*Қарзу қавола карда, сари онҳоро ҷуфт мекунам. **Пулро одам** меёбад, на **пул одамро**» (Ҳамдам, 1982: с.162). – Залезу в долги, как-нибудь расплачусь потом. Человек находит деньги, и он же теряет их» (Ҳамдам, 2012: с.414) – пулро – пул; одам – одамро.*

Что же касается грамматического аспекта антитезных конструкций, то необходимо отметить, что антитеза создается при участии однокорневых и разнокорневых антонимов, но, как показал количественный анализ иллюстративного материала, продуктивность

однокорневых антонимов при построении антитезного плана в художественных текстах значительно уступает частотности разнокорневых единиц: было выявлено несколько таких единиц: *чору ночор* (волей-неволей), *баумед ноумед* (питающий надежду - потерявший надежду), *бахушу беҳуш* (в сознании – без сознания), *дорову нодор* (имуций – неимуций), *бохуду бехуд* (в себе – не в себе).

Инро пирамард лаҳзаҳое, ки аҳволаш вазнини вазнин шуд ва гоҳ бохуду гоҳ бехуд қиёматро наздик дид, пайхас рафт (Самад, 2002: с.107). – Старик чувствовал это в тот момент, когда его состояние ухудшалось, то в сознании, а то и в бессознательном состоянии чудился ему страшный суд.

Пири аз дарду шиканҷа ба дод омадагӣ чору ночор, морро шӯрбо карда мехӯрад (Фирӯз, 1981: с.223). – Страдающий от боли старик волей-неволей сварит из змеи суп и съест.

Данное обстоятельство можно объяснить тем, что антитеза из однокорневых антонимичных компонентов намного проще, менее выразительна и экспрессивна и не создает яркого контраста. Примечателен тот факт, что образованные приставочным способом (чаще всего приставкой на-, обозначающей отрицание) однокорневые антонимы в таджикском языке имеют широкое распространение в разговорной речи, а в художественных произведениях используются в речи персонажей. В структурном плане они отличаются своим дефисным написанием: *кушода-накушода*, *гузашта-нагузашта*, *хоҳӣ-нахоҳӣ*, *даромада-надаромада*, *буду-набуд*.

Панҷ дақиқа аз миён гузашта-нагузашта вай баргашта ба қафо медавид (Фирӯз, 1981: с.211). – Не прошло и пяти минут, как мальчик вернулся (Фируз, 1990: с.374).

Таким образом, проведенный структурно-семантический анализ антитезных конструкций таджикского языка позволил выявить

некоторые особенности их структурного оформления, семантики и функционирования и в результате прийти к следующим выводам:

1) наиболее распространенными группами антонимов, участвующими в создании антитезы в художественной речи, являются антонимы, выражающие качество и чувство, пространственные и временные отношения, явления, связанные с общественной деятельностью;

2) наряду с языковой (узуральной) антитезой, представленной в языке в большем объеме, в художественной литературе функционирует и контекстуальная антитеза, построенная на окказиональном противопоставлении предметов и явлений, принадлежащих к различным отраслям человеческой деятельности;

3) свободные антитезные конструкции имеют более широкий диапазон распространения, нежели устойчивые (фразеологические) антитезы;

4) корпус антитезных конструкций представлен всеми типами антитезы, выделяемыми по количеству ее компонентов – простыми, двойными, многокомпонентными и сложными, однако преобладающую часть составляют простые, однокомпонентные антитезы;

5) значительная часть антитезных конструкций, подвергшихся структурно-семантическому анализу, представлена однословными компонентами;

6) антитезы в таджикском языке представлены однокорневыми и разнокорневыми антонимичными коррелятами, причем чаще всего используются разнокорневые антонимы.

III.1.4. Специфика перевода таджикских антитез на русский язык

Как известно, средства выразительности, будучи основным ресурсом репрезентации национального колорита, обладая эмоционально-

коннотативными качествами, очень разнообразны по своей природе. Для сопоставительного изучения художественных приемов разных языков важно исследование мыслительных операций, направленных на восприятие и воспроизведение языковых средств и их использование. Сопоставительное изучение стилистических приемов двух языков посредством сопоставления оригинальных и переводных художественных текстов наиболее полно раскрывает их интегрирующие и дифференцирующие признаки. В связи с этим, данный раздел исследования посвящается выявлению особенностей адекватной передачи экспрессивной информации, содержащейся в антитезных конструкциях, при их переводе с таджикского языка на русский.

При исследовании иллюстративного материала, представленного оригинальными и переводными художественными текстами, обращает на себя внимание то обстоятельство, что на лексическом уровне авторы переводов максимально точно передают раскрывающие противоречивую сущность обозначаемых единиц, контрастные по своему характеру словесные образы. В качестве аргумента этого утверждения может служить следующий пример сохранения эмоционально-экспрессивной ценности авторской антитезной конструкции:

Баъзеҳо аз ақибаш «аблаҳ, чунон даҳон кафк кунонда гап мезанад, ки мошини худааш бошад, сари санг ҷои як уқоб не, имрӯз – ту, фардо – каси дигар» мегуфтанд (Сорбон, 1981: с.29). - Иногда кое-кто за глаза называл его болтуном: «И чего из кожи лезет? Будто машина его собственная. Скала не для одного орла: сегодня – ты, завтра – другой» (Фируз, 1984: с.214). Двойная антитеза оригинала, в которой содержится сопоставление двух пар объектов, находит свое полное воспроизведение в конечном тексте.

Следует отметить, что случаи удачного подбора лексем переводимого языка, в той или иной мере стилистически соответствующих исходному языку, то есть факты адекватного перевода

антитезных конструкций довольно многочисленны и составляют большую часть анализируемого материала. Как правило, противопоставление в них создается за счет антонимичных узусных коррелятов. Например:

<...> лекин тарсаионро зоҳир намекунанд, баракс рафторе доранд, ки гӯё дар ҳақиқат **хоҷа** бошанд, на **гулом** (Кӯҳзод, 1987: с.142). - <...> но умело скрывают свой страх и ведут себя так, словно они не **рабы**, а **хозяева** (Кухзод, 1991: с.322).

- Ҳеҷ не ки сар диҳад зормонда! **Хам шавам, рост шуда** наметавонам, **рост шавам, хам шудан** як азоб... (Турсун, 1976, с.225). - – Никак не отпускает, проклятая! **Нагнуь** – не могу **разогнуться, выпрямлюсь** – с трудом **наклоняюсь**... (Турсун, 1979, с.180).

Ту кай мефаҳмӣ ки **мард кисту зан чист** (Турсун, 1976, с.231). - Когда поймешь, **кто есть муж и что такое жена?** (Турсун, 1979, с.185).

Оташаки ҳирс яке дар чаимони муғул **шӯъла заду гайб** (Баҳманер, 2013: с.220). - В глазах монгола вспыхнул алчный огонек и тут же погас (<http://www.proza.ru>).

Аз ин рафтори ӯ ҳатто **душманонаш** дар ҳайрат, **хайрхоҳонаш** бо андеша афтоданд (Самад, 2002: с.194). - Этому поступку мужчины поразились даже его враги, а доброжелатели призадумались (Самад, 2018: с.113).

Барои чӣ мардум аксар ба **тӯи** одами носоз намераванду ба **мурдааш** ҳозир мешаванд? Модом ки аз касе дилат мондаасту ба **туяш** намеравӣ, ба **мурдааш** ҳам нарав (Турсун, 1976, с.242). - Почему люди не идут на **праздник** к тому, кто им не по душе, а на **похороны** являются обязательно? Поскольку сердце твое охладело к кому-то, и ты не пошел к нему на **пиршество**, то и на **похороны** не приходи! (Турсун, 1979, с.317).

Полная адекватность достигается и при передаче многочленной антитезы, например:

Аммо гӯрҳо тафовут доранд: хурду бузург, ободу вайрона, боҳашамату назарногир... (Самад, 2002: с.139). - Но могилы отличаются друг от друга: они большие и маленькие, ухоженные и разрушенные, величественные и невзрачные... (Самад, 2018: с.149).

*Аммо зиндагӣ чунин аст, ки ҷое **филе** ҳаст – **муш** ҳаст, ҷое **гуле** ҳаст – **хоре** ҳаст, ҷое **горе** ҳаст – **мор** ҳаст (Баҳманер, 2013: с.227). - Однако в жизни так повелось: где **слон** – там и **мышь**, где **роза** – там и **шипы**, где пещера – там и змея (<http://www.proza.ru>).*

В следующем примере, несмотря на то, что подобранные переводчиком компоненты антитезы противоположны по семантике и передают смысловое содержание оригинала, наблюдается некоторая потеря экспрессивности образа. Причиной тому является замена единицы книжного, высокого стиля *завол* нейтральным *высыхание*. Более приемлемым, на наш взгляд, представляется использование в качестве русского эквивалента лексем *увядание*:

*Умри инсон ҳам чун дарахт **сабзишу заволро** аз сар мегузаронад (Самад, 2002: с.104). - Жизнь человека, словно дерево, переживает **цветение и высыхание** (Самад, 2018: с.159).*

Вместе с тем в ходе исследования удалось обнаружить факты неадекватной передачи языковых антитез, допущения нарочитых лексических замен, например:

*«Очет мурад **ина** хӯр, очет садқаат **вая** хӯр» гуфта ёфтагию тофтагиаша садқаи сари вай кард (Ҳамдам, 1982: с.164). – «Съешь, моя радость, **это**, отведай вот **это**...» (Ҳамдам, 2012: с.416) – *ина* – *вая* → *это* – *это*. В конечном тексте контраст достигается не за счет сопоставления указательных местоимений, а при помощи противопоставления синонимичных глагольных единиц: *съешь* – *отведай*.*

Особый интерес вызывает передача на русский язык широко распространенных устойчивых сочетаний, образованных на контрастной

основе. Будучи языковыми антитезными конструкциями, такие сочетания не предполагают поиска адекватного, построенного на противопоставлении эквивалента, не допустимо в этих случаях и калькирование. Речь идет о сочетаниях *чану рост* и *чанпаву роста* (*кардан*), которые, согласно ФТЗТ2, интерпретируются соответственно как «*ба ҳар тараф*» - во все стороны и «*бо ҳам омехтан, дарҳаму барҳам кардан*» - привести в беспорядок, спутать (ФТЗТ2, с.533). Тем не менее в следующем контексте переводчики прибегли к так называемому нулевому переводу, или лексическому опущению, и оставили без внимания рассматриваемое сочетание, которое можно было передать, как *разбрасывал и бил посуду*:

Эҳа, агар раҳматӣ занаш дар вақту соати дилхоҳ косаи хӯрок рӯи дастархон намегузошт, дегу табақҳоро чанпаву роста мекард, мешикаст... (Самад, 2002: с.117). - Ох, если покойница не подавала, когда ему заблагорассудится обед, он все в доме сметал, посуду бил ... (Самад, 2018: с.183).

Неоправданной лексической трансформации нулевого перевода подверглось устойчивое сочетание и в следующем контексте, где вполне допустима замена релевантным *металась в разные стороны и лягалась*:

Савора чун холи сиеҳ, печутоби дум, чану рост паридану шатта партофтани ҷонвар аранге ба чаим мерасид (Самад, 2002: с.200). - Но нет, конь уходил все дальше и дальше. Глаза уже с трудом различали силуэт всадника и скачущего прочь коня (Самад, 2002: с.119).

При передаче устойчивого сочетания, использованного в следующем предложении в составе двойной антитезы, предпринята попытка поиска фразеологического аналога, который позволяет в случае отсутствия фразеологического эквивалента подобрать в переводимом языке фразеологизм с идентичным переносным значением, эксплицированным иными образами. Однако подобранный аналог, на наш взгляд, не совсем уместен, поскольку фразеологизм *земля уходит из-под ног*, согласно

А.И.Федорову, имеет значение «положение кого-либо становится предельно ненадежным, шатким» [Федоров, 2008: с.221] и не передает смысловое содержание оригинала. В данном контексте целесообразно употребление такого аналога, как *перевернулось вверх дном*, интерпретируемое, как «становиться совершенно иным, коренным образом измениться» [Федоров, 2008: с.651].

Замину осмон дар назараи чапаву роста гаит (Самад, 2002: с.116). - *Земля из-под ног его будто ушла, в глазах потемнело* (Самад, 2018: с.182).

Неадекватным и не сохранившим смысловое содержание оригинала оказался подобраный переводчиком фразеологический аналог и в следующем контексте:

- *Ҳа-а аҳволе доштааст нима дар обу нима дар отаиш...* (Самад, 2002: с.194). - *Да-а-а... Оказался между двух огней...* (Самад, 2018: с.114).

Построенное на противопоставлении фразеологическое сочетание *сиеху сафед нагуфта* (досл. не говорить «черное» или «белое») передано вполне адекватно одним из способов нефразеологического перевода – лексическим переводом, который применим в случаях, если понятие в исходном языке выражено фразеологизмом, а в переводимом – одним словом (спорить).

Пиразан сиеху сафед нагуфта худро ба ҳавлӣ зад (Самад, 2002: с.116). - *Старуха спорить с ним не стала, а пошла прочь...* (Самад, 2018: с.182).

Достижение контрастности и передача содержания антитезы стало возможным при замене компонентного состава и выраженных в них образов: *бузургу кӯчак* (большой и маленький) → *сильный и слабый*:

Зиндагӣ аз бунед ҳамин тавр буд. Бузург кӯчакро мехӯрд (Баҳманер, 2013: с.229). - *На земле от века было так. Сильный поедал слабого* (<http://www.proza.ru>).

Адекватной передачей образных средств, при которой соблюдается передача семантической, экспрессивной и эстетической информации

оригинала, характеризуются и исследуемые контекстуальные антитезы, например следующие простые антитезы:

Ҳанӯз чандсад сол муқаддам Чалолиддини ваҳдатсаро фармуда буд: «Сареро, ки ақл аз он бигурезад, дум шавад» (Одиназода, 2016: с.51).- Столетия назад Джалалиддин Руми повелевал: «Голова, в которой нет ума, на самом деле – хвост» (Одиназода, 2016: с.99).

*Худое, да рӯ ба рӯям ҳамон чашмонеро мебинам, ки кули соҳибқаламони дуне дар он хаиму даҳшатро тасвир кардаанд, аммо ҳоло ман дар он чашимо раҳро меводам (Одиназода, 2016: с.52).- Божее, я была лицом к лицу с глазами, в которых все писатели мира изображали **страх**, однако в этих глазах я видела лишь **сострадание** (Одиназода, 2016: с.101).*

Дар зиндагӣ додашон ба гӯишӣ кӣ мерасид, ки акнун расад?.. (Самад, 2002: с.142). - Их при жизни не слышали, думаете, теперь услышат?.. (Самад, 2018: с.150).

Одамон дар ҳамворӣ иморатҳои боҳашамат бино мекунанду дар кӯҳдоман гӯр мекананд (Самад, 2002: с.140). - Каждый день на равнинах люди строят роскошные дома и копают могилы у подножья гор (Самад, 2018: с.148).

- Асп ефтан осон, вале ҳар рӯз ер пайдо карда мушкил (Самад, 2002: с.196). - Коня можно купить всегда, но друга найти, ой как нелегко. (Самад, 2018: с.115).

Худам ташнаву гушна монаму аспам не (Самад, 2002: с.196). - Пусть я буду голодным, но он – никогда» (Самад, 2018: с.115).

Рост мегӯянд, ки Исо ҳам ба роҳи худ. Мӯсо ҳам (Фирӯз, 1981: с.65). – По-видимому, верно говорят: «Иса на своем месте, Муса – на своем» (Фирӯз, 1990: с.379).

Уф-ф, — боз талхтар нолид пирамард ва худ ба худ пичиррос зад. — Аҷаб дунее: яке рӯз мешуморад, дигаре барг (Самад, 2002: с.107). - - Уф, - с горечью застонал старик, произнося про себя шепотом. Удивительный мир: одни считают дни, другие – листья (Самад, 2018: с.161).

Эквивалентный, почти дословный перевод наблюдается и при передаче более сложных антитезных конструкций:

Ва ҳар касе ба мазор меравад, аввал ба ин бинои нуришукӯх, ки рӯз ба рӯз қад меафрозад, менигарад, сипас ба гӯристон (Самад, 2002: с.142). - *И каждый, кто идет на кладбище, сначала смотрит на это великолепное здание, которое разрастается день за днем все больше и больше, а затем – на могилы* (Самад, 2018: с.149).

Охир ӯ авзои табиатро донистан меҳоҳад, одамон аз нақшаи пахта ҳарф мезананд, ӯ соату рӯз мешуморад, одамон кӯрак, гулу шонаи ниҳолҳои пахтаро (Самад, 2002: с.105). - *Ведь он хочет знать больше о природе, а ему рассказывают о плане хлопка, он считает часы и дни, а люди - курак, бутоны и цветки хлопчатника* (Самад, 2018: с.160).

- *Ҳар қадаре бихоҳӣ маро тозиена бизан, аммо шайхро озоре марасон!* (Баҳманер, 2013: с.219). - — *Бей меня, сколько хочешь, только не мучай шейха!* (<http://www.proza.ru>).

В ходе анализа были выявлены случаи передачи лишь одного из компонентов антитезной конструкции, что, безусловно, значительно снизило экспрессивность оригинала и не сохранило его смысловое содержание:

На бадаширо зикр мекарду на некаширо; гӯе ҳарду зери як кулба бо сари худ бегонавор мезистанд (Самад, 2002: с.117). - *Хотя никто и вспомнить не мог, когда его жена была еще жива, чтобы он хоть раз что-то доброе сказал про нее* (Самад, 2002: с.178). (Ср. не говорил ни о положительных, ни об отрицательных ее качествах)

Вай ҳамчунин хис кард, ки аз умраи соатҳои башумор мондааст, то пагоҳ намерасад, дигар на рӯи офтобро мебинаду на пардаи шомро (Турсун, 1976, с.239). - *Он почувствовал, что осталось ему жить считанные часы, что не доживет до утра и не увидит больше поднимающегося солнца* (Турсун, 1979, с.312). (Ср.не увидит ни лик солнца, ни пелену сумерек)

- *Бале. Нозук аст чонвар... Девзот асту нозук* (Самад, 2002: с.196). -
Да... *Это очень нежные животные...* (Самад, 20018: с.115). (*Внушает
страх, но очень нежное животное*)

Примечателен в плане передачи на русский язык перевод антитезной конструкции, где коррелятами выступают компоненты сложного синтаксического целого:

*Ва ҳар рӯз кӯчero ба манзиле мебаранд, базми хонаободӣ меороянд ва
боз ҳар рӯз ноилоҷ тобут сари китф, гамзадаву мотамгирифта чанозаеро
бо ду дасти адаб бардошта, е мошинсавор бурда, ба дили хоки сарди ин
водӣ месупоранд* (Самад, 2002: с.140). - *И каждый день кто-то перевозит
свой скarb в новое жилище, устраивает новоселье, и опять же каждый
день, подняв гроб на плечи, кто-то со скорбью и печалью, пешком или на
машине, чинно везет на кладбище покойника* (Самад, 2018: с.148).

В ходе исследования языкового материала были выявлены факты неоправданного нулевого перевода, значительно искажающего содержание и снижающего экспрессивность оригинала:

*Аз чеҳраи раис на хурсандиша мефахмаму на хафагиша. Наздикаш кӣ
бошад?* (Ҳамдам, 2003: с.9). – *Кто, интересно, у него там близкий*
(Ҳамдам, 2012: с.401).

Ба заmine, ки корам аст, хоҳ – лалмӣ, хоҳ – обӣ, галла мекориданд
(Фирӯз, 1981: с.65). – *И поэтому на приусадебном участке сеяли пшеницу
или джугару* (Фируз, 1990: с.379).

Как известно, в теории перевода дискуссионным и по сей день остается вопрос о переводимости собственных имен. Большинство теоретиков перевода высказывают мнение о целесообразности их транскрибирования. Но в то же время остается открытым вопрос о так называемых «говорящих» или «кричащих» именах, об именах собственных, в которых функция смыслового содержания превалирует над номинативной и полностью зависит от контекста. В подобных случаях в теории переводоведения рекомендуется приводить ссылки с

обозначениями семантики этих слов. Транскрибирование в таком контексте, по меньшей мере, грозит потерей информации, что наблюдается в следующих исследуемых образцах:

Шодӣ ягон номаъқулӣ кунад, додхоҳон ба хонаи муаллима мерафтанд, гӯе фарзанди вай бошад. Э-э, Шодӣ набуд, вай дар ҳақиқат гаму кулфат буд (Фирӯз, 1981: с.72). – Бывало, Шоди набедокурит, так прибежали к учительнице жаловаться, а не к матери. Да что там говорить, - махнула она рукой (Фируз, 1990: с.385). (Ср. Хотя его имя обозначало «радость», он был настоящим горем).

«Азизам, бош умре дар амонӣ, манат рафтам, ту ҷовидон бимонӣ. Умедаи ноумеди ту» (Хамдам, 2003: с.12). – «Мой милый, счастье мое, пусть все беды обходят тебя стороной. Я ухожу, а ты живи вечно. Твоя несостоявшаяся Умеда» (Хамдам, 2012: с.406). (Ср. Мое имя значит «надежда», но я Надежда, потерявшая надежду).

Таким образом, сопоставительный анализ позволил выявить, что превалирующая часть участвующих в исследовании образцов антитезных конструкций передана достаточно адекватно. Чаще всего передача антитез происходит путем подбора эквивалентов. При этом сохраняется оригинальность стиля таджикских авторов, выразительность стилистических приемов и смысловое содержание текстов. В исследуемом материале случаи переводческих трансформаций, в частности лексических опущений, единичны.

III.2. Гипербола

III.2.1. Гипербола и аспекты ее изучения в русской лингвистике

«Лингвистический портрет» гиперболы, специфика приема гиперболизации, языковые средства выражения гиперболы, а также ее функционирование в рамках текста - малоизученные аспекты в современной лингвистике, хотя факты об изучении этой стилистической фигуры были известны еще в античной поэтике и риторике. В связи с

этим исследование языковой природы гиперболы и ее функциональных особенностей в качестве многопланового и полифункционального стилистического приема представляет собой одну из актуальнейших задач лингвистики.

Изучение гиперболы имеет древние истоки, к ней, как составляющей риторической системы, обращались Трифон, Аристотель, Цицерон, Квинтилиан и другие ученые древности. Этот термин ввел в научный обиход Трифон - александрийский филолог эпохи Августа. Гипербола привлекала внимание и составляла круг интересов Ф.Прокоповича, М.В.Ломоносова, А.И.Галича, И.Р.Гальперина, А.А.Потебни, М.О.Лотмана и др.

Следует отметить, что в изучении гиперболы существуют различные направления. Первое из них – психологическое, рассматривающее гиперболу с точки зрения происходящих при эмоциональном восприятии психических процессов. Другое – литературоведческое, представляющее гиперболу с позиции ее отнесенности к тропам; третье – лингвистическое направление, изучающее языковые средства выражения гиперболы и способы ее текстуальной репрезентации.

Обзор теоретического материала по рассматриваемому вопросу позволил выявить множество определений гиперболы. Ученые рассматривают гиперболу с разных точек зрения: как троп, фигуру речи, как средство выразительности и как художественный прием. Так, рассматривая гиперболу как троп, относительно ее природы М.В.Ломоносов отмечал: «Гипербола, или превышение, есть когда представленная речь несколько натуральное понятие превосходит ради напряжения или послабления страстей» [Ломоносов, 1952].

Суть гиперболы ясно и тонко определяет А.А. Потебня, который трактует ее как фигуру чрезмерно эмоционально-экспрессивного способа окраски: «Гипербола есть результат как бы некоторого опьянения чувством, мешающим видеть вещи в их настоящих размерах. Поэтому

она редко, лишь в исключительных случаях, встречается у людей трезвой и спокойной наблюдательности. Если упомянутое чувство не может увлечь слушателя, то гипербола становится обыкновенным враньем» [Потебня, 1990].

Как стилистический прием характеризует гиперболу И.Р.Гальперин: «Художественный прием преувеличения, причем такого преувеличения, которое с точки зрения реальных возможностей осуществления мысли представляется сомнительным, или просто невероятным [Гальперин, 1958].

Л.П.Крысин считает, что «гиперболизация – это стилистический прием выразительности, использующийся автором для акцентирования внимания читающего на определенной проблеме, и посредством преувеличения представления о данной проблеме достигается эффект важности» [Крысин, 2006: с.112].

В.В.Виноградов приводит следующее определение гиперболы: «гипербола – это закон искусства, доводящий до наибольшей ясности и отчетливости то, что существует в жизни в рассредоточенном виде [Виноградов, 1993].

Вместе с тем в современной лингвостилистике в качестве дефиниции термина «гипербола» предлагается следующая: «Гипербола — лингвистический прием намеренного, образного преувеличения/преуменьшения, основанный на контрастном сопоставлении реальной и нереально утрированных количественных характеристик меры актуального для говорящего признака предмета, явления или действия и служащий одновременно как для интенсификации меры признака, так и для передачи индивидуального эмоционального и эстетического восприятия этого признака» [Курахтанова, 1978: 89].

Из данного определения И.С.Курахтанова можно заключить, что гипербола как лингвистический прием заключается не только в

нарочитом преувеличении, но и преуменьшении признака или явления. Следует отметить, что в большинстве научных работ по исследуемому вопросу литота рассматривается в качестве разновидности гиперболы, или как гипербола «наоборот».

По мнению ученых, основным критерием сближения этих двух понятий можно считать «чрезмерность». Литота, как и гипербола, является способом создания субъективно-оценочного образа посредством «чувственных излишеств», в чем и заключается ее выразительность.

В вопросе соотношения гиперболы и литоты Л.П.Крысин отмечает: «Преуменьшение предмета – это не что иное, как преувеличенное представление малых размеров предмета» [Крысин, 2004: с.249].

В свою очередь, Е.В.Поликарпова рассматривает «минимизацию признака», когда малое представляется ничтожно малым, как «второй семантический вариант гипербол-преувеличения» [Поликарпова, 1990: с.5].

И.В.Арнольд, поддерживая точку зрения большого числа авторов лингвостилистических исследований, утверждает, что «высшая степень преуменьшения может одновременно рассматриваться как прием литоты и гиперболы, поскольку оба стилистических явления модифицируют реальность в ту или иную сторону и сообщают высказыванию эмфатичность». Поэтому литоту, по его мнению, можно считать «формой обратной гиперболы или явной умеренности высказывания» [Арнольд, 2005: с.364].

Отмечая тесное взаимодействие гиперболы и литоты, Т.А.Дорогова объясняет это тем, что «существует два вида гипербол: гипербола-преувеличение и гипербола-преуменьшение, так называемая «антигипербола» [Дорогова, с. 106].

Данную позицию поддерживает И.В.Погорелов, который отмечает, что «гиперболой можно назвать как прием чрезмерного преувеличения,

так и преуменьшения в контексте реализации мысли. При этом это не простое преувеличение, которое может передавать эмоциональную базу говорящего, а описание невероятного, даже сомнительного, граничащего с крайностью» [Погорелов, 2005: 91].

Т.А.Гужова, развивая мысль о двух семантических вариантах гиперболы, заключающихся в максимизации и минимизации признака, отмечает: «...характеризуемое представляется, как правило, намного большим в гиперболах преувеличения и намного меньшим в гиперболах преуменьшения».

Рассмотренные дефиниции термина «гипербола» позволяют сделать вывод, что гипербола является средством выражения не тождественного реальным объектам и явлениям нарочитого преувеличения или преуменьшения значения.

Сложившаяся на современном этапе развития лингвистики теория гиперболы располагает крайне ограниченными в количественном плане суждениями относительно функционального потенциала данного средства выразительности. Так, например, согласно С.А.Тихомирову, в качестве пяти основных функций, определенных изобразительной особенностью этого средства, можно назвать следующие: создание образности, выражение эмоционального состояния, усиление впечатления, характеристика, выделение предмета из ряда подобных [Тихомиров, 2006].

В исследовании, посвященном вопросам изучения особенностей функционирования гиперболических выражений в рекламном дискурсе, Т.А.Гужова называет прагматическую функцию [Гужова, 2013].

Зависимость функционального потенциала гиперболы от ее разновидности отмечает В.А.Кузнецова: «Функции языковой и речевой (поэтической) гиперболы различны. Языковая гипербола выполняет эмотивную функцию. Поэтическая гипербола – через нарочитое

преувеличение, часто доведенное до абсурда и алогичности, - выполняет функцию комической характеристики» [Кузнецова, 1990: с.24].

Согласно точке зрения М.Т.Султановой, автор, используя приемы умышленной минимизации и максимизации значений, «преследует цель передачи не только эмоционального состояния персонажей, но и раскрытия различных эстетических функций (трагической, комической, возвышенной, патетической)» [<http://www.rusnauka>].

Таким образом, проанализировав и обобщив немногочисленные высказывания ученых относительно вопроса о выполняемых гиперболой функциях, можно сделать вывод, что наиболее важными из них являются интенсификация выразительности, эмоциональная и эстетическая.

Следует отметить, что в русской лингвистике не сложилось единого мнения и по вопросу таксономии гипербол. В теории гиперболы на сегодняшний день существует несколько классификаций. Ученые едины во мнении, что основным критерием дифференциации гипербол является ставшая традиционной для всех средств выразительности лексического уровня их отнесенность к художественным (или речевым) и узуальным (или языковым) единицам.

Узуальные гиперболы отличаются некоторой шаблонностью и устойчивостью и вследствие широкого употребления потеряли свою образность. В свою очередь, художественная гипербола – это «явление, в котором обозначение гиперболической меры является индивидуальным авторским изобретением, а не заимствуется из средств, перешедших в норму» [Арнольд, 2005: с.65].

Н.Д.Десяева предлагает структурную классификацию гиперболы, выделяя их на уровне слова – однокомпонентные, на уровне словосочетания – двухкомпонентные и на уровне предложения – многокомпонентные [Десяева, 2008: с. 112].

Типология Л.П.Крысина основывается на следующей дифференциации гипербол 1) по степени устойчивости связи между

компонентами - свободные и несвободные; 2) по принадлежности единиц к той или иной части речи - глагольные, адъективные, адвербиальные [Крысин, 2004: с. 255].

Наиболее подробную, на наш взгляд, классификацию гиперболизированных единиц предлагает С.А.Тихомиров, основываясь на следующих признаках:

1) по степени устойчивости связей между компонентами: свободные и несвободные (модель «гипербола + стилистический прием» = фразеологизм);

2) по структурному критерию: однокомпонентные, двухкомпонентные, трехкомпонентные;

3) по уровневому критерию: стилистические средства, реализующиеся на уровне слова, словосочетания, фразы, ССЦ, текста;

4) по степени образности: образные и необразные;

5) по функциональному критерию: стилистические средства, выполняющие пять основных функций;

6) по степени освоенности: общеупотребительные (языковые) и индивидуально-авторские (речевые);

7) по критерию взаимодействия стилистических средств: «гипербола + стилистический прием»;

8) по семантическому критерию: преувеличение большого, преувеличение малого (размеров, признаков, предметов и т.д.);

9) по морфологическому критерию: субстантивные, адвербиальные, глагольные, выраженные другими частями речи;

10) по собственно стилистическому критерию» [Тихомиров, 2006: 15].

Несмотря на то, что гипербола представляет собой одно из наиболее эффективных и эффективных средств выразительности, дискуссионным остается вопрос описания ее видов, структурных особенностей и языковых средств выражения. В частности, относительно способов

репрезентации гипербола в современной лингвистике бытует несколько противоречивых точек зрения. Одна из них принадлежит автору исследования «Гипербола в градуальном аспекте», который в качестве языковых средств оформления гиперболических высказываний выдвигает следующие: 1) фонетические, 2) графические (и орфографические), 3) лексико-грамматические, 4) фразеологические, 5) собственно грамматические (морфологические и синтаксические) [Тихомиров, 2006: с.12]. При этом под фонетическим средством ученый подразумевает аллитерацию и ассонанс, под графическим – особое изображение одного элемента художественного текста: курсивный шрифт, пробелы между буквами, прописные буквы вместо строчных и т.д. Лексико-грамматические ресурсы представлены различными частями речи, фразеологические – устойчивыми сочетаниями, морфологические – степенями сравнения имен прилагательных и наречий, грамматическими формами глаголов; синтаксические подразумевают инверсию, восклицательные и вопросительные конструкции, предложения с модальным значением и др.

Основными лингвистическими средствами и свойствами гиперболизации в языке и речи, по мнению Т.А.Гужовой, являются:

- 1) словообразовательные средства, представленные различными аффиксальными носителями гиперболического значения;
- 2) грамматические, в качестве которых рассматриваются преимущественно степени сравнения прилагательных;
- 3) лексические, несущие в себе семантику нарочитого преувеличения слов различных частей речи;
- 4) фразеологические, репрезентированные устойчивыми сочетаниями;
- 5) лексико-стилистические, подразумевающие взаимодействие гиперболы с другими средствами выразительности [Гужова, 2013: с.15].

Несколько отличное от предыдущих положений мнение выдвигает Л.П.Крысин, который строит классификацию гипербола на основе уровневой принадлежности: морфологические (формы множественного числа, *пол-* в комбинации с существительными и др.), лексические (слова, обозначающие меру, количество, а также кванторные слова, усилительно-модальные частицы, временные и пространственные наречия, прилагательные и наречия в превосходной степени), фразеологические (устойчивые выражения, сравнительные обороты с союзом как), синтаксические (различного рода именные и глагольные конструкции) [Крысин, 2004: с.227].

Разногласие вызывает вопрос не только о количественной и аспектной репрезентации средств гиперболизации, но и об их содержательности. Так, степени сравнения прилагательных, по мнению С.А.Тихомирова, относятся к морфологическим средствам выражения гиперболического значения, по мнению Т.А.Гужовой, являются чуть ли не единственным грамматическим ресурсом, а с точки зрения Л.П.Крысина - языковой единицей лексического уровня.

Таким образом, обобщая и систематизируя существующий в нашем распоряжении объем информации по теории гипербола можно привести наиболее приемлемые для настоящего исследования положения:

Рассмотренные дефиниции термина «гипербола» позволяют сделать вывод, что гипербола, будучи языковым явлением, является средством выражения не тождественного реальным объектам и явлениям нарочитого преувеличения или преуменьшения значения.

Наиболее важными составляющими функционального потенциала гипербола являются интенсификация выразительности, эмоциональная и эстетическая функции.

Таксономия гипербола основана на следующих признаках:

- 1) по степени освоенности: общеупотребительные (языковые) и индивидуально-авторские (речевые);

- 2) по степени устойчивости связей между компонентами: свободные и несвободные;
- 3) по критерию взаимодействия стилистических средств: простые и осложненные;
- 4) по семантическому критерию: преувеличение большого, преувеличение малого (размеров, признаков, предметов и т.д.);
- 5) по морфологическому критерию: субстантивные, адвербиальные, глагольные, выраженные другими частями речи;
- 6) по уровневому критерию: стилистические средства, реализующиеся на уровне слова, словосочетания, фразы, ССЦ, текста.

Основные языковые средства построения гиперболических конструкций представлены на словообразовательном (аффиксальные носители гиперболического значения), лексическом (слова любых частей речи, несущих в себе семантику преувеличения или преуменьшения), морфологическом (степени сравнения прилагательных и наречий, парадигма слов) и синтаксическом (именные и глагольные конструкции) уровнях.

III.2.2. Теоретические предпосылки изучения гиперболы в таджикском языке

В предыдущих главах настоящего исследования было отмечено, что средства выразительности в таджикском языке имеют статус литературоведческих терминов. Те немногочисленные научные изыскания, в той или иной мере посвященные изучению средств выразительности, носят литературоведческое направление и рассматривают их как художественный прием. На современном этапе таджикская наука не располагает информацией о средствах выразительности как о лингвистических феноменах. Будучи средством выразительности лексического уровня, гипербола не была избрана объектом лингвистических исследований таджикских ученых. В связи с

этим в данном разделе настоящего исследования предпринята попытка пролить свет на языковую природу гиперболы и разграничении литературоведческого и лингвистического понимания термина «гипербола» в таджикском языке.

Прежде всего, по сложившейся традиции, считаем необходимым дать обзор лексикографического материала по данному вопросу. РТС рассматривает данное понятие как литературоведческую и математическую единицу: «1. *Лит.* муболиға, иғроқ; 2. *Мат.* Гипербола» [РТС, 1985: с.172]. В ФТР, в свою очередь, к понятию «муболиға» приводится два эквивалента, одно - общеупотребительное слово, другое - научный термин: «1. Преувеличение; 2. *Лит.* гипербола» [ФТР, 2006: с.358]. Понятие «иғроқ» также оказалось полисемичным: «1. *Кн.* Потопление, затопление, утопление; 2. *Лит.* гипербола» [ФТР, 2006: с.240]. ФТЗТ трактует эквиваленты термина «гипербола» следующим образом: «Муболиға – 1. Чрезмерное восхваление чего-либо, чрезмерность в изображении; 2. *Лит.* одно из средств художественного изображения, основу которого составляет сверхъестественное восхваление или порицание» [ФТЗТ1, 2010: с.823]; «Иғроқ – чрезмерное преувеличение, чрезмерное восхваление или уничтожение кого-л. [ФТЗТ1, 2010: с.535]. Следовательно, как и его русский коррелят, *муболиға* рассматривается в таджикском языке в качестве нейтрального слова и как литературоведческий и математический термин.

Автор «Русско-таджикского словаря литературоведческих терминов» в качестве эквивалентов термина «гипербола» выдвигает сразу 4 слова: «Гипербола – муболиға, иғроқ, ғулув, ифрот» [Табаров, 1988: с.25]. Появившиеся в данной интерпретации новые понятия являются книжными в таджикском языке и имеют следующие значения: «Ғулув – *Кн.* крайность, чрезмерность, преувеличение» [ФТР, 2006: с.174], «Ифрот – чрезмерность, излишество, крайность» [ФТР, 2006: с.255].

Другими словами, все приведенные эквиваленты в той или иной мере тождественны и синонимичны.

В «Словаре литературоведческих терминов» (1966 года издания) в словарной статье «муболига», дается такое толкование этого термина: «средство выразительности, которое широко используется в таджикской классической и современной литературе. Для более красочного изображения какого-либо события или образного описания человеческого качества, для более эффектного выражения своей эмоциональной оценки писатель показывает образ или событие в преувеличенных масштабах. Такое преувеличенное изображение является муболигой» [Ходизода, 1966: с.55]. Для иллюстрации данного определения ученый приводит строки Шамсиддина Шахина, в которых содержится описание тощей, обессиленной лошади:

Шикам аз гояти ковокию қоқӣ чу сабад,

Пой аз бобати бемагзию хушкӣ чу гарав.

Арраи пушти ваю тумшуқи қоқуртии ӯ

Метавон гуфт, ки ин пармиву он оҳансав. - Живот ее из-за крайней степени рыхлости и худобы подобен корзине, / Ноги по причине отсутствия костного мозга и сухости, подобны свирели. / Ее позвоночник и морда, / можно сказать, сверло и напильник.

Аналогичной точки зрения относительно природы гиперболы придерживается автор «Краткого словаря литературоведческих терминов» [Мирзозода, 1992: с.70-71].

Т.Атаханов, автор другого «Словаря литературоведческих терминов» на таджикском языке, предлагает следующую интерпретацию термина: «Муболига – будучи одним из средств выразительности, используется в литературе и разговорной речи в целях чрезмерного восхваления или принижения кого- или чего-либо. Муболига в разговорной речи называется мухобот (преувеличение). Муболига используется в поэзии и прозе для более выразительной передачи каких-

либо жизненных ситуаций, человеческих качеств, для более экспрессивного отображения человеческих эмоций» [Атаханов, 2002: с.212-213]. Иллюстрацией сформулированного определения послужил байт С.Айни:

Зи анбӯҳи мардум дар он анчуман

Набуд лек як ҷои сӯзан задан. – Из-за огромной толпы людей на том собрании / некуда было упасть иголке.

Позиция авторов лексикографических источников относительно природы гиперболы почти полностью совпадает с точкой зрения ученых-литературоведов Т.Зехни, Х.Шарифова, Ю.И.Бобоева.

Так, Т.Зехни объясняет сущность гиперболы следующим образом: «В целях описания или восхваления чего-либо писатель иногда переходит грани реальности и показывает его с большей или меньшей интенсивностью, превозносит до самой высшей точки или опускает до нижайшего уровня. Такое изображение называется муболиғой. В народе гиперболу называют преувеличением.

Следующие примеры являются ярким образцом гиперболы:

Як нахӯд каллаву сад ман дастор,

Ин каму беи чӣ маъно дорад? (Бедил) [Зехни, 1992: с.65].– Голова с горошину и сто манов (единица измерения 1 ман – 1 га) чалмы, / Что означают эти излишества?

«Дар фазои тира овози ҷавон

Рафта то авҷи Сураи барқсон (М.Турсунзода)» [Зехни, 1992: с.65]. – В темноте голос юноши / Молнией достиг небес.

Сходное толкование исследуемого понятия приводит Ю.И.Бобоев, автор учебного пособия по литературоведению: «Сверхъестественное и нереальное преувеличенное изображение предметов, образов или событий называется муболиға» [Бобоев, 1974: с.160].

Как следует из приведенных примеров, в вопросах определения сущности гиперболы среди таджикских ученых сложилось единое

мнение. Не противоречивы их суждения и относительно разновидностей гиперболы. Согласно им в таджикском языке выделяется три разновидности гиперболы: муболиға, игроқ и ғуллув.

Муболиға (или муболиғаи таблиғ), будучи основной гиперболой, предполагает «разумное преувеличение изображаемого предмета или признака, чуть большее превышение нормы» [Бобоев, 1974: с.160], «должно соответствовать логике, быть жизненным» [Зехни, 1992: с.65].

Более высокая степень гиперболы носит название игроқ (в переводе с арабского «натянуть тетиву на лук»). Эта разновидность гиперболы подразумевает «отображение особенностей событий или людей с большим, но в то же время правдоподобным преувеличением или отклонением от нормы» [Бобоев, 1974: с.161].

Примечательны в этом плане комментарии Т.Зехни, составленные им для пояснения отличительных характеристик второй разновидности гиперболы-игроқа:

«Е самову замин тагурӯ шуд,

Моҳ ду паллаи тарозу шуд (М.Турсунзода) – (Или перевернулись земля и небо, месяц стал двумя чашами весов-С.Р.).

Это изображение относится к разновидности гиперболы - игроқ, так как, несмотря на то, что в реальной жизни земля и небо не могут поменяться местами и месяц не может уподобиться двум чашам весов, такой художественный замысел вполне логичен и имеет здравый смысл. Иными словами, хотя событие не имело место в действительности, читатель может представить себе такое» [Зехни, 1992: с.66].

Следующая разновидность гиперболы - ғуллув. Данное средство выразительности получило следующее толкование в «Словаре литературоведческих терминов»: «Высшей степенью гиперболы является ғуллув (*ар. поднимать руку до возможных пределов*), при котором в целях восхваления автор может использовать средства изображения,

совершенно далекие от действительности и не поддающиеся здравому смыслу» [Ходизода, 1966: с.56-57].

Следовательно, упомянутые разновидности гиперболы отличаются друг от друга большей или меньшей степенью интенсивности гиперболизируемого признака.

Анализ теоретической литературы позволил выявить тот факт, что таджикская наука не рассматривает существование такого понятия, как литота. Единичное указание можно найти только в пособии «Введение в литературоведение», где наряду с метафорой и метонимией, сравнением и эпитетом, иронией и гиперболой автор упоминает о таком средстве выразительности, как *тасгир*, определяя его следующим образом: «Тасгир – это средство художественного изображения, используемое в поэзии и прозе и подчеркивающее мелкость, и незначительность человека, предмета или события. *Тасгир* в теории литературы именуется малой гиперболой. В устном народном творчестве, детской литературе и любовной лирике *тасгир*, как выражение ласки и благосклонности, является очень продуктивным средством» [Бобоев, 1974: с.163].

Вместе с тем в определении дефиниции термина «гипербола», данном Т.Зехни, «писатель иногда в целях описания или восхваления чего-либо переходит грани реальности и показывает его в больших или *меньших* размерах, превозносит его до самой высшей точки или *опускает до нижайшего уровня*», отмечаются указания на минимальные признаки гиперболизированной единицы.

Таким образом, обзор теоретического материала по исследуемому вопросу позволил сделать вывод о том, что в таджикской науке сложилась единая точка зрения относительно природы гиперболы. В качестве литературоведческого термина «гипербола» в таджикском языке обозначена как *муболига*, дефиницией которой выступает следующее ее определение: «сверхъестественное и нереальное преувеличение значений предметов, образов или событий». Выделяются

две разновидности гиперболы – *игроқ* и *гуллув*. Относительно литоты следует отметить, что есть лишь единичные упоминания о ней как о самостоятельном средстве выразительности и как об обратном преувеличении явления.

В исследовании данного языкового явления были использованы следующие термины: *гиперболизированные единицы - гиперболические высказывания - гиперболические выражения, гиперболизация, гипербола-преувеличение, гипербола-преуменьшение, литота, гипербола «наоборот», гиперболизируемый признак, гиперболизированное значение, гиперболический эпитет, гиперболическая метафора, гиперболическое сравнение.*

III.2.3. Лингвистический анализ гиперболических высказываний таджикского языка

Отталкиваясь от уже сложившейся в русском языкознании теории гиперболы и обобщая результаты проведенного анализа таджикских лексикографических и научных источников литературоведческого характера, в данном разделе предпринята попытка рассмотреть гиперболу в качестве лингвистического феномена.

Необходимо отметить, что гиперболизированные единицы настолько многочисленны и разнообразны, что в рамках данной работы можно только обозреть их разновидности и типы, сопроводив краткими комментариями.

Для реализации намеченной цели необходимо использовать выдвинутую в качестве наиболее приемлемой для нашего исследования классификацию гипербол и составленную картотеку образцов гиперболизированных единиц в объеме более 300 единиц, почерпнутых из рассказов современных таджикских писателей.

Наиболее актуальным в языке является дифференциация гипербол **на общеупотребительные (общезыковые) и индивидуально-авторские (речевые).** Общеязыковая гипербола, именуемая часто стертой,

узуальной, представляет собой «достояние языка» [Виноградов, 1969: с.16]. Будучи направленной на создание конкретного образа, находит свое применение главным образом в разговорной речи и образуется за счет уже существующих в языке моделей. Данные гиперболы приобрели в языке своего рода штампы: *охи пурдард, одами пушту устухон, олам гулистон, азоби саг, азоби дузах, дар ду дуне, ҳафт иқлим, ҳафт пушт, қисса кӯтоҳ, дилхунук шудан, тити тит кардан* и др. Как показала инвентаризация всех участвующих в исследовании гиперболических конструкций, общеязыковые обороты менее популярны в современной таджикской прозе.

– *Сагзон будааст, – яке аз он се нафар, ки дар муқобили ӯ меистоданд (Кӯҳзод, 1987: с.119).* - — *Живуч, как собака,— сказал один из трех басмачей, стоявших напротив (Кухзод, 1991: с.355).*

Хочагиаш навташкил, аз худатон гап намемонад, ҳазору як ташвиш дорад (Турсун, 1983: с.245). - *Хозяйство у него новое, сами понимаете, тысяча и одна забота... (Турсун, 1982: с.201).*

«Сарпарастӣ ҳам ҳадду андоза дорад. Наход худата ин қадар хоки роҳ, хору зор бикунӣ? Биллоҳ, аз бешавҳарӣ мурам ҳам як рӯз бо ин хел мارد зиндагӣ намекунам» (Самад, 2002: с.179). - *«Бывают жены покорные, но не настолько же! Как можно быть такой бессловесной, такой забитой?! Ей-богу! Век бы без мужа прожила, но за такого ни за что не пошла!» (Самад, 2018: с.108).*

В противовес общеязыковой, индивидуально-авторская гипербола является плодом творческой деятельности писателя, представляет стиль и креативность художника слова, одновременно наделяя текст оригинальностью и неповторимостью.

Чунон мечарид, ки сабзае зери сумаиш хам намехӯрд, нақше пас аз ӯ дар соҳил намемонд (Баҳманер, 1988: с.94). - *И ни травинка не приминалась под его копытами, ни следа не оставалось после него на берегу (<http://www.proza.ru>).*

Борон шиддат мегурифт, сару рӯйро лесид мегузаит (Хамдам, 2003: с.18). – *Дождь с каждой минутой усиливался, заливая все вокруг* (Хамдам, 2012: с.453).

Ҳавсала аз кучо мешавад, ки хаста шудааст, зеро бори рӯзгор мондааст, паҳи кардааст буду набуди зиндагӣ ўрову рӯҳи ўро (Кӯҳзод, 1987: с.232). - *Да и откуда будет настроение, если он устал, если тело и душа его словно бы раздавлены* (Кухзод, 1991: с.329).

Худхоҳию номардиаш то ҳаде буд, ки хешро Худои қисмати ман меҳисобид ва ҳатто ҳуқуқи модар шуданро аз ман рабуда буд (Одиназода, 2016: с.52). - *Его эгоизм и подлость достигли такого предела, что он считал себя хозяином моей судьбы. Он даже отнял у меня право быть матерью* (Одиназода, 2016: с.99).

Другим критерием таксономии гиперболы как лингвистического явления является ее разграничение по степени устойчивости связей между компонентами. По данному признаку выделяются свободные (не имеющие в своем составе фразеологизмов) и несвободные (образованные на основе фразеологических единиц).

Как известно, фразеологические единицы, будучи одним из выразительных средств эмоционального воздействия и образной интерпретацией фрагмента мира, обладают особой оценочностью и экспрессивностью, степень интенсивности которой может быть выше или ниже нейтрального показателя.

Как показал семантический и количественный анализ языкового материала, несвободные гиперболические выражения довольно востребованы таджикскими писателями, несмотря на то, что по частотности они уступают свободным гиперболам. Наиболее продуктивными оказались такие устойчивые обороты таджикского языка, содержащие гиперболическую интенсификацию меры признака изображаемого предмета, явления, действия или состояния, как *як гул ҳанӯз баҳор нест, аз сад як гул нашукуфтан, аз як гиребон сар баровардан,*

қадаш як ваҷаб, дуд ба осмон печидан, сарро ба қучо задан, осмон ба замин часпад, замини осмон чапаву роста шудан, аз мӯи сар зиед, аз дуне беармон рафтан, ангушти ҳайрат газидан, қиемат қоим шуд, мӯи тан сих шудан, сағ соҳибаширо намебад, ба сар бало харидан, ба фалак печидан, аз даҳон ба даҳон гузаштан, хуғи ҷангал кунаду..., дар дил алов рехтан, як қад паридан, хуни ҷигар шудан, худоя Худойбердӣ гуфташ, мор шунавад, нӯст мепартояд и др.

Идорашии шудам, олим шудам гуфта Худоя Худойбердӣ гуфта гаштан ҳам аз рӯи инсоф не. Афсуси ҳамон занак. Раҳматӣ як пиела оби Мансура нанӯшида аз дуне баармон рафт (Ҳамдам, 1982: с.164). – Сидит в конторе, считается ученым человеком, все это здорово, но не навевывается домой, где тяжело и нуждаются в тебе, считаю, просто бесчеловечно (Ҳамдам, 2012: с.416).

Замину осмон дар назараи чапаву роста гашт (Самад, 2002: с.181). - *Земля из-под ног его будто ушла, в глазах потемнело* (Самад, 2018: с.115).

Ин харгӯи ба сараш бало харид. Чандин бор аз рама ҷудо шуда гурехт, вале ӯ ҳамчунон метохт, ки харгӯи пешаи ҳеч буд (Баҳманер, 2013: с.233). - *Тот заяц принес ему несчастье, то и дело сбегая из отары. Но сам он бежал так быстро, что зайцу было далеко до него* (<http://www.proza.ru>).

- *Ба хонашино кӯчагардӣ ҳақ дорему лекин... Агар аз рӯи инсоф гӯем, ин шабу рӯз ташвиши ҷӯпон-мардум аз мӯи сараш ҳам зиед* (Турсун, 1983: с.234). - *Да только, если сказать по совести, хлопот у чабанов сейчас больше, чем волос на голове* (Турсун, 1982: с.191).

Мӯйсафед тамоми захраиширо ба ман рехт. Суханоне гуфт, ки агар мор шунавад, нӯст мепартофт (Фирӯз, 1981: с.66). – *Старик весь свой гнев обрушил на меня. Он ругал меня такими словами, что как говорится, услышь их змея, и та бы скинула свою кожу от стыда* (Фирӯз, 1990: с.380).

Следует отметить, что такие единицы, как правило, носят пословичный характер, им присуща штампованность и стереотипность, их преувеличительная семантика не в полной мере воспринимается носителями языка.

Большая интенсивность и экспрессивность гиперболизированных единиц достигается, на наш взгляд, свободными единицами, которые составили преобладающую часть исследуемых образцов, например:

Фавораи фалокатсадои отаи ба осмон мебаромаду ба замин фурӯ мерехт, ба фазо мерафту ба замин пош мехӯрд (Кӯҳзод, 1987: с.233). - Гигантский ослепительный фонтан огня бил высоко в небо и обрушивался вниз, летел в пространстве и рассыпался по земле (Кухзод, 1991: с.331).

Худаширо чунон бардам ҳис мекард ки хаелаи, як зӯр занад, Исҳоқ-оҳангари то ҳол шонаиш хокнахӯрдари ҳам аз пой дармеорад (Турсун, 1983: с.230). - Он чувствовал себя столь свежим и бодрым, что, казалось, если поднатужиться, то можно повалить и кузнеца Исхака, лопатки которого до сих пор не касались земли (Турсун, 1982: с.187).

Агар онҳо ба ҳаво мехестанд осмон тира мегашт ва агар ба замин менишастанд замин. Пас аз онҳо замин сари мӯрехтааро мемонду дарахтон устухонҳои лучи гӯристонро ба ед меоварданд (Баҳманер, 2013: с.233). - Когда саранча поднималась в воздух, темнело небо, а когда садилась на землю — покрывала ее ковром. После саранчи земля становилась похожа на лысый череп, а деревья напоминали обглоданные кости (<http://www.proza.ru>).

Критерий взаимодействия стилистических средств является следующим признаком классификации гиперболических выражений. По данному параметру различают простые и осложненные гиперболы. Под понятием осложненные гиперболы подразумеваются такие единицы, в которых гиперболизация происходит за счет наложения других стилистических приемов. В художественных текстах наиболее продуктивным является взаимодействие гиперболы с такими

стилистическими приемами как метафора, ирония, сравнение, эпитет, антитеза и др. Границы между ними прозрачны. Комбинируясь, они усиливают экспрессивное воздействие на коммуниканта, но в то же время не теряют своих собственных стилистических особенностей. Значительная часть исследуемых образцов – около 180 единиц (или 60%), представляют собой осложненные гиперболы.

Так, комбинация гиперболы и сравнения образует гиперболическое сравнение, основывающееся на интенсификации признаков сопоставляемых предметов. Следует отметить, что в современной таджикской малой прозе гиперболические сравнения пользуются большой популярностью, в силу чего они составляют наиболее многочисленную группу осложненных гипербол (было выявлено более 50 случаев их использования). Гиперболизация в таких случаях достигается при помощи компаративных конструкций, показателями сравнения в которых выступают лексемы *монанд*, *шабех*, *гӯе*, *барин*, *ҳамчун* и др.

Ин оташ, ба монанди як сутуни азими гирдбод, ҳар чинсеро, ки дар сари роҳаш буд, печонида, об карда, тафсонид ба ҳаво бардошт ва пош дод (Кӯҳзод, 1987: с.232). - Исполинский столб огня подхватывал, вращал и разбрасывал все на своем пути (Кухзод, 1991: с.331).

Қисса кӯтоҳ, аспе буд, ки кас аз тамошоияи сер намешуд, гӯе ҷонвар не, духтар бошад (Баҳманер, 1988: с.92). - Словом, такая была лошадь, что гляди – не наглядисься, точно не животное это, а девушка... <http://www.proza.ru>).

Гиперболизация достигается за счет изображения и сопоставления двух явлений и образов: *оташ* – *гирдбод*, *ҷонвар* – *духтар*. Вместе с тем, экспрессивность повышается за счет наличия в контекстах и других интенсификаторов: в первом эпизоде - приема градации, построенной на последовательности глагольных форм с усиливающимся значением – *печонида*, *об карда*, *тафсонид*, *ба ҳаво бардоштан*, *пош додан*; во втором

– литоты – *қисса кӯтоҳ*, в третьем - гиперболизированного выражения – *аз тамошо сер нашуда*.

Посредством гиперболических сравнений выражается предельная мера действия, состояния, качества, степень проявления состояния и силы признака.

Довольно многочисленны случаи использования в художественных текстах гиперболической метафоры (около 40 случаев, или 22% от общего числа осложненных гипербол), подчеркивающей существенную черту идиостиля ряда авторов. Наслоение метафоры на гиперболу обуславливает порождение более яркого и тонкого смысла художественного текста, отображая действительность под другим углом зрения и формируя многочисленные коннотации. По мнению ученых, «синкретизм гиперболического и метафорического образов приводит к увеличению функциональной валентности стилистического приема» (Тихомиров, 2006: с.14).

Дар кӯҳистони Невадо-де-Руис фавораи отаи дили заминро чок карда, пуштаиро даронида ба осмон баромад, ки даҳҳо километри мураббаъро равшан кард. (Кӯҳзод, 1987: с.232). - В горах Невадо-де-Руис, вспоров земную кору, взметнулся в небо огненный фонтан и озарил на десятки километров вокруг спящую горную местность (Кухзод, 1991: с.331).

Кӯрдуде ба ҳар су забон мезад, бугӣ кардан мехост ин кӯрдуд ҳамаро: аз ҳасад, аз рашк, аз кина (Баҳманер, 2013: с.229). Он бился и метался в разные стороны, ища выхода, хотел всех удушить этот дым (<http://www.proza.ru>).

Гиперболизация в приведенных образцах достигается на основе метафорических сочетаний: *фавораи отаи*, *фавора ба осмон мебаромад*, *дили замин*, *пушти замин*, *фавора дили заминро чок мекард*, *фавора пушти заминро мебаронд*; *кӯрдуд забон мезад*, *кӯрдуд мехост*, *кӯрдуд бугӣ мекард*, *кӯрдуд ҳасад мебурд*, *кӯрдуд рашк мекард*, *кӯрдуд кина дошт*.

Взаимодействие гиперболы и антитезы преувеличивает явления в их противопоставленности. Подобного рода комбинации пользуются широкой популярностью среди таджикских писателей и представлены в анализируемом материале почти равнозначно гиперболическим метафорам (выявлено 33 случая, или 18%).

Мо бо ин ҳама тиру туфанг, гулулаву тӯб дар назди ин ҳашараи кӯчак нотавон будем (Баҳманер, 2013: с.233). - Мы, со всеми нашими ружьями и пулями, пушками и снарядами, оказались бессильны перед ничтожным насекомым (<http://www.proza.ru>).

Қоҳ-қоҳ ханда зад амир, чунон ки сояҳои ӯ ба худ ларзиданд. Кадом ромшигар, кадом побараҳна, кадом як мӯрча! Бо шер ҳазл кардан мехоҳад (Баҳманер, 2013: с.229). - Он громко расхохотался, так что тени вокруг невольно задрожали. Какой-то песнопевец, какой-то босяк, какой-то муравей желает шутить со львом? (<http://www.proza.ru>).

Гиперболическая антитеза в рассматриваемых образцах построена на контекстуальных антонимах: *мо* – *ҳашара*; *бо тиру туфанг, гулулаву тӯб* – *кӯчак*; *ромшигар, побараҳна* – *амир*; *мӯрча* – *шер*.

При взаимодействии гиперболы и эпитета образуется гиперболический эпитет, смысловая структура которого характеризуется наличием определения семы интенсифицирующего значения, присущей гиперболе. Примерами гиперболического эпитета могут послужить следующие словосочетания: *шиҳаи талху қонхарош* - *горький, душераздирающий хрип-ржание*; *суроби нуртабу тобу* – *разгоряченный силуэт*; *ӯ ҳақиру зору лоилоҷ* - *он жалкий, ничтожный, беспомощный*, *ашики сӯзони надомату пушаймонӣ* – *жгучие, полные раскаяния и сожаления слезы*; *чанголҳои сарди гург мехрубонтар* – *холодные волчьи когти милее*.

Ва ҳоло шиҳаи талху қонхароши асп ба гӯш, суроби нуртабу тобу қонвар, хати качу килеби чанг ва дастӣ бо тозиена боло бардоштаи савора ба чаши, ӯ ҳақиру зору лоилоҷ чун мусибатзада менишаст ва ба ожангҳои

зери чашмонаш **ашики сӯзони надомату пушаймонӣ** метаровид (Самад, 2002: с.116). - *И теперь он сидел, жалкий, ничтожный, беспомощный, убитый горем, в ушах звенел горький, душераздирающий хрип-ржание скакуна, перед глазами силуэт иноходца, кривая пыльная дорога, уходящая вдаль, и поднятая высоко рука всадника с нагайкой. И по извилинам морщин под глазами стекали горячие слезы запоздалого раскаяния и сожаления* (Самад, 2018: с.200).

*Ман аз муҳити **пурфиреби рӯбоҳмонандҳо** ба додгоҳи гург шикоят мебардам ва бароям аз дастони инсон **чанголҳои сарди гург меҳрубонтар** буданд* (Одиназода, 2016: с.51). - *Я шла в волчье логовище с жалобой на обман моего лисьеподобного окружения. Его острые когти были для меня милее ласки человеческих рук* (Одиназода, 2016: с.99).

Менее популярны гиперболические комбинации с иронией (18 единиц), градацией (10 единиц), литотой (7 случаев употребления) и другими стилистическими приемами.

Гипербола содержит в себе потенциал, необходимый при выражении иронии, поскольку нарочито неправдоподобное изображение способствует образному усилению выражаемого смысла.

- *Гап агар, мулло, дар риш бошад, **така пайгамбар мешуд**, – ба оҳанги масхара сухани ӯро бурид Сангин Рамазон* (Турсун, 1983: с.242). - - *Если все дело в бороде, мулло, то и козел бы стал пророком, - насмешливо перебил Сангин Рамазон* (Турсун, 1982: с.199).

В качестве механизмов гиперболизации могут служить все компоненты градации, к тому же каждый последующий может выражать еще более сильную эмоцию по сравнению с предыдущей. Такой тип осложненной гиперболы можно наблюдать в следующем контексте, где гиперболизация достигает максимальной точки еще и за счет наложения повтора.

Вулқони Аренас отаи мефишонд, тиряхи кӯҳистони Невадо-де-Руис об мешуд ва оби сел чангалҳоро фурӯ мебард, боготро фурӯ мебард,

*шахрҳоро **фурӯ мебурд**, деҳотро фурӯ мебурд, бо одаму ҳайвону наботаи фурӯ мебурду ҳеҷ серӣ надошт (Кӯҳзод, 1987: с.235). - Фонтан вулкана Аренас не иссякал; тающий ледник горного массива Невадо-де-Руис извергал прожорливые потоки, которые, устремляясь с круч в долину, срезали леса, сады, сносили города и деревни, поглощали людей и животных (Кухзод, 1991: с.333).*

Таким образом, в таджикском языке явление осложненной гиперболы довольно частотно, ее взаимодействие происходит почти со всеми известными науке стилистическими приемами. Широкое использование осложненных гипербол объясняется, на наш взгляд, желанием автора повысить экспрессивность высказывания, синтезировать выразительные особенности стилистических приемов, сочетание которых содействует реализации образной функции и функции преувеличения.

Другим признаком таксономии гипербол является семантический признак: **преувеличение большого, преувеличение малого** (размеров, признаков, предметов и т.д.). В данном случае речь идет о собственно гиперболе и гиперболе «наоборот», или гиперболе и литоте.

Относительно данного критерия дифференциации гипербол следует отметить, что превалирующая часть участвующих в исследовании образцов несут в себе семантику преувелечения большого, то есть представлены собственно гиперболой. Гиперболизированные единицы со значением преувеличения малого крайне малочисленны, в процентном соотношении составляют лишь 15% от общего числа гипербол. Важно отметить, что нередки случаи комбинированного использования этих двух разновидностей гиперболы.

*Шуморо **таги но** кард, маро ба **як тин** написандид, тифли **маъсумро** партофта рафт (Ҳамдам, 1982: с.163). – Вас унизила, меня в грош не поставила, бросила невинного ребенка.*

- *Маш шӯхӣ кардам. Ба ман ягон сари хас ҳам лозим нест* (Ҳамдам, 1982: с.161). – *Да шучу я, шучу. Для меня лучший подарок – Ваша радость* (Ҳамдам, 2012: с.412).

Следующим критерием разграничения гипербола является классификация по уровневой репрезентации, предполагающая дифференциацию гиперболизированных единиц по их реализации на уровне слова, словосочетания, фразы, сложного синтаксического целого и текста. Исследование уровневой реализации гиперболических единиц таджикского языка показало, что большей интенсивностью и эмоциональностью отличаются гиперболы, раскрывающие свой смысл на уровнях фразы и предложения. Подобные образцы отличаются наибольшей частотностью употребления. Значительным количеством представлены гиперболы и на уровне сложного синтаксического целого. Реализация гипербола на уровне слова и словосочетания - крайне редкое явление для таджикского языка.

Рассмотрим несколько примеров реализации гиперболизированных единиц:

а) на уровне слова – - *А? Канӣ гап зан, шунавем, - чашмони Мавлон-амак **калон-калон** кушода шуданд* (Ҳамдам, 1982: с.165). – *А? Как не по-людски? Ну-ка, говори... - глаза Мавлона-амака округлились от изумления* (Ҳамдам, 2012: с.417);

б) на уровне словосочетания - *Аз шарфаи тозиена **гӯишҳои** ҷавонмард **қуфл зад*** (Самад, 2002: с.115). - *От ударов и свиста нагайки у молодого мужчины заложило уши* (Самад, 2018: с.198);

в) *Дар ин кӯҳ аз миллиардҳо одамон ангуштишуморашон ба қулла наздик мешуданд, нисфи зиёд дар нимароҳ мемонданд ва нисфи дигараи ҳатто зинапои аввалро гузашта наметавонистанд* (Одиназода, 2016: с.58). - *Людей покоривших эту гору можно подсчитать по пальцам, больше половины остаются на полпути, а остальная часть остается*

внизу, даже не сумев переступить первую ступень (Одиназода, 2016: с.104).

г) на уровне ССЦ - *Амир чунин чавобро интизор набуд. Интизор набуд, ки кадом, як ромшигаре ба вай – Амири Тимури Соҳибқирон чунин густох посух медиҳад. Инро вай фаҳмида наметавонист. Ҳарчанд ки як ҳақиқатро ба хубӣ доништа буд: ҳар қадар аз тани ин қавм аҳром насозад, ҳар қадар деҳу шаҳрҳояширо ба хок яксон карда чав нақорад, боз вай чун рустании худрӯй месабзад (Баҳманер, 2013: с.230).* - Эмир не ожидал подобного ответа. Не ожидал, что презренный уличный певец осмелится столь дерзко ответить ему — Амиру Тимуру Непобедимому, хотя он уже прекрасно усвоил одну истину: сколько бы людей этого племени он ни убивал, сколько бы пирамид из их тел ни сооружал, сколько бы их городов и селений ни сровнял с землей, засеяв ячменем, народ этот снова и снова возвращается к жизни подобно тому, как степная трава оживает с весной (<http://www.proza.ru>).

д) на уровне текста - *Пиряхи куҳҳои Невадо-де-Руис, ки нури офтоб ба он расида ях мебаст, аз поен, аз қабатҳои нимасра гарм шуд, аз боло, аз қабатҳои ду-се сола гарм шуд. Гармии вулқон ҳам аз поен мерасид ба пирях, ҳам аз боло. Пирях аз ду тараф гарм шуд, нарм шуд, об шуд ва обҳо аз ду тараф – ҳам аз қабатҳои боло ва ҳам аз қабатҳои поен – шориданду шориданд... чашмаҳо рӯд шуданд, рӯдҳо дарье шуданд, дарехо кӯли равон. Аввал чашмаҳо аз хона баромаданд, баъд рӯдҳо аз хона баромаданд ва сипас, дарехо аз хона баромаданд, ба ҳам омехтанд, дараву енаҳоро пур карданд ва кафккунону нағразанон равон шуданд, гӯе ки кӯхи Невадо-де-Руис якбора ба оби равон табдил ефт. Об мерафту ба ақиб нигоҳ намекард; бо таъҷил мерафт, бепарво мерафт, хуношом мерафт, фурӯ бурда, пешандоз карда мерафт; понздаҳ метр дамида, бо суръати бисту як километр дар як соат мерафт, ки шаҳри Армеро дар сари роҳаш буд ва ин шаҳр бист ҳазор сокин дошт.. (Кӯҳзод, 1987: с.234).* - Верхние молодые пласты ледника Невадо-де-Руис, от которых солнечные лучи отскакивали,

словно от зеркала, теперь растопились, постепенно плавясь, потекли полувековые пласты снизу; ледник, разогреваясь жаром вулкана сразу с двух сторон, быстро таял, ключи сливались в ручьи, ручьи — в потоки, потоки собирались в реки, реки — в озера. Сначала вышли из русел ручьи, затем — потоки, потом вышли из берегов реки и, перехлестываясь, сливаясь на склонах, с пенным клокотаньем и ревом кинулись вниз и скоро каменные уступы гор Невадо-де-Руис превратились в текущие воды. И воды эти летели стремительно, летели хищно и неотвратно, летели, взметая пятнадцатиметровую волну со скоростью двадцати одного километра в час, и на пути их был спящий город Армеро, в котором обитало двадцать тысяч жителей... (Кухзод, 1991: с.332).

Результаты проведенного в данном разделе исследования позволяют сделать вывод, что, будучи понятием психологии, математики, литературы и других наук, гипербола в таджикском языке имеет и лингвистический статус. Рассмотренные явления гиперболизации определили языковые – семантические и структурные - способы конкретной реализации гиперболы в тексте, особенности устойчивости и окказиональности ее единиц, установили ее наиболее существенные дифференциальные признаки, выявили закономерности взаимодействия гиперболы с различными стилистическими приемами, отражающиеся на стилистической валентности гиперболы.

III.2.4. Проблема передачи таджикских гиперболизированных единиц на русский язык

Отсутствие в таджикском языке лингвистических исследований по теории гиперболы и недостаточная изученность ее как языкового феномена в русской лингвистике существенно осложняют процесс изучения проблем передачи таджикских гиперболизированных единиц на русский язык. С учетом вышесказанного исследование данной проблемы целесообразно проводить на основе ставшего уже базовым в теории

переводоведения положения о четырех критериях адекватной передачи образных средств - семантической, эмоционально-оценочной, экспрессивной и эстетической информации.

Поскольку определение и последующая реализация наиболее корректного способа перевода продиктована структурно-семантическими особенностями гиперболы, исследование степени адекватности передачи гиперболизированных единиц рационально проводить, опираясь на их классификацию.

Ранее отмечалось, что преобладающую часть гиперболических выражений таджикского языка составляют свободные единицы. Приведенный ниже фрагмент исходного текста насыщен гиперболизированными единицами, почти каждый его эпизод содержит интенсификатор экспрессии, указывающий на силу ощущений, переживаемых персонажем:

Худое, ин одамон дар дарандагӣ аз гург ҳам гузаштаанд. Гург ҳеҷ гоҳ гургро намехӯрад, вале ин чо одам одамро мехӯрад. Хешро соҳибони ин дуне пиндошта, тақдирнависӣ мекунанд, ки оқибат ҳазорҳо тақдир қурбони чанголҳои ин гуна гургсиратони одамнамо мешавад (Одиназода, 2016: с.54). – Божже! Эти люди в алчности перевесили даже волков. Волк никогда не ест своих, но здесь люди съедают друг друга. Они, считая себя хозяевами этого мира, предписывают другим участь, и впоследствии тысячи судеб становятся жертвами таких волчьеподобных людей (Одиназода, 2016: с.100).

Однако передача столь наполненного выразительностью и экспрессивностью текста оказалась не под силу переводчику. Так, в качестве коррелята первого гиперболического выражения *одамон дар дарандагӣ аз гург ҳам гузаштан* приводится *люди в алчности перевесили даже волков*. Во-первых, искажена семантическая информация: лексема *даррандагӣ* – жестокость, дикость неоправданно заменяется на лексему *алчность*. И в русской, и в таджикской языковой картине мира волк

ассоциируется главным образом с понятиями *хищник*, *жестокость*, *свирепость*; *волк* никогда не рассматривался как символ *жадности*. Более того, значение 'обнаружение превосходства' в русском языке лучше передать словами *затмить*, *превзойти* или разговорными *обогнать*, *переплюнуть*. Подобраный в качестве эквивалента слову *гузаитан* глагол *перевесить* не отвечает нормам лексической сочетаемости русского языка и не передает образность оригинала. Следовательно, в таком маленьком отрезке текста наблюдаются сразу две переводческие трансформации – лексические замены.

Второе гиперболическое выражение *ин чо одам одамро мехӯрад* передано как *здесь люди съедают друг друга*. В данном случае перевод можно назвать адекватным. Следующее - *хеиро соҳибони ин дуне пиндошта*, - *считая себя хозяевами этого мира*. Передача информации в данном контексте состоялась, морфологические параметры сохранены (деепричастный оборот), однако лексема *пиндоштан* в таджикском языке не является нейтральной и общеупотребительной, как приведенный переводчиком эквивалент *считать*; более приемлемый вариант - использование таких лексем, как *полагать*, *представлять*. Сочетание *тақдирнависӣ мекунад* не нашло своего равнозначного коррелята, поскольку в предлагаемом переводчиком сочетании *предписывают участь* нарушены нормы лексической сочетаемости, вследствие чего снижена экспрессивность оригинала. В данном лексическом окружении вполне уместно употребление штампованного сочетания *распоряжаться судьбами*. Следующая, осложненная метафорическим переносом и сравнительным оборотом гипербола *ҳазорҳо тақдир қурбони чанголҳои ин гуна гургсиратони одамнамо мешавад*, можно сказать, передана на русский язык дословно, за исключением оставшейся вне поля зрения переводчика лексемы *чангол* (*когти*), несущей в себе немаловажную эмоциональную нагрузку.

Сопоставительный анализ текстов исходного и переводящего языков свидетельствует о том, что передача большей части свободных гипербол вызывает трудности у переводчиков. Возможно, это объясняется тем, что гиперболы в своем большинстве являются многокомпонентными конструкциями, что, безусловно, осложняет процесс перевода. Из большого числа исследуемых образцов были выявлены единичные примеры адекватного перевода гиперболических выражений:

Чунон духтаре, ки дар ҳаққаиш мегӯянд: агар об хӯрад, аз гулӯяи метобад (Баҳманер, 1988: с.92). – *Да, такая девушка, о которой говорят: когда пьет, вода сквозь горло просвечивает* (<http://www.proza.ru>).

Барои насл вай омода буд, ки то ба ун дуне равад, агар он ҷо аспи асиле, аспи хушгиле, аспи зӯрpile мавҷуд бошад (Баҳманер, 1988: с.94). – *Чтобы получить хорошее потомство, он готов был отправиться даже на тот свет, если только там есть настоящий конь, породистый конь, крепконогий конь* (<http://www.proza.ru>).

Танҳо фарқ дар он буд, ки фиръавнҳои Миср аз сангу ин амир аз тани одамон аҳром месохт (Баҳманер, 2013: с.226). – *Разница была лишь в том, что египетские фараоны сооружали пирамиды из камня, а этот эмир возводил их из человеческих тел* (<http://www.proza.ru>).

Зачастую при передаче свободных гипербол допускаются переводческие трансформации, при которых не исключена потеря различного рода информации. Так, в следующем контексте осуществлены две трансформации: лексическое опущение слова *торс* и лексическое дополнение слова *с тоски*:

Худи ман-ку чор-панҷ рӯз болоиҳам хона шишта, қариб буд, ки торс кафам... (Турсун, 1983: с.232). – *Я ведь и сам, проторчав подряд несколько дней дома, чуть не лопнул с тоски...*» (Турсун, 1982: с.190). – *Ср. чуть не лопнул с треском.*

Допущение большого количества переводческих преобразований значительно искажает смысл, снижает степень интенсивности и экспрессивности оригинала:

Ва ӯ ба ҳасрат оҳи бадарде кашид, оҳи сарди нурдарди пуралам (Кӯҳзод, 1987: с.234). - «Я не могу встать, значит, я умерла?..»—подумала Омайра и горестно вздохнула (Кухзод, 1991: с.333).

Сонияе гузаит. Як сонияи муқаррарӣ, ки барои одами бекор, барои одами тансиҳат қурбе надоит, ҳатто ба қатори вақт ҳам намедаромад, вале дар ин ҳолат барои муаллим ончунон тӯлонӣ буд, ки фақат тасаввураш ба дили кас ваҳм меандохт (Кӯҳзод, 1987: с.120). - Прошла минута. Мимолетная минута, которая в обычной жизни не имеет ни значения, ни протяженности, но для учителя эта минута длилась долго, страшно, невысказанно долго (Кухзод, 1991: с.355).

Рағҳои по, шонаҳо, гардан ва сандуқи дилаш, гӯе аз рӯзи азал аз рӯзе, ки ба дуне омадааст, сӯзиши мекарданд, сӯзиши ҷонкоҳ мебароварданд (Кӯҳзод, 1987: с.128). - Мышцы ног, спины, затылок— все тело его нестерпимо горело, саднило и ныло, но учитель стоял (Кухзод, 1991: с.363).

Не менее проблематична передача гипербол, построенных на устойчивых оборотах. Хотя в теории переводоведения рассматриваются абсолютный и относительный фразеологические переводы, случаи таковых в нашем материале выявлены не были.

Сопоставительный анализ позволил обнаружить несколько примеров передачи построенных на гиперболе устойчивых выражений различными способами:

1) приемом калькирования:

Агар ман ҳамин хел писар медоштам, аз дунье беармон мерафтам. Чӣ ҷои гап? (Турсун, 1983: с.236). - Будь у меня такой сын, я покидал бы этот свет не жалеючи. Да что говорить?! (Турсун, 1982: с.192).

- *Асп ефтан осон, вале ҳар рӯз ер пайдо карда мушкил. Мегӯянд-ку: дӯст гум кардӣ- сари хеш гум кардӣ...* (Самад, 2002: с.111). - *Коня можно купить всегда, но друга найти, ой как нелегко. Говорят же: «Потерял друга – голову потерял»...* (Самад, 2018: с.194).

Тавба, худо хуки ҷангалат кунаду зани ҳамин хел мард не» (Самад, 2002: с.178). - *Да простит меня Бог, но уж лучше быть в лесу свиньей, чем у такого мужа женой!»* (Самад, 2018: с.107).

2) описательным приемом:

Лекин қандаша занад. Ҳафт пушташа раҳмат кунад (Ҳамдам, 1982: с.166). – *Молодец женщина, хвала всем ее предкам!* (Ҳамдам, 2012: с.417).

Лекин ба умеди ман нашав. Маро дар ду дуне ҳам намеебӣ (Ҳамдам, 2003: с.167). – *Только на меня не надейся. Я укрылся надежно, меня ни на том, ни на этом свете не отыщешь* (Ҳамдам, 2012: с.439).

3) лексическим приемом:

Чун дар маъракае бахт насибашон мегашту ситоиши аспу човандоз аз даҳон ба даҳон мегузаист, ҳасудону бадхоҳон аз алам месӯхтанд (Самад, 2002: с.109). - *Стоило им победить на каком-либо состязании, все кругом начинали хвалить их, а завистники умирали от бессильной злобы* (Самад, 2018: с.194).

- *Кай пеш мекунем? Пеш мекунем, ҳамаамон аз як гиребон сар барорем, баъд пеш мекунем* (Кӯҳзод, 1987: с.233). - *А когда мы их выгоним? Выгоним!.. Соберемся все вместе и как пить дать - выгоним...* (Кухзод, 1991: с.330).

4) нулевым переводом:

Ту, духтарам, хафа нашав. Ҳоло аз сад гулат як гулат нашукуфтааст Ман зинда бошам, ту хор намешавӣ (Ҳамдам, 2003: с.167). - *...ладно, дочка, не переживай. Проживешь и без него, в обиде не будешь* (Ҳамдам, 2012: с.439).

Различна по степени адекватности и передача гиперболических выражений, осложненных другими стилистическими приемами. Так,

например, адекватен перевод распространенных гипербол в следующих примерах:

Ба шигифт меомад шох, ки ҳамин гуна махлуқе, ки сармояаш як қачқул аст, ҳарф ҳам мезанад, нон ҳам мехӯрад ва аз ҳама аҷибаш худро одам меномад (Баҳманер, 2013: с.229). - Изумлялся венценосец, что и такое ничтожество, все состояние которого — нищенская сума, дерзает говорить, ест хлеб и, самое поразительное, именуется себя человеком (<http://www.proza.ru>).

Ҳарфҳои пурмаломати зан отаиши ниҳони алами мардро аз нав афрӯхт ва сузиши захму қароҳатҳои қалби ӯ дучандон гашианд (Самад, 2002: с.114). - Укоряющие слова жены вновь воскресили, разожгли затухающее было пламя обиды мужа и усилили боль кровоточащей раны его сердца (Самад, 2018: с.195).

Потеря семантической информации и снижение уровня экспрессивности наблюдаются в приведенном ниже контексте:

Аз дидани ӯ дили ман бог-бог кушода мешуд. Дар ниҳонхонаи дилам шарорае фурузон мегашт (Ҳамдам, 1982: с.153). – Наблюдая за ней, я переживал, волнение пробуждалось в моей душе (Ҳамдам, 2012: с.465).

Рамки данного исследования не позволяют более детально исследовать собранный иллюстративный материал, однако на основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что гиперболические выражения, используемые в таджикской литературе, в большинстве случаев не получили адекватного перевода. Среди основных причин можно назвать такую: преобладающая часть рассматриваемых единиц имеет многокомпонентную структуру, которая усложняется за счет наложения других стилистических приемов. В то же время нельзя упускать из виду, что переводчику для передачи чувств, состояния и переживаний автора, помимо обладания большим словарным запасом, хорошего знания грамматического строя и языковой картины мира контактирующих языков, необходимо обладать навыками

интенсификации экспрессивности и образности передаваемого содержания.

III.3. Ирония

III.3.1. Теория иронии в русской лингвистике

Ирония имеет многовековую историю изучения, однако существующие на сегодняшний день ее определения не способны охватить всего спектра репрезентации иронии и эксплицировать механизм ее проявлений. Еще в Древней Греции к иронии обращались Аристотель, Демосфен, Платон, в Древнем Риме – Цицерон и Квинтилиан. Понимание иронии как средства иметь в виду одно, а говорить противоположное отождествляется с именем древнеримского оратора Марка Фабио Квинтилиана. В античном мире иронию рассматривали как категорию, имеющую отношение к приемам выражения замысла посредством ее отрицания. Ирония была способом вербального притворства, даже само слово, будучи греческим по происхождению, означает «притворство». В античности ирония определяется как философско-эстетическая категория: классической формой иронии признавалась Сократова ирония, проявляющаяся через нарочитую неосведомленность, а также трагическая ирония Софокла.

Понятие «ирония» неоднозначно, с ним связаны различные интерпретации, поскольку оно является объектом исследования различных областей гуманитарных наук.

В лингвистике, в соответствии с традиционным и современным подходами к изучению иронии, это понятие трактуется, как троп и стилистический прием. Так, например, М.В.Ломоносов относит иронию к тропам и интерпретирует ее следующим образом: «Ирония есть когда через то, что сказываем, противное разумеем» [Ломоносов, 1957: с.347].

О.С.Ахманова определяет иронию, как «троп, состоящий в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью тонкой или

скрытой насмешки; насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления» [Ахманова, 2004: с.185].

Тропеическую природу иронии отмечают такие ученые как И.В.Арнольд (2002) и Ю.М.Скребнев (2003), характеризующие ее (иронию) как форму насмешки или иносказания.

Ряд ученых причисляют иронию к фигурам. Согласно Толковому словарю Д.Н.Ушакова, ирония - это «риторическая фигура, в которой слова употребляются в смысле, обратном буквальному, с целью насмешки» [Ушаков, 2005: с.589]. По мнению А.А.Потебни, «ирония не однородна с тропами, во-первых, потому, что, с одной стороны, может вовсе обходиться без образа. ... Ирония – фигура. Она может обходиться вовсе без тропов, может заключать троп. В силу большого расстояния между представлением и значением, ирония формальной противоположности есть иносказание» [Потебня, 1990: с.271; 274].

Ряд исследователей (С.И.Походня, 1984; Ю.А.Кирюхин, 2011; Е.А.Печенихина, 2010) рассматривают иронию наряду с юмором и сатирой как основную полноправную форму комического.

Существует несколько иной аспект изучения иронии, в рамках которого ирония выступает средством эмоционально-оценочной критики. Сторонниками такого подхода являются О.С.Ахманова, О.Я.Палкевич, Ю.Р.Мухина, И.А.Котюрова, М.А.Слепцова, которые полагают, что «ценностной установкой иронии является выражение неодобрения, осуждение, критика» [Слепцова, 2008: с.8].

Известны самые различные точки зрения относительно природы иронии, репрезентирующие ее как содержательную категорию текста, подразумевающую «форму восприятия, элемент авторского мировоззрения» [Орлова, 2005: с.12]; как эгоцентрический феномен, представляющий собой «форму проявления бытия человека через его осмысление, снятую в виде особой картины мира» [Палкевич, 2001: с.6];

как «компонент авторской модальности, реализующий имплицитную оценку писателя» [Булатая, 2017: с.7]; как «форму критического, эмоционально-оценочного освоения действительности» [Походня, 1989: с.14]; как «вторичную форму эстетического отношения к окружающему миру [Мухина, 2006: с.9].

Несмотря на большой интерес исследователей к этому обороту речи, на современном этапе развития теории иронии остаются неразрешенными, в силу их разноречивости, многие вопросы не только относительно лингвистического статуса иронии, но и ее функционального потенциала, типологии, способов ее репрезентации.

Так, рассматривая вопрос о функциональной нагрузке иронии, ряд исследователей (О.С.Ахманова, Ю.Н.Мухина, Н.Д.Аутюнова, А.В.Розсоха, М.А.Слепцова и др.) в качестве основной называют субъективно-оценочную функцию. Исследование Т.Н.Клименко посвящено одной из главных функций иронии – текстообразующей функции, среди которых она выделяет: «создание абсурдного мира посредством переосмысления взаимоисключающих оценок, обновление ассоциативного потенциала слова, создание «эзотерического языка» произведения» и др. [Клименко, 2008: с.25]. О.Я.Палкевич в качестве базовой выделяет функцию «выражения личностного, эмоционально окрашенного отношения» [Палкевич, 2001: с.8]. Между тем К.М.Шилихина убеждена, что «прагматический потенциал иронии может быть сведен к двум основным функциям: установлению асимметричных отношений авторитетности между инициатором иронии, объектом иронии и адресатом высказывания и развлечению адресата/аудитории, при этом первая функция является обязательной, а вторая – факультативной» [Шилихина, 2014: с.8].

Не сложилось общего мнения относительно вопроса определения единицы иронии. Так, определяя главное предназначение иронии в осуждении и насмешке, И.В.Арнольд характеризует иронию как

«выражение насмешки путем употребления слова в значении, прямо противоположном его основному значению, и с прямо противоположными коннотациями, притворное восхваление, за которым в действительности стоит порицание» [Арнольд, 2002: с.66].

Исходя из последней дефиниции термина, единицей иронии следует считать слово. Другие трактовки иронии ставят под сомнение эту позицию в силу ее ограниченности: «Ирония – один из видов языковой манипуляции, которая заключается в употреблении слова, выражения или целого высказывания (в том числе и текста большого объема) в смысле, противоречащем буквальному с целью насмешки» [Ермакова, 2005: с.7].

Однако выявление основной единицы иронии имеет принципиальное значение, поскольку главным критерием типологии иронии является ее репрезентация в ткани высказывания, «занимаемое ею словесное пространство». Ирония, эксплицированная в рамках слова, обозначается вербальной (О.П.Ермакова), контекстуальной (О.Г.Петрова), ситуативной (С.И.Походня). Ирония, выходящая за рамки слова и словосочетания, относится к текстовой (О.П.Ермакова), концептуальной (О.Г.Петрова), ассоциативной (С.И.Походня).

Изучив особенности функционирования иронии в английской художественной литературе, С.И.Походня выделила два типа иронии: ситуативный, актуализирующийся лексически, и ассоциативный, реализующийся постепенно в рамках сверхфразового единства, целого произведения.

Аналогичный подход к изучению иронии отмечается в работе Ю.В.Каменской, которая на примерах из произведений А.П.Чехова выделяет такие типы иронии, как контекстуальный и текстообразующий. Контекстуальный тип иронии характеризуется ученым, как «явный, эмоционально окрашенный тип иронии, создающий яркий стилистический эффект, являющийся средством речевого комизма,

углубляющий и обогащающий речевую характеристику персонажа [Каменская, 2001: с.44]. Текстобразующий тип иронии «организует текст в целом, задает его структуру» [Каменская, 2001: с.98].

Иного подхода к изучению иронии придерживается И.Б.Шатуновский, который разграничивает иронию на конкретную и общую, причем в процессе дальнейшей дифференциации выделяет две разновидности конкретной иронии: коммуникативную (на уровне высказывания, отрезка текста) и номинативную (на уровне части высказывания, характеризующей объект действительности). Кроме того, ученый особо выделяет объективную и субъективную формы иронии.

К.М.Шилихина, систематизируя существующие таксономии, отмечает основные классификационные проблемы, которые вызваны, по ее мнению, разнородностью признаков, заложенных в основу классификаций: «драматическая ирония выделяется на основе критерия «наличие наблюдателя», сократовская ирония – по признаку «дидактическая направленность». На основании знаковой системы лингвист выделяет ситуативную и вербальную виды иронии [Шилихина, 2014: с.14].

Одним из дискуссионных вопросов при изучении иронии остается вопрос, касающийся многообразия приемов и способов репрезентации иронии в художественном тексте, среди которых выделяются лингвистические, паралингвистические и экстралингвистические способы. Паралингвистические способы выражения иронии представлены в кинесике (мимика, пантомима, жестикация) и интонации (ударение, пауза, тембр, мелодика речи). Экстралингвистические приемы и способы, по мнению О.Г.Петровой, представлены в «принципах отбора и типологии объектов иронии, структурно-композиционной организации текста, интертекстуальных связях произведения, ретроспекции и концептуально-авторском типе подтекста» [Петрова, 2010: с.6].

Базовыми, вербально выраженными репрезентантами иронии являются лингвистические средства. Однако в теории иронии на сегодняшний день не существует общего мнения относительно количественного и качественного состава этих средств. Многие исследователи, утверждая, что основной тактикой реализации иронии в тексте являются лексические средства, представляют их в абсолютно разных аспектах. Так, Е.В.Булатая анализирует лексические экспликативы иронии с точки зрения их частеречной принадлежности. К.М.Шилихина рассматривает лексические тактики, опираясь на средства выразительности лексического уровня. С.И.Смирнова объединяет лексические и грамматические способы выражения иронии и в качестве основных называет уменьшительно-ласкательные суффиксы, модальные глаголы и модальные слова.

Столь же разноречивые утверждения отмечены и по другим уровням языка. Несмотря на то, что к исследованию проблем знакового оформления иронии обращались многие ученые, наиболее детальное, и вместе с тем наиболее обобщенное, описание средств выражения иронии, на наш взгляд, предложено К.М.Шилихиной, которая систематизировала стратегии и тактики создания иронии, выделяя вербальную, риторическую и когнитивную стратегии.

В составе вербальной стратегии автор выделяет лексические тактики (антифразис, антонимы, гипербола, дискурсивное слово, игра слов, литота, метафора, нетривиальная коллокация, нетривиальная номинация, полисемия, энантиосемия), грамматические (оказиональная словоформа, несуществующая словоформа, вводная конструкция) и стилистические тактики (высокая лексика и сниженная лексика).

Риторическую стратегию, по мнению К.М.Шилихиной, составляют текстовые тактики (риторический вопрос, риторическое восклицание, комментарий) и интертекстуальные (интертекст, эхо-упоминание, анекдот).

Когнитивная стратегия включает в себя логические тактики (нарушение причинно-следственных связей, контраст пропозиций) и семантические (абсурд, противоречие здравому смыслу, правдоподобная ирония, намек и сравнение свойств) [Шилихина, 2014: с.21].

Таким образом, проведенный обзор теоретического материала по теме исследования позволил сделать следующие выводы относительно лингвистического статуса иронии:

Ирония – средство выразительности лексического уровня, заключающееся в тонкой или скрытой насмешке над отрицательными явлениями, обличенное в форму положительной характеристики. Основополагающей функцией иронии является субъективно-оценочная функция. С точки зрения лингвистики самыми распространенными типами иронии являются вербальный (ситуативный) и текстовый (ассоциативный) типы. Основными вербальными репрезентантами иронии являются языковые средства морфологического, лексического и синтаксического уровней.

III.3.2. Основы теоретических исследований иронии в таджикской филологии

Настоящий раздел исследования посвящен основным аспектам исследования иронии в таджикском языке. Следует отметить, что в отечественной науке вопросы теории выразительных средств лексического и синтаксического уровня, в частности проблемы изучения иронии, до настоящего времени остаются недостаточно разработанными. Сущность проблемы в единичных упоминаниях лексикографических источников и учебных пособий сводится к изучению иронии как понятия литературоведения. Учитывая актуальность рассматриваемого вопроса, в настоящем исследовании предпринята попытка теоретического анализа существующего в таджикской филологии материала и выявления лингвистического статуса иронии.

Прежде всего, наиболее важным представляется определение природы иронии в лексикографических источниках. В РТС данное понятие не рассматривается как литературоведческий термин, хотя и является полисемичным, его коррелятом выступают такие понятия таджикского языка, как «1. Истеҳзо, тамасхур, ҳазл, ришханд; 2. Рамз, киноя» [РТС, 1985: с.358]. В ФТР, в свою очередь, лексема «истеҳзо», будучи многозначной, переводится, как «1. осмеяние, насмешка; 2. ирония» [ФТР, 2006: с.252]; лексема «тамасхур» – «1. насмешка; 2. высмеивание; 3. издевательство» [ФТР, 2006: с.578]; ҳазл – «шутка, острота» [ФТР, 2006: 678]; «ришханд» – «1.насмешка; 2. издевка» [ФТР, 2006: с.498]; «рамз» – «1. символ, знак, эмблема; 2. шифр, код; 3. намек, загадка, иносказание; 4. *Лит.* аллегория» [ФТР, 2006: с.451]; «киноя» – «1. намек, иносказательность; 2. *Лит.* аллегория, метонимия, метафора» [ФТР, 2006: с.276]. Из представленного многообразия эквивалентов наиболее приемлемыми для нашего исследования в качестве термина «ирония» являются понятия «тамасхур» и «истеҳзо». Вместе с тем ФТЗТ2 интерпретирует понятия «тамасхур» и «истеҳзо» одинаково, как «масхара кардан, ришханд задан» - осмеивать, глумиться, издеваться, насмеяться [ФТЗТ1, с.558; ФТЗТ2, с.302]. Подобное толкование не совсем соответствует дефиниции термина «ирония».

Приблизительно тот же перечень понятий в качестве эквивалентов к термину «ирония» приводит автор «Русско-таджикского словаря литературоведческих терминов»: «Ирония – киноя, истеҳзо, писханд, пичинг, тамасхур, ришханд, ҳазл» [Табаров, 1988: с.42].

Из перечисленных понятий в «Словаре литературоведческих терминов» (1966 года) в качестве искомого термина упоминается слово «киноя», которое интерпретируется следующим образом: «в классической и современной прозе и поэзии, а также в разговорной речи средство, при котором говорящий передает одно значение посредством другого, логически и сравнительно близкого. В поэтике это средство

считалось средством выразительности и называлось *ирдоф*. В сатирических и юмористических произведениях иронией также называется внешне серьезно высказанная насмешливая характеристика человека» [Ходизода, 1966: 40-41].

Подобное толкование термина «киноя» можно встретить и в другом «Словаре литературоведческих терминов»: «Киноя – такое средство изложения, в котором поэт выражает то или иное значение другим, логически близким по смыслу. В иронии противоположное по значению понятие намеренно выражается другим, тождественным ему значением» [Атаханов, 2002: с.150]. Данное положение автор иллюстрирует строками М.Турсунзода:

Вақти он аст, ки ин «меҳмон»

Тарк кунад кишвари Ҳиндустон. – Пришло время, когда этот гость / должен покинуть Индию.

Приведенный пример автор комментирует следующим образом: «В этом бейте слово «меҳмон» является иронией, поскольку имеет скрытое значение 'непрощенный иностранный гость'. Это слово использовано в противоположном значении - 'враг индийского народа'. Поэтому оно приводится в кавычках» [Атаханов, 2002: с.150].

Ю.И.Бобоев определяет иронию, как «такое слово или словосочетание, которое помимо своего основного значения наделено еще и скрытым, употребляемым в форме насмешки». По его мнению, «иронические сочетания передают негативные явления в положительной форме или положительные явления в противоположном им смысле. Огромную роль в выражении иронии играет интонация» [Бобоев, 1987: с.164].

Аналогичную позицию в определении понятия «ирония» занимает Т.Зехни: «Киноя – умышленное использование противоположного значения слова. Например, обсуждая доброе, обозначать его скверным, имея в виду плохое, говорить о нем положительно» [Зехни, 1992: с.90].

Иной точки зрения в определении природы иронии придерживается Х.Шарифов, который считает, что: «киноя в некоторой степени противоположна метафоре, так как слово используется в своем основном значении, но при этом посредством какого-либо описания указывает на другое» [Шарифов, 1991: с.104].

Обзор лексикографической и научной литературы по исследуемой проблеме позволил систематизировать выдвинутые таджикскими учеными гипотезы лишь относительно дефиниции иронии в качестве литературоведческого понятия. При всей значимости указанных работ, в них не решаются многие проблемы отечественной филологии. В частности, вопрос определения лингвистической природы иронии до сих пор остается открытым и неразрешенным. Вместе с тем многие вопросы, касающиеся особенностей функционирования иронии в таджикской художественной литературе, ее типологии, структуры, средств ее реализации в тексте ранее не были объектом исследований и потому сохраняют свою актуальность.

В ходе исследования данного лингвистического феномена используются следующие терминологические единицы: *ироническое содержание, иронический смысл, ироническая оценка, ироническое выражение, иронический контекст, иронический эффект.*

III.3.3. Вербальная репрезентация иронии в таджикской художественной литературе

Как отмечалось ранее, ирония, будучи эмоционально-оценочной категорией, придающей дополнительный смысл высказыванию, реализуется разноуровневыми языковыми средствами, начиная с лексического через синтаксический к текстовому. Поскольку актуализация и распознавание иронии зачастую не ограничивается рамками одного слова, а протекает в составе единиц высшего уровня,

логично рассматривать языковые средства, создающие иронический смысл, на уровне текста.

Ввиду многочисленности тактик экспликации иронии и ограниченности рамок нашего исследования, целесообразно сузить диапазон анализируемых средств выражения иронии до лексического уровня, который, согласно К.М.Шилихиной, представлен такими стилистическими средствами, как метафора, метонимия, ирония, эпитет, сравнение, гипербола, перифраз, пословицы и фразеологизмы.

Анализ иллюстративного материала показал, что наиболее продуктивным репрезентантом иронии являются такие эмоционально-образные ресурсы языка, как паремии (пословицы и поговорки) и идиомы (фразеологизмы), которые отличаются особенностью создавать образы, выполняя при этом номинативную и характерологическую функцию. Вместе с тем довольно часто они уже имеют в своей семантике иронический смысл, и их употребление придает интенсивность иронической оценке. Например:

*Аз зиедши чинси латиф **фукашон чихт** буду **думашон сих** ва дигар ба ранг задани мӯкии сурхашон, лифмол кардани шиму пиджакашон аҳамият намедоданд (Баҳманер, 2013: с.240). - Вокруг господина Голенастого постоянно теснились дамы, и от переполнявшей его гордости он стал **задирать нос**, держал **хвост торчком** и больше уже не следил за состоянием своих красных сапожек и за опрятностью своего одеяния (<http://www.proza.ru>).*

Использование в данном контексте окказиональных фразеологизмов **фукаш чихт**, **думаши сих**, устойчивого сочетания-эвфемизма **чинси латиф** способствовало созданию иронического эффекта при характеристике самовлюбленного и заносчивого петуха, пользующегося большой популярностью среди кур.

Эту тему автор развивает и в следующем эпизоде, используя и одновременно расширяя содержание фразеологизма *як пул кардан*:

Гигиенаро ба як нули сиёҳ нарх намекарданд ҳазрат! (Баҳманер, 2013: с.240). - **Ни в грош не ставил гигиену светлейший!** (<http://www.proza.ru>).

Повествуя об обреченности и безвыходности положения своей героини, А.Самад в приведенном ниже контексте использует таджикскую поговорку, которая несет в себе основную ироническую нагрузку в описании героини: она эксплицирует моральные принципы женщин, подобных ей, их покорность и смирение с общепринятыми нравственными нормами:

- *Хайр, шавҳар аст, - ӯ талх хандида илова мекард: - Сангпушт ҳам аз шавҳардориаш бақадр шудааст...* (Самад, 2002: с.113). - *Муж он все-таки..., - и, усмехнувшись, добавит: - Лягушку и ту, из-за того что мужней была, уважали...* (Самад, 2018: с.180).

Краткое народное изречение с назидательным смыслом помогает С.Турсуну искусно создать ироническую ситуацию, где повествуется об очередном бессмысленном споре двух закоренелых врагов – стариков, жителей одного кишлака, над которыми подтрунивали их односельчане.

- **Чигел ба офтоба хандидааст, ки сурохаиш бисьер.**
- *Чӯраҳо боз сар карданд, - гуфт кадоме аз хозирон.*
- *Оқибаташ бахайр шавад, - овоз баровард дигаре* (Турсун, 1976: с.240).
- **Решето смеялось над кувшином, что у него дыр много...**
- *Прятели опять заводятся, - заметил один из присутствующих.*
- *Кончилось бы добром, - подал голос другой* (Турсун, 1976: с.193).

Подавляющее большинство случаев выражения иронического смысла приходится на разнообразные гиперболизированные конструкции.

Приведенный ниже в качестве иллюстрации фрагмент текста рассказа Бахманера «Мохноногий петушок Помпон» является насыщенной ироническим смыслом гиперболой, которая свидетельствует о насмешливом отношении говорящего (в данном случае автора) к персонажу с завышенной самооценкой, хозяину жизни, обладателю

буйного нрава и забияке. Следует отметить, что этот рассказ, по сути, является аллегорией, поскольку в нем в иносказательной форме изображаются явления действительности. Интенсивность гиперболы в данном случае увеличивается за счет нарастающей градации, заключающейся в последовательности быстро сменяющихся действий, и риторического восклицания:

Мабодо ки ягон мокиен «ҳарам» берун равад! Онгоҳ Куландходжа тиннати ҳақиқи худро намоиш медоданд: аз рашку аз газаб парҳои танашон сик мешуд, чун гуштигири асил ду даст – ду боли худро қавсайн месохтанд, сурхии тоҷашон ба чашму сафедии чашмашон ба тоҷ мегузаист, сипас шикамчаи пурашонро дарун кашада, гарданчаи гафсашонро ба пеш ҳамонда, ба чунон як ҳақоратҳои қабех ба сари мокиени бечора метохтанд, ки агар ба забон гири, забон месузаду агар ба қалам нависи қалам мешиканад (Баҳманер, 2013: с.241). - Не приведи бог какой-нибудь курице отлучиться из «гарема»! Тогда уж Кулангходжа демонстрировал свой истинный нрав: от ревности и гнева перья на его теле вставали дыбом; как опытный боец, он раскидывал в стороны свои руки-крылья; краснота его гребешка как бы ударяла в глаза, а цвет глазных белков передавался гребню, и тут, втянув внутрь свое полное брюшко, вытянув вперед свою жирную шею, он с такой непристойной бранью набрасывался на бедную курицу, что, если повторить его речь, язык воспламенится, если описать пером, перо сломается (<http://www.proza.ru>).

В рассматриваемом далее эпизоде рассказа У.Кухзода «Носильщик паланкина» дается описание-характеристика, в которой рассказчик репрезентирует свою ироническую оценку, преувеличивая степень отрицательного признака в поведении окружающих государя людей, напускающих туман многозначительности, таинственности и загадочности. Функционально значимыми компонентами выступают манеры изображаемых людей, которые не соответствуют сложившемуся у главного героя образу достойного поведения. Следует отметить, что

гиперболизация в этом эпизоде достигает своеобразного «нагнетания» смысла за счет наслоения градации, повтора местоимения *онҳо* и антитезных конструкций:

Хонсолор, соҳиби либосу палос, чарогдор, ходими салом, табиби хос ва ҷондороне, ки баъзе либоси ҷарбӣ доштанду баъзе дигар либоси оддӣ, ҷама бо вачоҳатҳои бағоят ҷиддӣ дарову баро мекарданд, гӯе онҳо набошанд олам фаторат мешуд. Роҳгарди онҳо, гапзани онҳо ва нигоҳи онҳо асроре дошт, ки онҳоро аз мардуми дигар фарқ мекунонид. Дар назар чунин менамуд, ки онҳо одамони оддӣ, одамони хокӣ нестанд, балки одамоне ҳастанд, ки фарзу фаросати фавқуллода доранд ва маҳз онҳо қодиранд, ки соҳиби зиндаву мурдаи халқ бошанд. Ва онҳо ҳақ доранд, ки фармон бидиҳанд, қарор бароранд, боло бардоранд ва е ба замин бизананд (Кӯҳзод, 1987: с.234). - Стольник, камердинер, фонарищик, служащий, отвечающий на приветствия, обращенные к Государю, лекарь, царедворцы в военной форме и простом одеянии— все сновали по своим делам с такой значительной миной на лице, что, казалось, не будь их, перевернулся бы весь мир. Походка, манера разговаривать, взгляды, которыми они обменивались между собой, были исполнены некоей тайны, отличающей их от простых смертных. Казалось, эти люди наделены необычайным умом, пронциательностью, необыкновенными способностями, дающими им право быть полновластными хозяевами в земной юдоли и даже повелевать небесами (Кухзод, 1991: с.322).

Приведенный ниже в качестве иллюстрации образец примечателен наличием гиперболы, реализующей иронию говорящего по отношению к жадным и расчетливым людям:

Сад сӯм медиҳам гӯӣ, баъзе одам кӯрмор як тараф истад, аждаҳоро дошта мебиерад!.. (Фирӯз, 1981: с.223). – Скажи, никаких денег не пожалею - так некоторые не то что змею, самого дракона притащат... (Фируз, 1990: с.401).

Не менее актуальным репрезентантом иронического содержания является сравнение. Отображение явлений действительности, тождественных образцам, содержащимся в когнитивной сфере человека и более выразительно описывающих смысл и интенцию говорящего, является одной из особенностей сравнения. Сравнения, создающие иронический эффект в повествовании, разнообразны и многогранны. Предметы, играющие в сравнительных конструкциях роль образов, принадлежат к различным сферам: антропонимам, животному миру, натурфактам и артефактам.

Объектом иронической оценки в приведенном ниже эпизоде являются курицы, вернее, их предательство. Показателем сравнительной конструкции является форма сравнительной степени прилагательного. Ирония реализована в сравнении, семантическая нагрузка которого заключается в образе женщины:

О, инҳо аз занҳои мо ҳам бевафотар будаанд-ку! Ҳафту чилу солаш нагузашта-е!..» (Баҳманер, 2013: с.243). - «Да они, оказывается, еще вероломнее, чем наши женщины! Ведь не справили по петуху не только сороковин или годовщины, но даже и семи дней, ну и ну!..» (<http://www.proza.ru>).

Далее приведены примеры предложений иронического содержания, основным репрезентантом которых является сравнение:

Мургони аз зиерати ҳазрати Куланг баргаишта, аввал гӯе аз кунҷковӣ гирди Пӯнак чамъ шуданд, баъд намоишкорона қут-қутқунон, «О, ин ношудакро бинед, гӯе аз харобаҳои Афросиеб ефта бошанд!» - гӯен сӯи каттак рафтанд (Баҳманер, 2013: с.244). - Куры, вернувшиеся из очередного паломничества к Голенастому, сначала как бы из любопытства собрались вокруг Помпона, а затем направились к курятнику, демонстративно кудахтая: «Поглядите-ка на этого выродка, у него такой вид, словно его отрыли в развалинах Афрасиаба!» (<http://www.proza.ru>).

Э-э-э... Наҷунбед, наҷунбед! Безабт нашавед, - гӯе он ҳар ду ганҷею ҳамин замон мерехта бошанд, шитобон аввал дастӣ боборо гирифта вохӯрӣ кардаму синас ба меҳмон даст додам (Фирӯз, 1981: с.216). – Сидите, сидите... Не беспокойтесь, - кинулся я к ним так, словно оба были сделаны из хрусталя, который того и гляди упадет и разобьется (Фируз, 1990: с.397).

Сравнительно в меньшем объеме представлены образцы, в которых экспликативные иронического содержания создаются на основе парафразы.

Выполняя функции описательной передачи смысла выражения, парафразы создают яркие ассоциативные образы, избегая при этом клишированных выражений, штампов и однозначности. Механизм действия парафразы при создании следующего текста с ироническим содержанием заключается в передаче различных ассоциаций, возникающих относительно петушка Куланга:

Аз ин рӯ ягон мург таъна карда, Кулангро «ту хурӯси ҳаромӣ!» (яъне инкубаторӣ) е «сагираи детдом» (яъне аз фермаи мургпарварӣ) гуфта наметавонист (Баҳманер, 2013: с.244). - Поэтому ни одна курица не могла попрекнуть Голенастого породой и обозвать его ублюдком (то есть инкубаторским) или детдомовской сиротой (то есть намекнуть, что он с птицеводческой фермы). (<http://www.proza.ru>).

Довольно распространенный метафорический парафраз, построенный на однородных членах предложения, реализует иронию в следующем контексте, где заменяющие прямое обозначение выражения содержат необычное сравнение и способствуют созданию образной ассоциации. Основой образной ассоциации явились метафорические, положительно коннотированные понятия, которые используются эвфемистически и указывают на прямо противоположный смысл.

Гӯянда бо шариконаш зери дор меистод ва ҷаллод бо даҳони воз сӯи «Сояи худо» менигарист. «Сояи худо», амири соҳибқирон, марди бузурги

Туркистон, сояи яздон, пушту паноҳи ақвоми мусулмон то хеле хомӯш буд (Баҳманер, 2013: с.234). - Сказитель со своими товарищами стоял под виселицей, а палач с разинутым ртом смотрел в сторону наместника бога на земле. «Божий посланец», Амир Тимур Непобедимый, величайший муж Туркестана, тень бога на земле, заступник мусульман долго молчал (<http://www.proza.ru>).

Следует обратить внимание на то, что в ходе анализа лексических средств репрезентации иронии становится очевидным, что стилистические средства являются важным компонентом субъективного мировосприятия говорящего. Частотность использования тех или иных стилистических средств репрезентации иронии не одинакова. Наиболее распространенными экспликаторами иронии следует признать паремии и фразеологизмы. Продуктивны в этой роли гипербола и сравнение. Чуть менее востребована в реализации иронии парафраза. Относительно других средств выразительности лексического уровня можно констатировать, что в качестве репрезентантов иронии они малопродуктивны.

III.3.4. Отображение таджикских иронических выражений в русском языке

Перевод литературного произведения определяет главной задачей переводчика максимальную передачу эстетической ценности и художественного своеобразия подлинника. Вместе с тем эквивалентность переводного и оригинального текстов подразумевает корректную передачу таких имплицитных смыслов и элементов текста, которые оказывают эмоциональное воздействие на читателя.

Ирония, будучи субъективно-оценочным средством, одновременно представляет собой способ характеристики героев и создания их образов, что, безусловно, должно отражаться и в переводе.

Теория переводоведения не выделяет проблему передачи иронии с одного языка на другой как отдельную, несмотря на то, что для передачи иронических выражений важна верная интерпретация содержания, созданного автором с иронической интенцией.

Выявление иронии и дальнейшая реконструкция подразумеваемого смысла предполагает его многоаспектный анализ на основе стилистических, функциональных, логических и дискурсивных характеристик иронического высказывания.

На значимость сохранения соотношения эксплицитного и имплицитного смыслов указывает В.Н.Комиссаров:

«1. Соотношение эксплицитного и имплицитного смысла в переводе и оригинале остается неизменным, причем воспроизводится в переводе за счет передачи языкового содержания оригинала.

2. Соотношение эксплицитного и имплицитного смысла в переводе и оригинале остается неизменным, но для этого требуется модификация языкового содержания оригинала.

3. Соотношение смыслов меняется в силу экспликации подтекста» (Комиссаров, 1999: с.53).

Т.А.Казакова видит проблему перевода иронии в различиях между способами ее выражения в разных культурах, а также в выражении характерных для исходной культуры элементов иронии. Для осуществления наиболее точного перевода ученый рекомендует использовать такие приемы, как полный перевод с несущественными лексическими или грамматическими трансформациями; антонимический перевод; культурно-ситуативная замена; добавление смысловых элементов (Казакова, 2001: с.273-281).

Необходимо отметить, что адекватный перевод возможен или в случае совпадения культурных ассоциаций русского и таджикского народов, или если позволяют лексико-грамматические составляющие

иронического контекста. В противном случае, с учетом особенностей текста применимы остальные приемы.

Сопоставительный анализ содержащих иронию текстов исходного и переводного языков позволил выявить то обстоятельство, что значительная их часть сохраняет относительное равенство содержательной, смысловой, семантической и стилистической информации.

В качестве примера адекватной передачи эстетической ценности и художественного своеобразия подлинника можно привести следующий фрагмент текста: *Чаббору таррору калабури ҳақиқӣ буданд ҳазрат!* (Баҳманер, 2013: с.237). - *Настоящим деспотом, мошенником да головорезом был светлейший!* (<http://www.proza.ru>), где речь идет о «грозе курятника» - петухе.

Ироничный эффект высказывания сохранен при переводе и в этом примере: *Дар шаҳри бегона маро пойандози абрешимин интизор набуд ва маълум, ки он ҷо шаголҳои сармухӯрдаи бадҳашим низ бисер буданд...* (Одиназода, 2016: с.58). – *Естественно, в чужом городе меня не ожидала ковровая дорожка, очевидно, здесь полно продрогших гневных шакалов...* (Одиназода, 2016: с.104).

Несмотря на наличие лексических трансформаций в данном контексте, можно говорить об адекватности передачи как экспрессивной, так и смысловой информации. Устойчивое выражение *пойандози абрешимин*, отражающее таджикскую языковую картину мира, интерпретируется, как «кусок парчи, бархата или какой-л. другой ткани, расстилаемый перед новобрачными или почетным гостем в знак уважения» (ФТР,). Хотя русской картине мира не свойственно подобное мировосприятие, в последнее время с красной дорожкой сложились общие для всех наций и народностей ассоциации, поскольку она стала показателем социального статуса, олицетворением славы и роскоши. Исходя из этого, можно констатировать, что данный устойчивый оборот

в исходном и конечном тексте имеет ироническую интерпретацию и может выступать в качестве полноценного коррелята в двух языках.

Сохранение ироничной интенции автора оригинала, образности передаваемой информации при частичных лексических трансформациях наблюдается в многочисленных анализируемых образцах. Например:

Агар рафту ягон хурусӣ ҳамсоҷро ба сараши бод нишинаду ҳавои иқлими эшон кунад, бечораро баъд аз лаҳзае чор мокиени мухлисаи ба тобут андохта е ба занбари бемори ноҳез гузошта, рӯканону мӯканону навҳақунон «ношукри рӯзсахт, тоҷи хушиорат мармари қабрат шавад! Ними нон роҳати ҷонро магар нашиндаӣ, ки худро ба танури тафсон мезанӣ!» гӯен бардошта мебурданд (Баҳманер, 2013: с.240). - Если какому-нибудь соседскому петуху взбрело в голову навеститься в курятник Голенастого, бедолагу вскоре, уложив на носилки, на каких переносят смертельно больных, выносили оттуда четыре преданные курицы, царапая себе лицо, выдирая волосы и причитая: «Горемыка ненасытный, пусть станет памятником на твоей могиле твой кровоточащий гребень! Неужто не знал ты, что лучше довольствоваться коркой хлеба, да своего, чем кидаться за чужим в жаркую печь!» (<http://www.proza.ru>).

Выражение *ба сараши бод нишинад*, будучи окказиональным фразеологизмом, по всей вероятности, образованного на основе узуального *сар ба бод додан* «уничтожаться, исчезать» [М.Фозилов, 2, 1963: с.31), в конечном варианте осталось без внимания, т.е., на первый взгляд, претерпело трансформацию нулевого перевода. Однако используемый автором оригинального текста образ *голови* сохранен при переводе также в составе устойчивого сочетания, но для передачи следующего участка текста - *ҳавои иқлим*. Полисемичная лексема *ҳаво* представлена в данном контексте не в качестве общеупотребительного «воздух», а в качестве другого, книжного денотата - «стремление, желание»; сочетание *ҳавои иқлим кунад* следует понимать, как *пожелать (посетить) его владения*.

Следовательно, использование при переводе фразеологического оборота *взбрело в голову* весьма удачно, поскольку, во-первых, осуществляется известный в теории переводоведения прием лексической компенсации, при котором одна и та же информация передается другим средством и в совершенно ином отрезке текста; во-вторых, происходит замена книжных лексем исходного языка на экспрессивное словосочетание, содержащее ироничную коннотацию.

В процессе анализа в данном контексте были выявлены следующие виды переводческих трансформаций:

1) *рӯканону мӯканону...* - *царапая себе лицо, выдирая волосы* – декомпрессия переводного текста (расширение текста, обусловленное лингвистическими факторами);

2) *ношукри рӯзсахт* (*рӯзсахт* – окказиональное слово, тождественное по значению и образованное по аналогии с *рӯзсиеҳ* – *несчастный*) – *горемыка ненасытный* – неоправданная, не отражающая смысловое содержание лексическая замена;

3) *мармари қабр* – *памятник на могиле* – генерализация – семантическая трансформация, подразумевающая видо-родовую замену: использованный в исходном тексте метонимический перенос (мраморный памятник – мрамор) преобразован в родовое понятие;

4) *Ними нон роҳати ҷонро* - *лучше довольствоваться коркой хлеба* – описательный перевод фразеологической единицы, который сводится только к толкованию фразеологизма, что допустимо в случае с единицами, не имеющими эквивалентов в языке перевода. Более приемлемо в данном контексте использование фразеологического эквивалента, предложенного ФТР: «лучше малые крохи с честностью, чем большие куски с лихостью» (ФТР, с.).

Не менее интересны также в плане сохранения иронического эффекта при незначительных лексических и структурных преобразованиях следующие примеры:

Олим шудааст, шудааст-дия, ҳозир сагро занӣ, рафта ба болои олим меафтад, аз ҳар чӣ бисер донишманд. Кал ҳам, кӯр ҳам – ҳама олим, дар қишлоқ якта подабон намеибем! - (Фирӯз, 1981: с.228). – *Ученый? Да сейчас кинь палку в собаку, попадешь в ученого! Сколько их развелось! И плешивый, и слепой – все ученые! В кишлаке не осталось пастухов!* (Фируз, 1990: 368)

Бозори кадусарҳо тафсид. Онҳо қилд-қилд рисолаҳо оид ба шабушк навишта ҳамаи унвонҳо ва ҷоизаҳои кишварро соҳиб карданд. Яке аз онҳо асаре бо номи «Тафриқаи афзоиши ҳашири муқаддас дар чоки гиребон ва нефаи эзори мардон» навишта, ҳангомае ба по кард (Баҳманер, 2013: с.236). - Наступило время дубинноголовых. Они сочиняли многотомные трактаты о пользе и достоинствах виш и становились обладателями всех чинов и наград в стране. Один из них широко прославился, написав сенсационное сочинение под названием «Отличия в размножении священного насекомого в складках ворота мужчин и рубцах их штанин» (<http://www.proza.ru>).

Приведенные в качестве аргумента примеры позволяют констатировать, что незначительные лексические трансформации, допущенные при передаче текстов иронического содержания, ни в коей мере не снижают их эмоционально-оценочную нагрузку и не влияют на сохранение содержательной, семантической и стилистической информации.

Однако следует отметить, что в ходе исследования было выявлено немалое количество примеров неадекватной передачи содержания исходного текста. Так, например, в приведенном ниже эпизоде текста наблюдается значительное расхождение содержательной информации, снижение интенсивности иронической оценки, экспликаторами которой в оригинальном тексте являются такие средства выразительности, как гиперболы и сравнение.

Ростӣ, ним соли охир бори аввал буд, ки ба дафтари кори шеф қадам мегузоштам. Чиҳози онро ситоиши намекунам, чаро ки қалам оқиз аст. Фақат ҳаминашро мегӯям, ки кабинет меҳмонхонаи калони амалдорону сармоядорони имрӯзаро ба хотир меовард (Ҳамдам, 1982: с.31). – Признаться, давно я не был в редакторском кабинете и мало огорчился по этому поводу. Мне сразу бросилась в глаза новая полированная мебель, роскошный набор чайной посуды за блестящими стеклами, строгие шеренги произведений политических классиков на полках (Ҳамдам, 2012: с.433).

Несоответствием семантической информации и выражения иронического смысла, разницей компонентного состава и объема отличается передача исходного текста в следующих контекстах:

- Муслмонӣ бо ишқамсерӣ, гуфтаанд. Се-чор дӯкону оишхонаи районро овардам. Гапи хушк ба гӯиши кӣ мефорад?! (Фирӯз, 1981: с.71). - - Я привезла сюда из района несколько столовых и ларьков. Ведь недаром говорят: «Истинный мусульманин тот, кто сыт». И вправду, кто станет слушать речи на голодный желудок. Ну, конечно, ты-то уверен, что, если не выйдет твоя газета, солнце не взойдет, хлопок не зацветет, фрукты не поспеют и молоко не потечет (Фируз, 1990: с.384) .

- Чӣ гӯям ба шумо... Умуман, бад не. Рӯяшон уттӣ кардагӣ барин, топ-тоза. Як бор аз барашон гузаред, аз бӯи ЖЗЭ масту гелон мешавед, - хандон ҷавоб дод Меҳрӣ (Ҳамдам, 1982: с.31). – Вроде, как всегда... Хотя нет, приделся, выбрит до блеска. Такой от него запах лосьона, что у меня даже голова закружилась (Ҳамдам, 2012: с.432).

Таким образом, опираясь на результаты проведенного сопоставительного исследования оригинальных и переводных текстов, можно утверждать, что передача преобладающей части текстов иронического содержания осуществляется довольно адекватно и корректно. Это обстоятельство обусловлено, прежде всего, использованием иронии в одних и тех же целях, сходных способах

языковой реализации иронии, а также незначительными расхождениями социокультурных знаний у носителей контактирующих языков. В целом, как показали результаты анализа, передача иронического эффекта в высказываниях вполне под силу обладающему соответствующим опытом и мастерством переводчику. Встретившиеся случаи неадекватной передачи, на наш взгляд, были обусловлены избранной переводчиком тактикой вольного или творческого перевода.

Выводы по третьей главе

В третьей главе проводилось сопоставительное изучение таких средств выразительности лексического уровня, как антитеза, гипербола и ирония. В частности, в этой части исследования были рассмотрены вопросы, раскрывающие лингвистическую природу данных понятий, систематизированы и сформулированы дефиниции этих терминов, выявлены их функциональные особенности, различные типы их классификаций. Особое внимание было уделено проблеме систематизации и репрезентации антитезы, гиперболы и иронии в таджикском языке, а также выявлению степени адекватности и специфике применения тех или иных переводческих трансформаций при передаче данных средств выразительности с таджикского языка на русский, причем наиболее детальное изучение рассматриваемых средств выразительности в качестве лингвистических феноменов было проведено в русском языке.

Приняв в качестве отправной точки сложившиеся в русском языкознании теории выразительных средств и обобщив накопленные в таджикском языкознании знания относительно исследуемого вопроса, были выдвинуты следующие положения:

Антитеза (тазод, муқобила) – средство выразительности лексико-синтаксического уровня, основанное на контрасте и противопоставлении понятий и образов. Функциональный потенциал антитезы реализуется в

ее экспрессивности и оценочности. Учитывая лингвистический статус антитезы, диапазоны ее типологии следует определять с точки зрения 6 языковых аспектов: 1) по специфике функционирования антитезы; 2) по узуальности / окказиональности объектов; 3) по степени устойчивости компонентов; 4) по количеству сопоставляемых объектов; 5) по лексическому/синтаксическому критерию; 6) на основании грамматического/ неграмматического противопоставления компонентов.

Таксономический анализ антитез, использованных в рассказах современных таджикских писателей, позволил выявить, что: а) антитезный план строится преимущественно на узуальных антонимах; б) наиболее продуктивна простая неосложненная антитеза; в) широкий спектр распространения имеют свободные антитезные конструкции; г) зачастую в построении антитезы принимают участие два объекта, сопоставляемые по схеме: п – п; д) превалирующая часть антитезных конструкций представлена однословными компонентами; е) нередки случаи использования грамматической антитезы.

Превалирующая часть антитезных конструкций на таджикском языке передана на русский язык достаточно адекватно. Чаще всего передача антитез происходит путем подбора эквивалентов, при этом сохраняется оригинальность стиля таджикских авторов, выразительность стилистических приемов и смысловое содержание текстов. В исследованном материале случаи переводческих трансформаций, в частности лексических опущений, единичны.

Гипербола (муболиға) – средство выразительности лексического уровня, заключающееся в выражении нетождественного реальным объектам и явлениям нарочитого преувеличения или преуменьшения значения. Наиболее важными составляющими функционального потенциала гиперболы являются интенсификация выразительности, эмоциональная и эстетическая функции.

Таксономия гиперболы как лингвистического феномена основана на таких структурно-семантических признаках ее составляющих, как: 1) степень освоенности; 2) степень устойчивости связей между компонентами; 3) критерий ее взаимодействия с другими стилистическими средствами; 4) семантический критерий: преувеличение большого, преувеличение малого (размеров, признаков, предметов и т.д.); 5) частеречная принадлежность; 6) уровневый критерий. Основные языковые средства построения гиперболических конструкций представлены на словообразовательном, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Лингвистический анализ гиперболизированных единиц позволил выявить, что большой популярностью среди современных таджикских писателей пользуются индивидуально-авторские гиперболы. По степени устойчивости наиболее востребованы свободные, не имеющие в своем составе фразеологизмов конструкции. Превалирующая часть исследованных образцов представлена осложненными конструкциями, в которых гиперболизация происходит за счет наложения других стилистических приемов. Продуктивными являются гиперболические сравнения, гиперболические метафоры, гиперболические антитезы, гиперболические эпитеты. Менее популярны гиперболические комбинации с иронией, градацией, литотой. Исследование уровневой реализации гиперболических единиц таджикского языка показало, что большей интенсивностью и эмоциональностью отличаются гиперболы, раскрывающие свой смысл на уровнях фразы и предложения.

Сопоставительный анализ оригинальных и переводных текстов показал, что значительная часть гиперболических конструкций таджикского языка не получила адекватного перевода на русском. На наш взгляд, причиной этому послужила многокомпонентная структура гиперболизированных единиц, усложненных наложением других стилистических приемов.

1. **Ирония (киноя)** – средство выразительности лексического уровня, заключающееся в нарочитой, тонкой или скрытой насмешке над отрицательными явлениями, обличенное в форму положительной характеристики. Основополагающей функцией иронии является субъективно-оценочная функция. Относительно определения единицы иронии и ее структурно-семантической классификации не сложилось общего мнения. Основными вербальными репрезентантами иронии являются языковые средства морфологического, лексического и синтаксического уровней.

Как известно, стилистические средства являются важным компонентом субъективного мировосприятия говорящего. Частотность использования тех или иных стилистических средств репрезентации иронии не одинакова. Наиболее распространенными экспликаторами иронии в таджикском языке следует признать паремии и фразеологизмы. Продуктивны в этой роли гипербола и сравнение, чуть менее востребована в реализации иронии парафраза.

Передача преобладающей части таджикских текстов иронического содержания осуществляется довольно адекватно и корректно, что продиктовано фактом использования иронии в одних и тех же целях, сходными способами языковой реализации иронии, а также незначительными расхождениями социокультурных знаний у носителей контактирующих языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено проблеме изучения выразительных средств языка лексического и лексико-синтаксического уровней таджикского и русского языков и проведено в рамках сопоставительного лингвостилистического и структурно-семантического аспектов.

Как показал теоретический анализ литературы, в русской лингвистике вызывает большой интерес исследователей изучение образных средств языка, в частности метафоры и метонимии, сравнения и эпитета, антитезы и иронии, гиперболы и литоты. В русском языке исследование данных стилистических средств как амбивалентных и многоаспектных явлений и древнейших форм вербальной наглядности проводилось в трех аспектах: риторико-поэтологический, литературоведческий и лингвостилистический.

Отталкиваясь от исходных положений российских лингвистов, учитывая мнение таджикских филологов и систематизируя данные таджикских лексикографических источников, в процессе исследования было рассмотрено теоретическое и практическое описание данных средств выразительности, описано их структурно-семантическое своеобразие, позволяющее дифференцировать их среди других средств выразительности.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

I. Реализация образных средств в русском и таджикском языках осуществляется посредством единиц различных уровней языка: фонетики, лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса. Данное обстоятельство определяет лингвистический статус средств выразительности любого уровня и задает диапазоны их изучения: начиная от определения устойчивости их компонентов и уровневой

принадлежности и заканчивая их частеречными и структурными характеристиками.

В рамках исследования данной проблемы приемлемо равнозначное оперирование терминами «стилистические средства», «стилистические приемы», «экспрессивные средства языка», «выразительные средства языка», «образные средства языка», «изобразительные средства языка» в качестве тождественных понятий.

II. Мнения таджикских ученых относительно природы метафоры полностью совпадают со сложившимся ее определением в русской лингвистике, которое можно выразить посредством следующей дефиниции этого термина: Метафора – это средство выразительности лексического уровня, которое заключается в наделении слова переносным значением на основе его сходства с другой лексемой. Вместе с тем среди таджикских ученых наблюдается некоторое противоречие в отношении номинации термина, а именно: некоторые исследователи определяют метафору как «маджоз», другие рассматривают «маджоз» как «переносный» (маънои маъҷозӣ – переносное значение) и обозначают метафору термином «истиора».

Изучение данного лингвистического феномена предполагало использование следующего набора терминов: *Метафора – метафорическая единица – метафорическое сочетание – метафорическое словосочетание – метафорическое выражение, метафорический перенос, метафоризация, метафоризированные словосочетания, метафоричность, метафорическая лексика, метафорическая картина мира, языковая метафора, речевая метафора.*

В силу повышенного интереса к феномену метафоры, в зарубежной лингвистике существует огромное количество всевозможных ее типологий, однако главной ее дифференциацией является выделение языковой (узуальной) и речевой (оказиональной) метафоры. В таджикском языке на основе единственной классификации различают

две разновидности метафоры – явную и скрытую. Суть явной метафоры заключается лишь в указании на образ или понятие, которое при сравнении с исходным понятием наделяется новым для слова переносным значением. Скрытая метафора подразумевает указание какого-либо признака или приметы определяемого понятия в дополнение к самому определяемому слову. При этом отличительной чертой скрытой метафоры является то, что в процессе метафоризации называется определяемое слово, а не определение, как в явной метафоре.

Вопрос функционального потенциала метафоры, вызвавший бурную полемику российских лингвистов, остался вне поля зрения таджикских ученых. Между тем выдвинутые в качестве наиболее упоминаемых функций русской метафоры – номинативная, информативная, эстетическая и оценочная, вполне приемлемы для таджикской метафоры.

Семантический анализ метафоризированных единиц, почерпнутых из лексикографических источников, позволил сделать вывод, что общими для сопоставляемых языков являются выявленные в типологии метафорических переносов модели «Предмет→Предмет», «Предмет→Физический мир», «Предмет→Психический мир», «Человек→Человек», «Предмет→Человек», «Физический мир→Психический мир».

Специфической особенностью русской метафорической картины мира является наличие в ней таких регулярных метафорических переносов, как «Предмет→Абстракция» и «Животное→Человек», тогда как в таджикском языке особенность заключается в следующих выделенных типах процесса метафоризации: «Физический мир→Физический», «Психический мир→Психический мир», «Человек↔Физический мир», «Человек→Психический мир».

Расхождения в метафорической системе сопоставляемых языков проявляются и в количественном распределении наиболее продуктивных

типов метафорического переноса. Так, самым распространенным типом в русском языке является метафоризация в направлении от семантической сферы «Предмет» к сфере «Психический мир», а в таджикском – модель «Физический мир ⇔ Психический мир». Более того, векторность переноса значения в русском языке строго упорядочена и имеет одну направленность, а в таджикском – несистематична и разнонаправлена.

III. Ввиду малочисленности исследований по теории метонимии в таджикской филологии для более полной ее характеристики была предпринята попытка почерпнуть необходимую информацию из персоязычных источников. Проведенное исследование показало, что таджикские и иранские ученые имеют сходную точку зрения относительно природы метонимии, которая сводится к следующей дефиниции этого термина: Метонимия – это средство выразительности лексического уровня, при котором слово используется не в своем основном значении, а в значении, основанном на одном каком-либо типе отношений, кроме отношения сходства. Данное определение метонимии подразумевает более широкий спектр ее функционирования. Если «русская» метонимия – это перенос номинации, основанный только на смежности значений, то в таджикском языке процесс метонимизации может развиваться на основе любого признака предмета, кроме признака сходства. В таджикском языке метонимия определена термином «маҷози мурсал».

Освещение вопроса о теории метонимии предполагало использование следующих терминологических единиц: *метонимия – метонимические единицы - метонимизированные слова - метонимические конструкции, метонимические отношения, метонимическое переименование, метонимизация, метонимический перенос.*

Несмотря на разницу в классификациях, проведенных в сопоставляемых языках, типы метонимических переносов в таджикском

языке вполне можно рассматривать в аспекте распространенной в русской лингвистике типологии метонимических переносов, включающей в себя 5 основных типов связи смежных денотатов: каузативный (причинно-следственный); темпоральный (временной); пространственный (локальный); атрибутивный (определительный); партитивный (синекдоха). Из пяти названных типов связи смежных денотатов метонимический перенос в таджикском языке осуществляется преимущественно по каузативному (54%) - *Акс* – 1. *Отражение, отображение (действие)*; 2. *Изображение, фотография, фотоснимок* и партитивному (20%) типам - *Тан* – 1. *Туловище*; 2. *Личность, человек*.

Проведенный семантический анализ фактического материала, почерпнутого из лексикографических источников, позволил заключить следующее:

- Во-первых, участвующие в процессе метонимизации единицы в своем большинстве относятся к именам существительным. Количественный анализ показал, что 140 единиц из 200 являются существительными, т.е. около 66 %.

- Во-вторых, в отличие от русского языка, в таджикском языке метафорический перенос может осуществляться не только в пределах одной части речи (преимущественно имени существительного), но и от одной части речи к другой, например, от прилагательного к существительному (выявлено около 25 единиц, что составляет 17 % от общего числа исследованных лексем). Такая особенность таджикских лексем, на наш взгляд, объясняется грамматическим строем таджикского языка.

- В-третьих, анализ выделенных в процессе исследования типов метонимического переноса, регулярно используемых в таджикском языке, и их сопоставление с функционирующими в русском языке типами позволили обнаружить наряду с 5 типами связи смежных денотатов, выступающих в качестве интегрирующих особенностей, также

дифференциальные признаки, поскольку культурные и языковые традиции разных языков создают в лексических системах языка свой свод правил и норм и формируют свойственные только им особенности. Так, в классификации метонимических переносов таджикского языка были выявлены следующие модели переноса значения, отсутствующие в русском:

1. «Признак, характеризующий человека – признак по действию» - **Бохурмат** – 1. *Чтимый, уважаемый, достойный, почетный;* 2. *Почтительный;* 3. *Почтительно, с уважением;* **Бачагона** – 1. *По-детски, по-ребячески, по-мальчишески;* 2. *Детский;* 3. *Ребяческий, мальчишеский.*

2. «Признак, характеризующий человека – человек, характеризующийся этим признаком» **Бузургчусса** – 1. *Исполинский, огромный;* 2. *Исполин, великан, богатырь;* **Валинеъмат**– 1. *Благодетель;* 2. *Щедрый, благодетельный;* 3. *Пер. покровитель, заступник.*

3. «Признак, имеющий отношение к географическому объекту – название жителей этого географического объекта» - **Британӣ** – 1. *Британский;* 2. *Британец;* **Бухорой** – 1. *Бухарец, житель Бухары;* 2. *Бухарский.*

4. «Часть суток – время совершения действия, выраженное творительным времени» - **Пагоҳӣ** – 1. *Утро;* 2. *Утром, поутру, наутро;* 3. *Утренний;* **Зимистон** – 1. *Зима,* 2. *Зимой;*

5. «Признак, характеризующий цвет предмета – продукт такого цвета» - **Зардӣ** – 1. *Желтизна;* 2. *Желток;* **Кабудӣ** – 1. *Зелень (о цвете);* 2. *Зелень, трава.*

IV. В ходе исследования были проанализированы наиболее значимые терминологические определения сравнения, на основе которых предложена следующая интерпретация данного языкового феномена: сравнение представляет собой сопоставление двух предметов, предполагающих наличие общего признака, с целью выяснения их

сходства или различия. В таджикском языке рассматриваемое средство выразительности именуется словом арабского происхождения «ташбеҳ».

Терминологический аппарат раздела, посвященного изучению сравнения, составляли такие научные понятия, как *компаративная конструкция – сравнительная конструкция – сравнение; сравнение – уподобляющее – образ сравнительной конструкции – объект сравнения; сравниваемое – уподобляемое – предмет сравнительной конструкции – субъект сравнения; основание сравнения – базис сравнения; средство сравнения – показатель сравнения.*

Сопоставительный анализ теоретического материала, посвященного изучению сравнения, позволил прийти к следующему заключению: в русском языкознании уделяется большое внимание функциям, выполняемым сравнением, тогда как таджикские исследователи при изучении данного средства проявляют интерес к его типологии, в частности к семантической классификации, выделяя такие его виды, как абсолютное, условное, иносказательное, равное, отраженное, скрытое и возвращенное. Тем не менее можно утверждать, что выдвигаемые в русской лингвистике гипотезы относительно выполняемых сравнением функций – субъектно-познавательной, оценочной, описательно-изобразительной – в полной мере имеют отношение к таджикскому сравнению.

В отличие от других вербальных средств образности сравнение представлено компаративной конструкцией с трехкомпонентной структурой. Относительно вопроса структурной оформленности, несмотря на тождественный в обоих языках состав компаративных конструкций, также отмечаются различные точки зрения. Различие мнений заключается в том, что российские ученые выделяют в структуре сравнений три компонента – *предмет, образ, основание*, а таджикские – четыре, обозначая предложенные выше элементы как *уподобляемое,*

уподобляющее, основание сравнения и добавляя при этом четвертый элемент - *средство сравнения*.

Языковая репрезентация предмета и образа сравнительных конструкций таджикского языка представлена экстралингвистическими понятиями, представленными в следующих концептуальных сферах: антропологической, натурфактной, артефактной и абстрактной. Как показали результаты лексико-семантического анализа, в позиции предмета сравнения наиболее востребованными среди таджикских писателей явились единицы, относящиеся к антропологической сфере (более 44%) - *Ҳамеша Ҳамин тавр буд, ин амир, ки ахром сохтанро чун фиръавнҳои Миср дӯст медошт* и натурфактной (23%) - *Ин мӯрча, Ходими калон барин, маккор будааст*.

В позиции образа сравнения наиболее продуктивными оказались наименования естественных объектов – натурфакты (около 40%) - *Чаимони пистамонанди Тугай бошанд аз ҳайрат шакли чормағзро гирифтанд* и антропологический образ (30%) - *Зиндагӣ як марди зӯрест, ки Ҳама бозичаи дасти зиндагист*.

Систематизировав высказывания таджикских ученых относительно вопроса о показателях сравнительных конструкций, можно констатировать следующее: а) на лексическом уровне в качестве модификаторов могут выступать единицы, имеющие сравнительную семантику, например: *монанд (кардан), ба монанди, ба сони, шабех, ташбех, мушобех, ранг, мисл, ба ёд овардан, муқоиса кардан, пиндорӣ, насақ, тариқ;*

б) на словообразовательном уровне данную функцию могут выполнять суффиксы: *-осо, -сон, -ваши, -вор, -гун;*

в) на морфологическом уровне – сравнительная и превосходная степени прилагательных и наречий, образуемые при помощи суффиксов *-тар* и *-тарин;*

г) на синтаксическом уровне в качестве вспомогательного средства компаративной конструкции могут быть представлены союзы и предлоги: *чун, ҳамчун, барин, чунонки, моно ки, гӯйё, гӯйё ки* и др.

Показатели сравнения русских компаративных конструкций также представлены на четырех языковых уровнях.

V. Анализ научной литературы позволил выявить, что многочисленные обращения русских ученых к вопросу изучения эпитета и множество предложенных ими определений сводятся к следующей дефиниции этого термина: эпитет – это экспрессивно-образное, оценочное определение объекта действительности, функционирующее в рамках художественного дискурса.

Подобную точку зрения на природу эпитета высказывают и таджикские ученые, характеризуя его как художественное определение, подчеркивающее существенный признак определяемого слова. В таджикском языке данное образное средство имеет обозначение «тавсиф».

В ходе исследования данного лингвистического феномена был использован следующий набор терминов: *эпитет – адъектив - определение – художественное определение; субстантив – определяемое слово; эпитетная конструкция – эпитафраза – определение+определяемое слово, эпитет+субстантив; составной эпитет, цепочечный эпитет – распространенный эпитет – двух-, трехкомпонентный эпитет.*

Всестороннее рассмотрение различных аспектов теоретического описания эпитета в сопоставляемых языках позволило прийти к выводу, что особый интерес российских ученых привлекают вопросы функционального назначения эпитета и его семантической таксономии. Так, среди основных функций эпитетов выделяют эмоционально-экспрессивную, изобразительную и познавательную.

Что касается частеречной принадлежности эпитетов, то в отношении этого вопроса существует несколько гипотез, одна из которых состоит в

том, что выразителями эпитета могут быть как прилагательные и наречия, составляющие «ближнюю периферийную» группу, так и существительные, причастия, местоимения, деепричастия и инфинитив. Мнения таджикских ученых по этому вопросу довольно малочисленны и ограничиваются лишь указанием на синтаксическую роль эпитета и на его адъективное выражение.

Высказываются мнения относительно количественных показателей эпифраз, среди которых выделяются одиночные, двойные и тройные эпитеты, причем таджикские ученые характеризуют одиночные эпитеты как «неполные» и не представляющие художественную ценность. В классической и современной таджикской литературе большой популярностью пользуются именно распространенные, цепочечные эпитеты, так называемое «нанизывание» эпитетов, именуемое термином «сифатчинӣ».

Проведенное исследование показало, что одним из вариантов для рассматриваемых языков является дифференциация эпитетов, во-первых, по степени их устойчивости в языке: выделяются свободные (*хоки одамхӯр, гурги дуно*) и постоянные (*хандаи бегаиш, забони нешдор*) эпитеты; во-вторых, с точки зрения их структуры - простые (65%) - *суми рӯин, мӯи симин, гардани очин*, сложные (более 33%) – *нигоҳи пурасрор, марқаде хузангез* и составные (*ашки шаи қатори шӯру талх*) эпитеты.

Анализ извлеченного из художественных текстов материала позволил сделать вывод о том, что преобладающая часть (около 60%) эпитетов имеет адъективное выражение и представлена одиночными единицами, по структуре две-третьи из них являются простыми. Цепочечные эпитеты могут включать в себя два компонента (27%) – *шаҳри сарду ноошно*; три адъектива (12%) – *ҳайвони фалакиву самакиву галатӣ*; четыре компонента (3%) – *нигоҳи рост, равшан, андӯҳгин ва барқнош*.

Кроме того, адъективы, определяющие субъект, более всего репрезентированы группой лексем, характеризующих лицо (56%) – *марди муқтадир, соҳибқирон, наҳиф, нусти устухон; мӯйҳои парешон, абрешимин* и указывающих на физические свойства лица или предмета (33%) – *шабранг, тиллоӣ, тобон, хушчилло, пурсӯз*. В свою очередь, субстантивы в своей основной части представлены лексемами, номинирующими природные объекты и абстрактные понятия.

VI. Относительно сущности фигуры контраста антитезы в русском и таджикском языке сложилось общее мнение, согласно которому антитеза - это средство выразительности, основанное на контрасте и противопоставлении понятий и образов. В таджикском языке эквивалентом данного приема выступает термин «тазод».

Исследование антитезы в качестве лингвистического явления сопровождалось использованием таких терминологических единиц, как *антитезные конструкции - антитезные выражения - антитезные высказывания, антитезный план, антитезное содержание, языковые и контекстуальные антонимы*.

Обзор научной литературы позволил выявить, что в рассматриваемых языках существуют противоречивые мнения относительно природы антитезы: одни исследователи причисляют антитезу к тропам, определяя ее как средство выразительности лексического уровня, другие – к фигурам. В данном исследовании за основу были приняты выдвигаемые многими таджикскими учеными классификации, согласно которым антитеза так же, как метафора и метонимия, сравнение и эпитет, является тропом (*санъати маънавӣ*).

Функциональный потенциал антитезы реализуется в его экспрессивности и оценочности. С учетом лингвистического статуса антитезы, диапазоны ее типологии заданы с точки зрения 6 языковых аспектов: 1) по специфике функционирования антитезы; 2) по узуальности / окказиональности объектов; 3) по степени устойчивости

компонентов; 4) по количеству сопоставляемых объектов; 5) по лексическому / синтаксическому критерию; 6) на основании грамматического /неграмматического противопоставления компонентов.

Несмотря на значительное число выдвинутых русскими лингвистами классификаций, наибольший интерес вызывает классификация на основе семантического деления, которая предполагает выделение таких видов антитезы, как акротеза, амфитеза, диатеза, парадиастола, аллойоза и собственно антитеза. В таджикском языке дискуссионным остается вопрос о тождественности и противоречивости таких понятий, как «тазод» и «муқобала/муқобила/мутобақа», отличающихся по функции противопоставления и соотнесения слов с противоположной семантикой.

Метод классификации таджикских антитез, извлеченных из текстов современной таджикской малой прозы, позволил выявить следующие их особенности: а) антитезный план преимущественно строится на узуальных антонимах, выраженных различными частями речи: существительными – *шоҳу гадо, ҳочаву гулом, тифливу пирӣ*; прилагательными – *ободу вайрон, зиндаву мурда, ҳарому ҳалол*; глаголами – *рафтану омадан, овардану бурдан*; наречиями *чапnavу роста, имрӯзу фардо*; местоимениями *ину он, ину вай*; б) наиболее продуктивна простая неосложненная антитеза – *сарватҳои сард – дидори гарм*; в) широкий спектр распространения имеют свободные антитезные конструкции; г) зачастую в построении антитезы принимают участие два объекта, сопоставляемые по схеме: п – п; д) превалирующая часть антитезных конструкций представлена однословными компонентами; е) нередки случаи использования грамматической антитезы.

VII. Относительно определения дефиниции гиперболы в сопоставляемых языках сформировалось единое мнение, которое заключается в следующей интерпретации: «Гипербола (муболиға) - средство выразительности, заключающееся в выражении не тождественного реальным объектам и явлениям нарочитого

преувеличения или преуменьшения значения». Такое определение гиперболы указывает на наличие двух семантических вариантов гиперболы, заключающихся в максимизации и минимизации признака. Вместе с тем «минимизация признака» может рассматриваться в качестве самостоятельного средства выразительности - в русском языке как «литота», в таджикском - как «тасфир».

В исследовании данного языкового явления были использованы следующие термины: *гиперболизированные единицы - гиперболические высказывания - гиперболические выражения, гиперболизация, гипербола-преувеличение, гипербола-преуменьшение, литота, гипербола «наоборот», гиперболизируемый признак, гиперболизированное значение, гиперболический эпитет, гиперболическая метафора, гиперболическое сравнение.*

Наиболее важными составляющими функционального потенциала гиперболы являются интенсификация выразительности, эмоциональная и эстетическая функции.

Семантический аспект послужил основой выделения в таджикском языке трех разновидностей гиперболы: *муболиға* (собственно гипербола), *ифроқ* (более высокая степень преувеличения) и *ғулув* (высшая степень гиперболы).

Таксономия гиперболы как лингвистического феномена в русском языке остается дискуссионной, поскольку существуют различные классификации, основанные на разных принципах. Наиболее приемлемой для нашего исследования является классификация, в рамках которой дифференциация происходит по следующим структурно-семантическим признакам: 1) по степени освоенности; 2) по степени устойчивости связей между компонентами; 3) по критерию ее взаимодействия с другими стилистическими средствами; 4) по семантическому критерию: преувеличение большого и преуменьшение малого (размеров, признаков, предметов и т.д.); 5) частеречная принадлежность; 6) уровневый критерий.

Основные языковые средства построения гиперболических конструкций в сопоставляемых языках представлены на словообразовательном, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Лингвистический анализ таджикских гиперболизированных единиц позволил выявить, что большой популярностью среди современных таджикских писателей пользуются индивидуально-авторские гиперболы. По степени устойчивости наиболее востребованы свободные, не имеющие в своем составе фразеологизмов конструкции. Превалирующая часть исследованных образцов (более 60%) представлена осложненными конструкциями, в которых гиперболизация происходит за счет наложения других стилистических приемов. Продуктивными являются гиперболические сравнения (27% от общего числа осложненных гипербол) – *ба монанди як сутуни азими гирдбод*; гиперболические метафоры (22%) – *фавораи оташ дили заминро чок карда, нӯсташиро даронид*; гиперболические антитезы (18%) – *Кадам ромшигар, кадам побараҳна, кадам як мӯрча! Бо шер ҳазл мекунад*; гиперболические эпитеты (7%) – *шиҳаи талху ҷонхарош*. Менее популярны гиперболические комбинации с иронией, градацией, литотой. Исследование уровневой реализации гиперболических единиц таджикского языка показало, что большей интенсивностью и эмоциональностью отличаются гиперболы, раскрывающие смысл на уровне выражения и предложения.

VIII. Точка зрения таджикских ученых относительно интерпретации иронии полностью совпадает со сложившимся определением ее в русской лингвистике, которое можно выразить посредством следующей дефиниции этого термина: «Ирония (киноя) – средство выразительности, заключающееся в нарочитой тонкой или скрытой насмешке над отрицательными явлениями, облеченной в форму положительной характеристики».

В ходе исследования данного лингвистического феномена были задействованы следующие терминологические единицы: *ироническое содержание, иронический смысл, ироническая оценка, ироническое выражение, иронический контекст, иронический эффект.*

Основополагающей функцией иронии является субъективно-оценочная. Относительно вопроса определения единицы иронии и ее структурно-семантической классификации в русской лингвистике не сложилось общего мнения, а в таджикской лингвистической науке эти вопросы не стали предметом исследования. Основными вербальными репрезентантами иронии в двух языках являются языковые средства морфологического, лексического, синтаксического уровней.

Стилистические средства являются важным компонентом субъективного мировосприятия говорящего. Частотность использования тех или иных стилистических средств репрезентации иронии неодинакова. Наиболее распространенными экспликаторами иронии в таджикском языке следует признать паремии и фразеологизмы. Продуктивны в этой роли гипербола и сравнение. Чуть менее востребована в реализации иронии парафраза.

IX. Сопоставительный анализ оригинальных и переводных текстов показал, что передача рассматриваемых средств выразительности с таджикского языка на русский в большинстве случаев достаточно адекватна, то есть при переводе сохраняется образность и семантическая наполняемость конструкций.

При сопоставлении текстов перевода с оригиналом обращает на себя внимание тот факт, что на лексическом уровне авторы переводов максимально точно передают средства выразительности оригинала, удачно подбирают лексемы переводящего языка, в той или иной мере стилистически соответствующие исходному языку.

Исследование перевода лексических единиц и сочетаний метафорического содержания позволило сделать вывод, что передача

большинства языковых образов метафорических словосочетаний подлинника, как правило, проводилась на эквивалентной семантической основе, тождественной по номинативной функции.

Передача таджикских метонимических единиц осуществляется наиболее востребованными переводчиками способами: буквального перевода, структурных преобразований, лексических трансформаций, в том числе лексической замены и опущения.

Сравнения чаще всего передаются калькированием, реже - синтаксической декомпрессией или экспликацией; эпитеты преимущественно путем сохранения семантических отношений компонентов и использования аналогичных структур. В силу различий в грамматическом строе контактирующих языков, при передаче эпитетов отмечаются трансформации, основанные на совпадении морфологических характеристик при синтаксической перекомпоновке. Кроме этого, довольно часто используются такие лексико-синтаксические трансформации, как лексическая замена и опущение.

Путем подбора эквивалентов происходит передача таджикских антитез на русский язык, при этом сохраняется оригинальность стиля таджикских авторов, выразительность стилистических приемов и смысловое содержание текстов. В исследованном материале случаи переводческих трансформаций, в частности лексических опущений, единичны.

Значительная часть таджикских гиперболических конструкций не получила своего адекватного перевода. Данное обстоятельство обусловлено многокомпонентной структурой гиперболизированных единиц, усложненных наложением других стилистических приемов.

Передача на русский язык преобладающей части таджикских текстов иронического содержания осуществляется довольно адекватно и корректно, что продиктовано фактом использования иронии в одних и тех же целях, сходными способами языковой реализации иронии, а также

незначительными расхождениями в социокультурных знаниях у носителей контактирующих языков.

Ослабление образности и экспрессивности, даже потеря тех или иных средств выразительности, объясняется наличием национальных особенностей в стилистических системах двух участвующих в процессе перевода языков.

Таким образом, проведенное комплексное исследование обеспечило достижение поставленной цели и решение соответствующих задач, а также заложило основу для осуществления дальнейшего исследования средств выразительности всех уровней таджикского языка и дальнейшего их сопоставления с образными средствами других языков. Каждое из средств выразительности может стать самостоятельной областью исследований в лингвистическом и сопоставительном направлениях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. РТС – Русско-таджикский словарь.
2. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка С.И.Ожегова.
3. ФТЗТ1 - Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ, ҷ.1 (Толковый словарь таджикского языка, т.1).
4. ФТЗТ2 - Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. ҷ.2 (Толковый словарь таджикского языка, т.2).
5. ФТР - Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ (Таджикско-русский словарь).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аброров, С.С. Структура, семантика и грамматические особенности метафорических выражений в поэзии Ходжа Хусайна Хатлони. / автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22. / Аброров Саидумар Саидакрамович. - Душанбе, 2017. - 26с.
2. Агамурадова, Р.Ш. Функционирование принципа противопоставления в элокутивно-орнаментальных лингвистических единицах русского языка (на материале художественных, газетно-публицистических и рекламных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук – 10.02.01 / Агамурадова Рагимат Шафидиновна. – Махачкала, 2009. – 28с.
3. Античные теории языка и стиля: антология текстов / общ.ред.О.М.Фрейденберг. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1996. – 362с.
4. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д.Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767с.
5. Аристотель. Поэтика. Риторика. /Аристотель. – СПб: Азбука-классика, 2010. – 120с.
6. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка. Учебное пособие для студентов вузов / И.В.Арнольд. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1979.
7. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. / И.В.Арнольд. — 5-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2002. — 384с.
8. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. / Н.Д.Арутюнова. - 2-е изд.– М.: Наука, 1990. – 341с.
9. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. / Н.Д.Арутюнова. — 2-е изд., испр. — М.: «Языки русской культуры», 1999. — 896с.

- 10.Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник. /Л.Г.Бабенко, Ю.В.Казаринов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 496с.
- 11.Баймуратова, У.С. Особенности перевода окказиональных сравнений в текстах романов Юли Цее. / У.С.Баймуратова // Материалы Международной научно-практической конференции «Филологические чтения» (Оренбург, 13-14 декабря 2018г.): ООО ИПК «Университет», 2019. - С.146-152.
- 12.Балли, Ш. Французская стилистика. / Ш.Балли. – М.: Либроком, 2009. – 398с.
- 13.Башарова, А.Ф. Репрезентация сравнения в произведении Уильяма Сомерсета Моэма «Театр». / А.Ф.Башарова, Г.В.Хадеева // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики. [Электронный ресурс]. - <http://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/128641> (дата обращения 14.07.2019)
- 14.Беззубикова, М.В. Дискурсивные сравнения в художественной картине мира. / М.В.Беззубикова // Гуманитарные исследования. - 2013. № 2 (46). – С.10-14.
- 15.Бессарабова, Н.Д. Метафора как языковое явление / Н.Д.Бессарабова // Значение и смысл слова / Под ред. Д.Э.Розенталя. – М.: МГУ, 1987. – с.156-173.
- 16.Бобоев, Ю. Назарияи адабиет. Қ.1. Муқаддимаи адабиетшиносӣ. / Ю.Бобоев. – Душанбе: Маориф, 1992. – 374с.
- 17.Бодуэн де Куртенэ И.А. Об общих причинах языковых изменений // И.А.Бодуэн де Куртенэ. Избр.труды по общему языкознанию. Т.1. М., 1963.
- 18.Болгарова, Р.М. Семантика сравнения и осложненное предложение (на материале русского и татарского языков). / Р.М.Болгарова //Вестник ТГГПУ. – 2010 - № 3(21). – С.34-38.

- 19.Бондаренко, М.В. Типы метонимического переноса и проблема их системного описания: автореф.дис. ... канд.филол.наук: 10.02.04 / Бондаренко Михаил Васильевич. -Ленинград, 1980. – 17с.
- 20.Бреева, Л.В. Лексико-стилистические трансформации при переводе. / Л.В.Бреева, А.А.Бутенко. – М., 1999. – 240с. - [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.belpaese2000.narod.ru/Trad/trasform01> (дата обращения 20.01.21)
- 21.Булатая, Е.В. Ирония как имплицитная форма выражения авторской модальности в художественном тексте (на материале произведений Н.В.Гоголя и их немецкоязычного перевода): автореф.дисс. ... канд.филол.наук – 10.02.01, 10.02.19 / Булатая Елена Васильевна – Калининград, 2017. – 25с.
- 22.Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И.Буслаев. – М., 1959.
- 23.Буслаев, Ф.И. Преподавание отечественного языка. / Ф.И.Буслаев. -М.: Просвещение, 1992. – 512с.
- 24.Веселовский, А.Н. Историческая поэтика. / А.Н.Веселовский. – М.: - 1989. – 404с.
- 25.Виноградов, В.В. Стиль Пушкина. / В.В.Виноградов. - М., 1941.- 620 с.
- 26.Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В.Виноградов. – М.: Прогресс, 1959. – 656 с.
- 27.Виноградов, В.В. Поэтика русской литературы. / В.В.Виноградов. – М.: Наука, 1976. – 518с.
- 28.Виноградова, В.Н. Словообразовательные средства иронии / В.Н.Виноградова // Русский язык в школе, 1987. - № 3. – с.75-80.
- 29.Вовк, В.Н. Языковая метафора в художественной речи. Природа вторичной номинации / В.Н.Вовк. - Киев: Наукова думка, 1988. – 140с.

30. Вольперт, Л.И. Ирония в прозе Пушкина и Стендаля («Капитанская дочка» и «Красное и черное») / Л.И. Вольперт [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/volpert/articles/irony> (дата обращения 12.11.2020).
31. Гаврилова, Е.С. Лингвистическое выражение противопоставления. / Е.С. Гаврилова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. - № 3, 2013. – С.141-144.
32. Гак, В.Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование / В.Г. Гак // Вопросы французской филологии. – М., 1972. – С.123-136.
33. Гак, В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте. М., 1988. – 174с.
34. Галкина-Федорук, Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е.М. Галкина-Федорук // Сборник статей по языкознанию. – М.: Наука, 1952. – С. 33–42.
35. Гальперин, И.Р. Информативность единиц языка / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1977. – 279с.
36. Гальперин, И.Р. Стилистика английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – 334с.
37. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. / И.Р. Гальперин. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 137с.
38. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка: опыт систематизации выразительных средств / И.Р. Гальперин. – Изд. 2-е. – М.: УРСС: Либроком, 2012. – 375с.
39. Гинзбург, Е.Л. Конструкции полисемии в русском языке: Таксономия и метонимия / Е.Л. Гинзбург. - М.: Наука, 1985. – 224с.
40. Глушкова, В.Г. Лингвостилистические особенности эпитетов в художественной прозе С.Н. Есенина: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Глушкова Валентина Геннадьевна. – Белгород, 2000. – 23с.

41. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка: Учеб. пособие. / И.Б. Голуб. – М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997. – 448с.
42. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷ.1. – Душанбе, Ирфон, 1985. -356с.
43. Губанов, С.А. Эпитет в творчестве М.И.Цветаевой: семантический и структурный аспекты: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Губанов Сергей Анатольевич. – Самара, 2009. – 248 с.
44. Губанов, С.А. Дискурсивная метонимия в текстах Марины Цветаевой // Вестник СВФУ. - 2016 - № 3 (53). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivna-metonimiya-v-tekstah-mariny-tsvetaevoy> (дата обращения: 17.11.2019)
45. Гужова, Т.А. Гиперболический способ выражения в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Гужова Тамара Александровна. – Москва, 2013. – 23с.
46. Гаффоров, Р. Вазифаҳои услубии калимаҳои омонимӣ ва сермаъно / Р. Гаффоров // Мактаби советӣ – 1990 - № 8. - С.16-18.
47. Давлатбеки, Хоча. Ташаккул ва таҳаввули илми забоншиносии форсу тоҷик дар асрҳои миена / Хоча Давлатбек. – Душанбе: Диловар–ДДМТ, 1998.–152с.
48. Денисова Г.Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Денисова Галина Леонидовна. — Самара, 2009. — 34 с.
49. Десяева, Н.Д. Стилистика современного русского языка: уч. пособие для студ. высших учеб. завед. / Н.Д. Десяева, С.А. Арефьева. - М.: Академия, 2008. – 272с.
50. Дмитриева, Е.И. Категория компаративности в разноструктурных языках (на материале английского, русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Дмитриева Елизавета Игоревна. – Москва, 2012. – 21с.

51. Дорогова, Т.А. Взаимодействие гиперболы, мейозиса и литоты. / Т.А.Дорогова // Вестник Московского государственного областного университета - 2011 - № 6. - С.106-110.
52. Драйсави, Х.К.М. Сравнение в поэтическом идиостиле (на материале поэзии С.Есенина и В.Маяковского): дис. ...канд.филол.наук: 10.02.01 / Драйсави, Хуссейн Кадим Маджди – Воронеж, 2014. – 225с.
53. Еремин, А.Н. Проблемы лексической семантики русского просторечия / А.Н.Еремин. - Калуга, 2001. - 445с.
54. Ермакова, О.П. Ирония и ее роль в жизни языка. – Калуга: Изд-во Калуж.пед.год.ун-та, 2005. – 202с.
55. Ефремов, Д.П. Метонимическое употребление человека названиями носильных вещей /Д.П.Ефремов // - Известия АН Казахской ССР. Сер.обществ. - № 7. Алма-Ата, 1967. – С.60-68.
56. Зехни, Т. Санъати сухан. / Т.Зехни. – Душанбе: Маориф, 1992.– 304с.
57. Икромова, Г.Х. Лексико-семантические особенности газелей Бадриддина Хилали: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22. / Икромова Гуландом Холовна. – Душанбе, 2018. – 175с.
58. Кабиров, Ш. Сухан аз арши барин омадааст / Ш. Кабиров. – Душанбе, 2014.–263с.
59. Казакова, Т.А. Практические приемы перевода: English - Russian / Т.А.Казакова. – Спб.: Лениздат: Союз, 2001. – 317с.
60. Калинин, А.В. Лексика русского языка / Учебное пособие для вузов /А.В.Калинин. - Изд. 3-е. - М., 1978. - 232с.
61. Каменская, Ю.В. Ирония как компонент идиостиля А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Каменская Юлия Валерьевна. - Саратов, 2001.-23с.
62. Каменская, Ю.В. Интертекстуальные включения как средство актуализации текстообразующей иронии в раннем творчестве А.П.

- Чехова / Ю.В. Каменская // Проблема литературного диалога: сб. науч. трудов. Саратов: изд-во Латанова В.П., 2002. - С.90-96.
63. Камолиддинов, Б. Хусни баен / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Ирфон, 1989.–120 с.
64. Камышова, А.В. Сравнение и его функции в структуре прозаического текста (на материале прозы В.Брюсова): автореф.дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 / Камышова Анна Евгеньевна. – Санкт-Петербург, 2006. – 26с.
65. Касимов, О.Х. Лексика и словообразование в «Шахнаме» Абулкасима Фирдоуси / О.Х. Касимов. – Душанбе: ОАО «Чопхонаи Дониш», 2016. - 346с.
66. Кирюхин, Ю.А. Ирония как актуальная форма комического: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 09.00.04 / Кирюхин Юрий Алексеевич. – Москва, 2011. – 22с.
67. Клименко, Т.Н. Типы и текстообразующие функции иронических контекстов (на материале романов-антиутопий): автореф.дис. ... канд.филол.наук: 10.02.04 / Клименко Татьяна Николаевна. - СПб, 2008. – 27с.
68. Кожевникова, О.С. О соотношении понятий «контраст» и «противоречие» в исследованиях по стилистике / О.С.Кожевникова // Журнал «Вестник КрасГУ». Серия «Гуманитарные науки». № 3/2, 2006. - С.204-206.
69. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб.для ин-тов и фак.иностр.яз. /В.Н.Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253с.
70. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение. Курс лекций. / В.Н. Комиссаров. - М.: ЭТС, 1999. – 192с.
71. Королева, О.Э. Метонимия как тип значения: семантическая характеристика и сферы употребления / О.Е.Королева. - Обнинск, 2002. - 159с.

72. Коршунова, Е.С. Способы художественного перевода сравнений (на примере повести Э.Хемингуэя «Старик и море») / Е.С.Коршунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018 - № 5 (83) - С.124-127.
73. Корюкина, Е.С. Риторические возможности лексических антонимов / Е.С.Корюкин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2011. - № 6(2) - С.309-313.
74. Корюкина, Е.С. Проблема определения антитезы в терминологических словарях и справочниках / Е.С.Корюкина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2012 - № 5(1) - С.300-303.
75. Крылова, М.К. Разноуровневые средства выражения сравнения, их функции в языке поэзии и прозы И.А.Бунина и С.А.Есенина: автореф. дисс. ...канд.филол.наук: 10.02.01. / Крылова Мария Николаевна. – Ростов на Дону, 2003. – 18с.
76. Крысин, Л.П. Гипербола в русской разговорной речи: учеб. пособие / Л. П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 262 с.
77. Кубаева, Ф.Р. Когнитивно-семантические характеристики перенесенного эпитета в английском языке: автореф. дис. ...канд. филол.наук: 10.02.04 / Кубаева Фатима Рамазановна. - Пятигорск, 2009. – 29с.
78. Кузнецова, В.А. Языковая и речевая гипербола / В.А.Кузнецова // Слово в словаре, семантическом континууме и тексте. – Челябинск, 1990. - С.18-25.
79. Кузнецова, Е.Б. Семантические процессы в языке современной поэзии. (Метафора и метонимия в текстах метафористов). / Е.Б.Кузнецова /АКД. СПб., 1996. - 20 с.
80. Кулиев, Г.Г. Метафора и научное познание. / Г.Г.Кулиев. – Баку, 1987. – 157с.

81. Курахтанова, И.С. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема гиперболы (на материале английского языка): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04./ Курахтанова Инна Сергеевна. - М., 1978.- 18с.
82. Кустова, Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений / Г.И.Кустова // Вопросы языкознания. 2000, №4. - С. 85-109.
83. Кыржинакова, Э.В. Способы выражения сравнения в хакасском языке: автореф.дис. ...канд.филол.наук: 10.02.02 / Кыржинакова Эльвира Валериевна. - Москва, 2010. - 26с.
84. Қосимова, М.Н. Таърихи забони адабии тоҷик (ҷилди 1) / М.Н. Қосимова.– Душанбе, 2003. – 490с.
85. Қосимова, М.Н. Чор унсур. Маъниофаринӣ. Калимасозӣ (дар асоси маводи «Маснавии маънавӣ») / М.Н. Қосимова. –Душанбе: Деваштич, 2007.– 266с.
86. Қосимова, М.Н. Ганҷи суҳан / М.Н. Қосимова. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2013.–639с.
87. Қосимова, М.Н. Таърихи забони адабии тоҷик (ҷилди 2) / М.Н. Қосимова.–Душанбе, 2016. – 490с.
88. Қурбонов М. Услубшиносӣ: Созмони услубии забони адабии ҳозираи тоҷик / М.Қурбонов. – Душанбе, 1991. – 102с.
89. Лагута, О.Н. Метафорология: теоретические аспекты / О.Н.Лагута. – Новосибирск: Новосиб.гос.ун.т, 2003. Ч.1. – 114с.
90. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем. / Дж.Лаккофф, М.Джонсон – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256с.
91. Лаптева, О.А. Стилистические приемы создания языковой иронии в современном газетном тексте / О.А. Лаптева// Поэтика. Стилистика. Язык и культура. - М.: Наука, 1996. - С.150-157.
92. Левин, Ю.И. Структура русской метафоры / Ю.И.Левин // Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. – с.293-299.

93. Лиао, Лее-Йуех. Стилистика контраста в автобиографической прозе М.Горького и И.Бунина: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Тиао Лее-Йуех. – Санкт-Петербург, 1999. – 22с.
94. Лимарева, Т.Ф. Функционально-семантическая сущность иронии (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук/ Т.Ф. Лимарева. Краснодар, 1997. - 19с.
95. Лободанов, А.П. К исторической теории эпитета (античность и средневековье) / А.П.Лободанов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1984. – т.43. - № 3. – С.215-227.
96. Ломоносов, М.В. Краткое руководство к красноречию. Полное собрание сочинений. / М.В.Ломоносов. // Полное собрание сочинений. - Т. 7. Труды по филологии. - М.-Л.,1952. – 315с.
97. Лопутько, О.П. Постоянные эпитеты и история прилагательных / О.П.Лопутько // Русский язык в школе. – 2004. - №5. – С.81-85.
98. Маджидов, Х. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка / Х. Маджидов. – Душанбе: Деваштич, 2006. – 409с.
99. Маккормак, Эрл. Когнитивная теория метафоры. / Теория метафоры: Сборник. Общ.ред Н.Д.Арутюнова и М.А.Журиной. – М.: Прогресс, 1990. –С.358-387.
100. Маслова-Лашанская, С.С. Лексикология шведского языка: учебное пособие / С.С.Маслова-Лашанская. – 2.е изд., - Санкт-Петербург: Филол. фак. Санкт-Петербургского гос.ун-та, 2011. – 231с.
101. Машукова, М.Х. Эпитет в адыгском песенно-стихотворном фольклоре: автореф.дис. ... канд.филол.наук: 10.01.09 / Машукова Марьяна Хаутиевна. – Майкоп: 2008. – 26с.
102. Маҷидов, Ҳ. Забони адабии муосири тоҷик. Луғатшиносӣ. Ҷ.1, / Ҳ. Маҷидов. – Душанбе: Деваштич, 2007. – 255 с
103. Маҷидов, Ҳ. Сермаъноии луғавӣ / Ҳ. Маҷидов // Маърифат, 1997,№ 9- 12.- С. 7- 9.

104. Маҷидов, Х.Усулҳои сермаъношавии калимаҳо / Х.Маҷидов // Маърифат, 1998, №1-2, с.10-13.
105. Маҷидов, Ҳ. Антонимҳои луғавӣ / Ҳ. Маҷидов // Маърифат, 1999, №1-2.-С.9-11.
106. Маъсумӣ, Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик / Н. Маъсумӣ.–Душанбе: Пайванд, 2011.–385с.
107. Мирмухамедова, М.Б. Лексические особенности языка поэзии Камола Худжанди: автореф. дис. ... канд. филолог наук: 10.02.22. / Мирмухамедова Максуда Баротовна. – Худжанд, 2012. –26с.
108. Москвин, В.П. Эпитет в художественной речи / В.П.Москвин. // Русская речь. – 2001. - №4. – С.28-34
109. Москвин, В.П. Тропы и фигуры: параметры общей и частных классификаций / В.П. Москвин // Филологические науки. 2002. - №4. - С.75-85.
110. Москвин, В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории / В.П.Москвин. - Изд.2-е, перераб. и доп. М.: Ленанд, 2006. -184с.
111. Мухина, Ю.Н. Средства репрезентации иронии в художественном тексте (на материале русского и английского языков): автореф.дис. ... канд.филол.наук: 10.02.19. / Мухина Юлия Николаевна. – Саратов, 2006. – 26с.
112. Мухтаруллина, А.Р. Когнитивные основы метонимий и метафор в англоязычном художественном тексте // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1.; URL: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.science-education.ru> / (дата обращения: 24.09.2019)
113. Мухторӣ, Қ. Хусусиятҳои луғавию услубии ашъори Рӯдакӣ / Қ. Мухторӣ. – Душанбе: Деваштич, 2006.- 130 с.
114. Мухторов, З. Таърихи забони тоҷикӣ / З. Мухторов.- Душанбе: Ҳумо, 2003.-152 с.

115. Назарзода, С. Забон ва истилохот. (Андешаҳо дар атрофи забони тоҷикӣ ва ташаккули истилохот) / С. Назарзода. – Душанбе, 2003. – С. 59-71.
116. Некрасова Е.А. Сравнения общезыкового типа в аспекте сопоставительного анализа художественных идиолектов / Е.А.Некрасова // Лингвистика и поэтика. – М.: 1979. – С.225-237.
117. Никитина И.Н. Эвфемистическая функция метонимии (на материале английского языка) /И.Н.Никитина // Филологические науки. Вопросы теории и практики – 2015. - № 12 (54) - С.133-136.
118. Новиков, А.Л. Метонимия в русском языке. (Семантическая структура. Словообразовательный потенциал. Стилистические функции): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Новиков Алексей Львович. – Москва, 1996. - 165с.
119. Одинцов, В.В. Стилистика текста / В.В. Одинцов. – 3-е изд., стер. — М.: КомКнига, 2006. — 263 с.
120. Орлова, Г.В. Средства формирования иронической модальности в современном публицистическом дискурсе (жанр обозрения): автореф.дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / – СПб, 2005. – 23с.
121. Остренкова, М.А. Сравнение в поэзии Н.Заболоцкого: структура, семантика, функционирование: автореф.дис. ...канд. филол.наук: 10.02.01. / Остренкова Марина Анатольевна. – Ярославль, 2003. – 24с.
122. Павлова, А.Э. Фразеологические единицы как средство создания комического в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: автореф. дис. ...канд. филол. наук/ Павлова Алла Эдуардовна. Кострома, 2003. -24с.
123. Павлович, Н.В. Сила и сложность семантического противоречия в оксюмороне. / Н.В.Павлович // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1981. – С.231-243.

124. Павшук, А.В. Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорина «Воля»): автореф. дис. ... канд. филол.наук: 10.02.05. / Павшук Анна Владимировна. – М.: 2007. - 22с.
125. Падучева, Е.В. Метонимические и метафорические переносы в парадигме значений глагола назначить // Типология и теория языка: от описания к объяснению. / Е.В.Падучева. - Сб. статей к 60-летию А.Е. Кибрика. М., 1999. С. 488-502.
126. Падучева, Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е.В.Падучева. - М.: Языки русской культуры, 2000. - 464с.
127. Палкевич, О.Я. Языковой портрет феномена иронии: на материале современного немецкого языка: автореф. дис. ...канд. филол.наук / 10.02.04 / Палкевич Ольга Язеповна. – 2001. – 22с.
128. Паршин, А.В. Теория и практика перевода: учеб. пособие / А.В. Паршин. – СПб. : СГУ, 1999. – 202с.
129. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г.Пауль / Перевод с немецкого. М., 1960. - 500с.
130. Петрова, О.Г. Языковое и экстралингвистическое в иронии как компоненте идиостиля писателя (на материале произведений У.М.Теккерея и Ч.Диккенса): автореф. дис. ... канд.филол.наук: 10.02.19. / Петрова Ольга Геннадьевна. – Саратов, 2010. – 21с.
131. Печенихина, Е.А. Языковое выражение иронии в произведениях Ж. М. Эсы де Кейроша: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.05. / Печенихина Екатерина Алексеевна. – М., 2010.- 26с.
132. Пивоев, В.М. Ирония как феномен культуры / В.М. Пивоев. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. - 106с.
133. Плаксина, Е.Б. Антитеза в заголовках статей российской и французской прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Плаксина Елена Борисовна. – Екатеринбург, 2007. – 23с.

134. Покровский, М.М. Соображения по поводу изменения значений слов // М.М.Покровский. Избранные работы по языкознанию. - М., 1959. - С.36-60.
135. Поликарпова, Е.В. Гипербола в современном немецком языке (лексикологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Поликарпова Елена Вакифовна. – Москва, 1990. – 19с.
136. Померанец, А.В. Развитие эпитета как отражение изменений картины мира (на материале спанских поэтических текстов XII-XIV вв.: автореф.дис. ...канд.филол.наук: 10.02.05. / Померанец Инна Борисовна. – Санкт-Петербург, 2004. – 26с.
137. Поспелов, Г.Н. Художественная речь. / Г.Н.Поспелов. - М.: МГУ, 1974. – 238с.
138. Потебня, А.А. Из записок по теории словесности // А.А.Потебня. Теоретическая поэтика. М., 1990. - С. 132-314.
139. Потебня, А.А. Теоретическая поэтика: учеб.пособие /А.А.Потебня. – М.: Высшая школа, 1990. – 344с.
140. Походня, С.И. Языковые виды и средства репрезентации иронии / С.И.Походня. – Киев: Наукова думка, 1989. – 128с.
141. Пятаева, И.Г. Структура, типы и функции сравнения в художественной прозе Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ...канд. филол. наук. - М., 1994. - 18с.
142. Разуваева, Л.В. Лингвокогнитивный подход к анализу компаративных конструкций сравнения в рассказе В.Токаревой «Из жизни миллионеров». / Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 2 (68). - С.176-179.
143. Разумова, О.П. Семантическое взаимодействие нескольких оснований в образных сравнениях // Проблемы семантического описания единиц речи. Материалы докладов Международной научной конференции. Ч.2. – Минск, 1998. – С.95–97.

144. Раевская, О.В. О некоторых типах дискурсивной метонимии / О.В.Раевская // Известия АН. Серия ЛЯ. 1999. Том 58, №2. - С.3-12.
145. Раевская, О.В. Метонимия в слове и в тексте / О.В.Раевская // Филологические науки. 2000, №4. - С.49-55.
146. Рахилина, Е.В. О переносных значениях прилагательных размера (глубокий ум — высокий интеллект) / Е.В.Рахилина // Научно-техническая информация, серия 2. 1999 - №10. - С.40-45.
147. Резинкин, А.Ю. Функционирование метонимических номинаций в немецком политическом медиа-дискурсе: автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / Резинкин Алексей Юрьевич. – Барнаул, 2012. – 23с.
148. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода / Я.И. Рецкер. – 4-е изд., стер. – М.: Р.Валент, 2010. – 240с.
149. Розенталь, Д.Э. Практическая стилистика русского языка/ Д.Э. Розенталь. М.: АСТ, 1998. - 380с.
150. Саймиддинов, Д. Пажӯҳишҳои забоншиносӣ / Д. Саймиддинов.– Душанбе, Шарқи озода, 2013.–207с.
151. Салмина, Л.М. Ироническая картина мира Д. Донцовой/ Л.М. Салмина// Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань: Изд-во Казан.гос. ун-та, 2004. - С.211-216.
152. Саломов, М. Маҷоз ва ҳақиқат / М. Саломов //Вестник ТНУ. – Душанбе. - 2007. - №1. - С.43 -46.
153. Саломов, М.Қ. Маҷоз ва воҳидҳои фразеологӣ дар забони назм. / М.Қ. Саломов // Вестник ТНУ. – 2014. – № 4/4 (140). – С.8-14.
154. Саломов, М. Ифодаи маҷоз дар ғазалияти Ҳофизии Шерозӣ (таҳлили лингвистӣ): дис. ... канд.филол.наук, 10.02.08 / Саломов Махмаддодов Каюмович. - Душанбе, 2000. – 150с.

155. Саломов, М.К. Метафорические выражения в газелях Хафиза Ширази (Лингвистический анализ): автореф. дис. ...канд. филол.наук: 10.02.08 / Саломов Махмаддоду Каюмович. - Душанбе, 2000. – 24с.
156. Саломов, М. Андешаҳои Абдуррахмони Қомӣ доир ба калима ва маъно / М. Саломов // Абдуррахмони Қомӣ ва масоили рушди фарҳангсолорӣ дар тамаддуни Шарқ.- Хучанд: Ношир, 2014. – С.285-292.
157. Саломов, М. Тобишҳои маъноии вожаи «май» ва ифодаи маҷозии он дар забони шеър / М. Саломов // Илм ва фановарӣ. – 2014 - №3. - С. 45-50.
158. Саломов, М.К. Языковые особенности газели поэтов XII-XIV веков (фонетическая, семантическая, лексическая и фразеологическая структура языка газели): автореф.дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.22. / Саломов Махмаддоду Каюмович. – Душанбе: 2018. – 48с.
159. Саркоров, Н. Эпитеты в «Шах-наме» Фирдоуси: Образ и характер человека»: автореф.дисс. ... канд.филол.наук: 10.01.06. / Саркоров Навруз. – Душанбе: 1999. - 24с.
160. Сергиенко, А.В. Языковые возможности реализации иронии как разновидности импликации в художественном тексте/ А.В. Сергиенко. - Саратов, 1995.-208 с.
161. Сидикова, М.А. Функционально-семантическое поле сравнения в таджикском и английском языках: дис ...канд.филол.наук: 10.02.20. / Сидикова Мадинахон Алишеровна. – Душанбе, 2018. – 172с.
162. Склярёвская, Г.Н. Метафора в системе языка. / Г.Н.Склярёвская. – СПб: ВО «Наука», 1993. – 152с.
163. Скребнев, Ю.М. Основы стилистики английского языка: Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / Ю.М.Скребнев. - М.: ООО "Издательство Астрель", 2003.- 240с.

164. Слепцова, М.А. Ирония как косвенный речевой акт отрицательной оценки: автореф.дис. ... канд.филол.наук. / 10.02.05. – Слепцова Мария Александровна.– СПб, 2008. – 18с.
165. Смирнова, С.И. Реализация иронии в констатирующих текстах «описание» и «повествование» (на материале русскоязычного текста поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» и англоязычного текста романа Ч. Диккенса «Домби и сын»): автореф. дис. ... канд. филол.наук: 10.02.19 / Смирнова Светлана Игоревна. - Улан-Удэ, 2014.- 23с.
166. Совенко, Л.Б. Фразеологические единицы русского языка, основанные на метонимии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Совенко Людмила Борисовна. - Ростов-на-Дону, 1984. – 23с.
167. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология. Рахманова Л.И. Сухдальцева В.Н. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/russkiy-yazik-2/> (дата обращения 11.09.2020)
168. Стернин, И.А. Введение в речевое воздействие: учеб. издание / И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2012. – 178 с.
169. Сторчак, М.В. Когнитивно-семантические особенности сравнения в контексте художественной картины мира (на материале современной англоязычной прозы): дис. ...канд.филол.наук: 10.02.04. / Сторчак Мария Владимировна. - Калининград, 2018. - 204с.
170. Султанова, М.Т. Функционирование гиперболы в различных типах речи (на материале произведений С.Рушди и Э.Картер) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusnauka.com/23D2009/> : (дата обращения 14.12.2020)
171. Телия, В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. / В.Н.Телия. – М.,1981. – 269с.

172. Телия, В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция. Метафора в языке и тексте. / В.Н.Телия. – М.: Наука, 1988. - 174 с.
173. Теория метафоры: Сборник статей / Под ред.Н.Д.Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – 512с.
174. Тихомиров, С. А. Гипербола в градуальном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / Тихомиров Сергей Александрович. – Москва, 2006. – 21с.
175. Томашевский, Б.В. Стилистика / Б.В.Томашевский. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – 288с.
176. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика / Б.В.Томашевский. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 334с.
177. Тоҳирова, Л. Лексикаи забони адабии ҳозираи тоҷик / Х. Тоҳирова. – Душанбе, 1967.-110 с.
178. Трегубчак, А.В. Семантика сравнения и способы ее выражения: автореф.дис. ... канд.филол.наук: 10.02.01. / Трегубчак Алина Викторовна. – Москва, 2008. – 24с.
179. Третьякова Е. Ирония в структуре художественного текста. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.relga.rsu.ru/n73/rus732.htm> (дата обращения 6.01.2021)
180. Трохачев, С.Ю. Аристотель и классическая теория литературы (вступительная статья) / С.Ю. Трохачев. С.-Петербург: Изд-во «Азбука», 2000.- С. 5-20.
181. Тырыгина, В.А. Эпитет и жанр / В.А.Тырыгина. – М.: Прометей. – 2000. – 228с.
182. Уарова, О.В. Дискурсивные стратегии интерпретации стилистического приема сравнения: на материале английской художественной литературы XIX-XX вв.: автореф.дис. ... канд. филол.наук: 10.02.04 / Уарова Ольга Васильевна. – Москва, 2006. – 22с.

183. Удинская, А. Г. Метонимичные переносы каузального типа для обозначения человека в английском и украинском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Удинская Алла Геннадиевна. - Донецк, 2007.
184. Фадеева, Т.М. Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства в русском языке: автореф.дис. ... д-ра филол.наук: 10.02.01. / Фадеева Татьяна Михайловна. – М., 2014. – 42с.
185. Федотова, Н.С. Комплексный анализ русского компаратива: автореф.дисс. ... канд.филол.наук: 10.02.01. / Федотова Надежда Сергеевна. – Санкт-Петербург, 2003. -23с.
186. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие / А.В. Федоров. – 5-е изд. – М.: Издательский дом «Филология ТРИ», 2002. – 416 с.
187. Филиппова, Т.И. Семантико-синтаксическая структура антитезы и ее стилистические функции (на материале французской художественной литературы XIX-XXвв.): автореф. дис. ... канд. филол.наук: 10.02.05 / Филиппова Тамара Ивановна. – Москва, 1986. – 15с.
188. Фомина, М.И. Современный русский язык. Лексикология: Учебник для студентов ин-тов и фак-тов иностр. яз. / М.И.Фомина. - М.: Высш. школа, 1978.- 256 с.
189. Харченко, В.К. Функция метафоры. /В.К.Харченко. – Воронеж: Изд.Воронеж.гос.ун-та, 1992. -87с.
190. Хазагеров, Т.Г. Общая риторика: курс лекций: словарь риторических приемов. / Т.Г.Хазагеров, Л.С.Ширина. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. - 316с.
191. Черемесина, М.И. Сравнительные конструкции русского языка. / М.И.Черемесина. – Новосибирск: Наука, 1976. – 270с.

192. Четверикова, Т.Д. Специфика шолоховского эпитета: на материале романа «Тихий Дон»: автореф.дис. ...канд.филол.наук: 10.02.01 / Четверикова Татьяна Дмитриевна. – Москва, 2008. – 17с.
193. Шарифов, Х. Каломи бадеъ / Х.Шарифов. - Душанбе: Маориф, 1991. – 160с.
194. Шарифов, Х. Назмшиносӣ / Х. Шарифов, У. Тоиров. – Душанбе: Ҳумо, 2005. – 384с.
195. Шатуновский, И.Б. Ирония и ее виды /И.Б.Шатуновский // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв.ред. Н.Д.Арутюнова. – М.: Индрик, 2007. – С.340-372.
196. Шерматова Ф.С. Особенности перевода синтаксических стилистических средств с английского языка на кыргызский: автореф.дис...канд.филол.наук: 10.02.20 / Шерматова Феруза Сардалбековна. – Бишкек, 2010. – 24с.
197. Шикалов, С.В. Способы перевода метафор в концепции П.Ньюмарка [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://www.thinkaloud.ru/sciencesya.html> (Дата обращения: 23.12.2019)
198. Шилихина, К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: автореф. дис. ...д-ра. филол.наук: 10.02.19 / Шилихина Ксения Михайловна. – Воронеж, 2014. – 50с.
199. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д.Н.Шмелев. - М.: Наука, 1973.
200. Шрамм, А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. / А.Н.Шрамм. – Л.: Наука, 1979. – 231с.
201. Якобсон, Р.О. Избранные работы. / Р.О.Якобсон. - М.: Прогресс, 1985. – 460с.
202. Янов, А.Н. Метафорическая репрезентация у представителей различных психологических типов личности: автореф.дис...

канд.психол.наук: 19.00.01 / Янов Андрей Николаевич. – Москва, 2006. – 23с.

203. Newmark, Peter. A Textbook of Translation. - Harlow: Pearson Education Limited, 2008. - 292 p.
204. تاریخ «مرسل مجاز» مقاله از برگرفته ،اسلامی علوم اطلاعات مدیریت پایگاه ۱۳۹۶/۴/۱۱.

Словари:

205. Атаханов, Т. Фарҳанги истилоҳоти адабиетшиносӣ. / Т.Атаханов. – Душанбе: Шарки озод, 2002. - 453с.
206. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С.Ахманова. – 2-е изд. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571с.
207. Большой академический словарь русского языка: в 30т. / Под ред. К.С.Горбачевича. – СПб.: Изд-во «Наука», 2004.
208. Горбачевич, К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. / К.С.Горбачевич. – СПб.: Норинт, 2002. -224с.
209. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-34262.htm> (дата обращения: 6.05.2017)
210. Иванюк, Б.П. Поэтическая речь: словарь терминов. / Б.П.Иванюк. - М.: Флинта: Наука, 2007. - 312 с.
211. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. М.: Сов. энцикл., 1966. - 376 с.
212. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост.
213. А.Н.Николюкин. М., 2001
214. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева.— М.: Советская энциклопедия, 1987.— 750 с.

215. Луғати мухтасари тоҷикӣ-ӯзбекӣ-русии истилоҳоти забоншиносӣ. /мурат.С.Иноятов. – Хучанд, 2010. – 76с.
216. Матвеева, Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т.В.Матвеева. - М.: Флинта: Наука, 2003. - 432 с.
217. Мирзозода, Х. Луғати мухтасари истилоҳоти адабиётшиносӣ. - / Х.Мирзозода. – Душанбе: Маориф, 1992. – 240с.
218. Ожегов, С.И., Толковый словарь русского языка / С.И.Ожегов, Н.И.Шведова. – 4-е изд. – М.: ООО «А ТЕМП», 2010. – 874с.
219. Розенталь, Д.Э. Словарь справочник лингвистических терминов. / Д.Э.Розенталь, М.А.Теленкова. / 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399с.
220. Русский язык: энциклопедия / гл.ред.Ю.Н.Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая рос.энцикл.: Дрофа, 1997. -721с.
221. Русско-таджикский словарь / Под ред.М.С.Асимова. – М.: Русский язык, 1985. – 1279с.
222. Современная энциклопедия. [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nfs/enc1p/> (дата обращения: 11.06.20)
223. Современный толковый словарь. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl.htm> (дата обращения: 16.05.2020)
224. Сулаймонӣ, У. Фарҳанги истилоҳоти забоншиносӣ: Тоҷикӣ-русӣ-англисӣ-форсӣ / У.Сулаймонӣ. – Душанбе, 2009. – 57с.
225. Табаров, С.Ш. Фарҳанги русӣ ба тоҷикии истилоҳоти адабиётшиносӣ. / С.Ш.Табаров. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 277с.
226. Талбакова, Ҳ. Луғати антонимҳои забони адабии тоҷикӣ / Ҳ. Талбакова. – Душанбе, 2000. –129 с.
227. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н.Ушаков – М.: Альта-Принт, 2005. - 1216с.

228. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷ.1 / С.Назарзода, А.Сангинов, С.Каримов, М.Х.Султон. – Душанбе: ХДММ «Шуҷоиен», 2010. – 996с.
229. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷ.2. / С.Назарзода, А.Сангинов, С.Каримов, М.Х.Султон. – Душанбе: ХДММ «Шуҷоиен», 2010. – 1095с. -
230. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ // под ред. Д.Саймиддинова, С.Д.Холматовой, С.Каримова – Душанбе: Матбаа АИ ҚТ, 2006. – 784с.
231. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – 3-е изд., испр./ А.И.Федоров. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878с.
232. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷики. /М.Фозилов. – Душанбе: Ирфон, 1964. Т.1 – 902с.
233. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷики. /М.Фозилов. – Душанбе: Ирфон, 1964. Т.2 – 804с.
234. Ҳодизода, Р. Фарҳанги истилоҳоти адабиётшиносӣ. / Р.Ҳодизода, М.Шукуров, Т.Абдучабборов. – Душанбе: Ирфон, 1966. – 188с.
235. Ҳусейнов, Ҳ. Луғати терминҳои забоншиносӣ. /Ҳ.Ҳусейнов, К.Шукурова. – Душанбе: Маориф, 1983. – 256с.
236. Ҷоматов, С. Фарҳанги забоншиносӣ (инглисӣ-русӣ-тоҷикӣ) / С.Ҷоматов, нашри 2-юм. – Душанбе: Бухоро, 2015. – 208с.
237. Щербаков, А.В. Антитеза // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. - М.: Флинта: Наука, 2005. - С. 46-49.

Иллюстративный материал

238. Бахманер. Водяной конь. Мохноногий петушок Помпон. Год саранчи. Песнь идущего в петлю. Цена жизни [Электронный

- ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/avtor/hurs1947yandex>
(дата обращения: 4.04.2016г.)
239. Баҳманер. Аспи обӣ: маҷмӯаи ҳикояҳо. / Баҳманер. – Душанбе: Адиб, 1988. – 192с.
240. Баҳманер. Сангу Сабу: қисса ва ҳикояҳо. / Баҳманер. - Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2011. – 200 с.
241. Баҳманер. Сармадеҳ. Шоҳаншоҳ (маҷмӯаи ҳикояҳо ва роман). / Баҳманер. – Душанбе: Адиб, 2013. – 472с.
242. Бахти, Мехмон. Повести и рассказы. / М.Бахти– Душанбе: Адиб, 2008. – 288с.
243. Бахтӣ, Мехмон. Хубон: қисса ва ҳикояҳо. / М.Бахтӣ. - Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2011. - 192с.
244. Кухзод, Урун. Роҳи паси ағба: Повест ва хикояҳо. / У.Кӯҳзод – Душанбе: Ирфон, 1987. – 384с.
245. Кӯҳзод, Урун. Кини Хумор: Повест ва ҳикояҳо. / У.Кӯҳзод. – Душанбе: Ирфон, 1978. – 245с.
246. Кӯҳзод, Урун. Бандии озод. / У.Кухзод. – Душанбе: Ирфон, 1998. – 108с.
247. Кухзод, Урун. Заблудший календарь (Сборник повестей и рассказов). / У.Кухзод. – Душанбе: Адиб, 1991. – 384с.
248. Одиназода, С. Як доман ашк. /С.Одиназода. - Душанбе: Ганч, 2016. – 192с.
249. Одиназода, С. Мой друг – волк. // С.Одиназода. – Памир. – 2016. - № 5-6 – С.99-105.
250. Сайфуллоев, А. Гулшакар. Ҳикояҳо ва қисса. / А.Сайфуллоев. – Хучанд, 2013с.
251. Сайфуллоев, А. Возвращение / А.Сайфуллоев. – Памир. – 2018. - № 3-4. – С.87-93.
252. Самад, А. Зигзаги судьбы. Повести и рассказы. – Душанбе: Русская литература, 2018. – 168с.

253. Самад, А. Талош – Душанбе: Адиб, 2002. - 384с.
254. Самад, А. Шаҳдрези садо: киссаҳо. – Душанбе: Адиб, 1997. – 144 с.
255. Сорбон. Кабутари сафед (хикояҳо) / Сорбон. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 240с.
256. Сорбон. Сабо: Повести и рассказы. – М.: Советский писатель, 1984. – 232с.
257. Турсун, Саттор. И снег сойдег. Повести и рассказы. – Москва: Советский писатель, 1982. - 416 стр.
258. Турсун, Саттор. Барф ҳам мегузарад. Повестҳо, хикояҳо, эссе. – Душанбе: Ирфон, 1983. – 368с.
259. Турсун, Саттор. Камони Рустам: повесть ва хикояҳо. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 384с.
260. Турсун, Саттор. Лук Рустама: повести и рассказы. М.: Молодая гвардия, 1979. – 335с.
261. Фируз, Баҳром. Была бы она мужчиной: повести и рассказы. – Душанбе: Адиб, 1990. – 448с.
262. Фирӯз, Баҳром. Ту танҳо не: повест ва хикояҳо. / Б.Фирӯз. – Душанбе: Маориф, 1980. – 238с.
263. Хамдам, Ато. Крик (Повести, рассказы и пьесы). – Душанбе: Эрграф, 2012. – 516с.
264. Ҳамдам, Ато. Фигон: хикоя, қисса, драма. – Душанбе: Адиб, 2003.- 272с.
265. Юсуфӣ, Ю. Мехрубон // Памир, № 5-6, 2018. – стр.91-96.
266. Юсуфи, Ю. Мехрубон // Памир, № 3-4, 2019. – стр.89-95.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТАТУСА ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ ТАДЖИКСКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ

		Т.Зехни	Х.Шарифов	Р.Ходизода	Х.Мирзозода	Х.Атаханов	Ю.Бобоев
1.	Метафора (истиора)	санъати маънавӣ	воситаи баен	санъати саънавӣ	санъати маънавӣ	санъати маънавӣ	воситаи тасвири бадеӣ
2.	Метонимия (мачози мурсал)	Не опред.	-	-	Не опред.	-	Не опред.
3.	Сравнение (ташбеҳ)	санъати маънавӣ	воситаи баен	санъати маънавӣ	санъати маънавӣ	санъати маънавӣ	воситаи тасвири бадеӣ
4.	Эпитет (тавсиф)	санъати маънавӣ	воситаи баен	Не определен	санъати маънавӣ	санъати маънавӣ	воситаи тасвири бадеӣ
5.	Антитеза (тазод/муқобила)	санъати маънавӣ	санъати маънавӣ	санъати маънавӣ	санъати лафзӣ/ маънавӣ	санъати маънавӣ	Поэтика
6.	Гипербола (муболиға)	санъати маънавӣ	санъати маънавӣ	санъати маънавӣ	санъати маънавӣ	санъати маънавӣ	воситаи тасвир и бадеӣ
7.	Ирония (киноя)	санъати маънавӣ	воситаи баен	санъати маънавӣ	санъати маънавӣ	санъати маънавӣ	воситаи тасвири бадеӣ

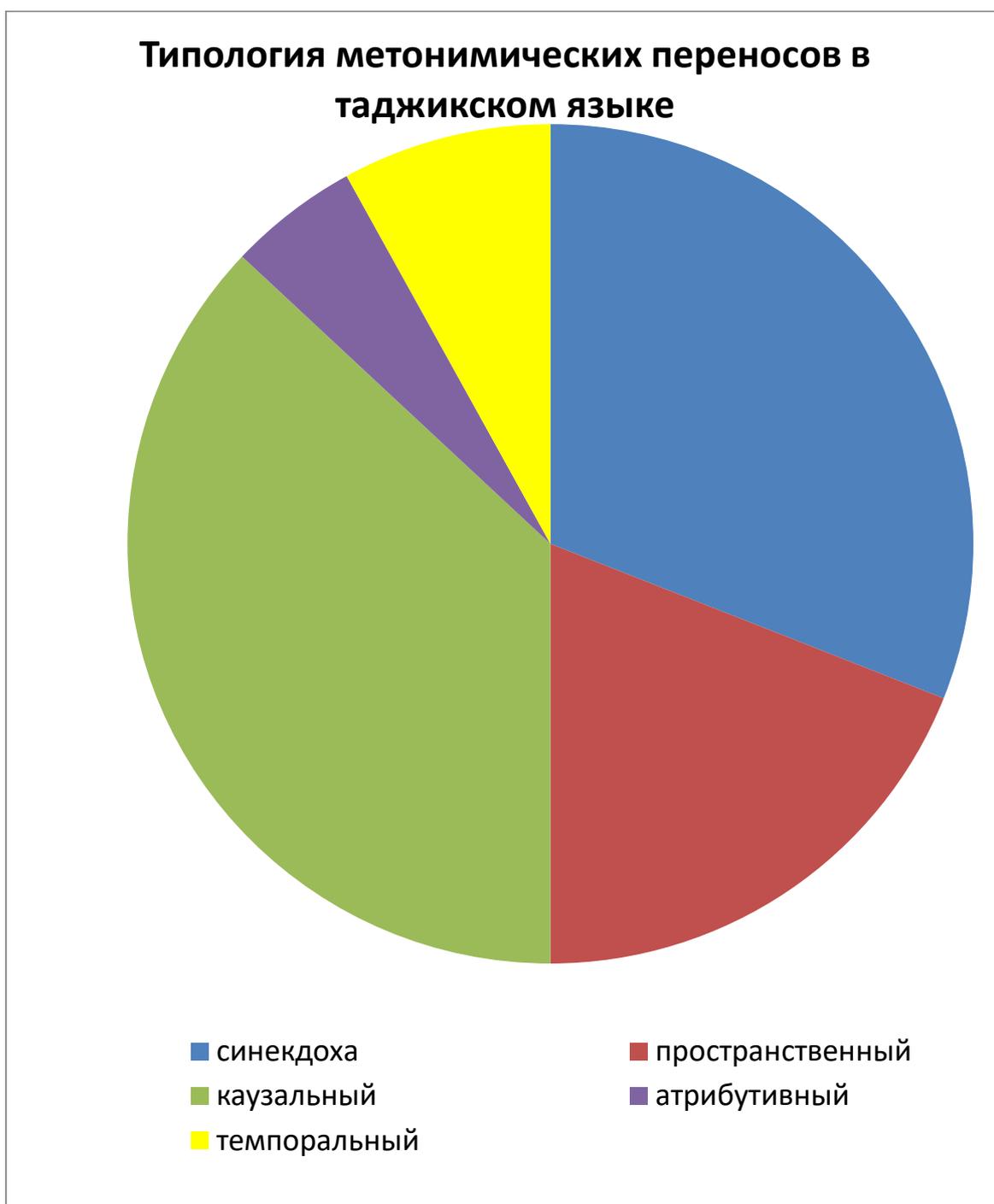
Примечание: Под термином «санъати маънавӣ» подразумеваются тропы, «санъати лафзӣ» - фигуры речи, «воситаи тасвири бадеӣ» - художественный прием, «воситаи баен» - средство выражения.

ТИПЫ И ОБЪЕМ ПРОДУКТИВНЫХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ

	Предмет- Предмет	Предмет- Человек	Предмет- Физический мир	Предмет- Психический мир	Предмет- Абстракция	Человек- Человек	Животное – Человек	Человек- Психический	Человек- Физический	Физический мир-Психический	Физический мир-Физический	Психический мир-Психический
В русском языке ¹	12,7%	14,4%	2,3 %	24,0 %	4,6%	15,1%	16,5%	-	-	10,4%	-	-
В тад- жикском языке	6%	4%	15,3%	13,3%	-	2%	-	3%	9,6 %	27,6%	13,3%	5,3%

¹Данные приведены из: Склярская Г.Н. Метафора в системе языка. / Г.Н.Склярская. – С.-Петербург: ВО «Наука», 1993. – 152с

**КОЛИЧЕСТВЕННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТИПОВ
МЕТОНИМИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ**

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРЕДМЕТА СРАВНЕНИЯ В
КОМПАРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА**

Антропологическая концептуальная сфера										Натурфакт ная концептуал ьная сфера			Артефактная концептуальна я сфера				Абстрактная концептуальна я Сфера									
Соматизмы	Родственные отношения	Возраст	Род занятий	Номинации человека	Совокупность людей	Межличностные отношения	Физические характеристики чел.	Мифические персонажи	Национальность	Животный мир	Объекты природного ландшафта	Промежутки времени	Космические объекты	Растительный мир	Строения и их части	Объекты литературы и искусства	Звуки	Оборудование и приспособления	Социальные объединения	Предметы одежды	Эмоциональная сфера	Деятельностная сфера	Физическая сфера	Физиологическая сфера	Интеллектуальная сфера	Социальная сфера
1	6	6	5	3	3	2	2	1	0	7	6	4	3	2	6	4	4	2	1	1	2	3	2	2	2	1
5									5	5		5	5	5			5	5	5				5	5		
43,5 %										23,5 %			20 %				13 %									

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА СРАВНЕНИЯ В КОМПАРАТИВНЫХ
КОНСТРУКЦИЯХ
ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА**

Натурфактная концептуальная	Антропологическая концептуальная сфера	Артефактная концептуальная	Абстрактна я
--------------------------------	---	-------------------------------	-----------------

я сфера															сфера			концептуал ьная сфера																																			
Животный мир	1	Растительный мир	1	Промежутки времени	6	Космические объекты	4	Объекты природного ландшафта	3	Полезные ископаемые и минералы	2	Имена собственные	4	Род занятий	5	Межличностные отношения	4	Соматизмы	3	Родственные отношения	3	Номинации человека	3	Возраст	2	Физическая характеристика человека	2	Мифологические персонажи	2	Объекты литературы и искусства	4	Продукция из натур. волокон и материал.	3	Строения и их части	3	Оборудование и приспособления	2	Звуки	2	Оружие	2	Продукты питания	1	Эмоциональная сфера	3	Физическая сфера	3	Интеллектуальная сфера	2	Социальная сфера	1	Мифическая сфера	1
39,5 %		31 %													19 %			10,5 %																																			